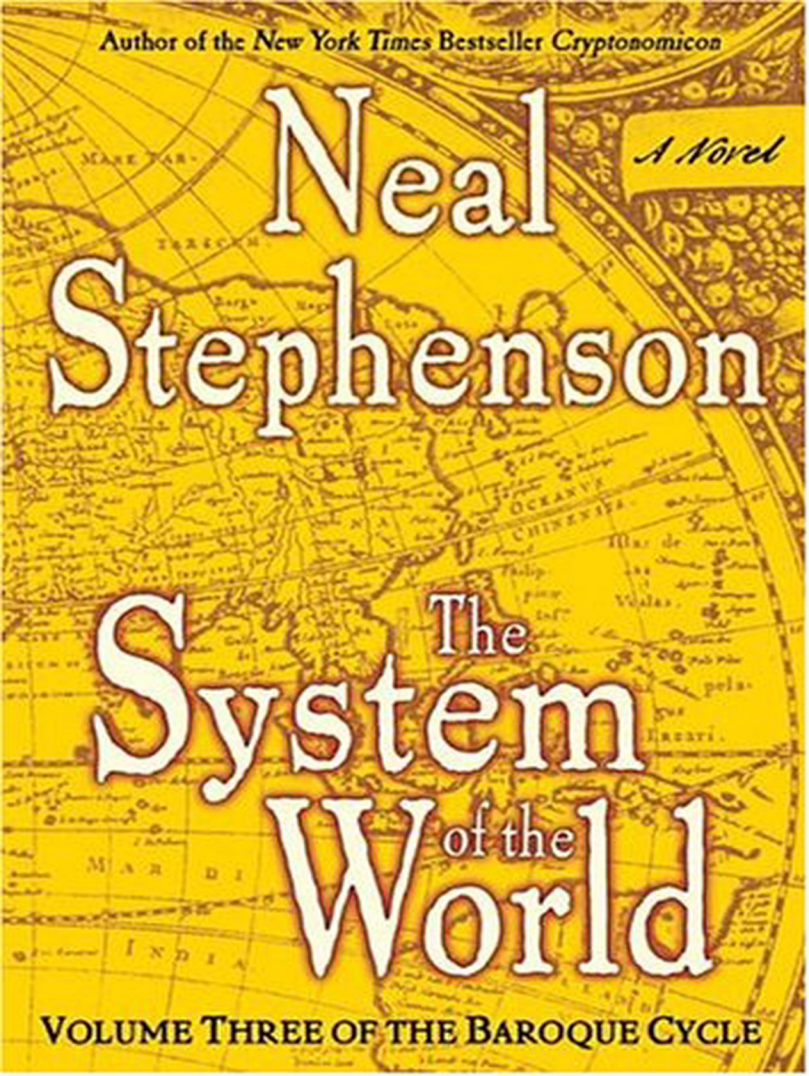
Author of the New York Times Bestseller Cryptonomicon
A Novel
Neal Stephenson
The System of the World
Volume Three of the Baroque Cycle

Движение
Нил Стивенсон

Аннотация
Нил Стивенсон. Книга седьмая. Движение
Ганновер. 18 июня (новый стиль), 7 июня (старый стиль)
Вестминстерский дворец. 11 июня 1714
Сад Герренхаузенского дворца, Ганновер. 23 июня (н. стиль), 12 июня (ст. стиль) 1714
Апартаменты принцессы Каролины, Герренхаузенский дворец. то же утро, позже
Между Ямой Чёрной Мэри и землёй сэра Джона Олдкастла, к северу от Лондона. рассвет, 18 июня 1714
Клеркенуэлл-корт. 19 июня 1714
Вестминстерский дворец. 25 июня 1714
Вестминстерский дворец. 9 июля 1714
Клуб «Кит-Кэт». час спустя
Карета. несколько минут спустя
Баркас «Благоразумие». понедельник, 12 июля 1714
Королевское общество, Крейн-корт. 24 июля 1714
Клеркенуэлл-корт. 27 июля 1714
Голден-сквер. ранний вечер 28 июля 1714

Лестер-хауз. полчаса спустя
Ньюгейтская тюрьма. полчаса спустя
Голден-сквер. тогда же
«Чёрный пёс» в Ньюгейтской тюрьме. тогда же
Монмаут-стрит. тогда же
Лестер-филдс. тогда же
«Чёрный пёс» в Ньюгейтской тюрьме. несколькими минутами раньше
Дом Болингброка на Толден-сквер. тогда же
Итальянская опера. тогда же
Голден-сквер. тогда же
Биллинсгейтский док. чуть позже
«София», устье Темзы. утро четверга, 29 июля 1714
Корабельная верфь Орни в Ротерхите. 31 июля 1714
Биллинсгейтский док. тот же день, позже
Хокли-в-яме, таверна. позже

Аннотация

Алхимия и герметика.

«Королевское искусство» и «искусство королей». Загадочная наука, связавшая в прочную цепь магов и авантюристов, философов и чернокнижников.

Алхимиков то принимали как равных, то жгли на кострах Святой инквизиции.

Перед вами — история одного из ПОСЛЕДНИХ АЛХИМИКОВ Европы.

Продолжение истории охоты за «золотом царя Соломона» — вожделенной мечтой адептов «королевского искусства», в которой принимают участие Ньютон и Лейбниц, Уотерхауз и Томас Ньюкомен.

История тайн и приключений, чудес и мистических открытий.

Третья книга «Барочного цикла», открывшего читателю новую грань таланта Нила Стивенсона.

Нил Стивенсон
Книга седьмая
Движение

Подкупа, шантажа и беспорядков было не больше обыкновенного.

Сэр Чарльз Петри о парламентских выборах того времени.

Ганновер
18 июня (новый стиль), 7 июня (старый стиль)

Не жалейте меня. Я наконец-то узнаю ответы на вопросы, которые не смог разрешить мне даже Лейбниц, пойму пространство и бесконечность, бытие и ничто.

София-Шарлотта, королева Пруссии, на смертном одре в возрасте тридцати шести лет.

«Жила-была нищая сиротка по имени Вильгельмина-Каролина или, для краткости, просто Каролина. Её отец, человек редкостного ума, хоть и оригинал, умер от оспы, оставив жену на попечение сына от первого брака. Однако сын не унаследовал ни отцовского ума, ни его любви к прекрасной матери Каролины. Считая её злой мачехой, а девочку — будущей соперницей, он выгнал обеих из дома. Мать взяла маленькую Каролину на руки, ушла далеко-далеко в лес и поселилась там в ветхой лачуге. Несколько лет мать и дочь жили подаянием более удачливых

родственников, а когда тем надоело кормить нахлебниц, матери пришлось выйти за первого, кто к ней посватался — грубого неуча, которого в детстве ударили по голове. Он не любил Каролинину матушку, а уж до Каролины ему и вовсе не было дела; он отправил их в глушь и открыто жил со своей злой и невежественной любовницей.

Потом и отчим, и его любовница умерли от оспы, а вскоре скончалась и матушка Каролины, оставив её одну-одинёшеньку без всяких средств к существованию.

Лишь одно сокровище досталось Каролине от матери, единственное, что не могли отнять у неё ни болезни, ни злые люди — титул принцессы. Без этого наследства девочка оказалась бы в работном доме, в монастыре или где похуже, однако, поскольку она была принцесса, два мудрых человека приехали в карете и увезли её к прекрасной и умной королеве по имени София-Шарлотта, которая приютила сиротку и дала ей всё, в чём та нуждалась.

Из всех даров, что получила принцесса Каролина в последующие годы, два были самые важные. Во-первых, Любовь, ибо София-Шарлотта стала ей разом приёмной матерью и старшей сестрой. Во-вторых — Знание. Во дворце была огромная

библиотека, и мудрый человек, доктор, наставник и советник королевы, дал принцессе ключ, чтобы та посещала её, когда вздумает. Всё свободное время она проводила в библиотеке за своим любимым занятием — чтением книг.

Много лет спустя, когда Каролина вырастет и у неё пойдут свои дети, она спросит доктора, как он догадался, что ей нужен ключ. И доктор ответит: „Я тоже рано потерял отца, человека, подобно вашему батюшке, весьма начитанного, а потом узнал его и почувствовал его присутствие в своей жизни, читая оставленные им книги“».

Генриетта Брейтвейт прервала чтение и чрезвычайно изящно наморщила лобик. Её палец зигзагом двинулся к последнему абзацу, словно свиной пятачок, отыскивающий под землёй трюфель.

— Вот досюда очень хорошо, ваше высочество, но с появлением доктора история становится путаной. Вы перескакиваете с прошлого времени на будущее, начинаете говорить его голосом. Да и вообще, как в сказке оказался доктор? Дворцы, мачехи, лачуги — всё к месту. Но доктор?

— Es ist ja ein Marchen…

— По-английски, пожалуйста, ваше высочество.

— Это не только сказка, но и моя история, — сказала принцесса Вильгельмина-Каролина Бранденбург-Ансбахская, — а в моей истории доктор есть.

Она глянула в окно. Сегодняшний урок английского проходил в Лейнском дворце. Сразу за мощёным двориком начиналась оживлённая ганноверская улочка. Дом Лейбница был третий или четвёртый от дворца: выкрикнув в форточку философический вопрос, Каролина почти могла надеяться на ответ.

Она помолчала, выстраивая английские слова в правильной последовательности, и закончила:

— В следующей главе речь пойдёт о людях и событиях совсем не сказочных. Покамест я дописала только до того времени, когда София-Шарлотта умерла или, как говорят, была отравлена прусским двором.

Миссис Брейтвейт почти что вспотела от натуги, силясь не показать, как шокирована словами принцессы. Не то чтобы она питала особую любовь к пруссакам. Миссис Брейтвейт, жена английского вига, принимала бы сторону Софии-Шарлотты практически в любом споре, если бы ей вообще хватило духа иметь своё мнение. Смутила её прямота Каролины. Впрочем, право

безнаказанно говорить правду даётся принцессам при рождении вместе с титулом.

— И впрямь, девять лет, миновавшие с того прискорбного дня, были чрезвычайно насыщены событиями, — заметила миссис Брейтвейт. — Однако простому читателю ваш рассказ всё равно покажется сказкой, надо лишь заменить несколько слов. Доктор может стать волшебником, престарелая курфюрстина — королевой, и все в Англии только обрадуются такому превращению!

— Кроме якобитов, желающих ей смерти! — ответила Каролина.

Это было всё равно что подставить миссис Брейтвейт ногу, когда та, подобрав юбки, на цыпочках пробирается загаженным переулком. Англичанка сбилась и порозовела, однако мысль всё-таки закончила. Как отметили все в Ганновере, включая Каролининого супруга, миссис Брейтвейт была воплощением изящества и светскости.

— Остальные персонажи и события ваших последних девяти лет — красивый и отважный принц, долгая война со злым соседом, заморское королевство, принадлежащее вам по праву, откуда приезжают гонцы…

— Гонцы, — повторила Каролина, — но и дру-

гие лица, которым не место в сказке.

Миссис Генриетта Брейтвейт, фрейлина Каролины, была по совместительству официальной любовницей Каролининого супруга. Вообще-то Каролину нисколько не огорчало, что её «красивый и отважный принц» спит с женой англичанина, к слову, довольно-таки скользкого типа. Спать с кронпринцем Георгом-Августом было чаще умеренно приятно, чем откровенно больно. Тем не менее, подобно стрижке ногтей, эта гигиеническая надобность от частого повторения совершенно утратила свою прелесть. К сегодняшнему дню они произвели на свет четырёх детей, трёх принцесс и одного принца, и вполне могли произвести ещё, при условии, что Георг-Август не изольёт *всё* своё семя в Генриетту Брейтвейт. Появление англичанки два года назад и её скорое возвышение до *maitress en titre*[1] юного ганноверского храбреца (как именовали Каролининого мужа британские виги) избавило Каролину от одной из наименее увлекательных обязанностей принцессы и супруги, освободив ей больше времени для сна в ночные и для чтения в дневные часы. Поэтому она ничуть не злилась

---

[1] Примечания: 1
официальная фаворитка (*фр.*).

на Генриетту.

Однако отношения принцессы и непринцессы определяются не тем, что принцесса на самом деле думает и чувствует, а неким ритуалом, призванным обеспечить устойчивое существование двора и, шире, всего человеческого рода. В этом смысле Каролина, венчанная супруга Георга-Августа, получившая от матери редчайшую способность производить новых принцев и принцесс, была Герой, а миссис Брейтвейт — пастушкой, катавшейся по траве с Зевсом. Предполагалось, что Каролина будет время от времени указывать миссис Брейтвейт на её место, а та — кротко сносить унижение. А как же иначе, если внукам Каролины предстоит править Британской империей, а Брейтвейтам — губить себя джином и проигрываться в затхлых лондонских гостиных.

— Я с величайшим удовольствием прочту следующие главы сказки, когда ваше высочество их напишет, — продолжала миссис Брейтвейт. — Здесь часто рассказывают, как через два года после бракосочетания ваше высочество заболели оспой, и его высочество Георг-Август, невзирая на уговоры врачей, сидел у постели молодой супруги и держал её за руки.

— Верно. Георг не отходил от меня до самого

моего выздоровления.

— Для меня — как и для всякой женщины, не смеющей мечтать о такой высокой и чистой любви, — это сказка, которую хотелось бы читать и перечитывать, пока страницы не рассыплются в прах, — заметила миссис Брейтвейт.

— Я могу её записать, — отвечала принцесса Каролина, — а могу оставить при себе как сокровенную тайну и не делиться ею с недостойными.

Двумя годами раньше, на придворном рауте, принцесса Каролина услышала, как другая принцесса нехорошо отзывается о Софии. Что именно было сказано, все давно забыли. Помнили только, что Каролина двинула другую принцессу в челюсть, и ту унесли в притворном обмороке.

На самом деле жестокости, которые положено совершать принцессе, были не в характере Каролины. Однако она прекрасно помнила, что не стала малолетней шлюхой в лагере саксонских рудокопов лишь благодаря своему титулу, и не собиралась делать вид, будто древний кодекс поведения принцесс ей не указ.

На колокольне старой церкви через площадь от дома Лейбница опускались гири и разворачивались пружины. Большой кусок металла немилосердно ударял по колоколу; колокол со-

дрогался и стенал. Это значило, что Каролине пора заканчивать ритуальную порку миссис Брейтвейт и ехать в Герренхаузен. Короткая дуэль на реверансах — и принцесса избавилась от общества англичанки без всякого нарушения этикета.

Через несколько минут — заглянув по дороге в несколько детских и классных комнат, чтобы поцеловать на прощание маленьких принцесс и принца, — Каролина уже говорила конюхам, что те всё сделали неправильно. Герр Шварц, старший конюший, возомнил, будто в силу возраста может предсказывать погоду по боли в суставах. Сегодня локоть и поясница хором пообещали дождь, и герр Шварц приказал заложить карету четвернёй. Собственные же чувства убеждали Каролину, что погода отличная и слишком жаркая, чтобы печься в деревянном ящике. Она шутливо попеняла герру Шварцу и велела седлать любимую кобылу. Лошадь вывели, осёдланную раньше, чем принцесса закончила фразу — герр Шварц прекрасно знал вкусы и привычки госпожи. Каролина, подобрав юбки, по барочной приставной лесенке забралась в седло. Через минуту она ехала по улице, даже не удосужившись оглянуться. Она и так знала, что за ней на при-

личествующем расстоянии следует небольшой эскорт; в противном случае людей, ответственных за снаряжение её эскорта, прогнали бы с позором и взяли на их место других.

Да и не таков был Лейнский дворец, чтобы утончённой особе стоило на него оборачиваться. Сотня шагов, отделяющая его от дома Лейбница, знаменовала архитектурную пропасть. Поскольку доктор делил кров с библиотекой, дом Лейбница был куда большее, чем нужно холостяку. Он представлял собой типичный габсбургский свадебный торт с толстой сахарной глазурью горельефов, изображавших жуткие сцены из Библии. Рядом с ним Лейнский дворец мог не страшиться обвинений в вычурности. На континенте, усеянном более или менее неприличными копиями Версаля, Лейнский дворец берёг своё право на старомодную простоту. Он был зажат между медлительною Лейне, с одной стороны, и обычной ганноверской улицей — с другой, что исключало не только сад, но и мало-мальски приличный двор. Справедливости ради надо отметить, что внутри дворца прятался один неимоверно вычурный зал, называемый «Рыцарским»; его выстроил муж Софии тридцать лет назад, когда Лейбниц вернулся из Италии с

вестью, что его род ничуть не ниже Софииного. Однако простой обыватель, проходящий по улице или проплывающий по реке в лодке, никогда бы не вообразил, что за этими стенами скрывается нечто столь пышное и богато изукрашенное. Лейнский дворец состоял из четырёхэтажных флигелей с множеством одинаковых прямоугольных окон, расположенных рядами и столбиками. Каждое утро, когда принцесса Каролина открывала глаза, раздвигала балдахин и смотрела на улицу — как там погода, — ей представали две плоскости окон, убывающих в бесконечной логарифмической прогрессии.

От одного их вида Лейбница бросало в дрожь. То, что на Каролину всего лишь нагоняло скуку, пробуждало в нём жгучий стыд, ибо здесь была и его вина. Доктор вырос после Тридцатилетней войны, когда во многих городах зданий не осталось вовсе — только руины и кое-как собранные из обломков лачуги. Уцелевшие фахверковые дома с их покатыми очертаниями были одинаковые и в то же время разные, как яблоки в корзине. Нынешние здания заключали в себе геометрию — те конкретные представления о геометрии, которые архитекторам вбили в школе. Сто лет назад это были бы параболы, эллипсы, поверхности враще-

ния, эволюты, эвольвенты и параллельные кривые. Сегодня их сменили декартовы координаты, жёсткая прямоугольная сетка, к которой усердные алгебраисты привязали устремлённые ввысь дуги. Заячья игрушка, попавшая к черепахам. Но беспомощное меньшинство христианского мира (думалось Лейбницу), те, кто умеет читать, могут путешествовать и не голодают, имело довольно смутное представление о том, что произошло в натурфилософии; вместо того, чтобы взять на себя труд основательно в ней разобраться, эти люди уцепились за координатную сетку, как за мощи или фетиш Просвещения. Итог — строки и столбцы окон. Лейбниц не мог на них смотреть, потому что более других нёс ответственность за торжество декартовой системы. Он, начавший путь в науку с видения в розовом саду! Потому-то они с Каролиной встречались не в вафельнице Лейнского дворца, а за городской стеной у плавно изгибающейся Лейне или у Софии в саду.

Лейбница в городе не было. Почему, Каролина не знала. Слухи гласили, что флот русского царя собирается в Санкт-Петербурге, готовясь вычистить из Балтийского моря неуёмных скандинавов. Каролина и все значительные люди в Ганновере знали, что у Лейбница какие-то

делишки с Петром. Может, из-за них-то он и отсутствовал, а может, просто заглянул в Вольфенбюттель разобрать книги или отправился в Берлин улаживать какую-нибудь свару в Академии.

Ганновер, как всякий город, в первую очередь представлял собой организм для отражения неприятеля. Лейне, огибающая его с юга и с востока, всегда играла главную роль в защите Ганновера от огня и разграбления. Вот почему дворец стоял на самом берегу реки. Однако военное значение Лейне менялось от столетия к столетию по мере того, как пушки становились лучше, а канониры учили математику.

Сразу за домом Лейбница Каролина свернула налево к реке; отсюда ей предстояло своего рода путешествие во времени. Оно началось от кривой ганноверской улочки, по виду вполне средневековой, и закончилось четвертью часа позже на краю городских оборонительных укреплений — скульптуры из утрамбованного грунта, по степени следования моде и тщательности поддержания не уступающей причёске версальской дамы. Лейне текла здесь так, как сочли нужным фортификаторы. Местами она была зажата в жёлоб, как фарш в колбасную шкурку, местами

разливалась, затапливая участки, считавшиеся уязвимыми.

Строители и разрушители крепостей играли в своего рода шахматы с геометрией. Свет, несущий сведения о противнике, движется по прямой, пули, несущие смерть, в первом приближении тоже. Пушечные ядра, крушащие стены, летят по низким параболам, мортирные бомбы, уничтожающие города, — по высоким. Укрепления строили из земли, которая дёшева, везде есть и останавливает снаряды. Землю ссыпали в кучи и утрамбовывали в призмы — объёмы, ограниченные пересекающимися плоскостями. Каждая плоскость в теории господствовала над своими краями: линии зрения и траектории ружейных пуль проходили вдоль них, отыскивая и убивая то, что затаилось в ложбинках. Предполагалось, что ядра будут ударять в стены под прямым углом и сами выкапывать себе могилы, а не отскакивать рикошетом, круша всё на своём пути, как расходившийся трёхлетний ребёнок. Кавалерийские конюшни, пехотные казармы, пороховые погреба и переходные мостки были приткнуты там, куда ядрам труднее всего попасть. Всё человеческое целиком подчинялось геометрии. В итоге возникала пустыня различно ориентиро-

ванных плоскостей.

Всё перечисленное и впрямь занимало принцессу, учившую геометрию на коленях у Готфрида Вильгельма фон Лейбница. Но артиллерия совершенствовалась медленно, артиллеристы выучили всю математику, какую могли, и фортификационные сооружения почти не изменились за десять лет, в которые Каролина проезжала мимо них практически каждый день. Поездка через городские валы стала временем погружённости в себя. Чувства Каролины не отзывались на сигналы внешнего мира, пока она не миновала вторую из двух дамб, идущих через затопленную пустыню, призванную удерживать пушки Людовика XIV на почтительном расстоянии. Укрепления заканчивались деревянными воротами в том месте, где дощатый настил дамбы сменялся гравием.

Отсюда Каролина видела дорогу к оранжереям Софии в углу Герренхаузенского сада, в полутора милях от конца дамбы. Аллея была обсажена четырьмя рядами лип, одетых в бледно-зелёные моховые куртки. Ряды деревьев отмечали три дороги, идущие к королевскому дворцу. Средняя — для карет — просматривалась целиком: здесь ничего нельзя было утаить. По обеим её

сторонам тянулись дорожки поуже, такие, по которым как раз можно было идти рука об руку. Кроны деревьев смыкались над ними сплошным пологом. Каролина видела все полторы мили, сжатые перспективой и нарушаемые там и сям цепочками придворных либо садовниками.

София разбивала сады с тем же захватническим пылом, с каким Людовик XIV возводил крепости. Если бы ничто их не сдерживало, её зелёные изгороди рано или поздно упёрлись бы в его *barriere de fer*[2] где-нибудь под Оснабрюком.

Первый раз Каролина попала в Герренхаузенские сады десять лет назад, когда София-Шарлотта привезла её из Берлина, чтобы свести с будущим женихом. Принцесса была знакома с курфюрстиной Софией уже несколько лет, но ещё ни разу не удостоилась приглашения на прогулку.

Тогда их сопровождал Лейбниц, которого с Софией-Шарлоттой связывал платонический роман. Софию вполне устраивало, что доктор всюду таскается за ними: она частенько прибегала к нему как к ходячему вместилищу знаний.

План был восхитительно прост и, как казалось, неуязвим. Сад — прямоугольник пятьсот на ты-

---

[2] Примечания: 2
железный заслон (*фр.*).

сячу ярдов — окаймляла дорожка для верховой езды, которую опоясывал канал. София, София-Шарлотта и Каролина должны были выступить из дворца и совершить почти полный обход сада. Лейбницу предстояло поспевать за ними. От ходьбы щёки Каролины, обычно бледные, как будто вылепленные из папье-маше, раскраснелись бы. Как раз перед концом прогулки дамы углубились бы в лабиринт, где случайно встретили бы юного Георга-Августа. Они с Каролиной «отстали» бы и «заблудились», хотя, разумеется, София и София-Шарлотта постоянно вились бы, как осы, по другую сторону тонкой зелёной изгороди, быстро перебегая открытые места. Так или иначе, благодаря хладнокровию Георга и уму Каролины, молодая пара отыскала бы дорогу и рассталась на романтической ноте.

Курфюрстина, королева, принцесса и учёный вышли из дворца точно по расписанию, и София приступила к исполнению плана с той же суровой решимостью, с какой герцог Мальборо врубился во французские ряды под Тирлемоном. По крайней мере так казалось, пока они не прошли три четверти пути и не вступили на уединённую дорожку для верховой езды, укрытую ветвями больших деревьев. Здесь-то их и поджидала за-

сада: сын и наследник Софии, Георг-Людвиг, в сопровождении лихих охотников.

Это произошло рядом с полуразрушенной гондолой.

Покойный супруг Софии, Эрнст-Август, в память о юных распутных днях вывез из Венеции гондолу и гондольера, чтобы кататься по окаймляющей сад полоске воды, которую София называла каналом, а Георг-Людвиг — рвом. Как выяснилось, гондолы плохо переносят северогерманский климат, а гондольеры — ещё хуже.

Ко времени первой прогулки Каролины в Софиином саду Эрнста-Августа не было в живых уже семь лет. София не разделяла любви супруга к плотским радостям Венеции и не чувствовала связи с его вымышленными гвельфскими корнями; при её попустительстве гондола осталась на глинистой отмели добычей ливней и уховёрток. Случайно или по коварному умыслу Георга-Людвига мать со своей свитой и сын со своей встретились как раз возле гондолы, которая стояла криво, изредка роняя перхоть позолоты в канал, почти как если бы её установили здесь в качестве *memento mori* — напоминать принцам о тщете юношеских страстей. Коли так, Георг-Людвиг намёка не уловил.

— Здравствуйте, матушка, здравствуй, сестрёнка, — обратился он к курфюрстине Ганноверской и королеве Прусской соответственно и после короткого обмена любезностями добавил: — Разве не грустно видеть обломки папиной гондолы среди всех этих цветов?

— Цветы — красота, которая живёт и умирает, — сказала София. — Когда лепестки начнут опадать, должна ли я буду распорядиться, чтобы сад выкорчевали?

Последовала неловкая пауза.

Будь это Версаль и окажись на месте Георга-Людвига кто-нибудь менее толстокожий, слова Софии квалифицировались бы как «предупредительный выстрел в плечо» — несмертельный, но выводящий противника из строя. Однако это была вотчина Георга-Людвига, а он плевать хотел на всякие тонкости — если вообще что-либо заметил. София провела сравнение между увяданием цветов и рушащейся гондолой. Георг-Людвиг не понимал таких словесных конструкций, как некоторые люди не видят зелёного цвета. Более того, к добру или к худу, он обладал инерцией телеги с боеприпасами. В тех редких случаях, когда он трогался с места, его было не остановить предупредительными выстрелами. Уж кто-кто,

а София это знала. Зачем же она тратила слова? Ибо, проводя аналогию с цветами, она говорила на тайном языке, непонятном для её сына. Возможно, курфюрстина думала вслух; возможно, слова её адресовались кому-то другому.

Много позже Каролина поняла, что они адресовались *ей*. София учила юную принцессу, как быть королевой. Или, по крайней мере, как быть матерью.

Один из спутников Георга-Людвига что-то понял и выступил вперёд. О его мотивах можно только гадать. Возможно, он хотел грудью заслонить Георга-Людвига от следующего выстрела, чтобы продемонстрировать свою верность, или повернуть разговор в другую сторону, или просто красовался перед Каролиной, формально ещё не помолвленной. Так или иначе, он отвесил церемонный поклон, обдав всех своим плюмажем.

— С дозволения вашей княжеской светлости, — проговорил он на странно исковерканном французском, — можно поручить садовникам ощипывать увядшие цветы, чтобы сад выглядел красивее.

То был Гарольд Брейтвейт, недавно прибывший из Лондона, чтобы искать милостей при ганноверском дворе, а заодно избегнуть судебного

преследования на родине. В битве при Бленхейме он совершил что-то отчаянное и остался жив, так что был теперь графом или кем-то вроде того.

— Я не так хорошо знаю английский, чтобы понять ваш французский, — ответила София, — хотя могу заключить, что вы учите меня, как мне следить за моим садом. Извольте запомнить, что я люблю мой сад таким, каков он есть: не только цветущим, но и увядающим. Он не должен создавать иллюзию вечного лета, где ничто не стареет и не умирает. Такой сад некогда существовал, как учит нас Библия, но его погубил притаившийся на дереве змей.

При этих словах она смерила Брейтвейта взглядом — тот сделался пунцовым и отступил на прежнее место.

Георгу-Людвигу стало немного не по себе — не от слов матери (их он всё равно не понял), а от её тона: она говорила как королева-воительница, отвергающая предложенный мир. Другой на его месте почувствовал бы опасность и сдал назад, но только не Георг-Людвиг с его инерцией.

— Цветы мне безразличны, — сказал он, — зато если убрать изо рва гондолу, здесь во время карнавала могли бы пройти галеры.

По старой семейной традиции каждую весну

в Ганновере устраивали карнавал на венецианский манер.

— Галеры, — рассеянно повторила София. — Это такие военные корабли, на которых гребут жалкие вонючие рабы?

— Они для нашего рва слишком велики, матушка, — просветил её Георг-Людвиг. — Я имел в виду маленькие.

— Маленькие? С меньшим количеством рабов?

— Нет, нет, матушка. Людовик XIV в Версале устраивает потешные морские бои для забавы знатных господ. Мы могли бы придать нашему карнавалу больший размах…

— Если следующий будет с ещё большим размахом, чем предыдущий, я его не переживу!

— Ну да, матушка, наши карнавалы всегда проходят с размахом, как и пристало такого рода…

— Чему?

— Оригинальной семейной традиции. Может быть, не оцененной по достоинству иностранцами… — Быстрый взгляд в сторону Брейтвейта.

— Может быть, я не хочу, чтобы иностранцы оценивали мои достоинства!

Война за Испанское наследство была в самом разгаре. Мальборо во главе протестантских легионов свободно маршировал по Европе. Виги,

заправлявшие в Англии, хотели, чтобы София переехала в Лондон, не дожидаясь, пока Анна испустит последний вздох. Так что, возможно, для чрезмерной озабоченности Георга-Людвига своим местом в мире имелись смягчающие обстоятельства. Коли так, его мать не собиралась принимать их во внимание. Тем не менее он нёсся, не разбирая дороги, как телега с боеприпасами под откос.

— Этот дворец, эти сады скоро будут британским Версалем. Наша семья, матушка, приобретёт огромное влияние. Там, где сейчас прогуливаются дамы, будут вестись важные государственные разговоры.

— Они и без того ведутся, мой маленький принц, — отвечала София. — Точнее, велись, покуда ты не перебил нас и не заговорил сам.

Принцесса Каролина улыбнулась, потому что до встречи с Георгом-Людвигом они обсуждали склонность одной из кузин толстеть, когда её супруг на войне. Однако улыбка быстро сошла с Каролининого лица. Все вдруг поняли, что София разгневана не на шутку. Перегретую тишину пронзили её слова:

— В этих жилах течёт кровь Плантагенетов, — она отогнула перчатку с молочно-белого

запястья, — и в твоих тоже. Маленьких принцев убили в Тауэре, Йорки и Ланкастеры соединились, и шесть безупречных дам принесли себя в жертву на ложе нашего предка Генриха VIII, чтобы появились на свет мы. Католическую церковь изгнали из Англии, потому что она мешала продолжению нашего рода. Ради нас Зимняя королева скиталась, как нищенка, во время Тридцатилетней войны. Всё для того, чтобы родилась я, а потом и ты. Теперь моя дочь правит Пруссией и Бранденбургом, ты скоро получишь Британию. Как так получилось? Почему богатейшими землями христианского мира правят мои дети, а не его?

Она указала на садовника, толкавшего тачку с навозом. Тот затряс головой и закатил глаза.

— П-потому что в ваших жилах течёт божественный ихор, матушка? — отвечал принц, опасливо косясь на бледное запястье.

— Догадка смелая, но неверная. Что бы ни внушали тебе льстецы, в наших жилах нет ничего ихороподобного и уж тем более ничего божественного. Наш дом стоит не из-за диковинной примеси в крови и не из-за какого-либо иного врождённого свойства. Он стоит потому, что я каждый день гуляю и беседую в саду с твоей сест-

рой и с твоей будущей невесткой, как моя мать, Зимняя королева, гуляла и беседовала со мной. Он стоит, потому что даже сейчас, на пятнадцатом году войны, я ежедневно обмениваюсь письмами с моей племянницей Лизелоттой в Версале. Можешь, если тебе угодно, тешиться обольщением, будто гонять по округе дичь — занятие, достойное королей, и поможет тебе в будущем править страной, раскинувшейся от Шахджаханабада до Бостона. Не стану тебя разубеждать. Однако я не позволю тебе покушаться на то, что хранило наш род во времена войн, моровых поветрий и революций. Вон из моего сада! И никогда больше не мешай мне работать!

Любой человек в Европе, за исключением Людовика XIV, от этих слов превратился бы в кучу дымящейся золы. Георг-Людвиг только сморгнул.

— Всего доброго, матушка, всего доброго, сестрёнка, — сказал он и рысью поскакал прочь. Придворные, включая Брейтвейта, с пылающими щеками следовали за ним, делая вид, будто ничего не произошло. Каролина и София-Шарлотта весело переглянулись у Софии за спиной, с трудом сдерживаясь, чтобы не прыснуть.

Лейбниц плюхнулся на скамью, как сброшенный с телеги мешок репы, и закрыл лицо руками.

Парик он сдвинул назад, подставив ветру блестящую от пота лысину. Каролину ещё сильнее разобрал смех — так сильно её учитель походил на комического влюбленного.

Позже она поняла, что привело его в такой ужас. София когда-нибудь умрёт. Георг-Людвиг станет курфюрстом Ганновера, королём Англии и государем Лейбница. София-Шарлотта будет по-прежнему королевой Пруссии, Каролина, возможно, сделается принцессой Уэльской, а вот Лейбниц останется мудрёным человеком, имевшим слишком большое влияние на дам, которые всю жизнь третировали и унижали Георга-Людвига.

Тревога Лейбница многократно усилилась после скоропостижной кончины Софии-Шарлотты. Он всё больше времени проводил с русскими — вероятно, готовил себе местечко на случай будущей опалы.

Однако Каролина не собиралась этого допускать.

Герренхаузенская аллея проходила по живописной местности, которой позволили несколько одичать. Никто не тратил сил и средств на её поддержание, — отчасти потому, что в половодье её заливала Лейне, отчасти из-за угрозы захвата

со стороны постоянно растущих Софииных садов. Таким образом, здесь сам собой возник своего рода парк. Он имел форму сложенного веера: уже со стороны города, шире к Герренхаузенскому дворцу. В начале пути Каролина чувствовала себя зажатой между большой дорогой и Лейне. Здесь было не продохнуть от людей, мух и экскрементов. Пока принцесса ехала по аллее, река и дорога отступали от неё всё дальше и дальше. К тому времени, как впереди показались архипелаги зелёных плодов в Софииной оранжерее, Каролина уже была в конусе тишины и не обоняла ничего, кроме растительной свежести.

Иностранная принцесса, явившаяся с визитом, свернула бы перед оранжереей и оказалась на улице, вдоль которой стояли летние дворцы знатных семейств. Герренхаузен тоже строился как летняя резиденция, потом разросся. Из его окон открывался вид на старый, маленький сад, окружавший семейную усыпальницу. Дальше заезжую принцессу подвергли бы различным церемониям — часа на два, не меньше, прежде чем допустили бы к Софии. Каролина же юркнула в ворота и подъехала к дворцу со стороны сада. Кобыла хорошо знала, куда идти, где остановиться и у кого из конюхов припрятано в кармане зелёное

яблоко. Каролина спешилась в северо-восточной части сада, так ни разу и не отвлекшись от своих мыслей на разговоры с посторонними.

Обмен светскими любезностями для принцессы — занятие отнюдь не бездумное. Каролина не могла поздороваться с произвольно взятой графиней в Герренхаузене, не спланировав это так же тщательно, как Георг-Август планировал кавалерийскую атаку. Если произнести приветствие не тем тоном или уделить графине больше либо меньше внимания, чем та заслуживает, новость к заходу солнца облетит весь Ганновер. Через две недели можно было ждать писем из Версаля и Лондона: Лизелотта спрашивала бы, правда ли у Каролины роман с графом такимто, а Элиза — оправилась ли принцесса после недавнего выкидыша. Лучше уж проскользнуть незамеченной.

Часть сада, прилегающая к дворцу, делилась на прямоугольные партеры размером с теннисный корт. Однако внимание привлекала не планировка, а статуи: вездесущие гераклы, атланты и тому подобное. Римские боги и герои вставали из скрупулёзно поддерживаемой тундры: живых изгородей высотой в ладонь, составленных карликовыми деревцами самшита, и орнамен-

тальных цветников, над которыми постоянно гудели осы. Боязливые придворные — те, кто, по выражению Софии, принимает каждый пук за раскат грома, — выскакивали туда на минутку, чтобы, вернувшись во дворец, хвастать приключениями средь дикой природы. На самом деле это было продолжение дворца под открытым небом. За партерами вставал умеренно величественный Герренхаузен, сбоку их охватывали его одноэтажные крылья. На трехэтажном фасаде дворца было всего двенадцать окон; внутри не поместился бы садовый инвентарь Людовика XIV. Однако Софию её дворец вполне устраивал. Герренхаузен, мозговой центр, мог не тягаться в размерах с Версалем — местом лишения свободы для всех значительных особ Франции.

Каролина знала, что её скорее всего заметили из окон, поэтому двинулась прочь от дворца по гравийной дорожке между партерами. Вскоре она подступила к высокой каменной стене, обсаженной живой изгородью, и через прямоугольный проём вышла на другую сторону. Если сад являл собой дворец, выстроенный из растений, то партеры были его парадной гостиной, а здесь начинались личные покои. По одну руку расположился театр под открытым небом, об-

рамлённый живыми изгородями и охраняемый мраморными купидонами, по другую — лабиринт, где состоялась их первая с Георгом-Августом романтическая прогулка. Каролина, впрочем, двинулась дальше. Ближнюю и дальнюю части сада разделяла цепочка прудов. Каждый был окружён цветником чуть менее строгим, чем партеры. Пройдя между двумя такими прудами, Каролина обернулась посмотреть на дворец. Покуда она оставалась между партерами, её было видно из окон. Теперь, прежде чем затеряться в саду, она хотела знать наверняка, что её заметили. И впрямь, к лестнице, ведущей из дворца в сад, толпою бежали конюхи и лакеи. Они готовили сцену для ритуального представления, которым сопровождался каждый выход Софии. Каролина некоторое время смотрела на них, затем поймала себя на том, что улыбается, и зашагала прочь.

Она пересекла второй барьер, более высокий и тёмный: стену из подстриженных деревьев высотою с дом. Тут, в самой дальней части сада, легко было вообразить себя на расстоянии дня езды от ближайшего человеческого жилья. Место это любили не только она и София, но и Георг-Людвиг, который в свои пятьдесят четыре года по-прежнему разъезжал по окаймляющей сад

дорожке, представляя, будто патрулирует рубежи какого-нибудь приграничного герцогства. Линии зрения и векторы движения принудительно направлялись здесь в просветы между купами деревьев. Звуки распространялись прихотливо, если распространялись вообще. Эта часть сада на вид была раз в десять больше парадной.

Что-то зарокотало в глубине леса. В первый миг могло показаться, что налетевший ветер зашумел в кронах. Однако звук неумолимо нарастал, переходя в захлебывающееся рычание, затем в протяжный вой. Где-то далеко за границей сада слуга вращал огромное колесо, гоня лейнскую воду по закопанным под землей трубам. Каролина подобрала юбки и заторопилась к ближайшему пересечению диагональных дорожек, а оттуда — к большому круглому водоёму в центре более тёмной и дикой части сада. Он уже бурлил. Вертикальная струя вытолкнулась из каменного отверстия посередине и начала пробиваться вверх, словно парусная игла через сложенный в несколько слоёв холст, стремительно обрастая шлейфом водяной пыли — словно дымясь от трения о воздух. Струя росла и росла, пока как будто не отразилась от белого неба (день был пасмурный) и не рассыпалась облаком белых

брызг. Теперь весь сад наполнился рёвом искусственной грозы, усиливающим иллюзию дикого и недоступного места. Клочья водяного тумана разлетались по аллеям, делая нечётким близкое и скрывая далёкое, так быстро в этом искрящемся облаке вещи теряли очертания и сливались с темнотою между деревьями.

Земля здесь была плоская, без холмов, с которых открывался бы обзор. Колокольня с чёрной прямоугольной крышей мрачно взирала на сад, словно инквизитор в капюшоне — на языческие игрища. Если кто-нибудь оттуда смотрел, то, обойдя водоём, Каролина скрылась от наблюдателя за опрокинутым водопадом фонтана. Посредством той же несложной хитрости с её глаз исчезла мрачная колокольня, и принцесса осталась совершенно одна.

Ветер дул с юга, растягивая водяную пыль в зыбкий искристый занавес, который пробегал по водоёму и устремлялся вдоль широкой аллеи, ведущей прямиком ко дворцу. Тот виделся расплывчато, словно в запотевшем зеркале. Каролина вроде бы различала на лестнице белое платье, седую причёску и белую руку, отгоняющую поданные на выбор карету и портшез.

София всегда советовала Каролине стоять под

водяной пылью, поскольку это полезно для цвета лица. Каролина ухитрилась выйти замуж и родить четырёх детей, несмотря на свою якобы нездоровую бледность. Тем не менее она старалась при всяком удобном случае постоять под водяной пылью, зная, что это будет приятно Софии. Вода холодила щёки и пахла рыбой. Пласты тумана рушились сверху, словно страницы призрачной книги; над водоёмом они были такие белые и плотные, что Каролина почти могла их прочесть, а чуть дальше почти сразу таяли в воздухе.

Рядом с фонтаном, совсем близко от неё, кто-то стоял. Как его вообще пустили в сад! Однако Каролина не вскрикнула, потому что незнакомец был очень стар. Он смотрел не на неё, а на фонтан. Одетый как дворянин, но без парика на лысой голове и без шпаги, он кутался в длинный дорожный плащ — явно не из романтического щегольства, потому что платье его было забрызгано грязью, а башмаков уже много недель не касалась щётка.

Почувствовав на себе её взгляд, неизвестный вытащил из кармана тяжёлый кошель, скупыми движениями старческих пальцев растянул завязки, вытащил большую золотую монету и

подбросил над фонтаном. Она на миг блеснула жёлтым, и тут же серебристая струя сбила её в воду.

— Не уделит ли мне ваше высочество на полпенни внимания? — сказал старик по-английски.

— По мне так это скорее гинея, — отвечала Каролина. Её бесило, что в саду оказался посторонний, но воспитание требовало сохранять ровный тон. Скорее Георг-Август свалился бы с лошади, инспектируя лейб-гвардию, чем Каролина дала бы волю своему гневу.

Старик пожал плечами, раскрыл кошель до конца и обрушил в водоём град золотых гиней.

— На эти деньги может год жить целая деревня, — заметила Каролина. — Когда вы удалитесь, я прикажу их достать и положить в церковную кружку.

— Тогда приготовьтесь к тому, что ваш лютеранский викарий пришлёт их назад с короткой запиской, — отвечал старик.

— О чём?

— Он может написать: «Ваше высочество, заберите эти блестящие кружочки обратно и раздайте нищим в Англии, где они имеют хоть какую-то ценность, потому что так утверждает монарх».

— Какой странный разговор… — начала Ка-

ролина.

— Простите. Я воспитан в неуважении к монархам. Мои единомышленники не устают повторять, что все люди равны перед Богом. Когда принцесса навязывает мне странный и неожиданный разговор, я не успокаиваюсь, доколе не отыщу её и не отплачу тем же.

— Когда и где я поступила с вами так дурно?

— Дурно? О нет, это было скорее благодеяние. Когда? В прошлом октябре, хотя вы запустили цепочку событий намного раньше. Где? В Бостоне.

— Вы — Даниель Уотерхауз!

— Ваш смиренный и покорный слуга. О, слышал бы мой отец, как его сын говорит такое принцессе!

— Вы заслужили все возможные почести и уважение, доктор. Почему вы дожидались меня здесь, как бродяга? И почему начали со странных слов о гинеях?

— Королева Анна написала Софии очередное письмо.

— О Боже!

— Вернее, написал Болингброк и положил перед бедной женщиной, чтобы она поставила внизу своё имя. Письмо отправили сюда с делегацией англичан: несколькими тори, для пущей

оскорбительности, и несколькими вигами, чтобы полюбоваться их унижением. Тори всё сплошь важные птицы: многие из тех, кто ищет милостей Болингброка, состязались за считанные места. А вот на вакансии мальчиков для битья охотников сыскали не враз: пришлось отлавливать на пристани каких-то неудачников и палкой загонять на корабль, как чёрных невольников в Африке. Я воспользовался случаем отправиться сюда и вернуть вашему высочеству долг.

— Как, гинеями?

— Нет, не денежный долг. Я вновь о странном и неожиданном разговоре в Бостоне, следствием которого стало долгое плавание и множество приключений.

— Разговор с вами мне приятен, — ответила Каролина, — я была бы счастлива, если бы вы могли отправить меня в долгое плавание со множеством приключений. Увы, принцессам такое выпадает только в авантюрных романах.

— Плавание вам вскорости предстоит, пусть только через Ла-Манш. Едва вы вступите на английскую землю, начнутся и приключения — какие, не смею даже гадать.

— Об этом я знаю и без вас, — сказала Каролина. — Так зачем вы здесь? Чтобы повидаться с

Лейбницем?

— Его, к сожалению, нет в городе.

— Ваш приезд связан с гинеями?

— Да.

— В таком случае гинеи как-то указывают на того, кто их чеканит, сэра Исаака Ньютона.

— Лейбниц писал мне, что вашему высочеству ничего не надобно разъяснять — вы до всего доходите сами. Теперь я вижу, что в нём говорила не только гордость наставника.

— В таком случае должна с прискорбием сообщить, что исчерпала свои дедуктивные способности. Я попросила вас отправиться в Лондон и очень рада, что вы это сделали. Вы отыскали сэра Исаака и возобновили знакомство, что воистину достойно восхищения.

— Лишь в той мере, в какой восхищаются ярмарочным фигляром, глотающим шпагу.

— Пфуй! Пересечь Атлантику зимой и войти в логово льва — подвиг Геркулеса. Я очень довольна тем, что вы пока сумели для меня сделать.

— Не забывайте, что ваше удовольствие либо неудовольствие мне безразличны. Я ничего не предпринимал из желания вам угодить. Я взялся за это дело потому, что наши цели до определённой степени близки, и вы обеспечили меня

некоторыми средствами для их достижения.

Теперь Каролине пришлось подставить лицо брызгам, чтобы остудить жар — так клинок закаляют в воде, чтобы он не разлетелся вдребезги от первого же удара.

— Я слышала, в Англии ещё есть такие, как вы, — сказала она наконец, — и рада, что мы поговорили наедине и загодя, чтобы не омрачать свои первые недели в вашей стране возгласами: «Отрубить ему голову!» по нескольку раз каждый день до завтрака.

— Сейчас вопрос в том, будете ли вы, София либо Георг-Людвиг вообще править Англией, — сказал Даниель Уотерхауз, — или толпа якобитов потребует отрубить голову вам!

Мысль была скорее интересная, чем пугающая. Принцесса Каролина совершенно позабыла свой гнев.

— Разумеется, я знаю, что в Англии много якобитов, — сказала она. — Однако закон о престолонаследии действует с 1701 года. Наше право на престол неоспоримо, ведь так?

— Мы отрубили голову Софииному дяде. Я собственными глазами видел его казнь. Для неё имелись веские основания. Однако казнь монарха имела непредвиденные последствия. Головы

принцесс и принцев стали мячами, которые пинают по полю более сильные или более ловкие игроки. Верите ли вы слуху, будто Софию-Шарлотту отравили?

— Об этом мы говорить не будем! — воскликнула Каролина. Сейчас она и впрямь приказала бы отрубить ему голову, будь рядом стража, или даже отрубила бы сама, случись у неё в руках острый предмет. Видимо, гнев ясно отразился на её лице, потому что Даниель Уотерхауз поднял седые брови и заговорил голосом таким тихим и вкрадчивым, что его слова, как сахар, растворялись в плеске волн у края водоёма.

— Вы забыли, что я дружен с Лейбницем. Он передал мне любовь к этой замечательной женщине. Я разделяю его скорбь. Скорбь и гнев.

— Он считает, что её отравили?

Это была одна из немногих тем, которые Лейбниц отказывался обсуждать с Каролиной.

— Важна не столько причина её смерти, сколько последствия. Если хотя бы половина того, что о ней говорят, правда, она превратила Берлин в протестантский Парнас. Литераторы, музыканты, учёные съезжались в Шарлоттенбург со всех концов Европы. Однако она умерла. Недавно за ней последовал её супруг. Прежний король Пруссии

посещал оперу, нынешний играет в оловянных солдатиков… Вижу улыбку на лице вашего королевского высочества. Родственная слабость к кузену, любителю парадов и шагистики, полагаю. Однако тем из нас, кто чужд семейному умилению, не до смеха. Ибо война окончена, большая часть великих споров разрешена, в области разума победила натурфилософия и — сейчас, в эту самую минуту — в некой великой книге пишется новая система мира.

— Система мира — это ведь название следующей книги сэра Исаака Ньютона, которую мы ждём столько лет, третьего тома «Математических начал», если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Однако я говорю о другом неоконченном труде — моём и вашем. Мы потеряли Софию-Шарлотту, а с ней и Пруссию. Я не хочу потерять вас и Британию. Вот что на кону.

— Так для того я и вызвала вас из Массачусетса! — воскликнула Каролина. — Я не могу управлять домом, разделившимся в себе между сторонниками Ньютона и Лейбница. Как немецкие и британские владения объединятся под одной державой, так должны объединиться немецкая и британская философия. И вы, доктор Уотерхауз, тот человек…

Однако Каролина обращалась к облаку брызг. Даниель Уотерхауз исчез. Она взглянула на аллею и увидела стремительно приближающуюся старуху. Та размахивала письмом.

София, как всегда, двигалась драгунским шагом. Однако сад был велик, у Каролины оставалось ещё несколько мгновений, чтобы привести в порядок свои чувства. Она отвернулась к фонтану: если на её лице написано смятение, лучше Софии его не видеть. И всё же недавний разговор стал для неё куда меньшей неожиданностью, чем для среднестатистической европейской принцессы. Странные люди с загадочными посланиями и необычными просьбами приезжали к ней из Англии уже довольно давно. По большей части она плохо их понимала, потому что никогда не бывала по ту сторону Ла-Манша. Их с Георгом-Августом приглашали туда какие-то виги — трудно произносимое для немки слово; другие англичане, которых называли «тори», были категорически против. Впрочем, вопрос оставался чисто умозрительным, поскольку Георг-Людвиг не отпускал сына и невестку в Англию.

Высоко над головой, там, где напор фонтана уступал силе тяготения, Каролина видела сгустки воды, сохранявшие цельность даже после того,

как остальная струя рассыпалась в пыль. Тёмные на фоне более светлых брызг, они рушились быстрее и с большей силой и в падении разбивались на сгустки поменьше, оставлявшие за собой длинные кометные хвосты. Эскадроны комет неслись к воде — гонцы с неведомыми вестями свыше.

Она прошла вдоль водоёма к тому месту, куда падала большая часть струи. Воздух полнился шипением и гулом, платье отяжелело от впитанной влаги. Каролина старалась проследить взглядом кометы. Ударяясь о пену, они издавали едва различимый звук, словно единичный возглас в толпе. Однако всё, что имели сообщить кометы, тонуло в водоёме. Когда пузырьки лопались и пена таяла, оставалась лишь наморщенная ветром гладь. Каролине подумалось, что вести по-прежнему там, и можно их прочесть, если достаточно долго смотреть на воду. Однако видела она лишь созвездие жёлтых крапинок на каменном дне.

— Нет, это точно подстроено!

— Доброе утро, бабушка.

София смотрела на монеты. В свои восемьдесят три она превосходно видела без очков, могла отличить орёл от решки и узнала профиль королевы Анны.

— Всюду эта мерзавка!

Принцесса Каролина промолчала.

— Символ, знак, — продолжала курфюрстина Ганноверская, — оставленный здесь кем-то из гадких заезжих англичан!

— Что, по-вашему, он означает?

— Всё зависит от того, что ты думаешь об английских деньгах, — отвечала София. — С тем же успехом можно спросить, стоят ли они хоть что-нибудь?

Слова Софии так странно перекликались с намёками упомянутого гадкого англичанина, что Каролина оторвала глаза от монет и заглянула курфюрстине в лицо. Смотреть ей пришлось немного сверху вниз, потому что София от старости усохла на несколько дюймов. Однако даже дряблость кожи, естественная в таком возрасте, лишь подчёркивала удивительную ясность её глаз. По стенам Герренхаузена и Лейнского дворца висели фамильные портреты Софии, её сестёр и матери. Все они глядели из-под изогнутых бровей огромными зоркими глазами, не разжимая маленьких губ, явно не те барышни, к которым на светском рауте неуверенный молодой человек направится с желанием завести разговор. Каролина не хуже других знала, что портреты царствующих особ лгут. Однако лицо

перед ней было удивительно схоже с лицами на портретах: те же большие глаза и маленький немногословный рот. А главное, то же выражение самодостаточности, словно говорящее: «Я не жду, когда ко мне подойдут, и не изнываю от желания, чтобы со мной заговорили». Отличалась только одежда. София, к щегольству обычно равнодушная, тем не менее носила фонтанж — высокую наколку из нескольких слоёв крахмального кружева, которая прибавляла ей несколько дюймов роста, прятала редеющие седые волосы, а заодно не давала им падать на её дивные глаза.

У Каролины мелькнула забавная мысль, что София и Даниель Уотерхауз — достойная пара. У него такие же большие пристальные глаза, да и нрав не мягче, чем у Софии. Вот бы их свести — пусть грозятся друг другу плахой хоть до скончания восемнадцатого века.

— Ты говорила с кем-то из англичан? Я о приехавших, не о таких, как Брейтвейт.

— Мельком.

— Идем, я хочу быть подальше и от них, и от этой женщины.

София наклонилась к Каролине, зная, что та подставит ей локоть. Сцепившись, как половинки медальона, женщины двинулись прочь от

фонтана. София твёрдо направляла Каролину, но пока ничего не говорила.

Эта часть сада делилась на четыре сектора. Внутри каждого располагался фонтан, куда меньше центрального. От фонтанов расходились дорожки, нарезавшие сектора на ломтики. Каждый ломтик — общим числом тридцать два — представлял собой отдельный участок, и все они были разные: одни чистенькие и аккуратные, как гостиные, другие тёмные и заросшие, как Тюрингский лес. София тянула Каролину в один из таких ломтиков, скрытый за высокой стеной подстриженных деревьев. Вскоре они оказались в приятном зелёном кабинете с водоёмом посередине и каменными скамьями вокруг. София дала понять, что хочет сесть, что было необычно, поскольку для неё прогулка по саду всегда означала именно моцион.

— Вчера один из англичан употребил занятное слово — *«currency»*. Ты его знаешь?

— Это «течение». Так говорят о Темзе, которая на большем своём протяжении спокойна, но становится бурной под Лондонским мостом.

— Вот и я так думала. Англичанин употреблял его весьма многозначительно, а я воображала, будто разговор идёт о реке или о сточной канаве,

пока не поняла, что речь о деньгах.

— О деньгах?

— Никогда я не чувствовала себя такой дурой! По счастью, при разговоре присутствовал барон фон Хакльгебер. Он знал слово — или быстрее его расшифровал. Позже я поговорила с ним наедине, и он объяснил, что англичанин имел в виду денежное обращение.

— У англичан все разговоры обращаются вокруг денег.

— Это потому, что у них нет ничего, кроме овец, — объяснила София. — Ты должна это понять, раз тебе предстоит ими править. Они вынуждены сражаться с Испанией, у которой всё золото и серебро мира, и с Францией, у которой все прочие мыслимые земные блага. Как бедная страна побеждает богатые?

— Полагаю, мне следует ответить «милостью Божьей» или чем-нибудь в таком…

— Хорошо. И как проявляет себя милость Божья? Материализуются ли груды золота на берегах Темзы чудесным образом?

— Конечно, нет.

— Превращает ли сэр Исаак корнуолльское олово в золото посредством алхимии?

— На сей счёт есть разные мнения. Лейбниц

считает, что нет.

— Я согласна с бароном фон Лейбницем. Тем не менее всё золото в Англии! Его добывают в испанских и португальских рудниках, однако оно стекается, как по волшебству, в Лондонский Тауэр.

— Стекается, — повторила Каролина. — Движется, как вода.

София кивнула.

— И англичане так к этому привыкли, что слова «движение» и «деньги» стали для них синонимами.

Каролина сказала:

— Это и есть ответ на ваш вопрос — как бедная страна побеждает богатые?

— Да. Не накапливая богатство в том смысле, в каком богата Франция…

— Виноградники, поля, крестьян и коров…

— А придавая новый смысл самому слову «богатство».

— «Движение»!

— Да. Барон фон Хакльгебер сказал, что мысль на самом деле не так уж и нова. Генуэзцам, флорентийцам, аугсбургцам, лионцам она известна уже не одно поколение. Голландцы построили на ней небольшую империю. Однако англичане, не

имея иного выбора, довели её до совершенства.

— Вы дали мне новую пищу для размышлений.

— Вот как? И что же ты теперь думаешь о наших перспективах?

Для Софииного поколения монархов вопрос был бы возмутительным, абсурдным. Наследнику трона не пристало думать о собственных перспективах. Он вступает в свои права, как луна вступает в новую фазу, в соответствии с законами естества. Теперь всё переменилось, и София, надо отдать ей должное, сумела приспособиться к новому положению вещей, в то время как многие её сверстники перешли от неведения к негодованию, а от негодования к старческому маразму, так и не поняв, что произошло.

Каролина ответила:

— Мне нравится ловкий трюк, посредством которого англичане обставили сильные державы, изменив само понятие богатства. Благодаря этому мне не надо, как бедной Элизе, выходить замуж за какого-нибудь Бурбона и влачить дни в Версале или Эскориале. Однако меня пугает неустойчивость. Говоря словами одного моего мудрого знакомого, создаётся новая система мира. Причем создаём её не мы, а какой-то чудной

натурфилософ в дымной лондонской лаборатории. Теперь мы должны жить по законам этой новой системы, которые не вполне ясны. И я боюсь, что покуда англичане проделывают фокус с деньгами, чтобы получить временное преимущество, им самим готовят сходный кунштюк.

— Вот именно! И ты как раз подвела к сути того, что пишет мне Анна! — София несколько раз сердито хлопнула веером по ненавистному посланию.

В тот же миг стена деревьев у них за спиной вздохнула под ударом холодного ветра. Суставы герра Шварца не обманули: погода портилась. Деревья накренились, словно желая укрыть женщин своими кронами, град бурых листьев и веточек зашуршал по траве. София, менее кого бы то ни было склонная принимать каждый пук за раскат грома, словно ничего не заметила. Может быть, её полностью захватил разговор. А может, ей было здесь так покойно, что она не нашла в себе сил тревожиться.

Раз София не пожелала говорить о погоде, грубо да и бесполезно было заводить об этом речь. Каролина ограничилась тем, что пригнулась от холодного ветра, обняла руками колено и взглянула на небо. Потом спросила:

— Королева пишет о деньгах?

— Не глупи. Она слова такого не знает. А если бы и знала, не стала бы писать о столь вульгарных материях. Письмо о семейных делах. Некоторые абзацы посвящены твоему супругу.

— От этих слов у меня мороз по телу хуже, чем от холодного ветра.

— Она называет его английскими титулами: герцог Кембриджский, граф Милфорд-Хейвенский, виконт Норталлертонский, барон Тьюксбери. — София с яростным удовольствием читала непривычные имена.

— Вы меня дразните, не рассказывая, что в письме.

— Не дразню, а оберегаю.

— Всё так плохо?

— Хуже, чем в прошлых письмах.

— Мой свёкор его уже читал?

— Нет.

— Мы с мужем могли бы сейчас быть в Англии, — посетовала Каролина, — и он заседал бы в палате лордов, если бы Георгу-Людвигу хватило духу нас отпустить. Новое письмо только напугает его ещё больше и задержит наш отъезд на месяц.

София сочувственно улыбнулась.

— Георг-Людвиг не сможет прочесть письмо, если мы попадём под дождь и чернила расплывутся.

Холодная капля упала Каролине в рукав. Принцесса рассмеялась. Ещё одна капля шлёпнулась на письмо.

— И всё же, — продолжала София, — не обманывайся. Мой сын не отпускает вас в Англию не только из-за возражений Анны. У Георга-Людвига достаточно недостатков — кому знать, как не его матери, — однако малодушия среди них нет! Он держит вас в Ганновере, потому что завидует своему сыну — его умению держаться, его воинской славе — и не доверяет его женщинам.

— Вы о миссис Брейтвейт?

София поморщилась.

— Она пустое место, как знают все, кроме тебя. Ты, Элиза, покойная София-Шарлотта и я — женщины, гуляющие в моём саду, — для Георга-Людвига всё равно что шабаш ведьм. Ему не по вкусу, что его сыну и наследнику с нами легко. Вот почему он никогда не отпустит тебя и Георга-Августа в Англию. *Это* может стать для него предлогом… — София подняла письмо, чтобы дождевые капли, чёрные от растворённой злобы, скатились на подпись королевы Анны, — но не

обольщайся, причина в ином.

От налетевшего ветра где-то с треском переломился сухой сук. Вся дождевая вода, скопившая в кронах, разом пролилась на двух женщин. София подняла голову, только сейчас поняв, что дело может не ограничиться заурядным июньским ливнем. Её крахмальный фонтанж поник.

Но теперь уже Каролина не замечала дождя.

— Когда мы садились, вы сказали, что в письме было что-то важное касательно денег?

— Не в содержании письма, а в его тоне, — отвечала София, повысив голос, чтобы перекричать ветер. — Как ты помнишь, её прежние письма, написанные после того, как виги пригласили вас в Англию, были исполнены обиды. Это дышит — вернее, дышало — торжеством.

— Что-то произошло за последние месяц-два.

— Боюсь, что так она полагает.

— Она решила оставить трон Претенденту.

София молчала.

— Она не властна сама распоряжаться троном. Нужно решение парламента. Какое событие последних недель придавало якобитам уверенности?

— По английской денежной системе нанесён удар. Движение остановилось.

— Это как раз то, о чём я говорила минуту назад.

— Может, ты и впрямь ведьма, милая, а вдобавок ясновидящая.

— Может, меня иногда навещают «гадкие англичане».

— А! — София взглянула в сторону большого фонтана.

— Что-то неладно на Монетном дворе.

— Однако им заведует сэр Исаак Ньютон! Я изучила этот вопрос, — гордо сказала София. — Когда я стану королевой Англии, мы все пойдём в Тауэр и посмотрим Монетный двор!

Она хлопнула себя по колену, показывая, что хочет встать. Дождь уже зарядил не на шутку, за ними наверняка выслали слуг. Каролина встала и повернула к Софии локоть, чтобы та оперлась.

Курфюрстина между тем продолжала:

— Сэр Исаак реформировал английскую денежную систему, которая была худшей в мире, а стала лучшей.

— К чему я и клоню. Ваши слова означают только, что у английской монеты отличная репутация. Идёмте отсюда.

Каролина тянула Софию на одну из расходящихся дорожек. Внезапно она остановилась.

Даже хорошо зная сад, сложно было сообразить, в какую сторону идти. София почувствовала её нерешительность.

— Давай переждём дождь в павильоне, — сказала она, кивая размокшим фонтанжем на диагональную дорожку, ведущую к каменой беседке на самом краю сада.

Каролине не хотелось углубляться так далеко за деревья, тёмные и шумливые под дождём.

— Может быть, лучше вернуться к большому фонтану? Наверняка нас будут искать там.

— Если нас найдут, нам придётся оборвать разговор! — вознегодовала София.

Спорить было бесполезно. Они повернулись спиной к фонтану и вступили в просвет между деревьями.

— Это всего лишь вода, — философски заметила Каролина. Софии, впрочем, надоело мокнуть, и она тащила Каролину вперед, заставляя прибавить шаг.

— Я тебя поняла, — сказала София. — Денежная система, основанная на золоте и серебре, имеет абсолютную ценность.

— Как абсолютные пространство и время сэра Исаака, — задумчиво проговорила принцесса. — Её можно проверить в пробирной купели.

— Однако если ценность основана на реноме, как у акций на Амстердамской бирже, или на ещё более абстрактной концепции движения…

— Как в динамике Лейбница, в которой пространство и время суть порядок вещей…

— Она становится непознаваемой, изменчивой, уязвимой. Движение денег может порождать какую-то реальную ценность…

— Разумеется! Люди постоянно извлекают из него реальные деньги!

— Но она не выдержит проверки огнём при испытании ковчега.

— Что за ковчег? — спросила Каролина.

Вместо ответа София резко дёрнула принцессу за локоть и стала на неё заваливаться. Каролине пришлось согнуть колени и обхватить Софию свободной рукой, иначе бы они рухнули вместе.

— Бабушка? Вы хотите туда? — Каролина взглянула на тёмную полосу деревьев слева от дороги. — Вы хотите к Тойфельсбауму?

Может быть, София передумала идти в беседку и решила укрыться под деревьями.

С губ Софии сорвалось что-то невнятное, а за шумом дождя трудно было бы разобрать даже отчётливую речь. Однако слова Софии не были отчётливыми; Каролина вообще сомневалась,

что это слова. Повиснув на Каролине, старуха запрыгала на одной ноге, волоча другую. Так они добрались до калитки. Тойфельсбаум, «чёртово дерево», окружала кованая ограда, как будто его надо держать в клетке.

София кивнула на калитку, потом подняла взгляд на Каролину: половина её лица молила, половина обмякла и не выражала ничего. Каролина взялась за щеколду и, только ощутив под рукой холод мокрого железа, вдруг поняла: у Софии удар. Она не впервые видела эти симптомы, просто на таком знакомом и любимом лице их труднее было узнать. Мгновение принцесса стояла неподвижно, держась за калитку, словно некие чары обратили её в хладный металл. Надо было бежать за помощью, звать врачей.

И тут София глянула на садовую дорожку. Глянула украдкой. Она, ничего в своей жизни не делавшая исподтишка!..

София не могла говорить, еле стояла на ногах, — но понимала, что происходит. Она боялась, что их увидят. Боялась, что её потащат во дворец, будут отворять кровь. Боялась притворной жалости в лицо и глумливых перешёптываний за спиной. Инстинкт гнал её забиться в самый дальний уголок сада и умереть там.

Каролина распахнула калитку, и они шагнули в темноту.

Тойфельсбаум София вывезла как диковинку из родового имения в Гарце. Это растение стелется по земле, вползая на всё, что попадается на пути; мощное, как настоящее дерево, но вьющееся, как лоза, оно беспорядочно ветвится, оплетая камни и другие стволы. Изгибы ветвей иногда походят на локти или колени, а сами ветви, жилистые и гладкокожие, кажутся переплетением множества диковинных чудищ. Гарцские лесорубы ненавидят его и уничтожают, где только встретят, но здесь София дала ему разрастаться свободно. И Тойфельсбаум отплатил ей за доброту, приняв курфюрстину и принцессу в свои мощные объятия. Каролина усадила Софию в изгибе ветвей, подальше от холодной земли, а сама села рядом и положила голову умирающей себе на колени.

Дождь то ли перестал, то ли от него частично защищала листва. Время замедлило ход, покуда две женщины слушали стук капель. Каролина гладила седые волосы Софии, держа её за ту руку, которая ещё отзывалась на прикосновения. По всему саду разлились тишина и покой. И наконец Каролина почувствовала, что жизнь ушла из руки, которую она сжимала в своей ладони, и из

самой Софии.

У неё оставалось множество вопросов о том, как быть королевой. Она могла бы задать их под Тойфельсбаумом, но это было бы неуместно, а София всё равно не сумела бы ответить.

Вернее, не сумела бы ответить словами. Последний ответ, единственно важный, был приготовлен заранее: время и место. Своей смертью курфюрстина передала ей то последнее, что хотела.

— Я принцесса Уэльская, — сказала Каролина. Сказала это себе.

Вестминстерский дворец
11 июня 1714

Палата единогласно одобрила внесенное комитетом предложение, что Парламенту следует объявить награду лицу либо лицам, каковые предложат метод определения долготы, более надёжный и практичный, нежели используемые в настоящее время, и что размер вышеупомянутой награды должен зависеть от степени точности предложенного метода.

***Протоколы палаты общин, VENERIS, 11° DIE JUNII; ANNO 13° ANNAE REGINAE, 1714*[3]**

Вестминстер-холл чернел на берегу Темзы, как будто некое небрежное божество, торопливо возводя небесный свод, опрокинуло сюда лохань сумерек. Неоднократно делались попытки слегка его оживить или хотя бы спрятать за позднейшими добавлениями. Болота, на которых он стоял,

---

[3] Примечания: 3

11 июня, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

засыпали и сровняли, чтобы дать место болезненным разрастаниям основного дворца. Некоторые из них возводились как аббатства, другие — как форты, третьи — как жилые дома, и все потом использовались как-то иначе. Человек, вступивший в этот пёстрый лабиринт, если у него были компас и твёрдая голова, чтобы не затеряться среди множества зданий, мог проникнуть в Вестминстер-холл.

Он был пуст. О да, в южных углах за дощатыми баррикадами разместились два судебных присутствия, а по боковым стенам, как плинтусы, тянулись прилавки, чтобы господа, проходящие через гулкую пустоту, могли купить книги, перчатки, нюхательный табак и шляпы. Однако это лишь подчёркивало загадочную огромность Вестминстера: для чего возводить здание столь большое, что в нём приходится выгораживать здания поменьше? Резные ангелы на концах выступающих консольных балок смотрели на корыто серого пространства. Голые стены и потемневшие от времени стропила высоко над головой выдавали в нём непомерно увеличенный пиршественный чертог викингов. Беовульф мог бы войти сюда и потребовать рог с мёдом: он бы чувствовал себя здесь гораздо вольготнее,

чем люди в париках, стремительно пробегавшие по каменному полу, словно горностаи через темнеющую поляну в страхе перед совой. Здания поменьше, которые лепились рядом с Вестминстер-холлом, нарушая архитектурное единство его арочных контрфорсов, куда больше подходили для заговоров, махинаций, разврата и таинственных ритуалов — извечных занятий рода человеческого. Потому-то все и спешили забиться в боковые отнорки, оставляя центральное пространство суровым ангелам.

Если мрачная пустота в сердце Вестминстера и имела какое-то назначение, то она выполняла ту же функцию, что полое пространство, составляющее бо́льшую часть виолончели. Струны, дека, смычок и сам музыкант — всё снаружи. Ничего не происходит в тёмной глубине, однако ничто не работало бы, не будь центральной полости, удерживающей части в правильном соотношении друг с другом, невзирая на постоянное напряжение струн, и резонирующей в лад с малейшим их колебанием.

Лишь один человек в тот день не ускорил шаги, проходя через здание — пожилой рыцарь, который подъехал к северному входу в чёрном портшезе и велел носильщикам высадить его

здесь. Он вылез возле позорного столба, у которого пороли толстяка — тот дёргался всякий раз, как спину рассекала новая кровавая полоса, но упорно отказывался кричать. Старик, прибывший в портшезе, подальше обошёл столб, чтобы не забрызгаться кровью, и ступил в просвет между двумя кофейнями, прилепившимися к древнему фасаду дворца. Он не нуждался в парике, потому что волосы его, хоть и редкие, по-прежнему доходили до плеч, а оспа почти не оставила на нём следов. Не нуждался он и в пудре, ибо уже полстолетия был сед, как иней. Старик шагал медленно, устремляя взгляд на одних всеведущих ангелов и не замечая других. Время от времени он озирался, словно различал эхо и чувствовал резонансы, неслышные для других. Наконец он достиг южной стороны, где проход суживали два выгороженных судебных зала. Заметно посуровев лицом, старик заставил себя вступить в гудение неразличимых голосов. Возможно, пройдя через Вестминстер-холл, он как-то изменил пустоту под сводами, оставив некую слабую ноту, которая продолжала эхом отдаваться после его ухода и звучит по сей день.

Народы, племена, кланы, секты, сословия и династии на протяжении шести веков поднимали

свои знамёна и видели их падение в крыльях Вестминстер-холла. Он был для власти тем же, чем Ковент-гарден для растений. Невозможно постичь его извивы и хитросплетения, пока не войдёшь внутрь. В то время, как и в предшествующие столетия, существовал орган, называемый парламентом, состоящий из двух своих параллельных подобий или палат, в каждой из которых шла беспрестанная война между тори и вигами, сыновьями и наследниками кавалеров и круглоголовых, англикан и пуритан, и так далее, и так далее. За их спинами бряцали оружием и деньгами отпрыски воинственных феодалов, именуемые теперь якобитами и ганноверианцами. Сама битва велась изо дня в день словами, бесчисленными, как зёрнышки пороха на поле сражения.

Седовласого рыцаря призвали в готическую капеллу, которую некоторое время назад захватило и теперь яростно обороняло учреждение, называющее себя палатой общин. Сейчас в палате общин верховодили тори. Призвал его комитет, состоящий преимущественно из вигов. Почему тори позволили шайке вигов создать комитет, смеющий призывать рыцарей в это священное место, словно в свой клуб? Только потому, что те-

ма, рассматриваемая комитетом, была настолько заумна, настолько труднопостижима, другими словами, настолько скучна, что тори с радостью уступили её вигам.

— Мне представили четыре проекта по определению долготы, — сказал сэр Исаак Ньютон.

— Только четыре? — переспросил Роджер Комсток, маркиз Равенскар, виг, пригласивший сюда Ньютона. Он принадлежал к палате лордов, а не к палате общин, и сам был здесь гостем. — Мне казалось, в Королевское общество представляют по четыре в неделю.

Казалось бы, раз Роджер не принадлежит к данному учреждению, у него нет права приглашать сюда чужих и задавать им вопросы. Однако в комитете у него было много друзей, готовых закрыть глаза на эти и другие вольности.

— Мне известны только четыре, правильные в теории, милорд. Остальные я не рассматриваю.

— Относится ли проект господ Диттона и Уистона к счастливой четвёрке или к химерическому большинству? — спросил Равенскар.

Все в зале затявкали как собаки, за исключением Ньютона и господ Диттона (который побагровел, как гранат, и начал двигать губами) и Уистона (чьи веки затрепетали, словно колибри,

от пота, струями бегущего из-под парика).

— Он так же верен теоретически, как жалок в практических обещаниях, — отвечал Ньютон.

Палата общин замолчала — не от ужаса перед жестокостью Ньютона, а от профессионального восхищения.

— Предположим, что их проект удастся осуществить — допущение, по поводу которого Королевское общество могло бы дискутировать так же долго и яростно, как эта палата по поводу недавней войны, — так вот, вне зависимости от практических сложностей, даже если некий будущий Дедал сумеет воплотить задуманное господами Диттоном и Уистоном, их метод не позволит пересекать океаны, а лишь даст самым прилежным шкиперам возможность не сесть на мель вблизи берегов.

Выражение лиц господ Диттона и Уистона изрядно позабавило всех. Они уже не тщились выказать гнев или волнение, а выглядели так, будто лежат в анатомическом театре Коллегии врачей на завершающем этапе собственного посмертного вскрытия.

В веселье не принимал участие маркиз Равенскар, которому служитель только что подал сложенный листок бумаги. Лорд развернул по-

слание и прочёл. На миг лицо у него стало такое же, как у Диттона и Уистона, но он сразу овладел собой и, как глухой гость за обедом, делающий вид, будто понял каламбур, изобразил улыбку, давая настроению палаты проникнуть в свою мину. Он взглянул на документы, разложенные на столе, словно забыл тему слушаний и должен освежить её в памяти. Потом заговорил:

— Просто не протаранить континент-другой — слишком мизерная задача. А что другие три предложения, верные в теории? Мне представляется, что коли уж для осуществления проекта нужны столь титанические усилия, лучше направить их на методы, позволяющие определить долготу где угодно.

Ответ сэра Исаака, состоявший из многих-многих слов, сводился к следующему: это возможно, если определять время по очень точному морскому хронометру, которых пока никто не умеет делать, либо наблюдать за спутниками Юпитера в очень хороший морской телескоп, которых тоже пока никто не умеет делать, либо замерять положение Луны и сравнивать с вычислениями, произведёнными согласно его, сэра Исаака, лунной теории, которая пока не вполне завершена, но не сегодня-завтра будет опубликована в

книге. Как всякий сочинитель, выступающий в общественном месте, он не преминул упомянуть название: том III «Математических начал», скоро в продаже у всех книгопродавцев Лондона.

Маркиз Равенскар слушал вполуха, поскольку всё это время строчил записки и совал их в руки прислужникам. Однако, уловив затянувшуюся паузу, он сказал:

— Эти… э… вычисления… будут ли они сходны с теми, что используются сейчас для нахождения широты, или?..

— Бесконечно более сложные.

— Вот незадача! — рассеянно проговорил Равенскар, продолжая строчить записки, как самый неугомонный школьник за всю историю человечества. — В таком случае, полагаю, каждому кораблю понадобится лишняя палуба, забитая вычислителями, и стадо гусей, чтобы снабжать их перьями.

— Или арифметическая машина, — подхватил Ньютон, затем, не рассчитывая, что палата оценит его сарказм, пояснил: — Утопичная выдумка ганноверского дилетанта и плагиатора барона фон Лейбница, который за все эти годы так и не сумел довести её до конца.

Ньютон мог бы ещё долго клеймить барона, но

тут ему в руку вложили записку, ещё мокрую от чернил Равенскара.

— Значит, для лунного метода тоже нужен прибор, которого мы пока делать не умеем, — подытожил Равенскар с лаконичностью и проворством, каких парламент не видел с тех пор, как католики последний раз пытались его взорвать. Обтянутые дорогой тканью зады заёрзали по скамьям. Положительный пример окрылил всех присутствующих.

— Да, милорд.

— Итак, вы свидетельствуете, что наши корабли будут по-прежнему садиться на мель, а наши доблестные моряки — гибнуть, пока мы не научимся делать некоторые вещи, которых пока делать не умеем.

— Да, ми…

— И кто изобретёт эти замечательные приборы?

— Предприимчивые люди, ми…

— Что заставит предприимчивых людей тратить годы на изобретение новой технологии — если мне позволительно заимствовать словцо у доктора Уотерхауза, — которая может оказаться непригодной? — С этими словами Равенскар встал и протянул руку, показывая, что

кто-нибудь может вложить в неё трость. Кто-нибудь вложил.

— Милорд, некий денежный… — начал сэр Исаак Ньютон, тоже вставая, ибо он прочитал записку.

— Денежный стимул! Награда лицу либо лицам, которые отыщут практичный и надёжный метод определения долготы? Это вы предлагаете? Да? Сэр Исаак, небеса вновь восхищены вашей гениальностью, а вся Англия в священном восторге дивится на вашу лапидарную изобретательность. — Последние слова Равенскар произнёс уже на ходу — новшество, заставившее выйти из дремотного забытья даже старейших членов палаты, многие из которых так и не обрели либо уже утратили умение идти и говорить одновременно. — Преступлением было бы тратить время величайшего учёного в мире на частности, — продолжал Равенскар, подходя к Ньютону и крепко беря его за локоть. — Я совершенно уверен, что мистер Галлей, доктор Кларк и мистер Котес смогут ответить на любые вопросы палаты, мне же надо разобраться с некоторыми неугомонными лордами. Позвольте проводить вас, сэр Исаак, нам как раз по дороге!

К этому времени они с сэром Исааком были

уже за дверью, оставив позади ошарашенную палату общин, Диттона и Уистона, наполовину убитых, но всё ещё дышащих, и трёх перечисленных учёных рангом пониже, которые прибыли на церемонию в свите Верховного жреца и внезапно оказались за главных у разожженного жертвенника.

Ньютон едва не лишился руки, потому что свернул налево — к палате лордов, а Роджер Комсток, маркиз Равенскар, — направо, к Вестминстер-холлу.

— Нас вызвали лорды, — пояснил Равенскар, вправляя Ньютону плечевой сустав и рывком проверяя, встал ли он на место, — но не в палату лордов.

Миновав несколько поворотов и преодолев несколько лестниц, они оказались в промежутке между двумя судебными помещениями и вступили в центральный пустой зал с его всегдашним отсутствием викингов и досадным мельтешением современных людишек. Человек, одетый с потугами на щегольство, смотрел книги в лавке, демонстрируя всему миру свою грамотность; из башмака у него торчала соломинка — знак судейским, что он готов за деньги дать ложные показания. Ветерок колыхал ряды выцветших,

закопчённых, пробитых пулями французских знамён, захваченных Мальборо при Бленхейме и в других сражениях. Их повесили для оживления стен и сразу забыли. От северного входа доносились громкие выкрики: выпоротого толстяка оставили у столба, и теперь несколько десятков простых лондонцев бросали ему в лицо конский навоз и грязь, надеясь, что он задохнётся. Такое в Лондоне происходило часто, и многие предпочитали отворачиваться от подобных зрелищ. Роджер, вопреки обыкновению, смотрел прямо на позорный столб. Подробностей его старческие глаза не различали, однако легко было догадаться, что там происходит.

— Счастливчик! — с завистью произнёс Роджер. — Хотел бы я поменяться с ним местами на следующий час.

Ньютон вскинул голову и благоразумно замедлил шаг. Он понизил голос, как будто резные ангелы могли их подслушать.

— Куда мы идём, милорд?

— В Звёздную палату, — объявил Равенскар, крепче стискивая его локоть, словно боялся, что выдающийся учёный даст стрекача. Этого Исаак не сделал, но вздрогнул. Он ждал, что Роджер назовёт одно из зданий казначейства, в послед-

ние годы широким фронтом продвигавшегося от Вестминстер-холла к реке. Звёздная палата была меньше и древнее; здесь короли Англии встречались со своим Тайным советом.

— Кто нас вызвал? — спросил Ньютон.

Роджер ответил таким тоном, словно это самоочевидно:

— Угорь.

Произнеся загадочное прозвище, он как будто снова подобрался.

— У нас есть несколько секунд. Мы могли бы потянуть время, если бы шли медленно, но я хочу войти туда с *воодушевлением*. Это очень важно, поэтому слушайте внимательно, сэр Исаак, повторять будет некогда.

— Судя по всему, — продолжал Роджер, — мне позволили забавляться с долготой для того лишь, чтобы досточтимый лорд, Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, успел подготовить кукольный балаган. Приглашение вручили мне в то время, когда вы свидетельствовали перед комитетом. Конечно, Болингброк охотнее наколол бы его на стрелу и выпустил мне в живот, но такая процедура, хоть и часто используется в палате лордов, в палате общин могла бы вызвать неодобрение. Вам, сэр Исаак, выдали пропуск за кулисы, из чего

я заключаю, что вас попросят сыграть главную роль.

Сэр Исаак заговорил очень тихо и спокойно, как всегда, когда хотел выказать гнев:

— Это оскорбительно. Я пришел сюда говорить о долготе. Теперь вы утверждаете, что меня заманили в ловушку.

— Умоляю, сэр Исаак, не оскорбляйтесь. Люди, когда они становятся старыми, важными и склонными брюзжать из-за каждой подстроенной им ловушки, наиболее уязвимы для такой тактики. Будьте озадачены, рассеяны, ироничны, а лучше всего — отнеситесь к этому с азартом!

Ньютон определённо не проявлял азарта. Вход в Звёздную палату вырастал перед Равенскаром, как перед Ионой — китовая пасть.

— Не важно, — продолжил он. — Оскорбляйтесь, если вам угодно, только ничего не говорите. Если вам почудится, что сейчас уместно вставить слово, помните, что эту возможность подбросил вам Болингброк, как кокетка роняет носовой платочек у ног намеченной жертвы.

— Перед вами кто-нибудь ронял платочки, Роджер? — (К ним присоединился Уолтер Релей Уотерхауз Уим, он же Титул, который, как и Роджер, был вигом и членом палаты лордов.) — Я

слышал о таком методе, но…

— Нет, это была фигура речи, — признал Роджер.

Однако беззаботность Уима и Комстока — на самом деле своего рода йогическая практика для обретения душевного покоя — в случае Ньютона дала осечку.

— Что толку участвовать в прениях, если пренебрегать возможностью вставить слово? — спросил он.

— Это такие же прения, как на Тайберне в Висельный день. Виконт Болингброк будет вашим Джеком Кетчем. В лучшем случае рассчитывайте на последнее слово осуждённого. Наши ответы, если мы сумеем их дать, будут заключаться не в речах, а в поступках, и дадим мы их… за пределами… этой… палаты! — Роджер так рассчитал свой спич, что с последним словом переступил порог. Ньютон не посмел возразить, потому что зал был полон лордами светскими и духовными, рыцарями, придворными и секретарями. Тишина стояла, как в церкви, когда викарий запнётся посреди проповеди.

— Полтора месяца назад в Тауэре произошло нечто чудовищное.

Исключительно нехорошо со стороны Роджера

было окрестить ближнего Угрем, и всё же гость из другого времени и места, забредя в Звёздную палату, сразу понял бы, кого Роджер имел в виду. Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, статс-секретарь её величества, говорил, расхаживая по пустой середине палаты. Все остальные жались к стенам, словно мелкая рыбёшка в присутствии чего-то зубастого, сильного и скользкого.

— Лондонский свет — партия и оппозиция равно — предпринял все усилия, чтобы замолчать недавние события в Тауэре и представить их спонтанным возмущением толпы, которое незамедлительно подавил Собственный её величества блекторрентский гвардейский полк. Пожар в конюшнях на Тауэрском холме отвлёк местных жителей и создал дымовую завесу — вот и отлично. В истории это останется как бунт, если останется вообще. Однако грех — и моральный, и интеллектуальный — не разглядеть в событиях двадцать третьего апреля поваленный гроб. Происшествие необходимо расследовать и наказать виновных. Увы, милорд Оксфорд, лорд-казначей её величества, к большому моему разочарованию, не принял никаких мер.

Такой выпад в сторону соратника по партии озадачил всех. Лорды загудели. Болингброк умолк

и скользнул взглядом поверх голов. Лица у жмущихся по стенке господ стали такие, словно их хлестнули конским хвостом. Однако Болингброк смотрел не на них, а в сторону многочисленных канцелярий и приёмных казначейства.

Далее слова Болингброка полились в тщательно сохраняемую тишину. Даже те, кто стал мишенью нападок (несколько ближайших помощников Оксфорда, которых тут же вытолкнули вперёд), промолчали. Другими словами, это было не парламентское слушание. В зависимости от переменчивых прихотей королевы Анны Болингброк был то первым человеком в Англии, то вторым после Оксфорда. Сегодня он, очевидно, воображал себя первым и, вполне возможно, приехал в Звёздную палату прямо от государыни. Хотя Звёздная палата, так же как палаты лордов и общин, располагалась в придатке Вестминстер-холла, она воплощала не парламент — место прений, а монархию в более древнем смысле, с отрубанием голов неугодным. Жестокий суд Звёздной палаты отменили при Кромвеле, но помещение по-прежнему служило Тайному совету для разного рода дел. Одни проводились в соответствии с вековечным ритуалом, другие были сиюминутной импровизацией. Нынешнее

заседание, судя по всему, проходило по второй категории. Так или иначе, никто не говорил, пока Болингброк его не попросит, а Болингброк не просил.

— В Тауэре есть место, называемое Монетным двором. — Болингброк посмотрел на Ньютона. Тот встретил его взгляд прямо — мелочь, но примечательная. Роджер Комсток, да и любой другой человек, знакомый с порядками мира сего, посоветовал бы Ньютону опустить глаза — говорят, это в равной мере успокаивает бешеных псов и членов Тайного совета. Однако Ньютон большую часть времени пребывал в иных мирах. То, что такие, как Равенскар или Болингброк, считали наиболее значительным, он находил докучным и несущественным.

Болингброк не знал Исаака Ньютона. Ньютон был пуританин и виг, Болингброк — человек без определённых убеждений, но со спинномозговыми рефлексами тори-якобита. Он вступил в Королевское общество, потому что так делали все. С помощью Королевского общества некоторые виги, например, Пепис и Равенскар, творили волшебство: порождали банки, страховые ренты, лотереи, государственный долг и другие сверхъестественные способы извлекать власть и деньги

из ничего. Трудно винить таких, как Болингброк, если те вообразили, будто Королевское общество занято деньгами и властью. То, что Ньютон бросил Кембридж ради Монетного двора, только укрепило эти догадки. Если бы Болингброк знал истинные мотивы Ньютона — если бы понимание Ньютона можно было вложить в голову Болингброка, статс-секретаря её величества пришлось бы вынести из комнаты и несколько дней кряду поить опиумной настойкой. Поскольку этого не произошло, Болингброк считал, что предел Ньютоновых мечтаний — высокооплачиваемая должность, громкий титул и как можно меньше обязанностей.

А теперь Ньютон смотрел ему прямо в глаза. Немногим в христианском мире хватало духа играть в гляделки с виконтом Болингброком, и до сегодняшнего дня он думал, что знает их всех. То была его первая заметная встреча с Ньютоном и первый намёк, что Ньютон возглавил Монетный двор по каким-то не вполне ясным причинам.

— Как поживает её величество монета, сэр Исаак? — спросил Болингброк, вытаскивая табакерку, что дало ему повод спрятать глаза от леденящего взгляда Ньютона.

— Денежная система её величества крепка,

как никогда, милорд, — начал Ньютон и замолк, потому что Равенскар положил руку ему на копчик. Болингброк отвернулся, словно прячась от сэра Исаака, а на самом деле демонстрируя сторонникам своё изумление и веселье. Как должен был распознать всякий хорошо воспитанный человек, статс-секретарь отпустил шутку, чтобы создать свойскую атмосферу и дать Ньютону возможность ответить сходной остротой. Ньютон понял вопрос буквально, выказав недостаток воспитания и обнаружив свою нервозность. Странно! С чего бы он сразу бросился защищаться? Болингброк взял понюшку и вновь повернулся к Ньютону — но не раньше, чем всё перечисленное стало понятно людям, стоящим у него за спиной, и отразилось на их лицах. Всем стало мучительно стыдно за сэра Исаака, кроме самого сэра Исаака, который явно хотел одного: выслушать вопросы, ответить на них и уйти.

— Разумеется, сэр Исаак. Об этом и пойдёт речь дальше. Рад вас приветствовать и сожалею лишь, что остальные члены совета не сочли нужным явиться. — Это было произнесено негромко, как реплика одного актёру другому. Затем Болингброк выпрямился, прочистил горло и начал монолог: — С Монетного двора выходят монеты

её величества; на каждой из них отчеканены имя и благородный профиль государыни. Таким образом, чеканка монет всегда была делом и казначейства, и государственного совета. Подобно тому, как Чаринг-кросс — не Стрэнд и не Уайтхолл, а их перекрёсток, так и чеканка денег — соединение государственного совета и казначейства. Статс-секретарь, — продолжал Болингброк, имея в виду себя, — обязан вникать в её вопросы. Происходящее сегодня — начало, но отнюдь не конец публичной фазы расследования со стороны государственного совета. Я занимаюсь им негласно уже несколько недель и не хотел преждевременно оглашать результаты. Но узнав, что сэр Исаак Ньютон, директор Монетного двора, прибыл в Вестминстер по пустячному делу, порождённому воспалённой фантазией оппозиции, счёл возможным пригласить его сюда, дабы его визит не остался пустой тратой времени.

Кружа по залу, Болингброк оказался сейчас в таком месте, откуда мог смотреть прямо в лицо Ньютону через несколько ярдов превосходного персидского ковра.

— Сэр Исаак, — продолжал он. — В ходе расследования мне удалось выяснить, что в день нападения вас в Тауэре не было. Однако, когда

вы вернулись и узнали, что в ваше отсутствие произошла небольшая война, в вас, несомненно, взыграла ваша прославленная любознательность. К каким выводам вы пришли касательно *истинной* цели нападавших?

— Милорд, это была попытка — вынужден с прискорбием признать, в значительной мере успешная — шайки грабителей, видимо, предводительствуемой самим Джеком-Монетчиком, похитить сокровища короны, — сказал сэр Исаак Ньютон. У него за спиной Равенскар гадал, не удастся ли ударом локтя вывести из строя его голосовой аппарат.

— Быть может, вы яснее представите себе картину, если я скажу, что мои дознаватели схватили часть упомянутых преступников. Они пытались бежать в Дюнкерк и были задержаны Королевским флотом, — пояснил Болингброк, снисходительно улыбаясь наивности Ньютона. — Похищенные сокровища изъяты. Задержанных допросили поодиночке. Они, как один, показали, что Джек-Монетчик, даже захватив Тауэр и стоя на расстоянии полёта стрелы от неохраняемых сокровищ, презрел мишурный блеск драгоценностей и направился прямиком в хранилище ковчега.

— Это абсурд, — сказал Ньютон. — В ковчеге содержатся только образцы пенсов и гиней. Сокровища короны неизмеримо ценнее.

— Кража сокровищ была импровизацией со стороны невежественных пешек, которых не посвятили в истинную цель нападения. Это легко установить из показаний задержанных. Я сказал, что Джек-Монетчик направился к ковчегу.

— Я вас слышал, милорд, и говорю, что из хранилища ничего не похищено.

— Обратите внимание на тщательный выбор слов, — задумчиво обратился Болингброк к ухмыляющимся сторонникам. — Это ответ или математическая загадка? — Он стремительно повернулся к закрытой двери в дальней стене и приказал: — Вносите!

Служитель распахнул дверь, явив взглядам стоящих за ней джентльменов. Первый, самый высокий, шагнул в палату. Он был в сапогах, при шпорах и в очень хорошем наряде, включавшем накидку с капюшоном. На груди его висел медальон в форме борзой. Четыре человека, одетые сходным образом, следовали за ним, неся нечто вроде паланкина. Все заволновались, вообразив, будто прибыла государыня. Однако ноша была куда меньше, хоть и тяжелее королевы — нечто

прямоугольное, накрытое бархатным покрывалом.

— Все вы знаете мистера Чарльза Уайта, — сказал Болингброк, — капитана королевских курьеров, временно командующего Собственным её величества блекторрентским гвардейским полком вместо разжалованного полковника Барнса.

Гул неуверенных приветствий поднялся и опал, сменившись тишиной, когда четверо королевских курьеров опустили свой загадочный груз на пол между Ньютоном и Болингброком. Чарльз Уайт, владелец медвежьего садка в Ротерхите, знал, как подогреть волнение публики. Он выждал секунд пять, затем молодцевато шагнул вперёд и сдёрнул покрывало, явив взорам чёрный ящик с тремя висячими замками.

— По повелению милорда ковчег с Монетного двора доставлен, — объявил Чарльз Уайт.

— О, не глупите, это не испытание ковчега! — воскликнул Болингброк некоторое время спустя, когда все несколько успокоились и закончили перешёптываться. — Как вы знаете, при испытании присутствует королевский письмоводитель, а также лорд-казначей, который не счёл нужным приехать. О нет, нет, нет! Какая нелепость! Это

всего лишь текущий осмотр ковчега.

— А каков… э… регламент осмотра, милорд? Я никогда о таком не слышал, — сказал Равенскар. Он говорил вместо Ньютона, который ещё не обрёл дар речи — во всяком случае, так заключал Равенскар из того, что кожа под редеющими белыми волосами была тёмно-красная и в пупырышках.

— Разумеется, не слышали, ибо это экстраординарный случай. Прежде такого не делалось, потому что до недавнего времени ковчег всегда был под надёжной охраной. Честь охранять ковчег возложена на гарнизон Тауэра и в разное время доверялась разным полкам. В последний год обязанность эту исполнял Собственный её величества блекторрентский гвардейский полк, отличившийся несколько раз до того, как милорд Мальборо окончательно себя запятнал. При полковнике Барнсе, ныне разжалованном, полк пришёл в упадок. Там был первый сержант, некий Роберт Шафто. Палата, безусловно, будет изумлена, узнав, что сержант Шафто — брат Джека Шафто, который, предположительно, и есть Джек-Монетчик. Тем не менее Роберта Шафто — при многолетнем попустительстве Мальборо — держали в полку под тем предлогом,

что он давным-давно разорвал всякую связь с мистером Джеком Шафто. Ему и таким, как он, поручили охранять Монетный двор и ковчег в частности. Как я уже сказал, после событий двадцать третьего апреля полковника Барнса отстранили от командования, а недавно и Роберт Шафто сменил квартиру. Он по-прежнему в Тауэре, но не в казарме, а в каземате несколько иного рода. Здесь с ним беседует мистер Чарльз Уайт. Беседы пока были не особенно плодотворны, но я убеждён, положение вскоре изменится, ибо мистер Чарльз Уайт превосходно зарекомендовал себя умением доискиваться до правды. С тех пор как произошли упомянутые перемены, ковчегу ничто не угрожает — смею сказать, как и сокровищам короны. Однако никому не ведомо, что могло произойти с ним в тот год, когда он находился в безответственных, если не преступных руках полковника Барнса и сержанта Шафто. Вот почему мы сегодня собрались в этой палате для беспрецедентного дела: осмотра ковчега.

— Итак, подводя итог, я вынужден признать, что тоже отсутствовал во время нападения преступников, и этот позор мне никогда не избыть, — сказал Чарльз Уайт, заканчивая излагать ошеломлённой палате невероятную историю о

бессмысленной погоне, которая была предпринята под клятвенные заверения полковника Барнса и сэра Исаака Ньютона, что в результате они задержат Джека-Монетчика, а закончилась пожаром в пустой сторожевой башне и метаниями драгун по тёмным илистым отмелям. Перед закатом заметили одно или два судёнышка — их преследовали до наступления темноты. Сэра Исаака Ньютона нашли в трюме с дрейфующей развалины, где он вместе с другим престарелым натурфилософом-вигом забавлялся чёртиком из табакерки.

— Ваша преданность долгу, мистер Уайт, образец для нас всех, — возразил Болингброк. В его голосе ещё звучало веселье от подробности с чёртиком. — Византийские интриги, разыгранные в тот день, чужды умственному складу честного англичанина, и немудрено, что они ввели вас в заблуждение. Скажите, когда вы вернулись в Тауэр и увидели неописуемую картину, встревожились ли вы о сокровищах короны?

— Да, милорд, и торопливо направил туда стопы.

— Неужто в наше время кто-то ещё направляет стопы? — спросил Роджер.

Неуместная шутка была встречена всеобщим

молчанием.

— Обнаружив пропажу части сокровищ, я решил поначалу, что это всё объясняет.

— В каком смысле, мистер Уайт? — спросил Болингброк тоном дружественного перекрёстного допроса.

— Ну как же, милорд, я полагал, что целью преступников были сокровища короны, и все события того дня входили в их план.

— Вы употребили прошедшее время, мистер Уайт. Ваше мнение по данному вопросу изменилось?

— Лишь несколько недель спустя, после того, как некоторых преступников поймали и допросили, я начал видеть изъяны этой гипотезы. — Он неправильно поставил ударение в последнем слове.

— Но *гипотеза* представлялась наиболее правдоподобной, не так ли? Никто не находил погрешностей, пока задержанные не сообщили, что Джек-Монетчик пренебрёг сокровищами короны?

— Она и впрямь казалась правдоподобной, милорд, по крайней мере так я некоторое время себя убеждал. Однако более пристальный взгляд обнаруживает её несостоятельность.

— Каким образом, мистер Уайт?

— Экспедиция в устье Темзы, о которой я рассказал, очевидно, имела целью выманить меня и Первую роту гвардейцев из Тауэра.

— Всё на это указывает.

— И подстроило её, весьма ловко, некое лицо, состоящее в сговоре с Джеком. Лицо, которому был выгоден успех Джекова предприятия.

— Разумно, — заметил Болингброк. Потом напомнил Уайту: — Мы будем ждать такого рода признаний от сержанта Шафто.

— Считайте, что они уже получены, милорд. Однако Роберт Шафто — всего лишь сержант. Да, первый сержант полка, но…

— Я согласен, мистер Уайт, полковника Барнса тоже следует допросить! У него была возможность…

— Была, милорд, но — я прокручивал это в голове тысячу раз! — в тот день полковник Барнс не отдал ни одного самостоятельного приказа. *Я* попросил его отрядить роту к Шайвской башне, поскольку, по словам сэра Исаака, нам нужна была целая рота, чтобы справиться с засевшей там армией преступников.

— Мистер Уайт! Вы же не обвиняете в пособничестве себя?!

— Даже если бы и обвинил, милорд, мне бы не поверили, ибо теперь доказано, что Джек-Монетчик прорывался не к сокровищам, а на Монетный двор, к ковчегу. А какую выгоду мог бы я получить от компрометации ковчега?

— А разве она может быть кому-нибудь выгодна? — полюбопытствовал Болингброк.

— Не важно, — вмешался Исаак Ньютон, — *поскольку ковчег не был скомпрометирован*!

— Сэр Исаак! Мы ещё вас не выслушали. Ради тех здесь, кто впервые видит ковчег, не объясните ли вы его устройство и назначение?

— Охотно, милорд. — Ньютон стремительно выступил вперёд, и Равенскар, машинально выставивший руку, чтобы удержать его от падения в пропасть, схватил пустоту. — Он запирается на три замка — чтобы открыть крышку, надо снять все три. В самой крышке есть отверстие, чтобы небольшой предмет можно было положить в ковчег, не снимая замков. Однако механизм устроен так, что просунуть внутрь руку невозможно.

Ньютон продемонстрировал дверцу, работающую именно так, как он сказал.

— Каким образом используется ковчег? — спросил Болингброк, искусно разыгрывая воодушевлённое любопытство, какое обычно царило на

заседаниях Королевского общества.

Ньютон отвечал в том же тоне:

— Из каждой партии монет часть отбирают и помещают в ковчег. Я покажу, смотрите. — Он достал кошель и высыпал на ладонь несколько пенсов и гинею (разумеется, все свежеотчеканенные). Потом взял у писаря лист писчей бумаги, разложил на нём монеты и загнул углы, так что получился аккуратный конверт. — Сейчас я делаю это при помощи бумаги, на Монетном дворе используют кожу. Синфию, как мы называем такой конверт, зашивают. Работник пишет снаружи дату взятия образца и ставит печать, используемую только для этой цели. Затем… — Сэр Исаак вставил синфию в прорезь. Механизм сработал, и она упала внутрь.

— И время от времени, как хорошо известно великому знатоку денежных вопросов, милорду Равенскару, ковчег по приказу Тайного совета вносят в Звёздную палату и открывают, — сказал Болингброк, — после чего коллегия золотых дел мастеров, избранная из достойнейших представителей Сити, пробирует его содержимое.

— О да, милорд. В прежние времена это совершали четыре раза в год. Теперь не столь часто.

— Когда было последнее испытание ковчега,

сэр Исаак?

— В прошлом году.

— Вы хотите сказать, примерно в то время, когда военные действия на континенте закончились и Собственный её величества блекторрентский гвардейский полк возвратился в Тауэр?

— Да, милорд.

— Значит, на двадцать второе апреля сего года в ковчеге содержались образцы монет, отчеканенных за то время, что Блекторрентский полк охраняет Тауэр?

— Э… да, милорд, — отвечал Ньютон, гадая, что бы это могло означать.

— Мистер Чарльз Уайт полагает, что нападение на Тауэр подстроили люди, которым скомпрометировать ковчег было выгоднее, чем похитить сокровища! Как такое возможно, сэр Исаак?

— Я не желаю предаваться домыслам, милорд, *поскольку ковчег не скомпрометирован*.

— Откуда вы знаете, сэр Исаак? Джек-Монетчик провёл рядом с ним час.

— Как вы видите, он заперт на три замка, милорд. Я не могу ручаться за два, ибо они принадлежат смотрителю Монетного двора и лорду-казначею, но третий — мой. Ключ существует в единственном экземпляре и всегда находится

при мне.

— Я слышал, что можно открыть замок без ключа, при помощи… есть какое-то слово.

— Отмычки, милорд, — подсказал кто-то.

— Уж вигам ли не знать! Так вот, мог ли Джек открыть замок с помощью отмычки?

— Такие — не исключено. — Ньютон провёл рукой по двум первым замкам. Потом нежно взял в руку третий, словно Роджер Комсток — грудь своей любовницы. — Этот замок взломать практически невозможно. Взломать за час все три — невозможно абсолютно.

— Итак, ловкий малый, если бы у него был ваш ключ, открыл бы ковчег за час, взломав два других замка. Однако без вашего ключа такое исключено.

— Совершенно верно, милорд. — Ньютон краем глаза приметил какое-то движение и, повернувшись, увидел, что Равенскар изо всех сил машет руками и чиркает себя пальцем по горлу. Однако для Ньютона его жесты были так же непонятны, как ярмарочная пантомима.

Болингброк тоже их заметил.

— Милорд Равенскар вновь перепил кофия и у него приключились судороги, — предположил он, затем снова обратился к Ньютону: — Прошу вас,

снимите свой превосходный замок, сэр Исаак. — Затем манием руки подозвал двух джентльменов, которые стояли в углу, нервно теребя по ключу каждый. — Смотритель Монетного двора явился на наши слушания, и даже лорд-казначей удосужился прислать своего представителя с ключом. Мы увидим содержимое ковчега.

Ящик оказался на три четверти заполнен кожаными мешочками. Ньютонов бумажный конверт завалился в угол. Тот нагнулся, чтобы его достать, и, хотя сам этого не видел, все остальные заметили, что Уайт и Болингброк следят за директором Монетного двора, словно рассчитывают поймать его на каком-нибудь мошенничестве.

— Это ли вы ожидали увидеть, сэр Исаак? — осведомился Болингброк.

— На вид всё как *должно*, милорд. — Исаак снова нагнулся над ковчегом, вытащил синфию, осмотрел её и бросил обратно. Он вынул вторую и на этот раз задержал её перед глазами.

— Всё ли в порядке, сэр Исаак? — спросил Болингброк тоном искренней джентльменской озабоченности.

Сэр Исаак повернул синфию к окну.

— Сэр Исаак? — повторил Болингброк.

В палате стало очень тихо. Болингброк метнул

взгляд в смотрителя Монетного двора. Тот шагнул вперёд и, встав на цыпочки, заглянул Ньютону через плечо. Ньютон не шевелился.

Глаза смотрителя расширились.

Ньютон бросил мешочек, словно тот жёг ему пальцы, и попятился к Равенскару, как ослеплённый дуэлянт, ищущий защиты друзей.

— Милорд, — проговорил смотритель, — что-то не совсем так с последним пакетом. Надпись выглядит поддельной.

Чарльз Уайт коленом поддел крышку ковчега. Она захлопнулась с громом пушечного выстрела.

— Я объявляю ковчег уликой в расследовании преступления, — провозгласил Болингброк. — Заприте его на замки и принесите мою печать. Я опечатаю его, дабы предотвратить дальнейшие фальсификации. Мистер Уайт водворит ковчег на законное место в Тауэре и будет держать под охраной двадцать четыре часа в сутки. Я сообщу обо всём лордам Тайного совета. Надо думать, что совет распорядится в ближайшее время провести испытание ковчега.

— Милорд, — сказал Титул, выступая вперёд, — из чего вы заключили, что неприкосновенность ковчега была нарушена? Смотритель Монетного двора утверждает, что один из пакетов выглядит

странновато, но это не свидетельство. Сэр Исаак ещё ничего не сказал.

— Сэр Исаак, — проговорил Болингброк. — То, что очевидно большинству из нас, непонятно этому вигу. Он требует свидетельств. Никто не даст их лучше вас. Готовы ли вы присягнуть, что все монеты в ковчеге отчеканены в Тауэре, под вашим присмотром, и положены в него вашей рукой? Напоминаю, что каждая монета в ковчеге подлежит проверке при испытании ковчега, и вы, как директор Монетного двора, ответите за непройденное испытание по всей строгости.

— По древней традиции, — сказал Роджер Комсток, прикрывая рот ладонью, — недобросовестных монетчиков карают отсечением правой руки и кастрацией.

На каком-то этапе его тревога сменилась ужасом, теперь ужас уступил место завороженности.

Ньютон хотел ответить, но голос его не слушался; изо рта вырвалось только слабое блеяние. Наконец он, скривившись от боли, проглотил вставший в горле комок и с трудом выговорил:

— Присягнуть не могу, милорд. Без должного осмотра…

— Он будет проведён вскоре, при испытании ковчега.

— Прошу прощения, милорд, — снова встрял Титул, который из какого-то стадного инстинкта упрямо лез вперёд, обрекая себя на роль козла отпущения за всю партию, — но зачем проводить испытание ковчега, если имела место фальсификация?

— Чтобы изъять оттуда сомнительные монеты — тогда мы будет уверены, что все гинеи и пенни, положенные туда позже, суть истинные образцы продукции Монетного двора, *а не фальшивки, подброшенные в ковчег с целью скрыть злоупотребления*!

— Какая поэзия! — вскричал Равенскар, хотя его слова утонули в гуле, с которым обе партии стекались под знамёна вожаков и вооружались. — Сэр Исаак не смеет засвидетельствовать, что ковчег неприкосновен, ибо опасается фальшивок, подброшенных туда Джеком-Монетчиком, и не хочет брать на себя вину. Чтобы спасти руку и яйца, он должен признать, что ковчег был вскрыт — и таким образом навлечь на себя подозрение в недобросовестности и в нападении на Тауэр!

— Милорд, — вставил какой-то тори. — Вы предполагаете, что образцы монет за год исчезли — украдены Джеком-Монетчиком! Коли так, как мы докажем надёжность монет, находящихся

в обращении? Наши враги за рубежом объявят, что Монетный двор более года пускал в обращение порченую монету.

— Вопрос чрезвычайно серьёзен, — признал Болингброк. — Это тоже забота государственного совета, ибо благополучие государства зиждется на торговле, а та, в свою очередь, на крепости государственной денежной системы. Если заговорщики и впрямь лишили нас ковчега, мы можем собрать образцы монет, находящихся в обращении, и проверить их.

Равенскар сказал Ньютону не поднимать носовых платочков, оброненных Болингброком; Ньютон, в спокойной уверенности человека, которому нечего скрывать, пренебрёг советом. Теперь ему поздно было менять привычки.

— Милорд, я протестую! — воскликнул он. — Описанный вами метод никогда не применяется, поскольку образцы денег, находящихся в обращении, неизбежно будут содержать какую-то — неизвестную — долю фальшивок, изготовленных такими, как Джек Шафто. Неразумно и несправедливо возлагать на меня вину за эти фальшивки.

Казалось, Болингброк оценил несгибаемое упорство Ньютона.

— Сэр Исаак, в ходе расследования я ознако-

мился с идентурой, которую вы подписали при вступлении в должность. Она хранится в Вестминстерском аббатстве, недалеко отсюда. Если вы хотите освежить её в памяти, мы можем туда пройти. Если я не ошибаюсь, в этом документе вы торжественно клялись преследовать и карать фальшивомонетчиков. До сих пор я полагал, что вы исполняете свой долг. Теперь вы свидетельствуете об обратном. Скажите, сэр Исаак, если мы проверим находящиеся в обращении монеты и обнаружим их порчу, будет это означать, что вы пренебрегли своим долгом, состоящим в искоренении монетчиков? Или что вы чеканили порченую монету ради обогащения себя и своих друзей-вигов? Или что вы *сначала* начали разбавлять золото неблагородными металлами, а *затем* позволили монетчикам расплодиться, дабы замести следы? Сэр Исаак? Сэр Исаак? А, он потерял интерес…

На самом деле сэр Исаак потерял сознание или был к тому близок. В продолжение последней речи Болингброка он медленно оседал на пол, словно поставленная на жаровню свеча. Дышал он часто, а его конечности тряслись, как от озноба. Однако руки, приложенные ко лбу сэра Исаака, ощутили холодную сухость кожи, а паль-

цы, прижатые к основанию шеи, отдёрнулись, так яростно бился его пульс. Он был охвачен не болезнью, а приступом необоримого страха.

— Отнесите его в мою карету, — распорядился Роджер Комсток, — и доставьте ко мне домой. Там мисс Бартон. Она прекрасно знает своего дядю и позаботится о нём лучше, чем, не приведи Господи, врачи.

— Видите? — обратился Болингброк к Чарльзу Уайту, взиравшего на него с восхищением, как ученик — на мастера. — И без всякого откусывания ушей. Это ещё безделка. Другие так на месте и умирали. Хотя для этого, конечно, нужна склонность к апоплексии. — Он готов был продолжать лекцию, но тут его внимание привлёк маркиз Равенскар. Покуда другие виги занимались непривычной работой — выносили сэра Исаака Ньютона из помещения, — Равенскар спокойно стоял в дальнем его конце. Сейчас он поднял руку. Кто-то вложил в неё трость. Равенскар вскинул её, и Чарльз Уайт, ожидая драки, шагнул вперёд. Тут он сообразил, что глупит, и сцепил пальцы перед медальоном с серебристой борзой, рассеянно потирая шрам, идущий через всю тыльную сторону ладони. Болингброк только выгнул бровь.

Маркиз Равенскар продолжал поднимать трость, пока кончик её не указал на расписанный звёздами потолок. Приблизив набалдашник к лицу, он резко опустил трость. То был салют фехтовальщика: жест уважения и сигнал, что сейчас последует убийственная атака.

— Идёмте в «Кит-Кэт», — сказал он Титулу и другим вигам, ещё не нашедшим в себе сил двинуться с места. — Я уступил карету сэру Исааку, но с удовольствием пройдусь пешком. Боже, храни королеву, милорд.

— Боже, храни королеву, — отвечал Генри Сент-Джон, виконт Болингброк. — Желаю вам хорошо прогуляться, Роджер.

Сад Герренхаузенского дворца, Ганновер
23 июня (н. стиль), 12 июня (ст. стиль) 1714

— Я тебя люблю.

— Йа тепья луплу.

— Я тебя люблю.

— Я тепя лублу.

— Всё равно не так.

— Как ты можешь отличить? Для меня это «я тебя люблю» — всё равно что молотком по жести. Как можно такими звукам сказать *«ich liebe dich»*[4]?

— Мне можешь говорить как угодно. Однако над некоторыми гласными надо ещё поработать. — Иоганн фон Хакльгебер поднял голову с Каролининых колен, замер — его растрепавшаяся косица, перехваченная на затылке лентой, зацепилась за перламутровую пуговку — и, наконец, освободив волосы, сел прямо.

— Смотри на мои губы, на мой язык, — сказал

---

[4] Примечания: 4
Я тебя люблю (*нем.*).

он. — «Я тебя люблю».

На этом урок английского закончился. Не то чтобы ученица плохо смотрела на губы и язык наставника. Смотрела она как раз очень внимательно, но явно не для того, чтобы улучшить произношение гласных.

— *Noch einmal, bitte*[5], — попросила Каролина, а когда Иоганн выгнул соломенные брови и открыл рот, чтобы сказать: «Я», впилась в него и слово «тебя» почувствовала губами и языком, но ровным счётом ничего не услышала.

— Вот так куда доходчивее, — объявила она после нескольких повторений.

Косица растрепалась окончательно, главным образом по вине Каролины, которая двумя руками держала голову Иоганна и вытягивала белокурые пряди из-под чёрной ленты, приводя их в живописный беспорядок.

— Говорят, твоя матушка была красивейшей женщиной в Версале.

— Я слышал, что так говорили о брате французского короля.

— Перестань! — Она легонько хлопнула его по скуле. — Я хотела сказать, что у тебя её наруж-

---

[5] Примечания: 5
Ещё раз, пожалуйста (*нем.*).

ность.

— А теперь?

— Теперь спрошу, в кого ты такой злоязычный.

— Прошу ваше высочество меня простить, я не знал, что вам так дорог покойный брат французского короля.

— Подумай о его вдове, Лизелотте, которая ещё жива и чуть ли не каждый день обменивалась письмами с той, кого мы сегодня хороним…

— Связь столь неочевидная, что я…

— В таком деле всякая связь очевидна. Весь мир скорбит о Софии.

— За исключением нескольких лондонских гостиных.

— Хоть на сегодня избавь меня от своего зубоскальства и дай полюбоваться твоей наружностью. Тебе надо побриться!

— Доктор наверняка объяснял тебе про равноденствия и солнцестояния.

— Как они связаны с бритьём? Смотри, будь я в перчатках, они бы порвались об эту кабанью щетину! — Каролина вдавила большой палец в его щёку и сдвинула её вверх к самой скуле. Теперь Иоганн больше не походил на сына прекраснейшей женщины Версаля и гласные произносил отнюдь не безупречно, когда сказал:

— Свидание в саду, с первым светом дня, романтично, и в нежном свете зари твое лицо ярче любого цветка, сочнее любого плода…

— А твои золотая грива и кабанья щетина лучатся, мой ангел.

— Однако мы живём на пятидесяти градусах северной широты…

— Пятидесяти двух градусах и двадцати с лишним минутах, как ты знаешь, если доктор учил тебя, как и меня, пользоваться квадрантом.

— Скоро солнцестояние, и «первый свет дня» на такой широте соответствует примерно двум часам ночи.

— Пфуй, сейчас не может быть так рано!

— Я обратил внимание, что фрейлины ещё к тебе не прикасались…

— Хм…

— Что меня несказанно радует, — поспешил добавить Иоганн, — поскольку пудра, шнуровка и мушки лишь портят то, что было изначально безупречным.

— Сегодня придётся пудриться и шнуроваться дважды, — посетовала Каролина. — Первый раз к приёму гостей, второй раз — к похоронам.

— Твоё счастье, что у тебя такой доблестный муж, который примет на себя главный удар, — за-

метил Иоганн. — Стой за его спиной, обмахивайся веером и делай скорбное лицо.

— Я и впрямь скорблю.

— И с каждой минутой — всё меньше, — сказал Иоганн. Слова были довольно жестокие, но он немало общался с особами королевской крови и знал их натуру. — Теперь твои мысли постепенно обращаются к другому. Ты готовишься принять бремя власти.

— Лучше б не напоминал! Испортил мне всё настроение.

Иоганн фон Хакльгебер поднялся. Руку Каролины он перед этим взял в свою и продолжал держать.

— Боюсь, мне сегодняшнее утро испортили ещё загодя. У меня встреча. Такая, от которой не отговоришься словами: «Очень сожалею, но в этот час я занят: наставляю рога принцу Уэльскому».

Каролина, как ни крепилась, не сумела сдержать улыбку.

— Он пока ещё формально не принц Уэльский. Мы должны поехать в Англию, чтобы нас коронировали.

— Короновали. Увидимся через несколько часов, моя госпожа, моя принцесса.

— И?..

— Моя возлюбленная.

— Удачи тебе в твоём неведомом предприятии, возлупленний.

— Ничего особенного — просто встреча со страдающим бессонницей англичанином.

Если Каролина и хотела спросить что-нибудь ещё, она опоздала: Иоганн бросил последние слова через плечо, отпирая железную калитку. Дальше принцесса слышала лишь затихающий хруст гравия. Она осталась одна под искривлёнными ветвями Тойфельсбаума.

Она не сказала Иоганну, что здесь умерла София, боясь, что грустное напоминание остудит его пыл. Наверное, ей не следовало опасаться: ничто не может остудить пыл двадцатичетырёхлетнего юноши. Сама же она пережила смерть отца, матери, отчима, любовницы отчима, приёмной матери (Софии-Шарлотты), а теперь и Софии. Болезни и смерть близких лишь усиливали её пыл, желание забыть о страшном и ловить наслаждение, пока тело молодо и здорово.

Теперь она вновь отчётливо услышала хруст гравия. Он доносился с одной из трёх дорожек, ограничивающих железную клетку Тойфельсбаума. На миг принцесса подумала, что Иоганн передумал и вернулся, но нет — за первым ша-

гом не последовало второго. Через довольно долгое время принцесса всё-таки уловила звук, приглушенный, как будто кто-то ступает очень осторожно, и затем: «Тсс!» — такое отчётливое, что она обернулась на голос.

Все значимые люди знали, что у Каролининого мужа есть любовница — Генриетта Брейтвейт, и всякий, кто удосужился бы полюбопытствовать, мог выяснить, что у Каролины есть Жан-Жак (как она нежно звала Иоганна). В качестве места для любовных свиданий, интриг и крадущихся шагов Большой сад Герренхаузена почти не уступал Версалю. Не то чтобы Каролина боялась соглядатаев. Разумеется, за ней следили. Речь шла скорее об этикете. Для тайных осведомителей говорить друг другу: «Тсс!» в нескольких ярдах от неё — всё равно что пукнуть за обедом. Каролина набрала в грудь воздуха и резко выдохнула. Пусть ведут себя прилично!

Она так и не узнала, внял ли осведомитель её предупреждению, потому что всё заглушил грохот железных ободьев и конских ног. Упряжка приближалась, лошади дышали тяжело. Очевидно, кто-то гнал всю ночь. Коли так, не он один: европейская знать устремилась в Герренхаузен; самое большое, самое неуправляемое, самое экс-

центричное семейство в мире, связанное самым большим числом близкородственных браков, воспользовалось смертью Софии как поводом собраться вместе. Каролина со вчерашнего дня почти не сомкнула глаз — встречала поздних гостей.

Она встала со скамьи. Сквозь ветви на дороге угадывались два бурых пятна.

— Сцилла! Харибда! — выкрикнул хриплый голос и тут же смолк.

Нырнув под нависающие ветки, Каролина увидела двух больших псов. Оба часто дышали, роняя слюну. Её отделяла ограда, поэтому она без опаски подошла ближе, аккуратно переступая через конечности Тойфельсбаума, которые ещё не определились, кто они: корни, ветви или гибкие плети. Упряжка — четыре подобранных в масть гнедых — везла чёрную карету, когда-то блестящую, а сейчас сплошь покрытую пылью. От колёс по чёрному полированному кузову расходились кометные хвосты грязи. Тем не менее Каролина разобрала герб на дверце: негритянские головы и королевские лилии дома Аркашонов, серая башня герцогства Йглмского. Над ними — открытое окно. В окне — лицо, удивительно похожее на то, которое она целовала несколько минут назад,

только без щетины.

— Элиза!

— Останови, Мартин.

Элизино лицо заслонили ветки, но Каролина слышала улыбку в её голосе. Мартин — надо понимать, кучер — натянул вожжи. Лошади замедлили шаг и остановились.

Каролина подошла уже к самой ограде. Тойфельсбаум подстригали, чтобы садовники могли проходить по его периметру. Каролина зашагала к калитке, ведя рукой по железным прутьям, дабы не упасть, если подол вдруг зацепится за сучок.

Два лакея слезли с запяток, двигаясь так, словно руки и ноги у них в лубках. Неизвестно, сколько они простояли, вцепившись одеревенелыми руками в поручень. Элиза, не утерпев, пока они откроют дверцу, толкнула её ногой. Она едва не заехала лакею по носу, но тот, мгновенно оправившись от неожиданности, подставил невысокую лесенку и помог герцогине Аркашон-Йглмской вылезти из кареты — хотя ещё вопрос, кто кому помогал. Мастифы Сцилла и Харибда уселись, не сводя глаз с Элизы и выметая хвостами на дорожке аккуратные, свободные от гравия сектора.

Элиза была одета в тёмное — то ли для путе-

шествия, то ли по печальному поводу, то ли по обеим причинам сразу; голову её покрывал чёрный шёлковый шарф. Ей давно перевалило за сорок; внимательный наблюдатель (а в эту женщину многие вглядывались внимательно) мог предположить, что в золоте её волос кое-где пробивается серебро. Кожа в уголках глаз и рта честно свидетельствовала о возрасте.

Число её поклонников с годами не уменьшилось, но состав их изменился. Когда-то, юной особой в Версале, она обратила на себя внимание короля; тогда её домогались любвеобильные придворные щеголи. Теперь, пройдя через замужество, роды, оспу и вдовство, она сделалась объектом интереса со стороны влиятельных сорока-, пятидесяти- и шестидесятилетних мужчин, которые шёпотом обсуждали её в клубах и салонах. Иногда кто-нибудь из них, расхрабрившись, совершал вылазку и дарил ей загородный дворец или что-нибудь в таком роде. Дело всегда кончалось тем, что он отступал, потерпев поражение, но не потеряв достоинства, покрытый боевыми шрамами и заметно выросший в глазах снедаемых любопытством товарищей. Быть отвергнутым дамой, которая, по слухам, спала с герцогом Монмутским, Вильгельмом Оранским

и Людовиком XIV, значило отчасти приобщиться к этим легендарным фигурам.

Ничего из сказанного, разумеется, не имело значения для Каролины, потому что Элиза никогда не говорила с ней о своих воздыхателях, а когда они оказывались вдвоём, было решительно не важно для обеих. Однако на людях Элиза должна была себе об этом напоминать. Для Каролины Элизина репутация была ничто, для остальных — всё.

— Я прогуляюсь по саду с её высочеством, Мартин, — сказала Элиза. — Езжай в конюшню, позаботься о лошадях и о себе.

Дамы Элизиного ранга редко утруждали себя подобными мелочами, но Элизу всегда заботили практические частности и никогда — сословные рамки. Если Мартин и удивился, то не подал виду.

— Спасибо, госпожа, — невозмутимо произнёс он.

— Лошадьми займутся наши конюхи — можешь передать им, что я велела, — сказала Каролина. — А ты, Мартин, позаботься о себе.

— Премного благодарен, ваше высочество, — отвечал Мартин. В голосе его сквозила усталость, но не от долгой дороги, а от знатных дам, пола-

гающих, будто он не в состоянии приглядеть за собственными лошадьми. Он тряхнул вожжами, и упряжка тронулась с места, натягивая постромки. Лакеи, успевшие немного размять ноги, вспрыгнули на запятки; псы заскулили, не зная, оставаться им с хозяйкой или бежать за каретой. Элиза взглядом заставила их умолкнуть, а Мартин нечленораздельным возгласом позвал за собой.

— Идёмте к калитке, не будем говорить через прутья, — сказала Каролина и двинулась в ту же сторону, что и карета. Элиза зашагала по дорожке. Они шли по разные стороны ограды на расстоянии вытянутой руки, но Каролина пробиралась через лес, а Элиза ступала по гравию. — Вы же не прямо из Лондона?

— Из Антверпена.

— А. И что герцог?

— Шлёт вам поклоны и соболезнования. Как вы знаете, он всегда восхищался Софией и желал бы присутствовать на похоронах. Однако он встревожен последними вестями из Лондона и не хочет уезжать туда, куда письма идут дольше.

Они подошли к калитке. Каролина взялась за щеколду, но Элиза её опередила: отодвинула засов, распахнула калитку и бросилась принцессе

на шею. Как непохоже это было на церемонные встречи, которые предстояли Каролине до конца дня! Когда наконец маленькая женщина выпустила высокую из объятий, щеки её, которых не коснулись ни румяна, ни пудра, блестели от слёз.

— Лет в шестнадцать я жалела себя и злилась на мир за то, что сперва рабство, а затем смерть отняли у меня мать. Теперь, подсчитывая сумму ваших утрат, я стыжусь своей тогдашней слабости.

Каролина ответила не сразу. Отчасти потому, что её тронула и даже смутила такая прямота женщины, прославленной своей сдержанностью. Отчасти потому, что сзади раздался шум. Мартин круто повернул на углу ограды, и теперь карета грохотала по другую сторону Тойфельсбаума.

— Иногда мне кажется, что я и есть сумма моих утрат, — сказала наконец Каролина. — И коли так, каждая утрата делает меня больше. Надеюсь, мои слова не слишком вас расстроили, — торопливо добавила она, потому что по телу герцогини прошла лёгкая судорога рыдания. — Однако так я ощущаю мир. И знаете, мне чудится, будто я наследница Зимней королевы, хоть и не связана с ней по крови. Я думаю, что мне суждено вернуться в Англию вместо неё. Вот почему я попросила

вас купить Лестер-хауз, в котором она родилась.

— Я не купила его, а вложила в него средства, — ответила Элиза.

— Тогда я надеюсь, что ваши вложения окажутся не напрасными.

— У вас есть основания полагать иначе?

— Ваши новости из Антверпена, и другие, доставленные мне в последнее время, заставляют усомниться, что я когда-нибудь увижу Британию, не говоря уже о том, чтобы ею править.

— Вы будете ею править, дорогая. Мальборо тревожит судьба не страны, а одного полка, близкого его сердцу и недавно ставшего жертвой якобитов. Он беспокоится о некоторых офицерах и сержантах и пытается выяснить их судьбу.

— То, что случилось с одним полком, может случиться со всей страной, — сказала Каролина и обернулась на собачий лай в дальнем конце древесного гордиева узла. Мартин по-голландски звал собак назад. Вероятно, они погнались за белкой, которых здесь был легион.

Вновь повернувшись к Элизе, Каролина поняла, что та оценивающее её разглядывает. Очевидно, герцогиня осталась довольна увиденным.

— Я рада, что мой сын вас нашёл, — сказала она.

— Я тоже, — призналась Каролина. — Скажите честно: вы искали в саду меня или его?

— Я знала, что вы будете вместе. Сдаётся, мы не намного с ним разминулись. — Элиза сняла с перламутровой пуговки на принцессиной талии длинный белокурый волос.

— Он вас ждал и был уверен, что вы приедете неожиданно. Он ушёл прогуляться с каким-то англичанином.

Элиза внезапно выступила вперёд, твёрдой рукой отодвинув Каролину. Лицо её было встревожено, вторая рука метнулась за пояс. Кто-то ломился к ним через Тойфельсбаум. Сцилла и Харибда носились вдоль ограды, как очумелые, ища дыру.

Из зарослей вышел человек и остановился. Первым делом они заметили, что в руке у него кинжал, и только потом — что это один из Элизиных лакеев. Парик он потерял, продираясь через Тойфельсбаум, но его можно было узнать по ливрее. По лицу вряд ли; оно было искажено страхом и яростью; Каролина предположила, что так выглядит боевой раж.

— Ян, в чём дело? — спросила Элиза.

Ян посмотрел на дорогу, убедился, что Сцилла и Харибда отыскали калитку и теперь носятся

кругами, прикрывая тыл, после чего, так ни слова и не сказав, шагнул назад в заросли.

Что-то толкнуло Каролину в плечо — это была Элиза. Принцесса попыталась отставить ногу, чтобы не рухнуть, но Элиза предусмотрительно сделала ей подсечку. Они упали, Каролина снизу. Элиза, вместо того чтобы приземлиться на неё всей тяжестью, подставила ладони и оказалась на четвереньках. В следующий миг она выпрямилась и, сидя на лежащей принцессе, обвела взглядом местность.

Второй лакей вышел с противоположной стороны и теперь присоединился к Сцилле и Харибде у калитки. У него тоже был в руке кинжал. Однако Элиза не дала принцессе встать. По дороге прогрохотал экипаж — бедняга Мартин еле-еле сдерживал готовых понести лошадей.

— Что случилось? — вопросила Элиза, когда он наконец остановил упряжку.

Кучер тоже не торопился отвечать. Он привстал на козлах и оглядел лес. В руке он держал пистолет и поворачивал его вместе со взглядом, чтобы; увидев, выстрелить в тот же миг.

— По ту сторону этого чудного дерева собаки учуяли злоумышленников, — мягким голосом сообщил он.

Даже придавленная к земле герцогиней, Каролина сохраняла натурфилософическую пытливость.

— Откуда вы взяли, что это не благонамеренная белка? — спросила она.

— По тому, как вели себя собаки, — ответил Мартин, явно раздражённый вопросом. — Они пробежали по следу от ограды, через которую эти люди, надо думать, перелезли, до соседней части сада, но тут я крикнул им искать госпожу. Когда я поворачивал сюда, то увидел, как по дороге со всех ног бегут двое.

— К нам?

— Прочь от нас, госпожа.

— Луки? Ружья?

— Ни того ни другого, госпожа.

Лишь теперь Элиза поднялась на ноги и потянула за руку Каролину, помогая встать. Лакеи продолжали рыскать вокруг с обнажёнными кинжалами.

— Необычная процедура, — заметила Каролина.

— В Константинополе — вполне заурядная.

— Где вы набрали слуг? — спросила Каролина.

— На палубе капера в Дюнкерке. У меня там был знакомый приватир, некий Жан Бар. Он был ко

мне неравнодушен и пёкся о моей безопасности.

Элиза снова повернулась к Мартину.

— Ты узнаешь их, если увидишь снова?

— Госпожа, они были в чёрных балахонах, вроде монашеских, с опущенными капюшонами. Думаю, балахоны мы найдём брошенными не дальше, чем на выстрел отсюда.

— А убийцы смешаются с гостями раньше, чем мы доберёмся до дворца, — заметила Элиза.

— Вероятно, — согласилась Каролина, потом воскликнула: — Простите, вы сказали: «убийцы»?!

— Письмо принцессы Каролины ко мне было запечатано в присутствии Еноха Роота и вручено ему раньше, чем застыл воск. Мистер Роот поехал отсюда в Амстердам по западной дороге без особой спешки, но и без промедлений. Через два дня он был в Схевенингене, ещё через три — в Лондоне. На то, чтобы отыскать корабль и отплыть в Нью-Йорк, ушла неделя. Путешествие через океан не было особенно долгим. Проведя на острове Манхэттен всего ночь, он верхом отправился в Бостон и отыскал меня в день своего прибытия. Письмо оставалось при нём с той минуты, как было запечатано в Лейнском замке.

Странный англичанин кивнул на городские

укрепления Ганновера, угадывающиеся в дымке на дальнем конце Герренхаузенской аллеи.

Молодой барон, приметив, что отстал, прибавил шаг.

— Скажите, а вы с Енохом — я называю его Енохом, потому что он старый друг нашей семьи…

— Мне казалось, что он числился её членом, очень давно, когда его звали иначе.

— Это другой разговор для другого дня, — ответил барон на хорошем английском. — Мой вопрос: обсуждали ли вы с Енохом ваше дело в Бостоне при посторонних?

— Да, в таверне. Однако мы были очень осторожны. Я не сказал, от кого письмо, даже собственной жене. Сообщил только, что меня вызвало в Англию влиятельное лицо.

— А само письмо?

— Мистер Роот показал нескольким людям печать. Они могли сделать вывод, что письмо из Ганновера.

— Будьте добры, продолжайте.

— Всё очень просто. Тем же вечером я был на «Минерве». В течение месяца нас удерживали у берега противные ветра. И вдруг на нас обрушивается целый пиратский флот! Чёрт возьми, это было нечто невообразимое! За всю свою жизнь…

Иоганн фон Хакльгебер, чувствуя, что рассказчик сейчас ударится в многословие, перебил:

— Говорят, пиратов у берегов Новой Англии больше, чем у собаки блох.

— Да, там были такие, — с неожиданным энтузиазмом произнёс Даниель Уотерхауз. — Жалкие разбойники на гребных суденышках. С ними мы расправились без труда. Я говорю о настоящем флоте под командованием бывшего британского капитана по имени Эдвард Тич.

— Чёрная Борода! — вырвалось у Иоганна раньше, чем он успел прикусить язык.

— Вы о нём слышали.

— О нём пишут в авантюрных романах, которые бочками продаются на Лейпцигской книжной ярмарке. Не то чтобы я стал такие читать…

Иоганн замер в напряжённом ожидании, боясь, что Даниель Уотерхауз не способен оценить иронию и примет его за чванливого барончика. Однако старик поймал шутку на лету и отбил, как мяч:

— Выяснили ли вы в своих *исследованиях*, что Чёрная Борода связан с якобитами?

— Я знаю, что его флагман зовётся «Месть королевы Анны», и могу из этого заключить, на чьей он стороне.

— Он атаковал корабль, на котором я находился, «Минерву», и потерял одно или два судна в попытке меня захватить.

— Вы имеете в виду «захватить «Минерву», или…

— Я сказал то, что имел в виду. Он назвал моё имя. И любой другой капитан меня бы выдал, но Отто ван Крюйк не отдаст пиратам червивого сухаря, не то что пассажира.

— Если позволите, я сыграю роль скептика. В Бостон, который с ваших слов представляется лагерем поселенцев в лесной глуши, приезжает Енох и начинает размахивать конвертом с ганноверской печатью. Это не могло не возбудить любопытства. Ваш отъезд наверняка обсуждал весь город.

— Как пить дать, обсуждает до сих пор.

— В каждом порту есть люди, которые передают такого рода сведения пиратам и другим преступникам. Вы сказали, что штиль задержал вас на целый месяц.

— Я скорее употребил бы слово «шторм»…

— За такой срок весть наверняка облетела все пиратские бухты Новой Англии. Тич мог сделать вывод, что вы — важная особа, за которую заплатят большой выкуп.

— В этом я убеждал себя всю дорогу через Атлантику, чтобы успокоить свои страхи, — сказал Даниель. — Я даже приучил себя закрывать глаза на главный недостаток этой гипотезы, а именно, что за пределами Берберийского побережья пираты редко берут пленников с целью получить выкуп, особенно стариков, которые, того гляди, отдадут концы. Однако, едва я въехал в Лондон, меня или кого-то, находившегося рядом со мной, попытались взорвать. За последующие два месяца я получил сведения из двух разных источников, одного высокого и одного низкого, что здесь, в Ганновере, есть шпион, связанный с лондонскими якобитами.

— Об этом я хотел бы услышать поподробнее. — Минуту назад Иоганн пытался успокоить нелепые опасения старого англичанина; теперь сам встревожился не на шутку.

— Мой старый знакомый…

— Знакомый, но не друг?

— Мы такие старые друзья, что порой не разговариваем по двадцать лет кряду. Взорвалась адская машина, начинённая порохом. Убить хотели либо меня, либо его, либо нас обоих. Он начал расследовать эту историю, используя свои возможности, которые превосходят мои

практически во всех отношениях. Он узнал, что высокопоставленные якобиты…

— Болингброк?

— …высокопоставленные якобиты получают сведения из источника, близкого к курфюрстшему двору. От кого-то, кто, судя по оперативности и точности депеш, вхож и в Лейнский дворец, и в Герренхаузен.

— Вы сказали, что кроме высокого источника у вас был ещё и низкий?

— Я знаком с человеком, у которого обширные связи на лондонском дне — среди воров, монетчиков и тому подобного люда, то есть той самой публики, из которой Чёрная Борода вербует свою команду.

— И вы доверяете такому субъекту?

— Безотчетно, иррационально, вопреки логике — доверяю. Я его пастырь, он — мой ученик и телохранитель, но это другой разговор для другого дня.

— Склоняю голову.

— Он навёл справки и выяснил, что приказ захватить меня поступил Эдварду Тичу из *Лондона*.

— Вот уж не знал, что пираты исполняют приказы Лондона.

— О, напротив, это древняя, освящённая веками традиция.

— Итак, исходя из полученных *данных*, вы остановились на гипотезе, что некий *здешний* шпион узнал о письме, которое её высочество отправила вам с Енохом Роотом, сообщил об этом высокопоставленным якобитам в Лондоне, а те отправили депешу Эдварду Тичу, используя в качестве Меркурия кого-то из лондонских преступников.

— Такова моя гипотеза, превосходно изложенная.

— Гипотеза хороша. У меня только один вопрос.

— Да?

— Почему мы гуляем по Герренхаузенской аллее ни свет ни заря?

— Помилуйте, солнце взошло много часов назад!

— Мой вопрос остаётся в силе.

— Вы знаете, зачем я приехал в Ганновер?

— Явно не на похороны, потому что когда вы сюда приехали, София была жива. Если память меня не подводит, вы были в составе делегации, доставившей Софии письмо, которое, как говорят, её и убило.

— Я такого не слышал!

— Говорят, оно было столь едким, что курфюрстина скончалась на месте.

— Виконт Болингброк славится такого рода талантом, — задумчиво проговорил Даниель, — и письмо, вероятно, написал он. Однако речь о другом. Да, меня включили в делегацию в качестве символического вига. Вероятно, вы уже видели моих спутников-тори.

— Имел неудовольствие. И всё же, почему мы идём по Герренхаузенской аллее в такую рань?

— По пути из Лондона мне подумалось, что если у якобитов и впрямь есть в Ганновере шпион, мои спутники-тори постараются с ним встретиться. Поэтому я с самого начала был начеку, одновременно распространяя слух и поддерживая иллюзию, будто выжил из ума и вдобавок туг на ухо. Вчера вечером, за обедом, я услышал, как два тори спрашивают незначительного ганноверского придворного: что за парк тянется к северу и к западу от Герренхаузена до берега Лейне? Твёрдая там почва или болото? Есть ли там приметные ориентиры, вроде большого дерева…

— Есть старый высокий дуб чуть впереди и справа от нас, — сказал Иоганн.

— Знаю, потому что именно так ответил ганноверец.

— И вы предполагаете, что они подыскивали место для встречи со шпионом. Но почему вы избрали столь неурочный час?

— Вся делегация будет на похоронах Софии. Сразу за тем мы отбываем в Лондон. Другого времени не будет.

— Надеюсь, вы правы.

— Я знаю, что прав.

— Откуда?

— Я велел слуге разбудить меня тогда же, когда других англичан. Он поднял меня на рассвете.

С этим словами Даниель Уотерхауз двинулся наперерез, заставив Иоганна остановиться. Даниель шагнул с центральной дороги в просвет между липами, отделяющими её от более узкой боковой. Иоганн последовал за ним и, обернувшись в сторону Ганновера, увидел одинокого всадника.

Даниель уже нырнул в парк и отыскал вьющуюся среди кустов тропку. Несколько минут Иоганн шёл за ним, пока справа не замаячила крона огромного дуба. Издали доносились голоса, говорящие не по-немецки. На слух Иоганна они звучали, как молотком по жести.

Он едва не споткнулся о Даниеля Уотерхауза, присевшего на корточки за кустом, и, последо-

вав его примеру, посмотрел в ту же сторону. На вержение камня от них, под раскидистым дубом, словно три натурщика, позирующие для буколической сцены, расположились трое английских тори, прибывших с Даниелем из Лондона.

— Сэр, я в равной степени восхищаюсь вашей проницательностью и дивлюсь тому, что человек ваших лет и достоинства проделывает такие вещи.

Даниель повернул голову, чтобы взглянуть Иоганну в глаза; морщинистое лицо было серьёзным и спокойным. Сейчас он ничуть не походил на впавшего в детство старика, который вчера за обедом, к смущению соотечественников, закапал вином рубашку.

— Я не напрашивался на приглашение вашей принцессы, а получив его, не хотел ехать. Однако, будучи приглашён и приехав, я намерен показать себя наилучшим образом. Так учили меня отец и люди его эпохи, которые сметали с пути истории не только королей и правительства, но целые системы мышления. Я хочу, чтобы мой сын в Бостоне знал о моих поступках, гордился ими и передал мои принципы другим поколениями на другом континенте. Противник, не знающий этого обо мне, находится в невыгодном положении

и даёт мне преимущество, которым я бессовестно пользуюсь.

Стук копыт стал глуше — одинокий всадник съехал с дороги на мягкую землю парка. Он направлялся прямиком к дубу. С первого взгляда было видно, что он роскошно одет, а значит, вероятно, прибыл из Лейнского дворца. Со второго взгляда Иоганн его узнал и, пригнувшись, шепнул Даниелю на ухо:

— Это англичанин, якобы истый виг, Гарольд Брейтвейт.

— Задним числом всё очевидно, — посетовал Иоганн четверть часа спустя, когда они тихо выбрались из парка на аллею и зашагали к Герренхаузенскому дворцу.

— С великими открытиями так всегда, — пожал плечами Даниель. — Напомните мне как-нибудь рассказать мои ощущения от закона обратных квадратов.

— Они с женой приехали сюда пять лет назад, когда власть вигов пошатнулась. Оксфорд и Болингброк готовили реставрацию тори. Как я припоминаю, все бросились забирать деньги из Английского банка из-за слухов о якобитском восстании в Шотландии.

— Это Брейтвейт и рассказал, когда прибыл

сюда с пустым кошельком? Что разорился на банковском кризисе?

— Он упоминал, что толпа штурмовала банк.

— Так и было, но к Брейтвейту это отношения не имеет. Он из тех англичан, которых соотечественники экспортируют с большим удовольствием.

— Слухи ходили…

— Уверен, ровно такие, чтобы представить его дерзким авантюристом, которого занятно будет пригласить на обед.

— Именно.

— Его история банальна до отвращения. Он спустил наследство в карты, потом стал разбойником — не слишком успешным, потому что в первой же вылазке схватился с человеком, которого собрался ограбить, и рубанул его саблей. Рана воспалилась, человек умер, и его родственники — состоятельные тори — назначили такую награду, что все лондонские поимщики отложили другие дела. Брейтвейт бежал из Англии, совершив тем самым единственный разумный поступок в своей жизни.

— Он изображал себе архивигом.

— Не совсем безосновательно, ведь его гонители были тори. Однако на самом деле у него вообще нет убеждений.

— Теперь это доказано. Но как такой человек мог стать шпионом у тори?

— Положение его крайне шатко. А значит, ему были бы крайне выгодны некоторые ловкие манипуляции лондонскими делами. Он должен идти на союз с теми, кто в силах ему помочь. Сейчас у власти тори.

— Что выдумаете о письме? — спросил Иоганн настолько некстати, что Даниель даже обернулся. Дойдя до конца дороги, они уже обоняли аромат зелёных плодов в оранжерее и слышали, как пробуждаются конюшни и кухни; резкие звуки заглушал далёкий гул большого фонтана.

— О чём вы, майн герр? — Даниель машинально возвратился к формальному тону, поскольку они шли между конюшнями к партерам северной части сада, где разминали ноги несколько рано проснувшихся придворных.

Иоганн продолжил:

— Как оно было написано — письмо, которое вы получили от Каролины. На французском?

— Нет, на английском.

— На хорошем?

— Да, на очень грамотном. Теперь я понимаю, к чему вы клоните.

— Если оно было на грамотном английском,

значит, его помогала писать наставница принцессы, то есть миссис Брейтвейт.

— Будет весьма неловко, — заметил Даниель, — если обнаружится, что любовница принца Уэльского шпионит в пользу людей, противодействующих вступлению его семьи на престол.

— Я её знаю. Она безнравственна, но не злокозненна, если вы понимаете о чём я. Скорее всего она помогла составить письмо и без всякой задней мысли рассказала об этом мужу, который, как мы только что узнали, и есть настоящий шпион.

— От него трудно будет избавиться без крупного скандала.

— О, не так уж и трудно, — пробормотал Иоганн.

Они вступили в сад и заметили карету, запряжённую четверкой, которая как раз показалась из-за водяной дымки большого фонтана. Когда её очертания стали чётче, Иоганн заметил:

— Кажется, это карета моей матушки. Однако из окна выглядывает не она, а принцесса Каролина. Странно, что они едут, хотя могли бы пройтись. Пойду пожелаю им доброго утра.

— А я откланяюсь, — отвечал Даниель, — ибо моё появление в таком обществе выглядело бы весьма странно.

Апартаменты принцессы Каролины, Герренхаузенский дворец то же утро, позже

— Миссис Брейтвейт, я попрошу вас всё время держать ту костяную вещицу под рукой, — сказала принцесса Каролина.

— Я как раз помню, где она лежит, ваше высочество. — Генриетта Брейтвейт, хлопотавшая над париком принцессы, встала с табурета и чрезвычайно грациозно прошествовала через комнату к столу с разложенными на нём принадлежностями. Их можно было бы принять за орудия повара, лекаря или палача, если бы они не покоились на столешнице розового мрамора, венчающей белый с золотом туалетный столик в новом, сверхбарочном стиле рококо. На первый взгляд он казался скорее скульптурной группой, чем предметом мебели. В частности, его украшали купидоны с отполированными до блеска пухлыми ягодицами, метящие из луков в невидимую цель. Другими словами, это явно был дар принцессе от кого-то очень богатого, но плохо её знающего. На столе расположились всевозмож-

ные ступки и пестики, чтобы растирать румяна и пудру, шпатели, лопаточки и кисточки, чтобы их накладывать, а также некоторые предметы менее очевидного назначения. Генриетта взяла палочку с плоским, чуть изогнутым наконечником из слоновой кости; заостренные края наконечника были испачканы чем-то розовым.

— Проверьте, чтобы она была гладкой, — сказала принцесса, — а то прошлый раз у меня осталась царапина.

— Да, ваше высочество.

Миссис Брейтвейт, сделав реверанс, повернулась к принцессе спиной. Три другие фрейлины монтировали платье, парик и драгоценности Каролины, частью на ней самой, частью на её деревянных подобиях. Напротив её высочества сидела герцогиня Аркашон-Йглмская, уже наряженная, хотя значительно проще. Для всякой дамы рангом ниже принцессы облачиться к похоронам не составляло труда. Волосы Элизы скрывал фонтанж чёрного кружева, всё остальное было из чёрного шёлка. Платье, дорогое и хорошо сшитое, тем не менее подпадало под определение скорбного.

— Мой сын меня упрекнул, — объявила герцогиня.

Каролина ахнула и в притворном возмущении схватилась за горло, понимая, что Элиза шутит. Генриетте Брейтвейт, знавшей герцогиню только по слухам, пришлось повернуться, чтоб увидеть её улыбку. В следующий миг Генриетта сообразила, что выказывает недолжное любопытство, и вернулась к своей работе — водить пальцем по краям инструмента из слоновой кости.

— И отчего же столь благовоспитанный молодой человек позволил себе так говорить со своей матушкой? — спросила Каролина.

Герцогиня подалась вперёд и понизила голос. Тут же обнаружилось, что каждая из присутствующих фрейлин может заниматься своим делом совершенно беззвучно. Генриетта Брейтвейт внезапно поняла, что ей темно, и повернулась к свету; теперь одно её ухо было обращено в сторону герцогини.

— Приношу извинения! — продолжала герцогиня. — Пока сын мне не сказал, я понятия не имела, что чему-то помешала. Я была уверена, что застану вас одну.

— Вы застали меня одну, но потому лишь, что он, заслышав карету и не зная, что в ней вы, поспешил скрыться.

— Ах уж эти матери! Потревожить сына в такую

минуту! Вам следовало меня прогнать!

— Ах нет, нет, какие пустяки! — воскликнула принцесса. — К тому же мы были не одни — я определённо слышала рядом крадущиеся шаги.

— Соглядатаи?!

— О нет, здесь не Версаль с его византийскими интригами и шпионами за каждым кустом. Без сомнения, просто кто-то из гостей, прибывших на похороны, позабыл о своих манерах.

— Наверное, на них и залаяли мои несносные псы!

— Ничего страшного. Вечером София упокоится в семейном склепе. Английская делегация покинет дворец и августейшие гости тоже. Тогда мы вновь встретимся на том же месте, где сегодня утром, и начнём с того, на чём остановились.

— Мне показалось, что мой сын немного не в духе, как будто его чего-то лишили.

— Хорошо, когда мужчины не сразу получают желаемое, — объявила Каролина. — Тогда они ведут себя наиболее любезным для нас образом: проявляют отвагу и галантность.

Герцогиня ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

— В словах вашего высочества есть резон. Однако когда-нибудь, когда у нас будет больше

времени, я, возможно, расскажу о человеке, который слишком сильно желал того, чего не мог получить.

— И как же он поступил?

— Повёл себя чересчур отважно, чересчур галантно и не смог вовремя остановиться.

— И всё ради вас, Элиза?

Вновь молчание. Элиза, только что свободно болтавшая при посторонних о Каролининых сердечных делах, внезапно стала куда сдержанней.

— Вначале не исключено, что из-за меня. Потом — трудно сказать. Он добился богатства и определённой власти. Возможно, дальше им двигало желание их упрочить.

— Значит, он много лет совершал подвиги галантности и отваги ради вас, затем — ради богатства и влияния. Почему вы до сих пор не вышли за него замуж?

— Всё очень сложно. Когда-нибудь вы поймёте.

— Я вижу, мои слова вас сильно задели — вы ни с того ни с сего взяли покровительственный тон. — Это было произнесено с оттенком весёлости.

— Прошу простить меня, ваше высочество.

— Мне кое-что известно о сложностях — разумеется, в сотни раз меньше вашего. И я знаю, что

всегда есть способ их преодолеть. Вы его любите?

— Человека, о котором я говорила?

— Разве мы обсуждали кого-то ещё?

— Наверное, любила, когда у него не было ничего.

— Ничего, кроме вас?

— Меня, сабли и скакуна. Потом, когда он начал затевать безумные прожекты, чтобы приобрести больше, мы поссорились.

— Зачем ему было приобретать больше, если у него были вы?

— Это я и пыталась ему втолковать. Мне было обидно!

— Если хотя бы половина того, что я о вас слышала, правда, вы вполне могли обеспечить и себя, и его… А, вот оно! Мужская гордость?

— Да, и глупое желание доказать, что он не хуже меня. Сделаться таким же, как я. Он не понимал, а я не сумела объяснить, что люблю его именно за наше несходство.

— Почему вы не объясните это сейчас? Он приедет на похороны?

— О нет, нет! Вы не понимаете, ваше высочество. Я говорю не о событиях недавнего времени. Это было тридцать лет назад. С тех пор я его не видела. И уж будьте уверены, на похороны он

не приедет.

— *Тридцать лет.*

— Да.

— *Тридцать лет.*

— …

— ТРИДЦАТЬ ЛЕТ! Больше, чем я живу на свете! Это тянется всё время, что я вас знаю!

— Я бы не сказала «тянется». Это эпизод моей юности, давно позабытый.

— Я вижу, как вы его позабыли!

— …

— Где он сейчас? В Англии?

— Людей может разделять целый мир, даже если они находятся в одном городе…

— Он в Лондоне?! И вы ничего не предприняли?!

— Ваше высочество!

— Ну вот, у меня появилось ещё одно основание стать принцессой Уэльской, а со временем и королевой — чтобы монаршей властью уладить ваши сердечные дела.

— Умоляю вас не… — начала герцогиня, теперь смущённая не на шутку, и тут же умолкла, потому что их перебила Генриетта Брейтвейт.

— Церемония скоро начнётся, ваше высочество, — объявила та, глядя в окно, за которым

толпа в чёрном сукне и шёлке устремилась к дворцовой церкви. Затем Генриетта смиренно потупила взор и показала палочку из слоновой кости. — Совершенно ровная. Сколько бы раз нам ни пришлось ею воспользоваться, на коже вашего высочества не останется и следа.

— Генриетта, — сказала принцесса, — без вас моя жизнь была бы совершенно иной.

Двусмысленное высказывание, однако миссис Брейтвейт предпочла истолковать его лестным для себя образом и сделала реверанс, даже слегка зардевшись.

— У меня к вам деловое предложение, мадам, — произнёс сухопарый господин, маячивший на краю Элизиного зрения последнюю четверть часа. — Вы могли бы меня выручить.

— О нет, только не это! — сказала Элиза и повернула голову к докучливому незнакомцу, который неотступно преследовал её в толпе придворных.

Они стояли в Герренхаузенском саду, между партерами в северной его части. Маленькая дворцовая церковь не могла вместить всех, прибывших на похороны. Служба началась час назад. Каролина и другие члены семьи были в церкви, остальные стаей чёрных голубей облепили садовые дорожки.

Уголком глаза Элиза видела, что навязчивый господин одет в чёрное, а парик у него белый, но в этом он не отличался от остальных присутствующих мужчин. Теперь, впервые взглянув ему в лицо, она поняла, что белые волосы, хотя несомненно чужие, не выглядят неестественно: её собеседник был очень стар.

— Даже в самые радостные дни я не люблю, когда меня одолевают якобы деловыми предложениями. А уж в такой…

— Речь о нашем отсутствующем друге…

Элиза почти не сомневалась, что он говорит о Лейбнице. Доктор не прибыл на похороны. Редкие замечания придворных касательно его отсутствия, как дымок, выдавали тлеющее пламя сплетен. Кто же этот человек? Старый англичанин, знающий её, друг Лейбница.

— Доктор Уотерхауз?

Он опустил веки и поклонился.

— Сколько же…

— Если судить по наружности, сто лет для меня, полчаса для вас. Если вы предпочитаете календарь, ответ — примерно четверть века.

— Почему вы не заехали ко мне в Лестер-хауз?

— До того, как получить ваше приглашение, я принял приглашение другой дамы, — Даниель

взглянул на вход в церковь, — и оно не оставило мне времени ни на что иное. Надеюсь, вы простите мою неучтивость?

— Которую? Что вы не заехали ко мне? Или что одолеваете меня деловыми предложениями?

— Если они и впрямь вам неприятны, считайте, что я действую от имени самого доктора.

— Когда я впервые с ним познакомилась, он носился с прожектом ветряного двигателя для откачки воды из гарцских рудников, — с нежностью проговорила Элиза. — Надеялся добыть столько серебра, чтобы построить логическую машину.

— Удивительное совпадение. Когда я с ним познакомился, по меньшей мере на десять лет раньше вас, он работал над самой машиной. Потом отвлёкся на дифференциальное исчисление.

— Я пытаюсь в мягкой форме намекнуть вам…

— Что прожекты доктора безумны? Да, я сразу вас понял.

— Как бы я ни любила доктора и его философию и как бы ни любили их вы…

— Разумеется. — Старик дружески улыбнулся, старательно не разжимая губ, чтобы не показывать плохие зубы.

— Если он не может осуществить свои прожек-

ты при всей финансовой помощи русского царя, то что ему проку от меня?

— Об этом-то я и хотел с вами поговорить, — начал Даниель, но тут двери церкви распахнулись. Гроб Софии несли короли, курфюрсты и герцоги. Его поставили на лафет, запряжённый вороной лошадью. Из церкви вышли остальные члены семьи. Лафет с гробом тронулся по центральной аллее к большому фонтану, за ним — те из провожающих, кому позволяли силы и возраст. Даниель пристроился в хвост процессии. Там его и отыскала Элиза.

Даниель сказал:

— Вы, наверное, догадались, что отсутствие Лейбница связанно с его работой у русского царя. Я полагаю, что доктор сейчас в Санкт-Петербурге.

— Тогда его отсутствие вполне объяснимо, — заметила Элиза. — За такое время получить известие и проделать обратный путь при том, что русские воюют со шведами…

— Невозможно, — согласился Даниель. — И вы даже не удосужились спросить, отпустят ли его.

Пауза и несколько шагов по гравийной дорожке, прежде чем Элиза ответила, уже совершенно другим голосом:

— Почему его могут не отпустить?

— Царь не отличается терпением. Он хочет получить нечто и впрямь работающее.

— Тогда наш друг действительно в опасности.

— Не совсем. Я этим занимаюсь.

— В Лондоне?

— Да. Маркиз Равенскар изыскал средства для строительства Двора технологических искусств в Клеркенуэлле.

— Зачем? — спросила Элиза, показывая, что немного знает маркиза.

— Долгота. Он надеется, что люди, которые там трудятся, найдут способ её определять.

— Что за люди?

— По большей части искусные часовщики, органные мастера, ювелиры, механики и создатели театральной машинерии со всего христианского мира.

Процессия достигла большого фонтана. Многие гости уже, вероятно, обдумывали, как опишут его сегодня вечером в своих дневниках: стенающий от горя, омывающий небеса током горючих слёз. Процессия медленно двинулась вкруг водоёма и назад ко дворцу. Элизина кружевная наколка поникла от водяной пыли.

— Если Лейбниц оказался между Петром Ве-

ликим и Роджером Комстоком, боюсь, ему не поможем ни я, ни вы.

— Всё не так мрачно. Нужен не капитал, а финансирование.

— Нечто вроде переходного займа?

— Пожалуй. Или, скажем, независимое вложение в смежный проект.

— Я слушаю, — сказала Элиза голосом человека, закусившего пулю в ожидании, когда цирюльник будет ампутировать ему ногу.

— Вы славитесь своими познаниями в товарах.

— Простите?

— Вы знаете о Брайдуэлле — месте, куда падших женщин отправляют трепать пеньку и щипать паклю?

— Да?

— Для логической машины нам потребуется много дешёвой рабочей силы, способной выполнять некие повторяющиеся операции. Мы провели негласные переговоры со смотрителями Брайдуэлла и рассчитываем, что часть этих женщин скоро удастся приставить к другому делу. Они не будут больше производить пеньку.

— И она вздорожает, — заметила Элиза. — Это не столько благоприятная финансовая возможность, сколько конфиденциальная информация,

сэр. И напоминание — если я ещё в них нуждаюсь, — почему на бирже не часто встретишь натурфилософов, разве что их ставят там к позорному столбу как несостоятельных должников.

— Если конфиденциальная информация принесёт вам деньги, почему бы не вложить их…

— Стойте… не продолжайте… я уже знаю. Товарищество совладельцев машины по подъёму воды посредством огня.

— Да, мадам.

— Невероятно! После стольких лет мы совершили полный круг: доктор хочет, чтобы я инвестировала в замечательное новое устройство для откачки воды из шахт!

— По правде сказать, доктор очень мало знает о машине для подъёма воды посредством огня.

Тут беседа их снова оборвалась, поскольку в шествие начали вливаться те, кто ждал у дворца. Некоторые садились в кареты или портшезы, что удлиняло процессию и придавало ей более пёстрый вид.

Обогнув флигель, они вышли из сада. Дорога в Ганновер проходила по другую сторону дворца — к ней процессия и направилась, очень медленно, поскольку многие простые ганноверцы пришли сюда проститься со своей государыней. Элиза

вновь отыскала Даниеля в толпе.

— Так это не прожект по добыче серебра? Потому что мне вполне хватило предыдущего.

— Мне тоже, мадам, — отвечал Даниель.

— О добыче олова я готова подумать, ибо Корнуолл им славится.

— И свинца, и много другого. Однако речь не о серебре, свинце, олове и других металлах, низких либо благородных.

— Уголь?

— Нет, речь вообще не о рудниках! Я говорю скорее о силе.

— Это частая тема для разговоров и средь сильных, и средь слабых мира сего, — заметила Элиза, косясь на короля Пруссии, шедшего под руку с Каролиной. Сейчас к ним как раз подошли две прусские дамы: они по очереди бросились Каролине на шею и приложились мокрыми щеками к её щекам. Каролина обменялась любезностями с обеими и заспешила вслед лафету, который как раз переехал через дорогу в маленький сад по эту сторону дворца. Толпа, следующая за гробом, сразу поредела. Каролина обернулась к Генриетте Брейтвейт, вытянула шею наподобие носовой фигуры корабля и закрыла глаза. Миссис Брейтвейт подскочила ближе и палочкой с наконечником

из слоновой кости быстро провела сперва по одной принцессиной щеке, потом по другой, снимая комья смешанных со слезами белил и губной помады. Каролина открыла глаза, одними губами произнесла: «Данке шон» и вновь устремилась вперёд. Миссис Брейтвейт вытерла палочку уже изрядно выпачканной тряпицей.

— Я говорю о силе в особом смысле, — сказал Даниель, когда коловращение толпы вновь столкнуло его с Элизой. К этому времени он прошёл половину дороги, ведущей от парадного входа в Герренхаузен к исключительно приземистому и массивному дорическому храму под сенью красивых старых деревь.

Даниель продолжал:

— Я употребляю это слово в механическом смысле, разумея под силой способность производить вещественные изменения. Обладая такой силой, можно откачивать воду из шахт, но ей можно сыскать и другие применения.

— Например, трепать пеньку?

— Или двигать части логической машины. Или что-то ещё, чего мы пока не можем вообразить. После того как такая концепция силы вошла в ваше сознание, мадам, от неё трудно отделаться. Вы повсюду замечаете возможность приложить

силу; видите, сколь многие роды деятельности страдают от её недостатка, и дивитесь, как мы без неё обходимся.

— Ваши слова, доктор, следует хорошенько обдумать, а сейчас у меня нет для этого времени. Я хотела бы остаться наедине со своей скорбью.

— И я, мадам, так что благодарю вас.

— А когда мы вернёмся в Лондон, я хотела бы посетить Двор технологических искусств и больше узнать о ваших намерениях касательно брайдуэллских женщин.

Процессия дошла до храма. Здание было без единого окна; двустворчатая дверь вела в крипту, но там складировали только усопших кузенов и мертворождённых младенцев. Сейчас её не открывали. В портике перед усыпальницей в пол были вмурованы две плиты с именами Иоганна-Фридриха — того самого, который пригласил Лейбница в Ганновер, и Эрнста-Августа, покойного супруга Софии. Недавно рядом с ними появилась свежая могила такого же размера. Рядом лежала наготове плита с именем Софии.

Дальше всё шло обычным в таких случаях чередом. Все горевали, одни более искренне, другие — менее, а Каролина — искреннее всех. Однако, когда каждый из членов семьи бросил

на гроб по горсти земли, а почти такие же скорбные могильщики довершили их труд лопатами, Каролина отряхнула руки и отпустила шутку, встреченную шокированным и шокирующим смехом. С каждым шагом к Герренхаузену процессия веселела, и самой оживлённой была принцесса Каролина. Но только Генриетта и ещё несколько человек знали, что у неё назначено свидание.

Шёл одиннадцатый час светового дня. Англичане задержались дольше намеченного, чтобы представлять её британское величество на похоронах; за этот срок члены делегации исчерпали взятые с собой деньги и терпение хозяев, изначально не слишком-то к ним расположенных. С поспешностью, которую можно было расценить почти как грубость, гости выехали из города в надежде засветло добраться до постоялого двора в Штадтхагене.

Они оставили позади одного из своих спутников, чудаковатого старика, который, говорят, был в своё время необычайно умён, а теперь совершенно впал в детство. Долгое путешествие в Ганновер окончательно подорвало его силы, как телесные, так и умственные; о стремительном рывке к голландскому побережью не могло

быть и речи. Какой-то сердобольный ганноверец предложил отправить беднягу — некоего доктора Уотерхауза — в своей карете, с врачами и сиделками, если потребуется. Англичане согласились весьма охотно, ухмыляясь и перемигиваясь. Они-то видели за этой добротой тайную подоплёку: мелкая немецкая сошка надеется выслужиться перед Лондоном.

Августейшие гости по большей части отправились на восток — в Брауншвейг, Бранденбург и Пруссию, остальные — назад в те края, где у Софии были родственники, друзья и почитатели, то есть на все стороны света.

У тех, кто остался в Герренхаузене, было на то серьёзное основание в лице Георга-Людвига, курфюрста Ганноверского и наследника английского трона, который на склоне лет освободился наконец от материнского гнёта. Поэтому, несмотря на вечернее солнце, атмосфера во дворце сделалась несколько прохладной, чтобы не сказать угрюмой.

Во всяком случае, так казалось барону Иоганну фон Хакльгеберу, когда тот расхаживал по саду с делом совершенно иного свойства. Словно чёрный шмель, он сновал от клумбы к клумбе, собирая букет, чтобы вручить его даме сердца,

когда та наконец появится. Фундаментальный закон природы, согласно которому дама всегда опаздывает, действовал и здесь, поэтому букет всё рос и рос. Некоторое время назад он перестал умещаться в руках и теперь возлежал грудой цветов у подножия ближайшей статуи. Всякий раз, дополняя его, Иоганн возносил короткую молитву Венере — она как раз и занимала постамент — и поднимал взгляд к окну в западном флигеле Герренхаузенского дворца, где фрейлины хлопотали над Каролиной. Задёрнутые кружевные занавеси означали, что она ещё в процессе обработки. Поэтому Иоганн отступал на шаг и оглядывал кипу цветов, оценивая сочетание красок и разнообразие форм. Мысленно посовещавшись с безответной Венерой, он пускался на поиски того единственного цветка, которого букету не хватало для совершенства. Сад делился на треугольники и квадраты; за время ожидания Иоганн успел промерить шагами периметр многих из них. Подозрительного склада садовник, наблюдая за бароном издалека, решил бы, что тот занят сельскохозяйственным шпионажем.

Впрочем, с более близкого расстояния можно было бы заметить, что смотрит он не столько на цветы, сколько за периметр. По дороге, идущей

сразу за каналом, изредка бесцельно проезжали всадники на дорогих скакунах, иногда по двое, по трое. Бряканье шпор разносилось во влажном благоуханном воздухе, словно феи звенели в траве маленькими колокольчиками. Когда группы встречались, звон умолкал, сменяясь гулом голосов. Люди, мало знакомые с придворной жизнью вообще и герренхаузенской в частности, нашли бы это странным и раздражающим. Иоганн фон Хакльгебер знал, что придворным буквально некуда больше себя деть. Он в который раз восхитился мудростью Софии, которая разместила дорожку для верховой езды по границе сада, вытеснив верховых интриганов из своих любимых уголков.

Приметив подходящую розу, Иоганн проводил левой рукой по чёрному сукну на бедре, затем по ряду серебряных пряжек, крепящих чёрные ножны к перевязи. Продолжая движение вверх и за спину, рука отгибала полу чёрного шёрстяного камзола, так что становилась видна чёрная шёлковая подкладка. Иоганн сгибал локоть и поворачивал кисть. Ладонь его скользила тыльной стороной по ягодице и, миновав чёрный кожаный пояс, удерживающий панталоны от падения, останавливалась над левой почкой.

Пальцы смыкались на чём-то твёрдом: рукояти кинжала, обитавшего в ножнах, косо закреплённых на поясе вблизи копчика. Распрямляя локоть, Иоганн извлекал клинок — быстро, пока пола не опустилась, чтобы её не разрезать. Предосторожность была бы излишней в случае большей части современных кинжалов, годных на то, чтобы колоть, отбивать удары, чистить ногти, но никак не резать. У Иоганна было несколько таких, но все они, очень богато украшенные, не подходили к траурному наряду. То же относилось и к его шпагам, не слишком большим и не слишком маленьким в сравнении со шпагами других знатных господ. Однако в дальнем углу шкафа он отыскал старые рапиру и кинжал — наследство двоюродного дедушки. Их изготовили в Италии по меньшей мере сто лет назад, когда и фехтование, и оружейное дело разительно отличались от нынешних. Рапира была очень длинная, на добрых восемь дюймов длиннее его руки, с довольно широким клинком, так что практически исчерпывала лимит веса для одноручного оружия. Лезвие, неоднократно выщербленное в бою или упражнениях, затачивали столько раз, что, если смотреть вдоль клинка, оно казалось волнистым.

Однако сказанное не относилось к змеевидному кинжалу дамасской стали, исключительно острому с обеих сторон. Форма эта появилась, когда некоторые фехтовальщики, с которыми Иоганну, живи он в ту пору, нечего было бы и тягаться, придумали хватать рукою кинжал противника. Приём этот работает, если держать крепко и если кинжал прямой, однако совершенно непригоден в случае змеевидного клинка. Так или иначе, рукояти кинжала и рапиры были относительно простые, скорее ренессансные, чем барочные, полная противоположность рококо; ножны — скромнее некуда, чёрная кожа без всяких украшений. Иоганн нацепил их сегодня утром. К полудню он перестал задевать длинными ножнами за столы и за щиколотки гостей. Теперь он срезал кинжалом цветы.

Свет шёл уже не столько от солнца, сколько от закатного неба, что требовало пересмотреть всю цветовую гамму. Иоганн, чрезвычайно осторожно убрав кинжал в ножны, вернулся к Венере и некоторое время перебирал груду цветов, затем — скорее по привычке, чем с надеждой — обернулся к дворцу. Тут он приметил, что оранжевый свет бьёт сквозь Каролинины апартаменты из противоположного окна. Занавеси

отдёрнули; она вышла. В панике, что всё добывание цветов окажется тщетным, Иоганн выбрал из груды приличную охапку и, бросив остальные в качестве жертвоприношения богине любви, зашагал к Тойфельсбауму комической походкой человека, который очень спешит, но старается не бежать. В треугольной ограде чёртова дерева была лишь одна калитка, довольно далеко отсюда, а карета уже отъехала от конюшни. Не дай бог ему опоздать.

Иоганн добрался до железной ограды с небольшим запасом времени и шагнул в обитель Тойфельсбаума, где сумерки сгущались на час раньше, чем везде в саду. Миновав ограду, барон повернулся и оглядел дорожку: не видел ли кто, как он вошел туда, где принцесса намеревалась провести ближайшие два часа *в безмолвных и уединённых раздумьях*.

Убедившись, что никого нет, он запер калитку — осторожно, чтобы не звякнула, и остался стоять навытяжку, словно часовой, только с букетом вместо ружья. Вскоре из-за поворота появилась лошадка, запряжённая в лёгкую коляску. Кучер что-то крикнул. Лошадь замедлила шаг, миновала калитку и остановилась, затем попятилась, чтобы дверца кареты оказалась точно

напротив входа. Кучер (быть может, проявляя излишнее недоверие к лошади) опустил тормозные колодки. Иоганн шагнул вперёд и отворил калитку. Затем потянул дверцу кареты.

За ней оказались два мастифа.

Глаза их лезли из орбит, ноздри раздувались. Над каждым, стиснув ему коленями бока и зажимая руками пасть, чтоб не залаял, стоял крепкий слуга. Иоганн шагнул вбок. Собак спустили.

Казалось, ни Сцилла, ни Харибда не коснулись лапами земли, пока не очутились в двадцати футах от кареты. Они влетели в Тойфельсбаум, круша ветки, словно два сорвавшихся орудийных лафета. Только исчезнув в глубине дерева, они залаяли, и то больше для проформы. Их дело было не поднимать дичь, а выполнять работу.

На дороге, идущей позади огороженного участка, дробно застучали подковы. Перед взглядом Иоганна мелькнул всадник с обнажённой саблей — один из его лейпцигских кузенов. Из-за Тойфельсбаума донеслись яростный лай и крик боли. Те двое, что держали собак — Элизины лакеи, — выпрыгнули из кареты и побежали на шум. Иоганн бросил сослуживший свою службу букет и припустил за ними. Он подумал было про рапиру, но она запуталась бы в ветвях, поэтому

он вытащил кинжал и переложил его в правую руку.

Это оказалось излишним. К тому времени, как Иоганн добежал до ограды, всё было кончено. Один из псов — в сумерках Иоганн не мог отличить который — атаковал сброшенный на землю балахон. На случай, если балахон — враг, пёс с ним сражался. Исходя из гипотезы, что это позвоночное, он мотал им из стороны в сторону, надеясь переломить хребет.

Один из лакеев успокаивал второго пса. У того была рассечена морда. Рана сильно кровоточила, но серьёзной опасности не представляла.

Второй лакей стоял на коленях подле распростёртого человека. Лакей — видимо, знаток анатомии — двумя руками методично всаживал длинный кинжал в какие-то строго определённые участки на спине лежащего.

Раненый пес, которого лакей силой заставил сесть, встал. Однако лапы его дрожали. Он завалился на бок, судорожно давясь.

Иоганн подошёл к мертвецу — которого уже можно было уверено так называть, даже если сердце его ещё билось — и очень осторожно поднял с земли маленький кинжал. В закатном свете, пробивавшемся сквозь ветки, можно было

различить собачью кровь на лезвии, но весь клинок покрывало что-то ещё: буро-маслянистое, подёрнутое радужной плёнкой.

— Не трогай, — произнёс знакомый женский голос. — Некоторые действуют через кожу.

— Да, матушка.

— Трудно вообразить более неловкую ситуацию, — рассуждала Элиза вслух. Они шли к дворцу, и она время от времени, приподняв юбки, переходила на бег, чтобы поспеть за сыном. Обычно Иоганн был предупредительнее, но сегодня его мысли витали далеко. Она хотела их вернуть.

— Два мертвых убийцы в саду курфюрстины… я хотела сказать, курфюрста.

Лишь несколько мгновений назад мать и сын наблюдали завершение неприятной сцены у канала. Теперь они шли по одной из поперечных дорожек сада, на каждом перекрёстке поглядывая вправо — не пора ли сворачивать к дворцу. Внезапно он предстал перед ними в оранжево-багровом свете заката на расстоянии примерно пятисот Иоганновых или семисот Элизиных шагов. Иоганн повернул вправо, как солдат на параде, и ринулся вперёд.

— С гашишинами разобраться несложно, — продолжала Элиза. — Один умер в лесу, другой в

канале. Про второго скажем, что он утонул спьяну. Первый уже исчез.

— Тогда, помилуйте, в чём неловкость?

Элиза дала понять, что раздражена его непонятливостью.

— Думай, сын. Шпионы везде, но этот работает на якобитов, и он — точнее, его жена — фрейлина Каролины…

— Её можно прогнать.

— …и одновременно любовница Георга-Августа!

— Опять-таки, матушка, весь смысл любовниц в том, чтобы их часто менять.

— Каролина говорит, что её муж без ума от Генриетты. Не представляю, как его можно убедить, если только не принести во дворец тела…

— Простите, матушка, что перебиваю, но Каролина говорит также, что сама Генриетта скорее всего не шпионка. Так что речь о Гарольде Брейтвейте.

Элиза простила, хотя бы потому, что всё равно должна была перевести дух.

— Они женаты, — напомнила она. — Обвенчаны перед Богом и людьми.

Мать с сыном вошли в северную, примыкающую к дворцу часть сада, то есть попали из

царства деревьев и теней на открытое светлое пространство. Впереди лежали четыре прямоугольных пруда. Идеальная гладь отражала яростные краски заката, создавая иллюзию, будто это подсвеченная изнутри стеклянная крыша ада.

У Иоганна был ответ, который тот предпочёл оставить при себе. Пройдя ещё шагов пятьдесят, он сказал:

— Если должным образом поговорить с мистером Брейтвейтом, он уедет сам.

— При провинциальном дворе это никого не смутит. А потом? В Англии? Неприлично, чтобы муж официальной королевской любовницы был постоянно в отъезде.

— Хорошо, матушка, я с вами согласен! Положение и впрямь неловкое.

Последнюю фразу Иоганн произнёс шёпотом, поскольку они проходили мимо двух придворных — английских вигов. Оба, подобно Брейтвейту, недавно перебрались в Ганновер, дабы искать милостей монарха, на которого сделали ставку в политической игре. У обоих имелись фамилии и титулы, но с тем же успехом их можно именовать просто Смит и Джонс.

— Простите, господа, не знаете ли вы, где я, то

есть мы, можем найти мистера Брейтвейта?

— Да, майн герр, мы встретили его меньше четверти часа назад. Он показывает сад французским гостям. Они шли смотреть лабиринт, — сообщил Смит.

— Изумительное место для такой изумительной натуры!

— Нет, — сказал Джонс. — Кажется, мистер Брейтвейт и его спутники вон там, направляются в другую часть сада.

Он указал на группу людей в чёрном ближе к дворцу.

— Так быстро пройти лабиринт! — воскликнул Смит.

— Наверняка он лишь жалкое подобие французских, и спутники Брейтвейта остались глубоко разочарованы, — сказал Иоганн.

— Держу пари, они идут к театру, — сказал Джонс. — Ах да, сегодня представления не будет. Может, они хотят его осмотреть.

— И кто же лучший чичероне, чем мистер Брейтвейт, сам выдающийся актёр, — задумчиво произнёс Иоганн. — Матушка, сделайте милость, зайдите во дворец и сообщите нашей знакомой последние сплетни. Ей наверняка не терпится их услышать.

Лицо Элизы от неуверенности на миг стало совсем юным. Она посмотрела вслед Брейтвейту.

— А я присоединюсь к вам через несколько минут, как только побеседую с мистером Брейтвейтом о его отъезде.

— Мистер Брейтвейт отбывает в путешествие? — спросил Смит.

— Да, в очень далёкое, — подтвердил Иоганн. — Матушка?

— Если эти два господина любезно составят вам компанию, — проговорила Элиза.

Смит и Джонс переглянулись.

— Брейтвейт — славный малый, он не обидится? — спросил Смит.

— Не вижу никаких причин для обиды, — отвечал Джонс.

— Хорошо. Жду тебя через четверть часа, — сказала Элиза непреклонным материнским тоном.

— Что вы, матушка, это столько не займёт.

Элиза ушла. Иоганн постоял, провожая её взглядом, потом рассеянно бросил:

— Идёмте! Пока светло.

— А зачем нам свет, сударь? — спросил Смит, догоняя Иоганна. Джонс уже отстал на несколько миль.

— Как зачем? Чтобы мистер Брейтвейт разгля-

дел мой прощальный подарок.

Садовый театр представлял собой прямоугольный участок земли, окружённый зелёной изгородью и охраняемый пикетом белых мраморных купидонов. При свете дня они выглядели великолепно, сейчас же приобрели жутковато-синюшный вид мертворождённых младенцев. С одной стороны располагалась сцена. Несколько гостей-французов влезли на неё и забавлялись с люком. Брейтвейт стоял под сценой, в оркестровой яме, и беседовал с человеком, одетым, как и все здесь, в чёрное. Однако наряд его составляли не штаны и камзол, а длинная сутана с множеством серебряных пуговиц. Подойдя ближе, Иоганн узнал отца Эдуарда де Жекса, иезуита из знатного французского рода. Отец де Жекс фигурировал в некоторых матушкиных рассказах из версальской жизни, характеризовавших его довольно мрачным образом.

Иоганн остановился в десяти шагах от беседующих — достаточно близко, чтобы прервать их разговор. Сведя обе руки на боку, он левой взялся за соединение ножен и перевязи, а правой — за рукоять рапиры, и выдвинул её примерно на фут. Затем, понимая, что длинный клинок враз не выхватишь, он поднял всё — рапиру, ножны и

перевязь — на уровень лица и снял с плеча. Одно движение, и кожаная сбруя отлетела в партер, а сам Иоганн остался с обнажённой рапирой в правой руке. Левой (освободившейся) — он извлёк из-за спины кинжал и теперь стоял напротив Брейтвейта: кинжал и рапира направлены тому в ярёмную впадину, костяшки пальцев обращены вниз, тыльные стороны ладоней — наружу, поскольку его учителя фехтования были венгры.

К тому времени Брейтвейт и все французы, за исключением одного, наполовину вытащили шпаги — сработал приобретённый рефлекс. Иезуит сунул руку в прорезь на груди сутаны.

— Отец де Жекс, — объявил Иоганн, — что бы у вас там ни было, оно не понадобится.

Де Жекс опустил руку. Иоганн взглядом удостоверился, что в ней ничего нет.

— Это не потасовка, а дуэль. Вас, падре, я попрошу остаться — сперва в качестве секунданта Брейтвейта, затем — дабы совершить над ним последний обряд. Мой секундант — кто-нибудь из джентльменов у меня за спиной, мне всё равно который, предоставляю им разобраться самим. Если во время дуэли меня убьёт упавший на голову метеорит, они передадут матушке мои извинения.

Иоганн подозревал, что изрядно позабавился бы, наблюдая за лицами Смита и Джонса в продолжение своей речи, но, зайдя так далеко, не мог оторвать взгляд от лица Брейтвейта, пока тот не перестанет дышать. Де Жекс бросил несколько слов, и все остальные вдвинули шпаги в ножны. Затем он сказал что-то Брейтвейту, но тот продолжал стоять, как в столбняке, с наполовину обнажённой шпагой.

— Брейтвейт! Как дворянин я имею право потребовать, чтобы вы защищались тем оружием, которое постоянно таскаете при себе; соблаговолите обнажить его приличествующим джентльмену образом!

— Может быть, завтра на рассвете…

— И где вы будете к тому времени? В Праге?

— Настоящие дуэли не назначаются в такой спешке…

— По-моему, уже светает, — объявил Иоганн, сам не зная, на каком языке говорит. Он сделал шаг вперёд, вынудив Брейтвейта обнажить шпагу. — Закат и рассвет в это время года почти сливаются в поцелуе, и я вечно их путаю.

Брейтвейт с помощью де Жекса сумел избавиться от ножен и перевязи. Он принял такую же стойку, как Иоганн, но странно вывернул руку на

английский манер. Де Жекс отступил. Брейтвейт уже загнал себя в угол тем, что стоял спиной к сцене. Иоганн сделал шаг. Брейтвейт поднял шпагу. Иоганн отвёл её кинжалом, приставил рапиру к солнечному сплетению Брейтвейта, вонзил на шесть дюймов и потянул рукоять вниз. Затем он вытащил клинок, повернулся и пошёл к дворцу, где дожидались его мать и возлюбленная. «И никакой неловкости», — проговорил он.

Даниель Уотерхауз вынул из нагрудного кармана носовой платок, обернул им ладонь и взял за рукоять кинжал убийцы, который внесли в комнату (буфетную, примыкающую к апартаментам принцессы Каролины) на серебряном подносе, словно закуски. Даниель приблизил лезвие к свече, разрезав струю тёплого воздуха в нескольких дюймах от пламени, потом чуть приблизил к нему лицо, легонько потянул ноздрями, отпрянул и отвернулся. Кинжал он положил обратно на поднос, а платок скомкал и бросил в негорящий камин.

Теперь Иоганн тоже почувствовал запах — смолистый, неуловимо знакомый.

— Никотин, — сказал Даниель.

— Впервые о таком слышу.

— И тем не менее сейчас он в вас есть, если вы

в последние несколько часов курили трубку.

— Так вот что он мне напомнил! Старую трубку, которую никогда не чистили!

— Это вытяжка из табачных листьев. Когда я был в ваших летах, среди некоторых членов Королевского общества распространилась мода — получать этот яд и испытывать его на мелких животных. Он растворяется в масле. Горький.

— Вы пробовали?!

— Нет, но те, кто пробовал, неизменно отмечали его горечь до того, как переставали дышать.

— Как он действует?

— Как я сказал: жертва перестаёт дышать. А перед тем недолгое время бьётся в конвульсиях.

— Так было с псом, пока я на него смотрел. Затем я устремился в погоню за вторым убийцей. Он добежал до канала и прыгнул в воду, спасаясь от нас. Глубина там по грудь, и он уже искал, где выбраться на другой берег, как вдруг остановился и ушёл под воду. Вытащили мы его ужё мёртвым.

— Текла ли из его лёгких вода?

— Сейчас, когда вы спросили, я припоминаю, что нет.

— Он не утонул, — сказал Даниель. — Если вы внимательно осмотрите тело, то найдёте место,

где убийца царапнул или просто задел кожу кинжалом.

Он упёрся руками в стол с двух сторон от подноса и вгляделся в оружие.

— Яд изготовлен превосходно и растворён в каком-то лёгком жиру, вроде китового. При попадании на кожу никотин проникает в капилляры, а оттуда, за несколько секунд, в лёгкие. Когда вы курите трубку, вы чувствуете прилив бодрости, за которым наступает блаженный покой. Это лишь отзвук никотинового отравления. Если бы вас укололи этим кинжалом, вы расслабились бы настолько, что просто позабыли бы дышать и утонули в воздухе. Каждая ваша затяжка — прообраз смерти.

— Ужасно… мне захотелось выкурить трубочку, просто чтобы унять нервы.

— Мистер Гук экспериментировал с индийской коноплёй, которая как раз помогла бы от ваших симптомов. Увы, её трудно достать.

— Я наведу справки. Странно. Пока всё происходило, сознание моё было ясно, чувства — обострены, как никогда в жизни. Теперь я сижу здесь, и мне страшно.

— Мне тоже было бы страшно, если бы герцогиня Аркашон-Йглмская так меня выбранила.

— Вы слышали с такого расстояния?

— В Версале французский король подскочил с постели, думая, что в Германии началась война.

— Да, правда, я никогда не видел матушку в таком гневе. Она и впрямь запретила мне драться на дуэлях. И я обещал. Но…

— Вы удачно выбрали время, — заверил его Даниель. — Физическое насилие — метод, к которому я не прибегаю ни для каких целей. Риск невероятно велик, и человек с моим складом ума, видящий опасность даже там, где её нет, всегда найдёт повод обратиться к иным средствам. Вы молоды и…

— Глуп?

— Нет, просто не так остро чувствуете опасность. Когда, бог даст, вы доживёте до сорока, вы будете просыпаться в холодном поту, вспоминая всё так ясно, как будто это произошло только что, и восклицать: «О Боже, я никогда не поверю, что дрался на дуэли!» По крайней мере, так я надеюсь.

— Почему вы надеетесь, что я буду плохо спать по ночам?

— Потому что я сам, хоть и не прибегаю к насилию, достаточно его видел. Не все, кто действует таким образом, дурные или глупые люди, только

бо́льшая их часть. Остальные применяют его нехотя, когда другие средства исчерпаны, как вы сегодня. Ваша матушка поймёт это и успокоится. Но, как человек, вдыхающий табачный дым, вы сегодня умерли маленькой смертью. Советую не развивать в себе пагубную привычку.

— Совет хорош, и я вам за него признателен. И ещё раз спасибо, что помогли нам спасти принцессу Каролину. Уверен, она вас вознаградит.

— Я охотно обойдусь без наград и благодарностей, если мне позволят вздремнуть.

— Вы можете вздремнуть в карете, доктор Уотерхауз, — произнес женский голос, осипший, как от долгого крика.

Иоганн и Даниель, подняв глаза, увидели в дверях Элизу. Она выглядела заметно спокойнее.

— Сударыня, — со вздохом отвечал Даниель, — из уст любой другой женщины я воспринял бы это как шутку, но из ваших, боюсь…

— Всем известно, что вас оставили в Ганновере по причине болезни, не позволившей вам пуститься в трудное путешествие…

— Спасибо, что напомнили, сударыня, а то я совсем забыл про свою немощь…

— Ожидается, что вы поедете без спешки, в сопровождении сиделки. Вот она.

Элиза вошла в комнату, за ней — молодая женщина в строгом платье. Голова её была обмотана белой тканью, скрывавшей волосы и большую часть лица; такой убор, хоть и немодный, был не редкостью в те времена и в тех странах, где почти каждый рано или поздно заболевал оспой и некоторые возвращались к жизни совершенно обезображенными.

— Это Гертруда фон Клотце, дама из благородного брауншвейгского рода. Она перенесла тяжёлую болезнь и решила посвятить остаток жизни уходу за страждущими.

— Воистину благородная дама. Я чрезвычайно польщён, мадемуазель, — сказал Даниель, ловко обходя тот факт, что перед ним стояла принцесса Каролина.

— Фрейлейн фон Клотце будет сопровождать вас до самого Лондона.

— А когда очаровательная Гертруда вернётся назад? — спросил Иоганн, оправившись наконец от превращения своей возлюбленной в закутанную до глаз сиделку. Он шагнул было вперёд, но был остановлен её взглядом. — Без сомнения, семья будет по ней скучать.

— Вероятно, ей не понадобится возвращаться, потому что её семейство всё равно скоро пере-

езжает в Лондон, — сказала Элиза. — Гертруда будет жить в Лестер-хауз, где мы позже к ней присоединимся.

— Я не знал, что я… что мы едем в Лондон! — воскликнул Иоганн.

— Едем, — отвечала Элиза, — только сперва заглянем в замок Уберзетцензеехафенштадтбергвальд.

— Вы шутите?! Что там делать? Охотиться на летучих мышей?

— Некоторое время назад вы могли слышать в этом крыле дворца женские крики.

— Да, у меня до сих пор в ушах звенит.

— Кричала принцесса Каролина.

— Вы уверены? Ибо в то время, когда эти крики проникали в мои уши, я наблюдал движения ваших губ, матушка, на удивление синхронные…

— Избавь меня от своего остроумия. Кричала принцесса. Смерть Софии потрясла её глубже, чем кто-либо догадывался. Сегодняшняя её веселость была позой, исчерпавшей последние силы несчастной. Не так давно с ней случился истерический припадок. Принцессе дали настойку опиума, сейчас она в своей опочивальне, и к ней никого не пускают. До восхода солнца её вынесут в портшезе к моей карете. Мы с тобой

отвезём её в упомянутый замок — один из самых недоступных уголков христианского мира. Здесь её высочество проведёт несколько недель в обществе доверенных слуг, не принимая никаких посетителей.

— Особенно — с отравленными кинжалами?

— Слухи об убийцах в саду — нелепость, — отвечала Элиза. — Химеры, порождённые больным сознанием её высочества. А если бы они и существовали, им будет трудно проникнуть в упомянутый замок, который, как ты должен помнить, если изучал историю своей семьи, выстроил на скале посреди озера некий состоятельный барон. Он так страшился за свою жизнь, что думал, будто птицы в небе — механические игрушки, изобретённые убийцами, чтобы залететь в окно и заразить его пиво сибирской язвой.

— Так это он придумал пивные кружки с крышкой? — вслух полюбопытствовал Даниель.

Однако Элиза была не в настроении шутить.

— А вас, доктор Уотерхауз, я попрошу лечь на пол и перенести криз.

— Рад служить, мадам, — галантно отвечал Даниель и принялся высматривать удобное место на полу.

— Можно мне прежде минутку побыть с «Гер-

трудой»? — спросил Иоганн. — Мне надо столько всего… посоветовать ей касательно Лондона и…

— Некогда, — отрезала Элиза, — а от твоих советов всё равно никакой пользы, поскольку «Гертруда» не будет ни с кем драться на шпагах…

Она набрала в грудь воздуха, намереваясь развить тему, однако старческая рука Даниеля мягко легла на её локоть. «Гертруда» и Иоганн смотрели друг на друга через всю комнату. Элиза могла бы взорвать бочку пороха — они бы не услышали.

— Значит, в Лондон, — сказал Даниель.

Между Ямой Чёрной Мэри и землёй сэра Джона Олдкастла, к северу от Лондона рассвет, 18 июня 1714

«Вербовка солдат без надлежащих полномочий». Окончательный проект билля, предложенного палатой лордов и озаглавленного: «Акт о предотвращении вербовки подданных Её Величества в солдаты без дозволения Её Величества», рассмотрен во втором чтении.
Решено: билль передать в комитет.
Решено: билль передать в комитет всей палаты.
Решено: завтра утром палате преобразовать себя в комитет всей палаты для рассмотрения вышеозначенного билля.

Протоколы палаты общин, JOVIS, 1° DIE JULII; ANNO 13° ANNAE REGINAE[6], 1714

Говорят, что Магомет запретил в мечетях

---

[6] Примечания: 6
1 июля, четверг, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

колокола не потому, что они сами по себе противны Аллаху, но потому, что их очень любят неверные, и колокольный звон будет невольно напоминать о лживой религии франков. Коли так, ревностного мусульманина, неосторожно расположившегося на ночлег в полях к северу от Лондона, в ту пятницу ждало бы самое неприятное пробуждение: промозглый, серый, смрадный туман, заменяющий в этих краях атмосферу, гудел от церковных колоколов. И не от весёлой многоголосицы, а от глухих, отдающихся под ложечкой тяжёлых ударов, исполненных тревожного смысла.

На самом деле звон означал сразу несколько вещей. Во-первых, что начался день — факт, который большинство лондонцев могли установить лишь с помощью астрономических таблиц и хронометра, поскольку было по-прежнему темно. Во-вторых, что Лондон ещё здесь. Дома, вопреки очевидности, не разошлись за ночь, как эскадра в густом тумане. Удивительно, но они остались там, где застал их вчерашний вечер, и городской житель мог найти среди них дорогу по далёким голосам Сент-Мэри-ле-Боу, церкви святого апостола Фомы, святой Милдред и святого Бенедикта, как моряк — по Рас Альхаге, Голове Горгоны и

Полярной звезде.

В полях звон слышался не только с юга, но также с запада и с востока, просто потому, что Лондон велик, а Клеркенуэлл от него близко. Соответственно, выбравшись из шатра, заткнув уши ватой и свернув лагерь, оскорбленный путешественник направился бы к северу, подальше от адского грохота. В таком случае он застревал бы на каждом мосту и перекрёстке, потому что людской поток — всё больше пешеходы — двигался на юг.

Многие провели эту ночь в полях на голой земле. Заслышав колокола, они встали и побрели сквозь туман, словно павшее воинство воскресло на поле брани и потянулось к своим приходским церквям. Все они шли на юг, к Холборну. Ибо мрачный благовест нёс и третий смысл: сегодня в Тайберне вешали осуждённых. Это происходило восемь раз в год.

Народ, бредущий к югу через туман, был в лучшем случае простым. Честные люди сбивались в кучки, прятали кошельки глубоко в одежде и опирались на необычно большие и тяжёлые дорожные посохи — всё потому, что в толпе было немало бродяг и кого похуже. Все торопились добраться до Холборна, пока окончательно не

рассвело, чтобы занять места в первых рядах и видеть, как осуждённых везут к Тайберну. Если это не удастся, они могли сделать большой крюк по боковым улочкам и выйти в поля вокруг Тройного древа.

Иноземец — и даже рядовой добропорядочный англичанин — нашёл бы картину столь необычной, а саму атмосферу — столь мрачной и гнетущей, что легко упустил бы из виду частность-другую. Однако те, кто ходил на процессии осуждённых восемь раз в год, должны были отметить необычную группу людей на повороте дороги между поместьем сэра Джона Олдкастла (красивыми домами средь парка, который, по мере разрастания Клеркенуэлла, стремительно превращался в островок) и Ямой Чёрной Мэри (деревушкой в верхнем течении Флит).

На краю дороги стояла карета, запряжённая четвёркой лошадей, которые сейчас мирно жевали овёс из надетых на морды мешков. Кучер с хлыстом и два лакея с палками прохаживались возле, дабы у бродяг не возникло искушения ближе познакомиться с лошадьми. Чуть поодаль, на поле, усеянном человеческими экскрементами и прочими следами весело проведённой ночи, можно было наблюдать пожилого человека на

коне. Конь был серый, очень крупный, очевидно, армейский. Он щипал траву, свободно переходя от кустика к кустику и выбирая те, что казались ему более заманчивыми. Всадник кутался в плащ, обняв себя руками для тепла, и время от времени хватал поводья, чтобы остановить коня, когда тот решал направиться куда-нибудь слишком далеко.

Старика сопровождали ещё четверо верховых. Двое — рослые молодые ребята в добротном крестьянском платье — сидели на таких же конях, хотя управлялись с ними не в пример лучше.

Всё в двух других всадниках (за исключением одной детали, о которой чуть позже) свидетельствовало о принадлежности к высшему сословию. Они были при шпагах (которыми вообще-то не очень удобно орудовать в седле). Их скакуны рядом с серыми армейскими конягами выглядели как феи рядом с торговками рыбой. Короче, каждый из них мог бы прогарцевать по Сент-Джеймскому парку, не вызвав удивленного взгляда у гуляющих там франтов.

Но прежде им пришлось бы надеть парик. В париках они сошли бы там за своих; с непокрытыми головами смотрелись бы естественней в североамериканской прерии. Ибо у обоих голова

была аккуратно выбрита — вся, за исключением меридиональной полосы в три пальца шириной, идущей ото лба до затылка. Оставшиеся волосы, длиной в несколько дюймов, были смазаны неведомым парикмахерским составом, так что стояли дыбом. Человек, получивший классическое образование, углядел бы в них сходство с гребнями древних шлемов, любитель приключенческих романов — с боевыми причёсками ирокезского племени могавков.

Сквозь людской поток пробивалась телега, нагруженная пивными бочками. Двигалась она со стороны Восточного Лондона; очевидно, пивовар хотел пораньше добраться до Тайберн-кросс. Исполнению этого превосходного плана мешали многочисленные охотники промочить горло, которые атаковали телегу со всех сторон, словно чайки — рыбачью лодку. Однако пивовар продвигался довольно быстро и без потерь благодаря авангарду крепких ребят с дубинками и арьергарду псов. Путь его пролегал мимо пятерых всадников; рядом с ними он и остановился. Несколько бродяг ринулись к телеге; их оттеснили не только ребята с дубинками и псы, но и четверо верховых молодцов, которые, не сговариваясь, поспешили на подмогу.

Пивовар и его помощники — видимо, сыновья — сняли с задка телеги широкую доску и, установив её наклонно, скатили на землю большую бочку. Ворочали они её без труда, но с большой осторожностью, как если бы внутри было что-то лёгкое и хрупкое. Пока один из парней убирал доску, пивовар поставил бочку стоймя и трижды ласково похлопал рукой. Когда он вернулся к телеге, то обнаружил на козлах золотую гинею.

— Спасибо, сэр, — обратился пивовар к старику на сером коне, — но я её не возьму.

Он бросил монету обратно. Близорукий старик не сумел различить летящую в тумане гинею, однако поймал её и прижал ладонью уже на седле, куда она упала, отскочив от его груди.

— За кого другого я взял бы, — объяснил пивовар, — но этот — за счёт заведения.

— Вы делаете честь своей профессии, и без того достойной всяческих похвал, — отвечал старик. — Когда следующий раз буду в Тауэре, я угощу всех посетителей вашего питейного дома… нет, весь гарнизон.

В тумане даже большие предметы исчезают быстро; исчезла и телега. Минуту-две молодые всадники отгоняли любознательных бродяг,

затем вернулись к бочке. Пока могавки несли караул, просто одетые молодцы осторожно вскрыли её топориками и уложили на бок. Один держал бочку, другой, нагнувшись, засунул в неё руки и вытащил содержимое. Это был человек — возможно, покойник. Коли так, скончался он недавно, потому что тело ещё оставалось мягким. Впрочем, через минуту человек зашевелился. Через три минуты он сидел на бочке, пил бренди, поглядывал на могавков и беседовал со своими освободителями. Он называл их по имени, они обращались к нему «сержант».

— Сержант Шафто, — сказал старик. — Не завидую Костлявой, когда та решит прийти за вами всерьёз. Она получит такую трёпку, что возьмёт двухнедельный отпуск.

— И кто об этом пожалеет? — отвечал сержант Шафто. Голос его был сорван, на запястьях браслетами чернели воспалённые струпья.

— Вспомните про страховые пожизненные ренты! Представляете, какая паника воцарится в кофейне Ллойда!

Сержант Шафто дал понять, что не в восторге от шутки. Выдержав неловкую для собеседника паузу, он сказал:

— Вы, должно быть, Комсток.

— Я подъехал бы и пожал вам руку…

— Ничего, у меня всё равно руки не работают…

— …но не уверен, что справлюсь с конём.

Шафто подавил улыбку.

— Не поладили?

— О, в качестве подушки он меня вполне устраивает, а вот ехать на нём куда-нибудь, не дай бог.

— Как я понимаю, свободой я обязан вам, — проговорил Шафто.

— По тому, что вы здесь и живы, я заключаю, что всё прошло, как задумано?

— По пути из тюрьмы в бочку были кое-какие приключения, в остальном дело оказалось не сложнее, чем вывести конский навоз. Полк под новым, не слишком толковым командованием.

— А что курьеры королевы?

— Толпятся у ковчега день и ночь, больше ничего.

— Вы говорите много, но почти ничего по существу. У вас бы хорошо получилось выступать в парламенте.

Шафто пожал плечами.

— Я стар. Люди, которых вы наняли, чтобы освободить меня из Тауэра, молоды и впечатлительны. Спросите их и услышите более занима-

тельный рассказ.

— И более приукрашенный, полагаю, — сказал Комсток.

— Что теперь, сэр? — спросил Шафто, предпринимая попытку встать. Она удалась, хоть и сопровождалась чередой щелчков и похрустываний в суставах.

— Сержант Шафто, глупо было бы добывать вам свободу, чтобы тут же отнять её указаниями, что вам делать.

— Виноват. Я привык быть в подчинении.

— Тогда, возможно, вам приятно будет узнать, что ваш старый командир, полковник Барнс, сейчас гостит у меня. О нет, не в Лондоне! В моём поместье, Равенскаре, на Северо-Йоркширских пустошах, у моря.

Шафто взглянул на двух драгун, вытащивших его из бочки. Те кивками подтвердили слова Комстока.

— Следует ли понимать, что полковник Барнс там не один? — спросил Шафто.

— Осмелюсь сказать, что добрая половина вашего полка пьёт сейчас вино из моих подвалов.

Один из драгун вполголоса добавил что-то вроде: «три роты». Сержант Шафто был из тех, кто внешне ничему не изумляется, тем не менее

он не скроил презрительную мину — ощутимая победа Роджера Комстока.

— Я знаю про вашу Ассоциацию вигов. — Успешно встав, Шафто теперь осваивал ходьбу; во всяком случае, ему удалось сделать несколько шагов в сторону Комстока. — Говорят, что дельцы из Сити жертвуют вам немалые деньги. Что до армии, которую вы вербуете из солдат её величества, я их сам первый завербовал и обучил, так что не думайте, будто хоть один ускользнул от моего внимания.

— Я и не думаю, сержант Шафто.

— Я не застал гражданскую войну, но мальчишкой слышал рассказы тех, кто в ней выжил. И я видел те улучшения, которые война принесла Ирландии, Бельгии и другим странам. Менее всего я хотел бы участвовать в таком на английской земле.

— Не участвуйте.

— Простите?

— Не участвуйте ни в чём таком, сержант Шафто. О, поезжайте в Равенскар… — С этим словами Комсток приступил к операции по слезанию с лошади, столь очевидно опасной и для неё, и для седока, что сержант шагнул ближе, чтобы вмешаться. — Берите этого коня… да… вот… о нет!

Простите… благодарю… как неудачно… чувствительно вам признателен… позвольте назад мои зубы… спасибо! Оп-ля! Так вот, сержант Шафто, берите моего коня, которому *везти* вас и *не везти* меня — в равной степени *везенье*… ха!.. Эти два драгуна, с которыми вы, если не ошибаюсь, хорошо знакомы, сопроводят вас в Равенскар. Отравляйтесь туда, выпейте за здоровье полковника Барнса. Отдыхайте, восстанавливайте силы, ловите рыбу, — короче, делайте, что вам угодно. Новой гражданской войны не будет, если моё слово что-нибудь да значит. А оно значит, сержант Шафто.

— А если вы ошибаетесь?

— Тогда вы вольны уйти в отставку.

— И какой от этого прок вам?

— Очень важный вопрос, который всегда следует задавать в первую очередь. Сейчас я веду своего рода дуэль с виконтом Болингброком — тем самым, которому вы обязаны недавними мытарствами в Тауэре. На дуэли положено иметь секундантов. Сами они, как правило, ничего не делают. Можете считать армию вигов моим секундантом. У Болингброка есть курьеры королевы, а теперь и ваш полк. Остальные полки страшатся против него выступить. Очень важно,

чтоб не страшился я. Армия в Равенскаре греет мне душу.

— А к чему всё идёт? Мистер Чарльз Уайт задавал мне много странных вопросов касательно ковчега, Монетного двора и моего бывшего братца. Он что-то готовит.

— О, подготовил он всё много лет назад, а сейчас действует. Теперь кое-что готовлю я.

— Войну?

— Хуже. Парламентское расследование. Сегодня я дал Болингброку по носу, подстроив исчезновение из Тауэра его любимого свидетеля — вас. Завтра в Вестминстере я огрею его по голове кузнечным молотом. Он всерьёз на меня осерчает. Я буду меньше страшиться его гнева, если мы оба будем знать, что вы и такие, как вы, заняты муштрой на Северо-Йоркширских пустошах.

И Равенскар насильно вложил поводья в распухшие, негнущиеся пальцы Шафто.

— Что вы намерены с ним сделать? — спросил Шафто.

— Скажем, так: я посоветовал друзьям продавать акции Компании Южных морей на срок без покрытия.

— И что это значит? Я ни слова не понял.

— Это значит, что Компании предстоят чёрные

дни. Если я стану объяснять, мы простоим тут весь день. Торопитесь! Процессия висельников недолго будет вам защитой. В седло!

Шафто подчинился. Несколько мгновений он сидел, кривясь от боли, покуда разные части его тела заявляли решительный протест. Драгуны, подбежав к лошади с двух сторон, принялись укорачивать стремена.

Из тумана с пением гимна выступили десятка полтора гавкеров — они шли к Тайберну выражать своё несогласие с тем или иным государственным установлением. Могавки двинулись к ним, чтобы развернуть их в другую сторону. Один из гавкеров толкал тачку; она была тяжело нагружена листовками и потому постоянно увязала в грязи.

— Хотел бы я видеть то, что вы сделаете с Болингброком, — произнёс сержант Шафто с той долей мечтательности, какая вообще возможна в человеке его темперамента.

— Поверьте мне, о великих событиях в парламенте лучше слышать в пересказе, чем самому в них участвовать, — отвечал Равенскар. — В одном не сомневайтесь: событие будет и впрямь великое. Как только весь мир узнает то, что знаю о Болингброке я, и, в частности, на что пошли

деньги асиенто, разговоры об испытании ковчега смолкнут надолго.

Роджер отошёл на шаг и хлопнул лошадь по крупу. Та затрусила вперёд. Два драгуна прыгнули в сёдла и пристроились за ней. Роджер прокричал им вслед:

— И, держу пари, мой акт о долготе пройдёт как по маслу!

Клеркенуэлл-корт
19 июня 1714

Постановили: Директорам Компании Южных морей представить палате отчёт обо всех действиях означенной компании касательно асиенто, вкупе со всеми распоряжениями, указаниями, письмами и донесениями, полученными директорами либо советами директоров в отношении оного.

Протоколы палаты общин, VENERIS, 18° DIE JUNII; ANNO 13° ANNAE REGINAE[7], 1714.

Чуть южнее того места, где Роджер Комсток разговаривал с Бобом Шафто, граница Лондона угадывалась по метаморфозам, которые претерпевала застройка. Самым неоспоримым их знаком служило то, что дорога, ведущая к Яме Чёрной Мэри, приобрела статус улицы и получила название, долженствующее пробуждать в сознании будущих покупателей образы буколических

---

[7] Примечания: 7
18 июня, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

рощ, пусть и никак не связанные с реальностью. Дома, возведённые и возводимые на Коппис-роу, ещё пахли конским волосом, замешанным на сыром растворе. С левой (если идти из Лондона) стороны рост домов временно приостановили деревья и клубок древних имущественных прав на участки, прилегающие к земле сэра Джона Олдкастла. Справа стояли несколько невыразительных зданий из ещё тёплого после обжига кирпича. Самое большое из них растянулось футов на сто и было поделено на десятки лавчонок разной ширины, преимущественно очень узких и по большей части пока пустующих.

Одну лавчонку арендовал часовой мастер — во всяком случае, если верить новенькой вывеске на железном кронштейне: старинным часам, снятым, надо полагать с какой-нибудь бельгийской ратуши, разрушенной во время последней войны. Так или иначе, они были очень старыми ещё до обстрелов, путешествия в мокром трюме и прочих злоключений, приведших их в Клеркенуэлл. В коросте ржавчины, с покорёженными беззубыми шестернями, часы не столько указывали время, сколько символизировали его неумолимость. Сами по себе они были достаточно занятны — как римские развалины. Однако к

ним добавили ещё и фигуру божества из дерева и гипса. Одной рукой божество поддерживало часы, другой тянулось поправить часовую стрелку. Всё это великолепие украшало мастерскую столь маленькую, что хозяин, встав посреди неё, мог коснуться противоположных стен кончиками пальцев.

Клеркенуэлл-корт (как звалось это здание) был расположен не то чтобы совсем неудачно — на пути к чайным садам и купальням дальше по дороге и не очень далеко от Грейс-Инн с прилегающими площадями, на которых состоятельные лондонцы выстроили себе особняки. Однако и не слишком удачно: попасть туда можно было не иначе, как через ту или иную язву на теле города, рассадник порока и гнездилище греха — Хокли-в-яме и Смитфилд.

Ничто из указанного не помешало некой знатной даме приехать сюда в карете ранним субботним утром. Даму сопровождали кучер, два лакея и пёс (снаружи кареты), а также оруженосный молодой господин и компаньонка (внутри). В обществе двух последних она прошла в дверь за чудной вывеской и дёрнула колокольчик. За стеной лавчонки раздался далёкий звон. Дама дёрнула ещё раз и ещё. Наконец дверь в дальней

стене отворилась. За нею посетители увидели не ожидаемый чулан, а огромный, наполненный людьми двор. Тут весь дверной проём загородил рослый чернявый детина. Он вошёл в лавку и глянул поверх голов на карету, остановившуюся у дверей. Одного взгляда ему хватило, чтобы прочесть герб. Он отступил в сторону и указал на заднюю дверь:

— Входите, — пророкотал детина. Затем, на случай, если выразился недостаточно цветисто и утончённо, добавил: — Прошу.

При появлении детины Иоганн фон Хакльгебер как единственный представитель мужского пола заслонил собой спутниц. Его левая (кинжальная) рука явственно чесалась. Эта деталь не ускользнула от внимания хозяина, который вскинул руки, то ли показывая, что в них ничего нет, то ли просто от досады. Затем он повернулся к гостям спиной и исчез так же, как появился.

Через минуту его место занял Даниель Уотерхауз.

— Сатурн говорит, что едва вас не напугал, — начал он, — и приносит свои извинения. Он ушёл размышлять о своём несовершенстве в качестве мажордома. Прошу вас, сюда. Здесь всё, кроме декоративной часовой лавки, имеет своё

назначение.

Засим последовали приветствия более формального характера, столь машинальные, что практически пролетали мимо ушей. За одним исключением — Элиза, указывая на свою спутницу, объявила:

— Это фрейлейн Хильдегарда фон Клотце.

— Знакомая фамилия.

— Как фрейлейн фон Клотце объяснила бы вам сама, если бы лучше владела английским, она — сестра Гертруды фон Клотце.

— Сиделки, сопровождавшей меня из Ганновера. Теперь понятно, почему её глаза тоже кажутся мне поразительно знакомыми. Приветствую вас в Лондоне, — и Даниель поклонился куда ниже и церемоннее, чем обычно кланяются компаньонкам. — И буду рад приветствовать вас всех во Дворе технологических искусств. Прошу за мной.

— В мои юные дни в Константинополе, — сказала Элиза, — я как-то набралась духа проникнуть из гарема в те части дворца Топкапы, куда вход мне был воспрещён. Я взбиралась по винограду, перелезала с крыши на крышу и так далее. Наконец, я попала в такое место, откуда могла заглянуть во внутренний дворик. Там я увидела

людей из мистической секты дервишей, которые платьем и обрядами отличаются от всего исламского мира. Несколько минут я смотрела на них, затем, пресытившись необычным, тихонько возвратилась в гарем.

— Удачное сравнение, — сказал Даниель Уотерхауз. — Да, сейчас вы снова во дворе, полном дервишей, столь же непонятных для остальных и столь же естественно чувствующих себя друг с другом, как те, которых вы видели в Константинополе.

Они с Элизой остановились в относительно тихом уголке двора под брусом, с которого свешивался слоновый бивень — исполинский полумесяц восьми футов в длину. Различные предметы, закреплённые на верёвке, должны были отпугивать мышей и крыс, чтобы те не спускались по ней для полуночных пиршеств. Вгрызаться в сокровище дозволялось лишь подмастерью, работавшему над ним пилкой. И то была не единственная диковина Двора технологических искусств. Он представлял собой неправильный пятиугольник примерно ста футов в поперечнике. Вдоль всех пяти стен располагались мастерские ремесленников — крошечные загончики под навесами, не похожие

один на другой. С первого взгляда Элиза определила стеклодува, золотых дел мастера, часовщика и шлифовальщика линз, но были здесь и другие, каждый со своим набором приспособлений, одинаково своеобразных и одинаково ревниво оберегаемых. Быть может, старый еврей с бинокулярной лупой на глазах когда-то называл себя ювелиром, а жирный немец, обтекающий телесами крохотный табурет, мастерил музыкальные шкатулки. Теперь их усилия служили более масштабной и менее явной цели. Об остальных Элиза не взялась бы и гадать. Один — изгой даже среди дервишей — делил свой обособленный закуток со стеклянной сферой, которую тощий дерганый подмастерье вращал на оси, производя потусторонний треск и вызывая к жизни маленькие молнии.

Средняя часть двора была отведена для работ практического свойства. Печи — столько, что враз и не сосчитать, все маленькие, кирпичные — разнообразием форм напоминали россыпь диковинных раковин на морском берегу. Два работника вращали большое деревянное колесо, приводя в движение стрелу для подъёма грузов у ворот, выходящих на проселки, ни один из которых ещё не получил звучного имени. Живо-

писности двору прибавляли различные вороты, блоки, прессы и подъёмные устройства неведомого назначения. Был даже каменный пригорок посередине; полтысячелетия назад он мог бы именоваться руинами, а сейчас по большей части ушёл в землю.

— Вы, как я вижу, не жалеете средств на писчие принадлежности, — сказала Элиза, ибо по всему двору, словно осенние листья, кружили исписанные клочки бумаги. — Похоже на биржу. — Она поймала листок, пляшущий в потоке воздуха, и расправила. Когда-то это было прекрасно выполненное изображение чего-то трехмерного, но с тех пор его столько раз исправляли и комментировали, что на бумаге почти не осталось живого места. Доведя чертёж до совершенства, его выкинули.

— Мы и впрямь много тратим на бумагу и чернила, — признал Даниель. — Такие люди не могут без них мыслить.

— Наверное, я должен изумляться, но на самом деле я просто ничего не понимаю, — был вердикт Иоганна, который ни на шаг не отходил от «Хильдегарды», хотя ни разу её не коснулся.

— Беда в том, что здесь почти нет завершённой работы, — сказал Даниель, — а та, что есть — в

Брайдуэллском дворце.

Ему пришлось сделать паузу, пока Иоганн растолковывал немке концепцию Брайдуэлла. Задача оказалась неожиданно сложной.

— Позвольте, я покажу. — Даниель двинулся через двор, Иоганн, Элиза и «Хильдегарда» — за ним. Змейкой они прошли между печами, горнами и другими приспособлениями, которым труднее было подобрать название, к центральному кургану.

Он был снабжён тяжёлыми железными дверями; висячий замок размером с фолиант вполне подошёл бы арсеналу. Даниель вытащил ключ (фунт бронзы, выкованной в форме ажурного лабиринта), подул на него и вставил в замок с тщанием хирурга, вскрывающего нарыв королю. Некоторое время замок пощёлкивал, покуда ключ успешно преодолевал всё новые механические преграды; наконец Даниель получил возможность повернуть бронзовый маховик, убирающий засовы. Дверь распахнулась. Даниель шагнул внутрь. Глядя ему через плечо, гости различили мощёную площадку на краю пропасти. В горшке с ворванью стояло несколько факелов. Даниель взял один и, отряхнув от излишка ворвани, протянул Иоганну со словами: «Сделайте

милость». Сыскать во дворе открытый огонь не составило труда, и через несколько мгновений Иоганн протянул Даниелю горящий факел.

— Я скоро вернусь, — сказал Даниель. — Если через полчаса меня не будет, снаряжайте спасательную экспедицию.

С этими словами он ступил в провал. «Хильдегарда» ахнула, думая, что он упал в старый колодец. Однако через секунду по движениям Даниеля стало понятно, что тот спускается по невидимой в темноте лестнице. Вскоре он исчез из виду. Элизе и её спутникам осталось смотреть на дрожащий прямоугольник алого света и ловить различные звуки: шорохи, писк, лязганье. Потом свет вновь собрался в пылающий факел. Чуть позже появилась голова Даниеля Уотерхауза, затем поблескивающий четырёхугольник, который он держал под мышкой, как книгу.

— Это одолжил мне обременённый излишним богатством друг, — пояснил Даниель, когда факел потушили, а дверь заперли. Он показывал гостям квадратную пластину толщиной примерно в восьмую часть дюйма, с виду золотую, но пережившую крайне грубое обращение — её царапали, плющили, мочили в солёной воде и пачкали смолой.

— Как вы, вероятно, догадались, там внизу есть ещё, — продолжал Даниель, — но мы достаём столько, сколько можем обработать за день.

В следующие минуты гости вслед за Даниелем переходили из одной части двора в другую. Сперва работник скрёб пластину в бочке с водой, смывая соль. Златокузнец взял её клещами и сунул в огонь; на мгновение она окуталась дымом и цветным пламенем. Вся грязь сгорела, остался чистый золотой лист. Златокузнец охладил его в воде и отщипнул кусочек для пробирного анализа. Даниель понёс пластину весовщику, который тщательно взвесил её и записал результат в амбарную книгу. В противоположном конце двора располагался станок, состоящий из двух больших бронзовых вальков. Работник приставил пластину к валькам, его помощник принялся вертеть ручку сложной зубчатой передачи. Вальки поворачивались медленно, как минутные стрелки. Из них выползал уже не квадрат, а нечто овальное, как тесто из-под скалки, толщиной в ноготь. С другой стороны станка на горизонтальной раме размером с обеденный стол была натянута целая бычья шкура; раскатанная пластина блестела на ней, как зеркально-гладкое озеро. Четверо работников взяли раму за углы и понесли к навесу,

под которым стоял станок для резки металла. Здесь кожу закрепили так, чтобы золото ползло прямо в пасть ножниц. Двое работников тут же принялись резать его на полосы примерно в ладонь. Закончив, они развернули полосы на девяносто градусов и пропустили их по второму разу, разрезая на квадраты. Некоторые куски, с краю, были неправильной формы, их бросали в корзину, остальные складывали в аккуратную стопку. Когда золото кончилось, резчики дважды пересчитали карты (ибо золотые квадратики сильнее всего напоминали колоду больших игральных карт), затем всё — включая корзину с обрезками — вернули Даниелю. Тот снова пошёл к весовщику, который расписал судьбу каждого грана золота. Обрезки Даниель отнёс назад в крипту.

Все четверо вернулись в лавку человека, именуемого Сатурном. Золотые карточки ещё раз пересчитали и уложили в обитый бархатом сундучок, сделанный точно по их размеру. Гости инстинктивно обступили его.

— Что ж, доктор Уотерхауз, теперь мы понимаем примерно десятую часть всех странностей вашего двора, — сказала Элиза. — Когда мы поймём остальное?

— Когда приедем в Брайдуэлл! — отвечал Даниель, беря со стола сундучок.

— Мы как драгоценности в пиратском сундуке, — сказала герцогиня Аркашон-Йглмская, пытаясь внушить своим спутникам более радужный взгляд на происходящее.

Даниель, Элиза, Иоганн и «Хильдегарда» делили ящик на колесах не только с сундучком золотых пластин, но и с несколькими тюками листовок — судя по запаху и тенденции пачкать одежду, только что из типографии. Все старались держаться от них подальше, кроме Даниеля, чьё платье и без того было чёрным.

По неким неписаным, но универсальным правилам этикета, люди, запертые вместе в тесном пространстве, стараются не глядеть друг другу в глаза и не разговаривать. Положение усугублялось тем, что под именем «Хильдегарда» скрывалась принцесса Каролина Ганноверская. Отсюда попытки Элизы завести светскую беседу.

После того как они проехали некоторое расстояние по Сефрен-хилл, Даниель исхитрился освободить руку и открыть шторку. Луч солнца — не та роскошь, на которую можно рассчитывать в Лондоне, но усилия Даниеля были вознаграждены призрачным серым светом, упавшим на

верхний листок в тюке.

СВОБОДА

Даппа

Гонитель мой утверждает, будто листки, вышедшие из-под моего пера, служат лишь затыканию щелей и прочим естественным надобностям в клозетах бенксайдских кабаков. Коли так, нельзя не подивиться столь близкому знакомству мистера Чарльза Уайта с бытом упомянутых клоак; впрочем, не будем ломать голову над загадкой. Ибо если истинно приведённое утверждение, ты, читатель, наслаждаешься краткими минутами досуга в ретирадном месте на южном берегу Темзы, и мне надлежит перейти к сути, покуда ты не завершил своё дело.

Ежели ты обратишь взор к щели, из которой вытащил читаемый тобою листок, то, возможно, увидишь улицу — восточное продолжение Бенксайда. Она зовётся Клинк-стрит и служит границей Клинкской слободы. Молва гласит, что землю эту, принадлежавшую в древности

неким аббатам, передали епископу Винчестерскому с тем, чтобы добрый прелат обратил её на службу Богу и беднякам. Соответственно целая череда епископов содержала здесь лупанарии, но не современные притоны разврата, пагубные как для клиентов, так и для несчастных женщин. Нет, то происходило в золотой век до распространения французской болезни, и великий покровитель борделей, обитающий неподалёку, в Сент-Джеймском дворце, высочайшим указом запретил принуждать женщин к указанном ремеслу помимо их воли. Столь успешно короли и епископы доглядывали за названными учреждениями, что персонал, администрация и клиенты отлично ладили. Увы, ничто в нашем мире не вечно, и здесь выстроили тюрьму, в которой я и пишу эти строки. Но не тревожься о моём благополучии. Рачением моей покровительницы и нескольких читателей я живу в просторной комнате с видом на реку; под нею много помещений без окон, где сотни моих собратьев-арестантов проводят дни в тяжёлых кандалах на

лёгком пайке.

Почему, спросишь ты, Клинк, который короли и епископы стремились превратить в земной рай, сделался мрачным узилищем? Потому, отвечу я, что всё подвластно порче. Сифилис закрыл двери весёлых домов; бордели из Бенксайда переехали в грязные комнатушки, рассеянные по всему городу, где лордам духовным и светским трудно их отыскать, не то что уследить за царящими там порядками. Храмы Афродиты уступили место медвежьим садкам, кои я назвал бы Полями Марса, будь в них хоть что-нибудь от истинно воинского духа. Процветали здесь и Музы, покуда Кромвель не запретил театры. Некогда в Клинкской слободе резвился весёлый бог Дионис, но, увы, добрые эль и вино вытеснены новомодной отравой, джином. Горестная картина понуждает каждого мыслящего узника к раздумьям о том, что есть свобода. Ибо многие из нас живут в блаженной уверенности, будто принадлежат к сообществу людей свободных. Однако сколь же часто мы при тщательном рассмотрении

обнаруживаем, что наша бесценная свобода не многим лучше моей привольной комнаты на верхнем этаже Клинкской тюрьмы! Мы можем отчасти списать своё чувство на тоску по Доброй Старой Англии, в виду которой всякая вещь, сколько угодно новая и диковинная, предстаёт как бы через старинную подзорную трубу, обещающую более точный образ, но на деле искажающую форму и цвета. В Доброй Старой Англии не было французской болезни, и потому бордели теперь не те, что встарь. Не было в ней и кровавых медвежьих садков, по крайней мере в нынешнем их числе; приличные люди брезговали посещать такие места, а уж тем паче содержать. И в Доброй Старой Англии не было рабства — нелепого установления, согласно коему один человек может быть объявлен хозяином другого на основании исключительно своих слов. В современной Англии всё это есть. Вот почему я не сетую, читатель, что ты на воле, а я в тюрьме; ибо всякая свобода не более чем химера. Лучше быть в тюрьме свободным от обольщений, чем

на воле в плену у лжи, распространяемой правящей партией.

— Ну и как вам? — спросила Элиза. Она наблюдала за Даниелем, пока тот читал листок.

— О, как эссе написано довольно бойко. В качестве политической тактики — довольно опрометчиво.

— Когда он пишет: «читатель то», «читатель сё», это не просто фигура речи, — сказала Элиза. — Его и впрямь читают, хотя при нынешнем политическом климате не многие в этом сознаются.

— В том-то и загвоздка, сударыня. — Даниель закрыл окно, потому что теперь они ехали по берегу Флитской канавы, неподалеку от Крейнкортской штаб-квартиры Королевского общества; от аммиачного запаха перехватывало дыхание и слезились глаза. — Публикуя такое, он ставит на то, что виги победят, а тори проиграют.

Элизу критика явно смутила, однако у принцессы, слушавшей их разговор, был наготове ответ:

— Мы все на это поставили, доктор Ватерхаус. Вклютшая вас.

Если бы Иоганн не сказал Каролине, что Брайдуэлл был некогда королевским дворцом, она бы вышла из кареты, окинула его взглядом, опре-

делила как полуготические-полутюдоровские развалины и отвернулась, теперь же должна была оторопело разглядывать его несколько минут, силясь мысленно воссоздать прежнее величие.

Двор, где заезжие герцоги, возможно, играли после обеда в кегли, был завален грудами истёртого каната, который потресканным пальцам арестанток предстояло расщипать на паклю. Из окна, в которое, просунув через решётку пипиську, мочился сейчас двенадцатилетний карманник, принцесса могла любоваться на свой флот в те времена, когда здесь была река, а не сточная канава. Шумные пыльные мастерские, наверное, служили конюшнями для рыцарских скакунов.

Молодая особа более романтического склада могла бы до конца дня истязать свой мозг, тщась сотворить из этой человеческой и архитектурной свалки мало-мальски презентабельный образ. Каролина прекратила старания, как только улюлюканье из зарешёченных окон напомнило ей, что они стоят во дворе, через который обычно вводят новых арестантов.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовал Даниель, ведя своих спутников через арку во внутренний двор. — Знатные люди часто хо-

дят сюда поглазеть на арестантов, хотя Бедлам считается не в пример более занимательным. Все решат, что мы просто любопытствующие.

Как вскоре стало ясно, дворец состоял из двух флигелей.

— Туда мы не пойдём, — сказал Даниель, кивая влево. — Там сплошь мужчины: карманники, сводники, подмастерья, поднявшие руку на хозяев. Прошу за мной на женскую сторону.

Он говорил медленно, а двигался быстро: тактика, рассчитанная на то, что спутники будут спешить за ним и меньше глазеть по сторонам.

— Я вынужден буду всякий раз проходить в дверь первым, непростительным образом нарушая этикет, но, как вы уже поняли, здесь не Версаль. Смотрите под ноги.

Даниель повёл их по лестницам и коридорам через ту часть дворца, где прежде размещались слуги. Наконец он втиснулся в дверь, за которой открылось необычайно большое пространство под высоким сводчатым потолком: древний зал, где, возможно, пировали за длинными столами графы. Сейчас его по большей части занимали женщины. Из мебели присутствовали колоды и колодки. Перед каждой колодой, высотой чуть меньше, чем до пояса, выпиленной из целого

ствола, стояла женщина. Все они были молодые — ни девочки, ни старухи с такой работой бы не справились. Каждая держала молоток: насаженное на ручку полено дюймов десять в поперечнике и примерно в фут длиной. На колодах лежала треста — стебли конопли на ярд выше человеческого роста, несколько дюймов в диаметре, которые месяцы назад очистили от листьев, бросили в стоячие озерца и придавили камнями. После того как всё, кроме волокон, сгнило, их высушили на солнце, доставили баржами в Брайдуэлл и свалили огромной кучей в одном конце зала. Младшие девушки постоянно выдергивали из кучи стебли, тащили их по полу и укладывали, как осуждённых, на свободные плахи. Едва стебель оказывался на колоде, человек в фартуке поднимал палку, хищно глядя на спину женщины, прикрытую лишь тоненькой тканью. Если она в ту же минуту не ударяла со всей силы молотком, палка опускалась ей на спину. Каждый стебель надо было бить много раз, поворачивая, по всей длине, чтобы освободить длинные темные волокна от сгнившего и высушенного растительного вещества. Молотки стучали по колодам нескончаемой канонадой, сор взмывал в воздух и грязным снегом оседал на

пол. Каролина и Элиза немедленно схватились за шарфы и укрыли волосы, чтобы в них не попали пеньковые очёсы. В следующий миг обеим дамам пришлось закрыть теми же шарфами рот и нос, потому что воздух представлял собой взвесь крохотных ворсинок, невидимых глазу, но сразу вызывающих першение в горле.

Помимо колод, в зале имелись колодки. Каждая состояла из двух брусьев, закреплённых на вертикальных рамах, так что высоту их можно было менять. На обоих брусьях имелись парные вырезы разного размера, на разном удалении друг от друга, чтобы запястья и шею разной толщины можно было фиксировать в положении, наименее удобном для жертвы и наиболее отвечающем прихоти надсмотрщика. Почти все они были пусты, что говорило о хорошей организации труда, однако в нескольких стояли женщины с высоко вздёрнутыми руками. Спины их были черны от запёкшейся крови.

— Теперь вы знаете об изготовлении пеньки и выправлении нравов всё, — заметил Даниель, когда они выбрались через боковую дверь на лестницу, где можно было слышать друг друга и дышать. Некоторое время все отряхивались и вычищали соринки из глаз. — Меня изумляют

мужчины, — продолжал Даниель, — которые, видев то, что видели мы, на следующий день отправляются в бордель. Сам я не могу вообразить картину, менее возбуждающую страсть вообще и к продажной любви в частности…

Тут Элиза строго глянула на Даниеля, а Иоганн предостерегающе хмыкнул. Каролину разговор явно заинтересовал, но она осталась в меньшинстве.

— Что ж, тогда в апартаменты мисс Ханны Спейтс. Смотрите под ноги.

Последнее предупреждение не имело особого смысла, так как фекалии распределялись по всему полу равномерно.

Брайдуэллский дворец был типично английским в том смысле, что какой бы исторический процесс ни породил нынешнюю его форму, в ней начисто отсутствовала всякая логическая система. Как ботанику, Брайдуэлл можно было запомнить, но не понять. Гости уже давно не знали, в какую сторону идут, и не удивились бы, если бы Даниель, распахнув дверь, показал им секретный туннель под Темзой или чёрный ход в ад. Однако вместо этого они очутились на верхнем этаже какого-то флигеля или пристройки. Здесь, в просторном помещении под мощными

стропилами древней шиферной крыши жили и трудились Ханна Спейтс и её товарки. Сейчас в нём было душно, зимой, наверное, холодно, зато сухо, в нос не шибало зловоние, в окна проникал свет, а по стенам не стояли, вместо украшений, окровавленные женщины. Стропила шли под небольшим наклоном, как будто тщились сбросить бремя каменной чешуи. Это придавало помещению вид готической церкви, чьи строители перемёрли от чумы раньше, чем успели установить кафедру и скамьи.

По крайней мере тут был орг*а*н (или так казалось на первый взгляд). Внимание входящих сразу обращал на себя ящик размером с бродяжью лачугу, но неизмеримо более изящной работы, из плотно пригнанных дубовых дощечек, законопаченный по углам паклей и смолой. Вдоль него располагались четыре больших меха и деревянный поручень. За поручень держались две женщины; каждая стояла на двух мехах, соединённых так, что когда один под нажимом ноги шёл вниз, наполняя воздухом камеру, второй расширялся. Казалось, женщины взбираются по бесконечной лестнице. Обе были краснощекие девахи, большегрудые, задастые и встрепанные; обе работали с азартом, так что их румянец раз-

горался всё ярче. С неприкрытым любопытством разглядывая гостей, они не забывали следить за U-образной трубкой, наполненной ртутью. На одной половине трубки алой ленточкой был отмечен уровень. Как только какая-нибудь из девиц ослабляла нажим на одну педаль и переносила свой вес на вторую, ртуть в этой половине трубки резко шла вниз, затем снова прыгала вверх. Можно было не объяснять, что цель их усилий — поднять ртуть к ленточке.

По другую сторону воздушной камеры стояло нечто, похожее на мануал духового органа. Однако клавиш было всего тридцать две, без диезов и бемолей, и лишь некоторые были вжаты. За клавиатурой сидела молодая женщина с коричного цвета волосами, уложенными в свободный пучок. Её платье, как и все платья в Брайдуэлле, выглядело так, будто его вытащил слепой из церковного ящика для пожертвований, однако оно было выстирано, тщательно заштопано и более или менее пригнано по размеру. Когда Даниель со своими спутниками приблизился, органистка расправила плечи и потянула рукоять из слоновой кости. Вжатые клавиши тут же выскочили.

— Ваша светлость, — обратился Даниель к Элизе. — Позвольте представить вам мисс Ханну

Спейтс. Мисс Спейтс, это дама, про которую я говорил.

Ханна Спейтс встала и, как могла, изобразила реверанс.

— Очень приятно, — сказала Элиза, мгновенно беря тот отстраненно-участливый тон, каким обычно говорят высокородные филантропы, вынужденные часто посещать больницы, сиротские приюты, исправительные дома и тому подобное. — Что это за инструмент? Услышим ли мы исполнение?

Ханну сбили с толку слова «инструмент» и «исполнение», но она довольно быстро без помощи Даниеля расшифровала вопрос.

— Это машина для набивки карт, ваша светлость. Она пробивает дырки, я сейчас покажу.

— Прежде мы займёмся бухгалтерией, — объявил Даниель, увлекая гостей в дальний угол комнаты, где было устроено подобие банковской конторы. За большим столом сидел писарь; джентльмен лет пятидесяти, стоявший у писаря за спиною, теперь вышел вперёд, чтобы его представили.

— Мистер Уильям Хам, — сказал Даниель. — Мой племянник, золотых дел мастер, ведущий наши дела в Сити.

Последовал обмен любезностями. Элиза обронила, что слышала о мистере Хаме от друзей, имевших удовольствием вести с ним дела, мистер Хам дал понять, что ему это крайне лестно. Он был приятно смущён вниманием, ибо принадлежал к новой породе хорошо одетых неприметных людей, сменившей поколение наглых авантюристов, осмелевших трусов и патологических лжецов, которые в Даниелевой юности создавали банковское дело.

Даниель передал сундучок с золотыми картами Уильяму Хаму, тот отнёс их к конторке у окна и взвесил. Он называл числа писарю, писарь повторял их вслух и записывал в амбарную книгу. Затем карты за исключением одной спрятали в окованный сундук с замками, стоящий на полу рядом со столом. Единственную не убранную карту Хам вручил надсмотрщику в фартуке. Тот являл собой точную копию своих собратьев из мастерской, где трепали пеньку, только без палки. С торжественностью священнослужителя, совершающего таинство, он отнёс карту к органоподобному механизму и возложил на пюпитр, расположенный выше мануала. Затем взялся за две железные ручки, прямо над клавиатурой, и потянул со всех сил. Из машины, словно язык,

высунулась железная пластина, плоская и гладкая, как будто её пропустили между вальками, без каких-либо отметин. В дальней её части имелось квадратное углубление с ровными рядами дырочек на дне, что придавало ему сходство с решёткой. Надсмотрщик взял карту с пюпитра и положил в выемку, так что все дырочки оказались закрыты, а по краям почти не осталось места. Затем упёрся ладонями в рукоятки и надавил, задвигая подставку вместе с золотой картой в недра машины. Когда они встали на место, раздался чуть слышный щелчок, как будто внутри сработали какие-то зажимы.

Надсмотрщик отошёл. Мисс Спейтс села на скамью перед клавиатурой и оправила залатанную юбку. Первым делом она поддалась вперёд и заглянула в призму, установленную в верхней части консоли. Судя по всему, увиденное ей не понравилось, потому что она принялась вертеть две металлические ручки, исправляя положение подставки. Добившись желаемого результата, она кротко сложила руки на коленях и взглянула на Даниеля.

— Здесь мне дозволено сыграть небольшую роль, — сказал Даниель, вынимая из кармана плотную бумажную карточку, над которой мно-

го часов или дней трудились тонким гусиным пером. Один край украшала цепочка цифр, в середине шли надписи неразборчивым почерком на ЛАТЫНИ, *английском* и значками Универсального Алфавита с редкими вкраплениями чисел. Карточку он с лёгким намёком на поклон протянул Ханне, которая повернула её и положила на пюпитр.

— Она умеет читать?! — изумился Иоганн.

— Вообще-то да, благодаря заботливому отцу, но это редкость, и особой надобности в таком умении нет, — отвечал Даниель. — Девушкам надо лишь отличать единицу от нуля — как вы сами убедитесь, если посмотрите на карточку.

Иоганн, Элиза и Каролина столпились за спиной у мисс Спейтс, разглядывая через её плечо карточку на пюпитре. Она была повернута так, что из множества букв и цифр можно было прочесть лишь цепочку нулей и единиц вдоль одного края. Покуда остальные разговаривали, мисс Спейтс двигала пальцем по клавиатуре, нажимая одни клавиши и пропуская другие. При нажатии слышалось звяканье стерженьков и рычажков внутри механизма, и клавиша оставалась вдавленной. Легко было видеть, что последовательность получалась та же, что и на карточке:

видя единицу, мисс Спейтс нажимала соответствующую клавишу, видя ноль — пропускала.

Покуда мисс Спейтс занималась этой тонкой и кропотливой работой, девицы, шумно отдуваясь, качали мехи, стараясь подогнать ртуть к красной ленточке.

— С вашего дозволения, сэр, — выговорила одна из них, — мы иногда поём песню, как матросы, когда тянут канат.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответил Даниель к отчаянию надсмотрщика, который как раз открыл рот, чтобы запретить пение.

Салли Браун кто ж не знает,
Девка чудо, подивись:
На дворе насос качает
Вверх и вниз, вверх и вниз.

Сами, эдак, Салли, так!
Больно в деле хороша!
Чуть возьмётся за рычаг —
Занимается душа!

Салли в Лондоне явилась —
Здесь мужчин хоть отбавляй,
И сноровка пригодилась:

Жми, выкачивай, давай!

Салли эдак…

Салли в Брайдуэлл залетела,
Ей урок привычный дан:
Жми, чтоб не стоял без дела
Механический орган.

Салли эдак…

С последним тактом ртуть в трубке наконец достигла красной ленты. Ханна Спейтс потянула ручку из слоновой кости, которую в ожидании этого мига сжимала потной рукой. Машина зашипела, и не в одном месте, а сразу во многих, как будто в море падали осколки разорванной взрывом пушки.

На воздушной камере по дуге радиусом ярда в два был установлен ряд труб, подобных органным. Каждая имела несколько дюймов в диаметре и ярд в высоту. От центра к трубам веером расходились бронзовые рычаги. Некоторые из них, но не все, разом пришли в движение.

Теперь стало ясно, что в трубах находятся поршни, и воздух из камеры толкает некоторые вверх. Двигаясь, они поднимали концы бронзовых рычагов. Каждый рычаг поворачивался

на смазанном шарнире, расположенном далеко от трубы и близко от центрального механизма. Когда поршень быстро шёл вверх, противоположный конец рычага опускался медленно, но с большой силой. Рычаг давил на тонкий вертикальный стержень. Стержни — общим числом тридцать два — стояли в ряд, как солдаты; каждый в первый миг сопротивлялся нажиму, затем резко шёл вниз, словно пробив какой-то барьер. При этом поршень на противоположном конце рычага взлетал вверх до рычажка, соединённого с толкателем, движущимся вдоль внешней стороны трубы. Толкатель передавал усилие заслонке в основании трубы, та открывалась, и поршень возвращался в исходное положение. Всё закончилось в несколько секунд. Мисс Спейтс потянула ручку, и вжатые клавиши выскочили.

Кодой музыкальной пьесы стало тихое позвякивание, исходившее из машины. Затем в керамическую чашу, установленную перед консолью, полилась золотая струйка. Даниель взял чашу и показал гостям. В ней поблескивали миниатюрные золотые диски, похожие на монетки волшебного народца. Некоторые ещё крутились или катались на ребре.

— Эти выбитые кружочки — мы называем их

просто битами, — сказал Даниель, — имеют одинаковый вес. То есть взвесить их — всё равно что сосчитать; затем полученное число сверяется.

— Сверяется с чем? — спросил Иоганн.

— Клерк смотрит на карточку, — сказал Даниель, указывая на исписанную бумажку, которая по-прежнему лежала на пюпитре, — и проверяет сумму цифр каждого числа. Если число битов в чаше с нею не сходится, значит, карта испорчена, и её отправляют в переплавку. Однако это случается крайне редко, ибо мисс Спейтс — воплощение аккуратности.

И впрямь, мисс Спейтс уже дернула за бронзовый рычаг, вдвинувший подставку дальше в машину, проверила её положение через призму и начала выставлять на клавиатуре следующее число. Задастые девицы снова запели. Через несколько минут всё повторилось: шипение, лязг, судорога множества рычагов и ручеёк золотых кружочков. После того как это произошло ещё несколько раз, Ханна Спейтс встала из-за клавиатуры, девицы слезли с мехов и направились к бочонку с пивом, а надсмотрщик выдвинул из машины железную подставку. Золотая карта теперь была в круглых дырочках, словно швейцарский сыр. Все они располагались в узлах координатной

сетки мсье Декарта, однако не все узлы были пробиты. Результат являл собой странное смешение упорядоченного и случайного; таким, наверное, предстаёт чётко отпечатанный, но зашифрованный текст.

— Теперь я гораздо лучше понимаю, что происходит в Клеркенуэлл-корте, — был Элизин вердикт, — хотя остаётся много загадок. Я вижу, например, зачем вам органные мастера. Зачем нужен человек, делающий молнии, мне непонятно.

— Мы купили запасные части у голландского органного мастера, отбывающего на родину, поэтому наша машина выстроена с использованием приёмов его ремесла, — объяснил Даниель. — Игрушечный мастер, часовщик или исследователь электричества могут прийти к тому же другим путём.

— Но, как я понимаю, это не думающая машина?

— Логическая машина будет совершенно иной, — заверил Даниель.

— Будет?! Её ещё нет?

— Набивка карт займёт изрядно времени, даже если мы построим ещё много таких машин и приставим к работе весь Брайдуэлл. Более того,

логическую машину нельзя сконструировать и опробовать, пока у нас нет достаточного количества карт. Так что до сих пор мы направляли все усилия на то, чтобы научиться делать карты. Как видите, эта задача решена. Сейчас строят ещё такие механизмы, нам же следует обратить все силы на создание логической машины. — Даниель деликатно прочистил горло. — Нам бы очень не помешало значительное вливание капитала.

— Ещё бы! — воскликнул Иоганн. — Зачем вы делаете карты из золота?

— Оно пластично, поэтому из него легко изготовить карты одинаковой толщины, и при этом единственное из металлов не покрывается ржавчиной или патиной. Однако капитал нужен нам для другого. Как ни странно звучит, у нас в хранилище довольно золота, чтобы перенести на него все карты, которые я привёз с собой.

— Нельзя ли поподробнее? — спросила Элиза.

— Я привёз из Бостона несколько ящиков с картами — вполне довольно для первых испытаний машины.

— Почему вы решили взять их с собой?

— Потому, мадам, что Институт технологических искусств колонии Массачусетского залива щедро поддерживали некие значительные осо-

бы, и мне подумалось, что им захочется увидеть зримое свидетельство моих трудов. Нет, этого я не предвидел. — Даниель протянул руку к машине, затем, чуть опустив веки, кивнул в сторону Каролины.

— Так в Бостоне есть ещё карты?

— Я оставил в Массачусетсе почти все; сейчас их, с Божьей помощью, уже грузят на известную вам «Минерву». Она вышла из Лондона в конце апреля и должна была на прошлой неделе достичь Бостона.

— Когда «Минерва», с Божьей помощью, вернётся в Лондон, вам потребуется ещё золото для карт, — заметил Иоганн.

— По счастливой случайности, — усмехнулся Даниель, — тогда же и тоже морем нам доставят ещё золото. Говоря о необходимости капитала, я не имею в виду золото для набивки карт.

— Вам, как человеку, продвигающему новую технологию, простительно и даже положено питать оптимизм, который в других областях, скажем, в финансовой, считался бы признаком неопытности, — сказала Элиза. — Меня просят выступить финансистом, и я не могу позволить себе такую роскошь. На мой взгляд, не следует полагаться на то, что два корабля, с картами и

с золотом, прибудут в Лондон благополучно и в одно время.

— Я понял, — сказал Даниель. — Позвольте внести ясность: золото и карты едут на одном корабле.

— На «Минерве»?

— И вам, полагаю, известно, какой это превосходный корабль. Я скорее доверю золото трюму «Минервы», нежели хранилищу иного банка. Можно уверенно обещать, что в начале августа, когда она бросит якорь в Лондонской гавани, у нас будет всё потребное для набивки большого количества карт. Сейчас нам нужно финансирование Клеркенуэлл-корта, чтобы построить логическую машину.

— Верно ли я понимаю, что вы уже обращались к своему благодетелю с просьбой о дополнительной поддержке и получили отказ?

— Роджер Комсток посоветовал мне обратьcя к вам, мадам.

— Вот уж не думала, что у такого человека могут кончиться деньги.

— Строго говоря, речь о свободных средствах. Вы сами знаете, сколь многое сейчас лежит на весах. Опасности, вынудившие принцессу Каролину искать убежища вдали от садов Ганновера,

не обошли стороной и маркиза Равенскара. Он тратит все силы на то, чтобы вооружиться для борьбы с Болингброком.

— И не безрезультатно, если верны вчерашние новости из парламента, — вставил Иоганн.

— Вчерашний день принёс Комстоку победу, но это была не более чем стычка. Сражения — впереди.

— Удивительно, что у него вообще находятся деньги и время на логическую машину, — заметил Иоганн.

— По правде сказать, у него нет для неё ни того, ни другого, и он пока совершенно о нас забыл, — отвечал Даниель.

— Таким образом, вы просите о переходном займе, — сказала Элиза.

— О да, мадам.

— Нельзя отправляться в переход, не зная, какое расстояние предстоит покрыть.

— От сего дня до того, когда Ганновер станет венчанным королем Великобритании.

— Что может не произойти никогда.

— И тем не менее, как заметила одна мудрая особа, все мы на это ставим.

— Однако могут пройти годы.

— Скорее я продам себя на главной площади

Неаполя в качестве жиголо, чем королева Анна доживёт до конца 1714 года, — заверил Даниель.

— Какую сумму вы просите?

— Регулярное пособие в течение некоторого времени. Мистер Хам набросал кое-какие цифры.

— Боюсь, это будет скучновато, — проговорила Элиза. — Я предлагаю разделиться. Иоганн хорошо считает, он побеседует с мистером Хамом. Хильдегарда, возможно, захочет остаться с ним.

— А вы, мадам?

— Я хорошо умею вести переговоры, — сказала Элиза, — поэтому отвезу вас обратно в Клеркенуэлл-корт, а по дороге мы побеседуем. Если без обиняков, я хочу знать, что вы намерены представить в качестве залога.

— Любопытный монетный двор вы создали, — заметила Элиза.

Даниель очнулся от сонного полузабытья. Всю дорогу вдоль Флитской канавы до Холборнского моста герцогиня Аркашон-Йглмская молчала, глядя в окно. Сейчас они застряли в Филд-лейн — узком жёлобе, полном кирпича и конского навоза.

Лондон пробуждался неохотно. Народ растратил все силы на вчерашнюю казнь. Даже те, кому

не удалось пробиться сквозь толпу и увидеть само повешение, были заняты: обчищали карманы либо утоляли голод и жажду тех, кто пробился. Знать тем временем упивалась жестоким зрелищем совершенно иного рода: в парламенте виги вдруг принялись допытываться, куда делись доходы от асиенто. Представители высшего света допоздна сбывали акции Компании Южных морей, а затем в кофейнях и клубах пичкали друг друга неверными сведениями.

Однако сейчас, ко второй половине дня, завсегдатаи Тайберн-кросс и Вестминстерского дворца наконец пробудились окончательно. Все, кроме Даниеля Уотерхауза. Он уже задрёмывал, когда странное замечание Элизы заставило его вздрогнуть и поднять голову.

— Простите? — спросил он, выгадывая время, чтобы проснуться.

— Я пытаюсь подобрать сравнение для ваших брайдуэллских занятий, — отвечала Элиза, затем, видя, что не прояснила свою мысль, выпрямилась, как кошка, и поглядела Даниелю в лицо. Она была так прекрасна, что он поёжился.

— Считается, что всё золото одинаково, — продолжала Элиза, — и между его унцией здесь, в Шахджаханабаде и в Амстердаме нет никакой

разницы.

«Вот бы кто-нибудь объяснил это Исааку», — подумал Даниель и тут же устыдился своей мысли. Исаак так и не оправился от приступа, который пережил в Вестминстере две недели назад. Он по-прежнему был в доме Роджера Комстока и не вставал с постели.

— Финансист, у которого просят ссуду, тщательно оценивает имущество заёмщика, убеждаясь, что ссуда будет надёжно обеспеченна, — продолжала Элиза. — У вас есть золото. Его можно взвесить. Лучше обеспечения не придумаешь. Однако тут возникает сложность. Вы используете золото не как золото, а как хранилище информации. Пропущенная через орган, карта обретает ценность — по крайней мере для вас, — которой не обладала прежде. Если её расплавить, ценность будет утрачена. Мне приходит в голову только одно сравнение — с монетным двором, где гладкие золотые диски, выйдя из-под чекана, приобретают дополнительную ценность. Вот почему я сказала, что ваш орган в Брайдуэлле подобен маленькому монетному двору, а ваши пробитые карты — монеты нового мира.

— Вы меня убедили, — сказал Даниель. — Надеюсь лишь, что сэр Исаак этого не услышит и не

зачислит меня в соперники.

— Если слухи о здоровье сэра Исаака правдивы, — отвечала Элиза, — то вскоре Монетный двор возглавит кто-то другой. Впрочем, это к делу не относится. Предположим, вы создали логическую машину и она заработала. В таком случае ценность — я говорю об экономической, а не эстетической, моральной или духовной ценности — вашего предприятия заключена в возможности выполнять логические и арифметические действия при помощи карт.

— Да, мадам, это всё, что мы можем предложить.

— Если кредитор изымет карты в погашение долга и расплавит, информация, записанная на них, погибнет, логическая машина лишится возможности работать и ценность, о которой мы говорили, обратится в ноль.

— Верно.

— Отсюда следует, что золото, превращённое в пробитые карты, плохой залог — его нельзя обратить в деньги, не погубив ваше предприятие.

— Полностью согласен, что это золото не может быть обеспечением ссуды.

— Более того, если я правильно понимаю, карты и машина, как только она заработает, отправятся

в Санкт-Петербургскую академию наук.

— Да, таков должен быть первый этап.

— А следующие, если вы их построите, перейдут в собственность маркиза Равенскара.

— Как предполагается, да.

— А мне достанутся лишь некие новости, которые можно использовать на рынке. В такую игру я успешно играла в молодости, когда мне нечего было терять и никто от меня не зависел. Теперь я хочу получать за свои вложения нечто ощутимое. Я инвестирую головой, а не сердцем.

— И вместе с тем вы поддерживаете Даппу, а также, я слышал, щедро жертвуете на больницы для бывших солдат и бродяг.

— На благотворительность, да. Но вам поздно превращать свой институт в благотворительное учреждение.

Даниель вздохнул.

— Тогда позвольте рассказать вам о логической машине то, чего не знает даже Роджер Комсток.

— Я вся внимание, доктор.

— Она не будет работать.

— Логическая машина не сможет производить логические действия?

— Да нет, разумеется, сможет. Производить логические действия с помощью машины совсем

не сложно. Лейбниц продолжил то, что начал Паскаль, а я в Бостоне пятнадцать лет развивал сделанное Лейбницем. Теперь я передал свои разработки толковым малым, и те за пятнадцать недель продвинулись дальше, чем я за пятнадцать лет.

— Почему же вы говорите, что она не будет работать?

— Вернувшись два дня назад из Ганновера, я стал смотреть схемы, предложенные инженерами. Результаты великолепны. Однако я обнаружил серьёзное затруднение: нам нужна движущая сила.

— Ах да, вы говорили об этом в Ганновере.

— Тогда я уже подозревал то, в чем теперь твёрдо уверен: логической машине будет нужен источник движущей силы. Сгодится мельничное колесо на большой реке, но куда лучше была бы…

— Машина для подъёма воды посредством огня!

— Если вы инвестируете в эту машину, мадам, что будет весьма своевременно, то без труда получите контрольный пакет — нечто вполне ощутимое. Свежий ветер финансовых вложений поможет мистеру Ньюкомену сняться с мели,

на которую он недавно сел, и выйти в открытое море. Тем временем здесь, в Лондоне, проект по созданию логической машины заглохнет из-за дороговизны силы. Это произойдёт скоро — меньше, чем через год. Тогда вы сможете поговорить с царём, с маркизом Равенскаром или с обоими; им придётся идти к вам, потому что другого выбора не будет.

Элиза некоторое время смотрела в окно. Они уже миновали Сефрен-хилл, и кучер пустился в объезд по Рэг-стрит, чтобы избавить себя, пассажиров и лошадей от опасностей Хокли-в-яме, где сейчас происходили те грабежи и убийства, расплата за которые должна была состояться шесть недель спустя в следующий Висельный день.

Они въехали на продолжение Рэг-стрит, называемое Коппис-роу, совершив, таким образом, полный круг. Даниель, выглянув из окна, увидел перед Клеркенуэлл-кортом карету и в следующий миг узнал её. Сердце у него ёкнуло. События принимали чересчур уж сложный оборот. Он застучал по крыше. Кучер остановился на углу.

— Я выйду здесь, — сказал Даниель. — Тут вашей чудесной карете легче будет повернуть, — и, не дожидаясь Элизиных возражений, открыл дверцу. Один из лакеев спрыгнул с запяток, чтобы

помочь ему выйти.

— Вы представили дело в совершенно ином свете, — проговорила Элиза, чопорной улыбкой обозначив начало прощания. — Теперь я готова рассмотреть предложение. Однако я не могу ничего решить, пока не побеседую с джентльменом, который основал компанию.

— Его зовут граф Лоствителский. — Даниель повысил голос, потому что стоял на улице и говорил с Элизой через окно кареты. — Он некоторое время не посещал заседания палаты лордов. Болезнь младшего сына вынудила его уехать в поместье, а кончина бедного мальчика задержала ещё надолго. Полагаю, его возвращению помешали и некоторые трудности с машиной мистера Ньюкомена. Однако сейчас весть о вчерашних событиях в парламенте летит в Корнуолл. Лоствителю придётся ехать в Лондон. Я попрошу его посетить вашу светлость в Лестер-хауз.

— Тридцать семь минут назад, — сказал рослый часовщик по прозвищу Сатурн, — у наших дверей появился чудной старый тори и принялся требовать доктора Уотерхауза.

Он кивнул на карету, которую Даниель узнал издали.

— Мистер Тредер ещё здесь? — спросил Да-

ниель.

— Я напоил его чаем, затем провёл по двору — не показывая ничего стоящего. Теперь он пьёт бренди через три двери отсюда, в лавке, которую вчера закончили штукатурить.

— Спасибо, мистер Хокстон. — Даниель взялся за ручку двери.

— Пожалуйста, — сдержанно отвечал Питер Хокстон. — Впрочем, должен сказать, если бы я заранее ведал, с кем вы водите компанию, я не стал бы искать знакомства.

Даниель вышел, улыбаясь, однако улыбка сползла с его лица при виде второй кареты. Наёмная развалюха, подпрыгивая на колёсах, неровных от щербин и присохшего конского навоза, лихо пронеслась по Коппис-роу и остановилась рядом с экипажем мистера Тредера. Из неё выпрыгнул краснолицый седой нонконформист в чёрном платье. Следом появился коротышка в костюме обычного покроя, но сшитом из тканей, которые больше подошли бы дикарскому вождю. Последним вылез человек ещё крупнее Сатурна. Он задержался, чтобы вложить в протянутую руку извозчика несколько монет.

— Брат Норман. Господин Кикин. Какая приятная встреча, — сказал Даниель, бросаясь наперe-

рез, пока они не вошли в лавку и окончательно не уронили его в Сатурновых глазах. — Я не знал, что на сегодня назначено заседание клуба, тем не менее приветствую вас в Клеркенуэлл-корте и буду рад приветствовать мистера Тредера, как только его разыщу.

— Мистер Тредер здесь? — изумился господин Кикин и принялся комично вертеть головой, оглядывая Коппис-роу. Телохранитель, занявший всегдашнее место за спиной хозяина, повторял его движения.

— Что ему тут надо? — вопросил мистер Орни.

Дверь пустующей лавки распахнулась и вышел мистер Тредер, уже красный от выпитого бренди.

— Я понятия не имею, что вам тут надо, — провозгласил он, — но, коли так вышло, объявляю открытым чрезвычайное заседание клуба по разысканию лица или лиц, повинных в изготовлении и установке адских машин, взорванных в Крейн-корте, на корабельной верфи мистера Орни и прочая.

— Первый пункт повестки дня: выбрать название покороче, — предложил мистер Орни.

— Первый пункт, как всегда, сбор взносов, если, конечно, вы ещё платёжеспособны, мистер

Орни.

— Если верны новости из Вестминстера, то сомневаться следует не в моей платёжеспособности, мистер Тредер.

— О парламенте я и собирался говорить, вот почему в повестке дня будет второй пункт. Опоздавшим членам клуба придётся ждать своей очереди.

— Как можно опоздать на заседание, которое созвали после нашего приезда?!

— Джентльмены, — сказал Даниель, — боюсь, мы своими разговорами мешаем соседям в Хокли. Не соблаговолите ли войти?

Возможно, здесь собирались устроить кофейню или трактир, но пока взглядам представало лишь пустое свежевыбеленное помещение. По углам извёстка ещё не высохла и сохраняла серовато-ый цвет; от неё шло ощутимое тепло и едкий, раздражающий запах. Тут клуб и устроил свой импровизированный парламент с перевёрнутыми вёдрами вместо стульев и бочкой вместо кафедры. Их принесли Сатурн и телохранитель Кикина, пока мистер Тредер по сложившейся традиции принимал взносы, взвешивая, надкусывая, изучая под лупой и подвергая уничижительным комментариям каждую монету. Наконец, мистер

Тредер вышел к бочке. Как он вскорости обнаружил, она была пустая и отзывалась на удар оглушительным грохотом, усиливавшим риторический эффект.

— Когда военный корабль подходит к городу и выпускает по нему бомбу из мортиры *(бум)*, можно с уверенностью сказать две вещи: во-первых *(бум)*, что противник готовил нападение много месяцев, во-вторых *(бум)*, что за первым выстрелом скоро последуют другие *(бум-бум-бум)*.

— Ещё бренди? — спросил мистер Орни.

Мистер Тредер сделал вид, будто не расслышал.

— Вчера, — продолжал он, — лидер оппозиции взорвал *(бум)* бомбу *(бум)* в палате лордов, потревожив мрачную торжественность и нарушив привычную дремоту этого досточтимого собрания!

— Я слышал, что если бы существовал способ вложить средства в апоплексию, вчера в Вестминстерском дворце можно было б озолотиться, — вставил русский.

— Вы, сударь, иностранец, посему вашу весёлость, как и вашу особу, можно вытерпеть при всей их нежелательности. Мы, живущие здесь, смотрим на вещи *трезво*. — Мистер Тредер

сурово глянул на мистера Орни, пресекая в зародыше всякую игру слов. — Возвращаясь к моему сравнению, уместно спросить: как долго маркиз Равенскар готовил обстрел? И когда *(бум)* ждать *(бум)* следующей бомбы *(бум)*?

— Она упадёт вам на голову, если не перестанете молотить по бочке, — буркнул мистер Орни.

— Я слышал, что вчера впрямь был весёлый денёк для Компании Южных морей и, без сомнения, для вашей конторы тоже, — сказал Даниель. — Я дивлюсь, что при таком спросе на ваши профессиональные услуги вы нашли время сюда приехать. Да, Роджер Комсток неприятно озадачил виконта Болингброка вопросами касательно доходов от асиенто. Но какое отношение это имеет к нашему клубу?

— Последние две недели в мире денег творится нечто странное, — сообщил мистер Тредер.

— Спасибо, что поделились с нами своими наблюдениями, — сказал мистер Орни. — Каким боком они относятся к весьма разумному вопросу, заданному братом Даниелем?

— Люди копят гинеи, изымая их из оборота, и обменивают на французские и другие иностранные деньги. Всё это связано с неким негласным расследованием, которое, как говорят, ведёт ви-

конт Болингброк.

— Предлагаю, — сказал Даниель, — лишить мистера Тредера слова и удалить от бочки, пока он не выразит готовность объяснить, со всей прямотою, какого дьявола ему от нас надо; тем временем либо брат Норман, либо господин Кикин выйдут к бочке и объяснят, зачем здесь они.

Предложение было принято без голосования на основании единодушного шумного одобрения. Мистер Тредер повернулся ко всем спиной с мрачным недовольством, вызвавшим отдельные грубые смешки. Орни встал и заговорил; в чёрном нонконформистском платье, стоя у бочки на посыпанном соломой полу, он был ни дать ни взять странствующий проповедник, собравший полный амбар сельских диссидентов.

— Хотя на пространстве от Ньюгейта до Тайберна вчера все только и говорили, что о Висельном дне, а в Вестминстере и Сити — о пропавших деньгах асиенто, величайшим событием для Ротерхита стало прибытие — я сильно преуменьшу, назвав его неожиданным — русской военной галеры прямиком из Санкт-Петербурга. Судя по числу свободных мест на скамьях, она шла со скоростью, фатальной для части гребцов, а крупнокалиберные дыры в корпусе свидетельствуют

по меньшей мере об одной стычке со шведами. Так или иначе, она добралась до Лондона и стоит в моём доке, ибо нуждается в починке. Не успела она пришвартоваться к пирсу, как по сходням в город устремились посланцы, одетые в мех.

— Крысы? — предположил мистер Тредер.

— Русские, — сказал Орни. — Хотя крысы, конечно, тоже. Один доставил послание мне, другой — господину Кикину.

— Без сомнения, царь испытывает недостаток в кораблях и хочет знать, когда будут закончены те, которые вы якобы строите, — сказал мистер Тредер.

— Я их строю, сэр, — отвечал мистер Орни, — как бы ни противодействовали мне создатели адских машин.

— Примите моё восхищение, брат Норман, — вставил Даниель. — Вы первый сказали что-то, имеющее касательство к цели нашего клуба.

— И что вы ответите нетерпеливому царю? — безжалостно осведомился мистер Тредер.

— Работа движется, — сказал мистер Орни. — Хотя, должен признать, она продвигалась бы успешней, если бы мои страховщики возместили мне тот ущерб, от которого страховали.

— А-ха! — довольно воскликнул мистер Тре-

дер.

— Почему контора по страхованию от огня не желает возмещать ущерб от пожара? — спросил Даниель.

— В полисе есть оговорка, что он не покрывает ущерб от пожара, возникшего в результате военных действий. Страховщики утверждают, что корабль подожгли шведы.

Мистер Тредер закрыл лицо руками и затрясся от сдерживаемого смеха. Он мог быть смертельным врагом мистера Орни практически во всём, но общая ненависть к страховщикам связывала их братскими узами.

— О да! В Лондоне шагу нельзя ступить, не наткнувшись на толпу шведских поджигателей!

— Думаю, мы все вас поняли, брат Норман, — сказал Даниель. — Если клуб достигнет заявленной цели, вы получите страховку, закончите строительство кораблей и сможете избежать царского гнева. — Он повернулся к русскому: — Господин Кикин, вправе ли вы изложить содержание полученного вами письма?

— Его императорское величество упомянул мистера Орни, — начал Кикин. — Подробности излагать ни к чему, скажу лишь, что царь согласен со страховщиками насчёт шведских под-

жигателей. — Пауза, чтобы прочистить горло и поглядеть на свои ногти, пережидая новый взрыв смеха из-за ладоней мистера Тредера. — Далее его императорское величество написал, вернее, продиктовал писарю нечто исключительно странное касательно золотых пластин, которые он срочно желает получить, невзирая на то, что они в определённом смысле испорчены. Предоставить их должен некий доктор Даниель Уотерхауз, чьё имя, признаюсь, я менее всего ожидал увидеть в официальном послании от государя всея Руси.

— История долгая, — сказал Даниель, нарушив затянувшееся молчание, поскольку от слов господина Кикина онемел даже мистер Тредер.

— У царя хорошая память. И длинные руки, — напомнил Кикин.

— Ладно. Речь вот о чём. — Даниель отпер сундучок, с которым не расставался ни на минуту. Теперь здесь вместо оставленных в Брайдуэлле заготовок лежали карты, набитые Ханной Спейтс. Он показал одну из них гостям, поднеся её к окну, чтобы свет бил в отверстия. — Как вы видите, «испорчены» — ошибка перевода или пересказа. Царь хотел сказать, что в них пробиты дырочки.

— Это далеко не первое странное требование его величества на моей памяти, — заметил Ки-

кин. Он и впрямь воспринял увиденное куда спокойнее Тредера и Орни — их изумление граничило с испугом.

Даниель продолжил:

— К тому времени, как брат Норман закончит чинить галеру… Кстати, когда это будет?

— Через неделю, — ответил Орни. — С Божьей помощью.

— За неделю я испорчу ещё некоторое количество карт, и они будут готовы к отправке в Санкт-Петербург. Если царю понравится результат, проект можно будет продолжить. Однако это не имеет никакого отношения к нашему клубу.

И он убрал карту в сундучок.

— Если мы больше не обсуждаем обязательства брата Даниеля перед Московией, — сказал мистер Орни, — может быть, мистер Тредер соблаговолит объяснить своё присутствие.

— У меня к клубу деловое предложение. — Мистер Тредер наконец-то взял себя в руки и теперь говорил в своей обычной чопорной манере, задумчиво глядя в окно, чтобы не видеть, как остальные члены клуба возводят очи горе и посматривают на часы. После эффектной паузы он полуобернулся и по очереди заглянул каждому в глаза. — Доктор Уотерхауз высказал гипотезу, что

в Крейн-корте хотели взорвать не нас с ним, а сэра Исаака Ньютона, который имеет обыкновение проводить там воскресные вечера. На прошлом заседании её должным образом высмеяли, и я первый каюсь в своём скептицизме. Однако за последнее время всё переменилось. В клубах и кофейнях у всех на устах одно имя: Джек-Монетчик. О ком говорят в Вестминстере, в палате лордов, в Звёздной палате? О герцоге Мальборо? Нет. О принце Евгении? Нет. О Джеке-Монетчике. В Тауэре утверждают, будто Джек-Монетчик заходит на Монетный двор, как к себе домой. Почему виконт Болингброк сомневается в надёжности гинеи? Он боится, что её дискредитировал Джек-Монетчик. Почему у сэра Исаака Ньютона нервный срыв? Из-за Джека-Монетчика. И я обращаюсь к соклубникам: допустим, мы на время примем невероятную гипотезу доктора Уотерхауза касательно целей первого взрыва. Кому выгодно уничтожить человека, чья обязанность — ловить и отправлять на Тайберн монетчиков? Конечно, монетчику! А у кого из них достанет ума и средств изготовить и подложить адскую машину?

Кикин и Орни молчали, не желая отвечать на риторический вопрос.

— У Джека-Монетчика, — послушно отвечал

Даниель. В конце концов, это была его гипотеза.

— У Джека-Монетчика. И теперь я перехожу к своему деловому предложению. У нас есть блестящий шанс…

— Быть зарезанными в подворотне? — спросил мистер Орни.

— Нет! Послужить великим людям — таким, как статс-секретарь её британского величества виконт Болингброк, мистер Чарльз Уайт и сэр Исаак Ньютон!

— Кому-то такой шанс и впрямь покажется заманчивым, — сказал Кикин, — но я и так служу величайшему человеку в мире, а посему не имею времени на других. Впрочем, всё равно спасибо.

— Что до меня, — подхватил Орни, — я вспомнил о нашем Спасителе, который служил бедным, своими руками умывая им ноги. Следуя Его примеру, сколь возможно сие грешнику, я не вижу цели более высокой, нежели служить моим собратьям, соли земли. Виконт Болингброк в силах сам о себе позаботиться.

— Я надеялся, — вздохнул мистер Тредер, — разжечь в членах клуба энтузиазм.

Даниель ответил:

— У господина Кикина и мистера Орни, как они только что объяснили, есть свои причины

добиваться скорейшего достижения цели, которую преследует наш клуб. Давайте и впредь руководствоваться собственными мотивами. Если вы видите тут шанс угодить кому-то ещё, мне до этого нет никакого дела.

— Я навёл справки касательно негодяя Джека, — сказал мистер Тредер. — По слухам, его иногда видят неподалёку от складов мистера Нокмилдауна.

Орни фыркнул.

— С тем же успехом вы могли бы сообщить, что его видели в Англии! Потайные ходы Ист-Лондонской компании тянутся через полгорода!

— Кто этот человек? Что за компания? — осведомился господин Кикин.

— Мистер Нокмилдаун — самый знаменитый в Лондоне скупщик краденого.

— Честь немалая, — заметил господин Кикин, — поскольку барыг здесь столько же, сколько констеблей.

— Их тысячи, — подтвердил Даниель, — но выдающихся всего несколько десятков.

Мистер Орни вставил своё слово:

— И только один располагает таким капиталом, чтобы приобретать товар крупными партиями — всё содержимое трюмов пиратского корабля или

целый корабль. Мистер Нокмилдаун.

— И такой человек владеет компанией?!

— Разумеется, нет, — отвечал Орни. — Однако его организация расползлась из Ротерхита, где, с прискорбием вынужден сообщить, он начинал, и теперь охватывает значительную часть Саутуорка и Бермондси. Кто-то в шутку окрестил её Ирландской Ист-Лондонской компанией по аналогии с Британской Ост-Индской, и название прижилось.

— Итак, мистер Тредер расширил область наших поисков до южного берега Темзы, — сказал Даниель. — Тем временем наш отсутствующий сочлен, мистер Анри Арланк, по его словам, продолжает расследование среди золотарей Флитской канавы, пока безрезультатно. Удалось ли найти поимщика?

— Я потратил на его поиски, вернее сказать, убил, изрядное время, — изрёк господин Кикин. — Я объявил награду и удостоился визита нескольких представителей интересующей нас профессии. Однако, услышав, в чем состоит дело, они сразу теряли интерес.

— Что вполне объяснимо, если верна гипотеза брата Даниеля и мистера Тредера, — сказал мистер Орни. — Поимщики, как я понимаю,

промышляют мелкой дичью. Никто из них не замахнётся на Джека-Монетчика.

— Тогда, возможно, надо не объявлять награду, а найти одного решительного поимщика и вести переговоры непосредственно с ним, — предложил мистер Тредер.

— Благодарю вас обоих за то, что вы поделились со мною своим мнением, — сказал господин Кикин. — Однако я его предвосхитил и ценою определённых усилий вышел на мистера Шона Партри.

— Кто это? — спросил Орни.

— Самый прославленный из ныне живущих поимщиков, — отвечал Кикин.

— Никогда о таком не слышал, — объявил мистер Тредер.

— Это потому, что вы делец и далеки от преступного мира. Уверяю вас, в воровском подполье он пользуется большой известностью. Те поимщики, что пришли ко мне после объявления награды, отзывались о нём с большим пиететом.

— Допустим, он и впрямь так велик, как о нём говорят. Сможет ли он тягаться с Джеком-Монетчиком? — спросил Даниель.

— А главное, захочет ли? — вставил мистер Тредер.

— Захочет, — объявил господин Кикин. — Он сказал, что один из членов Джековой шайки убил его младшего брата. А вот сможет ли — предстоит выяснить, прежде чем мы заплатим ему очень много денег.

— Хорошо. При условии, что нам объяснят, сколько это «очень много», я готов к дальнейшим контактам с мистером Шоном Партри, — сказал мистер Тредер.

Остальные сдержанными кивками показали, что не возражают.

— Мы ещё не слышали вас, брат Даниель, — заметил мистер Орни. — Продолжается ли ваше расследование? Как оно идёт?

— Превосходно, — отвечал Даниель, — но стратегия, которая может принести нам успех, требует терпения. И всё же наметились первые результаты: за прошлый месяц и в доме маркиза Равенскара, и в здании Королевской коллегии врачей произошли кражи со взломом. Я чрезвычайно доволен.

Трое его собеседников обменялись взглядами, но ни один не отважился спросить, что сие означает. На Даниеля теперь смотрели как на загадочного субъекта, который разгуливает по Лондону с продырявленными золотыми пласти-

нами, зачем-то очень нужными русскому царю. Благоразумие советовало господам Кикину, Тредеру и Орни не заглядывать в тот ящик Пандоры, которым представлялась жизнь доктора Уотерхауза.

Вестминстерский дворец
25 июня 1714

Палату уведомили, что секретарь Компании Южных морей явился. Будучи вызван, он представил палате книгу, содержащую протоколы заседаний совета директоров Компании Южных морей касательно асиенто, вкупе со всеми распоряжениями, указаниями, письмами и донесениями, полученными директорами либо советами директоров в отношении оного. Затем он удалился. Было зачитано заглавие книги. Постановили: упомянутую книгу предоставить членам палаты для ознакомления.

Протоколы палаты общин, VENERIS, 25° DIE JUNII; ANNO 13° ANNAE REGINAE[8], 1714.

От Даниеля Уотерхауза
Королевское общество

---

[8] Примечания: 8
25 июня, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

Крейн-корт
Лондон

Мистеру Еноху Рооту
Таверна «Терновый куст»
Бостон
25 июня 1714

Мистер Роот,

простите, что пользуюсь варварским приспособлением, карандашом. Ибо я пишу эти строки за чашкой кофе в кофейне Уагхорна, которая, как Вам, возможно, известно, примыкает к кулуарам палаты лордов.

Из сказанного Вы можете заключить, что меня со всех сторон теснят представители племени двуногих паразитов, называемые лоббистами. Возможно, Вы даже тянете себя за рыжую бороду, гадая, не подался ли в лоббисты я сам. То, что я пишу письмо, а не одолеваю хорошо одетых джентльменов притворно-заинтересованными вопросами о здоровье их детей, должно рассеять Вашу тревогу. Меня привела в Вестминстер необходимость выступить в комитете по долготе, а

задержала здесь надежда (как оказалось, тщетная) дождаться, когда палата лордов завершит прения, и перекинуться словцом с одним из её членов. Так что, может быть, я всё-таки лоббист.

Я пишу Вам, потому что хочу обратиться к сыну. Может показаться, что это слишком окольный путь. И впрямь, я часто посылаю ему поздравления с днём рождения и краткие отеческие проповеди в письмах к моей дорогой супруге. Несколько месяцев спустя приходят листки, исписанные крупным корявым почерком и едва читаемые из-за клякс — свидетельство, что Благодать передаёт мальчику мои послания. Почему же в таком случае я адресую письмо не ей, а мистеру Еноху Рооту в таверну «Терновый куст»? Потому что мысли, которые я хочу внушить сыну, нелегко облечь во фразы, понятные мальчику его лет.

Все, изучавшие биографию человека, в честь которого получил имя мой сын, то есть Готфрида Вильгельма фон Лейбница, знают, что ребёнком он некоторое время не имел доступа в библиотеку своего от-

ца. Некий лейпцигский дворянин, узнав о столь вопиющей несправедливости, вступился за мальчика и уговорил мать открыть маленькому Готфриду двери библиотеки. Менее известно, что этим загадочным дворянином был Эгон фон Хакльгебер — современник могущественного и жестокого Лотара фон Хакльгебера, сделавшего Дом Хакльгеберов таким, каков он теперь. Не вдаваясь в описание Лотарова малоизвестного «сводного брата» Эгона, скажу лишь, что он очень походил на Вас, Енох. Эгон исчез вскоре после окончания Тридцатилетней войны; считается, что его убили разбойники.

Сейчас в Бостоне живёт мальчик Годфри Вильям, которого вскоре может постигнуть та же участь, что Готфрида Вильгельма шестьдесят лет назад, а именно: его отец умрёт, а мальчик останется на попечении матери, любящей, но чрезмерно склонной прислушиваться к советам учителей, соседей, пасторов и прочая. Я немало прожил среди пуритан вообще и бостонских пуритан в частности, поэтому знаю, что они скажут: «Запри библиоте-

ку». Или, поскольку библиотеку я оставил весьма скудную: «Внушай мальчику, что его отец был безобидный чудак (вроде нашей соседки Матушки Гусыни), который по собственной глупости уплыл за океан, где его постиг предсказуемый, а посему вполне заслуженный конец. Конец, которого маленький Годфри сможет избежать, если будет сторониться отцовских фанаберий». Иными словами, Благодать даст мальчику всю нужную ему пищу при условии, что в ней не будет философского душка.

Я поручаю Вам, Енох, спасти мальчика. Да, я сознаю, что возложил на Вас тяжёлое бремя. Однако здесь грядут важные события. Чтобы помочь Вам в Вашей трудной роли, я буду время от времени присылать письма, подобные теперешнему, чтобы Вы за несколько минут прочли то, что я сделал за несколько недель. Если показать их Годфри, когда он подрастёт, они, возможно, развеют заблуждения касательно здравости моих намерений и ума, внушенные мальчику его собратьями-колонистами. Не исключено, что

в ближайшие месяцы мне некогда будет писать — даже как сейчас, карандашом, в спешке. Весьма велик шанс, что за это время я встречусь с отравленным кинжалом, дубинкой грабителя, шпагой придворного или верёвкой Джека Кетча. Я даже могу (как ни маловероятным это представляется) умереть своей смертью.

…Меня только что на несколько минут отвлёк один знакомец, мистер Тредер. Он мечется по кофейне Уагхорна, как ласточка, у которой ветром сдуло гнездо. Большая часть его энергии направлена на палату лордов, где сейчас обсуждают пропавшие деньги асиенто (если Вы ещё не слышали об этом скандале, загляните в любую газету, доставленную тем же кораблём, что и моё письмо). Однако он улучил несколько минут, чтобы с притворным участием осведомиться о здоровье сэра Исаака. Прошло две недели с тех пор, как сэра Исаака, прибывшего в палату общин для разговора о долготе, хитростью заманили в Звёздную палату на обсуждение вопросов, связанных с Монетным двором, и довели до нервного

срыва. Ходят самые разные толки о природе и тяжести его болезни; мистер Тредер только изложил мне их все, пристально изучая моё лицо. Уж не знаю, что он там прочёл, а на словах я посоветовал ему не верить ни одной сплетне. На самом деле Ньютон уже у себя дома на Сент-Мартин-стрит и быстро идёт на поправку. Сегодня я выступал в комитете о долготе от его имени не потому, что сэр Исаак настолько болен, а потому, что он наотрез отказывается ехать в парламент — гнездилище скорпионов, аспидов, иезуитов и прочая, и прочая. Если Ньютон вновь вступит под эти своды (а такое случится, только если его вынудят, например, если будет объявлено испытание ковчега), он уже не явится наивным и безоружным, как две недели назад. Нет, он придёт в полном облачении гренадера, то есть обвешанный гранатами, как яблоня — яблоками.

Вы будете потрясены, узнав, что здесь, в кофейне Уагхорна, спорят на деньги. Лоббисты уже долоббировали друг друга до полного изнеможения, а лорды бессовестно продолжают дискутировать за

закрытыми дверями, так что лоббистам остаётся лишь предаваться порокам, чтобы хоть как-то скоротать время. Выпив весь алкоголь и выкурив весь воздух в кофейне, они теперь заключают пари. Деньги, принесённые сюда с честным намерением подкупить законодателей, идут, страшно сказать, на ставки.

Когда я начинал письмо, они спорили, добьётся ли виконт Болингброк своей главной цели, то есть убедит ли он Тайный совет назначить испытание ковчега. Однако клочки бумаги и обрывки слухов, проникающие из палаты лордов, наводят на мысль, что дела Болингброка плохи. Под вопросом само его существование; великолепный гамбит с ковчегом пришлось отодвинуть в сторону и сосредоточить все усилия на том, чтобы отразить обвинения, связанные с асиенто. Те, кто час назад ставил на испытание ковчега, уже простились со своими деньгами и теперь, в надежде вернуть потерянное, бьются об заклад, что её британское величество назначит перерыв в работе парламента, дабы спасти статс-секретаря от отставки,

а Компанию Южных морей — от неизбежного краха.

Двери палаты лордов отворились. Я прерываюсь и закончу, когда смогу. Деньги переходят из рук в руки. Ко мне направляется Лоствител.

…Пишу на колене, сидя на набережной Темзы и свесив ноги над водой. Я примерно девяносто девятый в очереди из ста человек, ждущих лодку у Вестминстерской пристани. Остальные девяносто девять осуждают меня за мальчишество, но, как старший в очереди, я пользуюсь некоторыми привилегиями — например, могу сидеть.

Я так далеко от её начала, потому что задержался в кофейне Уагхорна побеседовать с графом Лоствителским и мистером Тредером, который прилип к нам, как пиявка, и не желал отставать. Он не единожды отметил, что, втёршись в нашу компанию, возобновляет связь, возникшую в январе в Девоне. И впрямь, там я впервые обратил на себя вниманием мистера Тредера, поддержав созданное Лоствителом товарищество совладельцев

машины для подъёма воды посредством огня и тем причинив определённый ущерб мистеру Тредеру, поскольку (удивительное дело!) некоторые его клиенты поддались на мои уговоры и вложили деньги в упомянутый проект. То было лишь первое расстройство, внесённое мною в доселе упорядоченную жизнь мистера Тредера. Затем последовали взрывы, споры о политике, письма от русского царя и прочие забавности, сделавшие меня неотъемлемой и пугающей частью его существования.

С Серебряными Комстоками у меня давняя и крайне неоднозначная связь, однако нынешнее поколение сочло возможным назначить меня другом семьи. Посему впредь я буду именовать графа Лоствителского Уиллом Комстоком. Он подтвердил то, что уже было ясно по заключаемым пари: у Болингброка и тори сегодня дурной день. Маркиз Равенскар исхитрился (путём интриг и махинаций столь сложных, что мой усталый ум отказывается их вспомнить, а старческая рука — воспроизвести на бумаге)

буквально вызвать секретаря Компании Южных морей на ковёр. Секретарь явился в палату общин несколько часов назад и привёз книгу — собрание всех документов касательно асиенто. Для тори она — зажжённая граната, для вигов — золотое яблоко. Весь день книга кочевала из палаты в палату — обе партии изо всех сил пытаются отправить её туда, где она причинит наименьший либо наибольший вред. Государственные мужи зачитывают её вслух. Ничто в ней не объясняет, куда исчезли деньги от работорговли. Это возлагает бремя ответственности на Болингброка, в чью честность изначально не верил никто, включая его сторонников.

Заметьте, что вчера палата общин объявила награду в сто тысяч фунтов тому, кто выдаст властям Претендента, буде тот отважится ступить на английскую почву. Таким образом, Фортуна, благоволившая к Болингброку две недели назад, сейчас от него отвернулась.

Таковы новости. Признаюсь, я не очень внимательно слушал юного Уилла, так

занятно было наблюдать за физиономией мистера Тредера. Обычно она не выражает ничего, но сегодня стала ареной противоборствующих страстей, какие не изобразить даже ван Дейку. Мистер Тредер — тори, и ему больно видеть поражение своей партии; как денежный поверенный он в ужасе, что грязное бельё Компании Южных морей перетрясают на людях. И всё же, когда Уилл сказал, что испытание ковчега откладывается на неопределённый срок, мистер Тредер просиял, как если бы камень свалился с его души. В последние две недели он одолевал меня неурочными визитами и торопливыми записками, пытаясь выяснить, как продвигается расследование виконта Болингброка касательно Монетного двора. Статс-секретарь её британского величества хочет, как всем известно, дискредитировать вигов, однако мистер Тредер непонятным образом встревожен его действиями. Когда Уилл поведал, что в ближайшие два месяца ковчегу ничего не грозит, лицо мистера Тредера озарилось, как вырезанная тыква, когда в неё

поставят свечу. Он немедля откланялся и поспешил в Сити.

Мы с Уиллом оба это заметили. Однако Уилл воспитан лучше меня и не судачит о людях у них за спиной. Он сменил тему, вернее, ловко перевёл её в другую плоскость, бросив: «Мистер Тредер и думать забыл бы о состоянии рынка, если бы герцогиня Йглмская добралась до его горла». Я спросил, с какой стати Элизе душить престарелого денежного поверенного. Уилл ответил, что они с Элизой недавно встречались по поводу Тов. совл. маш. для под. вод. поср. огн., и он вскользь упомянул, что машина может стать заменой рабскому труду, чем спровоцировал герцогиню на гневную речь о гнусности рабства, Компании Юж. м. и тех, кто, подобно мистеру Тредеру, вкладывает в неё средства. Я старался в разговорах с Элизой не упирать на эту сторону дела, дабы она не сочла, что я играю на её общеизвестной ненависти к работорговле. Однако со слов Уилла понятно, что тема не оставила герцогиню равнодушной. Глядя на последние злоключения Комп.

Юж. м., она должна была увериться, что её вложения в Т.С.М.П.В.П.О. разумны и служат благому делу. Уилл ничего на сей счёт не сказал, хотя подмигнул, давая понять, что вложения имели место, после чего вновь сменил тему и вежливо полюбопытствовал, как продвигается логическая машина. Я, разумеется, не преминул ввернуть, что нам не помешали бы финансовые вливания. Уилл, словно того и ждал, ответил, что, возможно, сумеет меня порадовать. Он вручил мне письмо от Элизы, допил кофе и учтиво откланялся.

Глядя вверх по течению, я вижу флотилию лодок, привлеченных длинной очередью нетерпеливо переминающихся господ. Посему закончу кратко. Я распечатал Элизино письмо. Из него выпала записка, в которой Элиза скрепя сердце отзывается об Уилле как о «хорошем тори» и сообщает, что они пришли к соглашению. Это само по себе было бы приятным известием, но ещё лучше оказался второй документ: расписка золотых дела мастера, выданная домом Хакль-

геберов на имя вашего покорного. Денег хватит, чтобы поддерживать работу Клеркенуэлл-корта в течение недели, и я льщусь надеждой, что, когда они кончатся, за первым вливанием последуют другие. До исхода двух недель мы сможем установить в Брайдуэлле три органа для набивки карт; Ханна Спейтс уже учит товарок, как на них работать.

Очередь ожила, как согревшаяся на солнце змея, и скоро я смогу сесть в лодку; меня ждёт дело совершенно иного свойства.

…Вновь кофейня — на этот раз в Уорвик-корте, за Олд-Бейли, рядом с Коллегией врачей. Публика — наполовину судейские, наполовину — эскулапы; не могу сказать, кто из них мне сильнее неприятен. Впрочем, нуждайся я в юридической или медицинской помощи, я запел бы по-иному.

Оказавшись в начале очереди, на которую жаловался выше, я взял лодку до пристани Блэкфрайерс и оттуда до Олд-Бейли. Там как раз закончилось заседание Сессионного суда, поэтому было

ещё более людно, чем в парламенте. Я отыскал взглядом человека, который на две головы возвышался над толпой, и, пробившись ближе, как всегда, обнаружил господина Кикина где-то на уровне его живота. Русский взглядом дал понять, что я опоздал. Мы обменялись приветствиями, и он зашагал во двор, где осуждённые, их друзья и недруги стояли под открытым небом, беззащитные перед дождём и законом. Таким образом, Кикин двигался в противоток толпе, вышедшей с заседания, раздвигая её своим телохранителем, как тараном. Помедли он хоть немного, я бы посоветовал выждать, пока народ рассеется, а воздух станет чище. В толпе перед Олд-Бейли легко подцепить тюремную лихорадку, которая передаётся от арестантов, отделённых лишь деревянной загородкой, зрителям, а от тех — остальным лондонцам. Я опоздал и потому оказался перед выбором: идти за Кикиным, несмотря на риск подхватить заразу, или остаться одному среди людей, не менее опасных, чем те осуждённые, которых приставы гнали назад в тюрьму.

Я выбрал первое и с трудом пробился через толчею во двор.

Там давка была поменьше, и я вздохнул свободнее. Последние недели стояла сушь, так что во дворе было не столько грязно, сколько пыльно. Жаровни, на которых нагревали клейма, ещё не остыли; мне хотелось верить, что едкий угольный дым прогоняет ядовитые миазмы, вызывающие тюремную лихорадку. Я встал рядом, читая раскаленные докрасна буквы: V — вагабонд, T — тать, и поглядывая, куда направится господин Кикин. Зрители, как я уже упомянул, по большей части разошлись, только у деревянной загородки, отделяющей преступников, ещё толпились родители, дети, друзья, мужья и жены осуждённых. Они совали в скованные, шершавые руки кошельки, хлеб, яблоки и тому подобное. Приставы, гнавшие преступников к воротам Януса, не мешали тем брать дары, зная, что содержимое тощих кошельков скоро перекочует в их собственные карманы. Материальными приношениями дело не ограничивалось: не меньше было по-

целуев, рукопожатий, слёз и обещаний любви до гроба, особенно в случае тех, кто получил билет на Тайберн. Я не стану подробнее описывать увиденное и услышанное под предлогом несущественности для моего рассказа; на самом деле словами этого не передать.

В юго-восточном углу двора, у ворот Януса, стояли люди, которые не плакали и не совали преступникам кошельков. Издали их легко было принять за зевак. Однако, подойдя (вслед за господином Кикиным) ближе, я приметил их лица: напряжённые, как у кота, который вот-вот прыгнет на зазевавшуюся пташку. Они не просто глазели, они трудились также сосредоточенно, как покойный мистер Гук, когда тот изучал под микроскопом анималькулей. Некоторые преступники входили в ворота, не видя и не слыша ничего вокруг; их люди у входа старались разглядеть и запомнить. Другие, лучше знакомые с обычаями воровского подполья, узнав поимщиков, закрывали лица рукавом или даже входили в ворота, пятясь задом наперёд. Некоторые поим-

щики не чурались детского, но вполне действенного трюка — выкрикивали: «Джек! Боб! Том!» Кто-нибудь из преступников непременно оглядывался, давая возможность запомнить его бородавки, шрамы, отсутствующие зубы и тому подобное.

Поимщиков не занимали лишь те преступники, которых осудили на казнь. Остальные имеют шанс выйти из Ньюгейта живыми и вернуться к прежнему ремеслу. Запомнив такого человека в лицо, поимщик может вновь его задержать и выдать правосудию. Не важно, совершил ли тот новое преступление: судьям нужны обвиняемые, поимщику — деньги.

Шон Партри выделялся среди поимщиков возрастом (я предположил бы, что ему за пятьдесят) и, хочется сказать, достоинством. У него густые волосы, лишь слегка поредевшие на макушке, светлые с сединой, и зелёные глаза. Зубы хорошей работы, но он их обычно не показывает. Фигура ладная — редкость среди людей, которые по роду занятий большую часть

времени просиживают в кабаках. Однако иллюзия, будто мистер Партри в хорошей физической форме, рассеивается, стоит ему сделать шаг: он немного хромоват, немного колченог, суставы плохо гнутся, да к тому, судя по частым охам и гримасам, ещё и болят.

Партри не смотрел нам в глаза и вообще не подавал виду, что нас заметил, пока последний из осуждённых не вошёл в ворота. После этого он довольно бесцеремонно принялся допрашивать нас, кто мы такие, по чьему поручению действуем и почему хотим столько всего узнать про Джека-Монетчика. Поначалу Партри держался равнодушно, почти враждебно, и лишь когда мы начали отвечать по существу, сменил гнев на милость и даже разрешил господину Кикину угостить его выпивкой в кабаке. Он неплохо осведомлен в политике и выказал интерес к моему участию в сегодняшних парламентских событиях.

Я рассказал о взрыве в Крейн-корте и перечислил тех, кто мог быть намеченной жертвой: мистер Тредер, сэр Исаак, Анри

Арланк и ваш покорный. Партри сказал по нескольку слов о каждом, верно угадав, что Арланк — гугенотская фамилия. Особенно заинтересовал его Ньютон, что, впрочем, вполне объяснимо: сэр Исаак в борьбе с монетчиками нередко прибегает к услугам поимщиков; возможно, самому Партри когда-нибудь перепало от него наградных денег. Куда меньше любопытства вызвал у нашего нового знакомца рассказ Кикина о поджоге русского корабля в Ротерхите. Партри считает, что за эту работу Джеку заплатили шведы или другие иностранные агенты, поэтому история мало что проясняет в Джековых мотивах. То, что он вообще потрудился вникнуть в услышанное и быстро сделал вывод, произвело на меня благоприятное впечатление. На Кикина, судя по всему, тоже. Мы спросили Партри, сможет ли он быть нам полезен, и услышали в ответ, что да, вероятно, хотя не слишком скоро. «У меня свои методы», — добавил он, объясняя, почему сумеет что-либо сообщить только ближе к пятнице, тридцатого июля. Кикин впал в отчаяние.

Партри напомнил, что переговоры о вознаграждении, вероятно, займут не меньше времени, после чего ушёл.

Дальше в нашей беседе наступил небольшой перерыв, потому что Кикин не любит надолго задерживаться в одном месте. Мы расплатились и двумя кварталами дальше отыскали кофейню, где я сейчас и пишу это письмо. Кикин недоумевал, как Партри перешёл от расплывчатого «не слишком скоро» к конкретной дате тридцатое июля. Я спросил озадаченного русского, не припомнит ли тот, какое событие имеет быть в тот день.

Наконец Кикин вытащил тетрадку, в которой записывает намеченные встречи, и, долистав до тридцатого июля, увидел чистую страницу с единственной записью: «Висельный день». То есть он, зная, что улицы будут запружены, не назначил на тридцатое число деловых свиданий.

— Несколько человек осудили за изготовление фальшивых денег, — объяснил я. — Тридцатого на Тайберне их повесят не до полного удушения, выпотрошат

и четвертуют. Возможно, монетчики что-нибудь знают о Джеке, но боятся его, поэтому сейчас ничего не скажут. Однако ближе к тридцатому страх перед Джеком Кетчем пересилит страх перед Джеком Шафто. В эти-то дни человек вроде Шона Партри может склонить их к откровенности обещанием некоторых послаблений.

— Партри в силах выхлопотать помилование? — изумленно воскликнул Кикин, готовый возмутиться несовершенством нашей юридической системы.

— Нет. Но если мы дадим Партри денег, он может заплатить Джеку Кетчу, и тот постарается, чтобы осуждённый умер быстро и уже не чувствовал, как его потрошат.

— Чудн*ая* страна, — заметил Кикин. Мне нечего было возразить.

Кикин в ужасе, что ответы будут так нескоро. Думаю, он мысленно прикидывает, за какой срок галера, стоящая сейчас в доке мистера Орни, успеет сделать рейс в Санкт-Петербург и привезти оттуда русского графа с поручением отрешить Кикина от должности и доставить на ро-

дину в кандалах.

Я сказал, что у меня готовы золотые карты для отправки с галерой. Кикин заметно повеселел и объявил, что немедля отправится за ними. Он ушёл, а я жду доверенного человека, который отнесёт Элизину расписку золотых дел мастера моему банкиру Уильяму Хаму в Сити. Так я и сижу, чужак в чудной стране, и гадаю, как я сюда попал и к чему мне готовиться.

Ваш преданный и покорный слуга,
Даниель

Вестминстерский дворец
9 июля 1714

Мистер Холфорд и мистер Лавибонд по поручению палаты лордов обратились к присутствующим со следующими словами:

Господин спикер,

лорды поручили нам уведомить палату, что сегодня они рассматривают вопросы, связанные с Компаний Южных морей и весьма важные для национальной торговли, посему просят дозволить членам палаты, входящим в комитет по вышеозначенной компании, а также Уильяма Лаундза, эсквайра, покинуть заседание и явиться в палату лордов.

Закончив, посланные удалились.

Постановили: Палата дозволяет указанным членам покинуть заседание и направиться в палату лордов, буде те сочтут нужным.

Затем посланных призвали вновь, и господин спикер ознакомил их с вышеприведённым решением.

JOVIS, 8° DIE JULII; ANNO 13° ANNAE REGINAE[9], 1714.

Постановили: уведомить лордов, дабы те поручили освободить от людей Расписную палату, галереи и кулуары палаты пэров на время прохождения членов данной палаты для встречи с Её Величеством согласно воле Её Величества.

Постановили: мистеру Кэмпиону доставить настоящее уведомление.

Постановили: парламентскому приставу освободить от людей указанные помещения для облегчения прохода в палату пэров.

Послание её величества, доставленное сэром Уильямом Оулдзом, герольдмейстером палаты пэров:

Господин спикер,

---

[9] Примечания: 9
8 июля, четверг, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

Королева повелевает досточтимой палате явиться для встречи Её Величества в палату пэров незамедлительно.

Соответственно господин спикер, вместе со всей палатой, направился на встречу с Её Величеством в палату пэров, где Её Величество изволили дать своё монаршее одобрение ряду публичных и частных биллей.

Засим Её Величество изволили обратиться с милостивейшей речью к обеим палатам парламента.

Далее верховный канцлер Великобритании по указанию Её Величества сообщил следующее:

Её Величество повелевает и приказывает отложить заседания парламента до вторника августа 10-го дня сего года; соответственно заседания парламента отложены до вторника августа 10-го дня сего года.

VENIRES, 9° DIE JULII; ANNO 13° ANNAE REGINAE[10], 1714.

---

[10] Примечания: 10

9 июля, пятница, 13-й год правления королевы Анны (*лат.*).

Двое на удивление мускулистых помощников маркиза Равенскара подхватили Даниеля в Крейн-корте и затолкали в портшез так поспешно, что он толком не понял: пригласили его или похитили. В ящике, словно сушёный экспонат — диковинный реликт кромвелевской эпохи, — его доставили в Старый двор Вестминстера и сгрузили перед кофейней Уагхорна. Человек с острым слухом, окажись он рядом, уловил бы в бормотании доктора Уотерхауза гнусные наветы и брань в адрес маркиза. Даниель отлично чувствовал себя в Крейн-корте с чайником, пирогом (который миссис Арланк недавно вынула из печи) и стопкой ужасных газет. В Вестминстере царили грязь, теснота, запальчивость — не бесшабашный раж, как в Хокли накануне Висельного дня, а мелочное раздражение, свойственное людям, которыми движут те же низкие страсти, только тщательно скрываемые. Все торопились, кроме Даниеля. Большинство спешило попасть внутрь. Незначительное, но досадное меньшинство спешило из палаты общин в палату лордов через двор, минуя галереи внутри здания, где, очевидно, образовался затор. Наблюдались отдельные вспышки вежливости. Увидев в третий раз, как заштатный лоббист театрально хватается за

шпагу, Даниель рассудил, что оставаться здесь не только противно, но и опасно. Он повернулся на каблуках и зашагал прочь, предвкушая, что через четверть часа будет сидеть в клубе «Кит-Кэт», когда его приятные мечтания рассеял возглас: «Доктор Уотерхауз! Я уже боялся, что не найду вас! Идёмте со мной, мы заняли вам местечко в кофейне Уагхорна!»

Даниель узнал голос. Имя он запамятовал, но не огорчился, потому что хорошо помнил причёску. Увы, вместо ожидаемого молодого человека с индейским гребнем ему предстало море одинаковых париков. Впрочем, один из их обладателей смотрел прямо на Даниеля. Если мысленно снять парик и добавить причёску могавка, получился бы юный кутила из числа тех, что вечно бегали по поручениям Роджера. Сегодняшнее поручение: спасти слабоумного учёного и под локотки доставить его в Вестминстерский дворец.

В кофейне Уагхорна Даниель взял чашку кофе и газету, отчасти чтобы читать, отчасти чтобы отгородиться от разговора; его грызло подозрение, что могавку поручено ещё и развлекать гостя беседой. Парламентский гомон накатывал с грохотом, как прибой. Говорили о чём угодно, кроме того, что происходит на самом деле: в

основном о законопроектах, которые рассматривали в прошлые несколько недель. Чаще других упоминались билли «О мерах по преодолению раскола в церкви» (любимое детище Болингброка), «Об определении долготы» (Роджера), «О пресечении деятельности неангликанских религиозных объединений», нестареющая тема шерстяной мануфактуры, бесконечные поправки, многочисленные разводы, спорные имения, дела о несостоятельности, а также то, что стали называть «Пять С»: Сбор ополчения, Снижение процентов, Содержание шотландских епископов, Сдерживание папизма и (несколько притянуто) законы, Связанные с бродяжничеством. Всё это было либо пустое сотрясение воздуха, либо шифр, в котором каждый законопроект служил завуалированным намёком на лицо, его предложившее.

Он понял, что больше не в силах выносить дым и крики, примерно тогда же, когда его мочевой пузырь (не отличавшийся крепостью) начал жаловаться на выпитый кофе. Даниель бросил газету, увидел, что могавк куда-то исчез (возможно, его позвали в набег на верховья Гудзона), встал и пошёл искать место, где можно помочиться. Это оказалось несложно (труднее было бы найти место, где мочиться нельзя). Затем Даниель

принялся прохаживаться по Расписной палате и Длинной галерее. В итоге его чуть не вымели вон при расчистке помещений, предпринятой по указанию палаты общин. Он был уже почти на улице, когда другой могиканин разыскал его и провёл обходными путями через залы комитетов в палату лордов, где поставил среди клакеров Роджера с напутствием вести себя так, будто он здесь по праву.

На Даниеля нахлынули нехорошие предчувствия. Он видел, как покатилась голова Карла I. Был с Карлом II почти до последнего вздоха, героически отбивая яростные атаки лейб-медиков. Наблюдал, перебарывая соблазн включиться, кабацкую драку, в которой Якову II расквасили нос и которая более или менее положила конец его царствованию. Благоразумно переждал за океаном смерть Вильгельма и Марии. Теперь он снова здесь и к нему несут королеву. Что, если её угораздит испустить дух именно сейчас? Обратятся ли все взоры к нему? Разорвут его на части прямо в здании парламента или доставят в Тауэр, чтобы обезглавить там? Вспомнят ли, что он недавно въехал в город вместе с некой иноземной принцессой, явившейся инкогнито и без приглашения?

Эти и другие мрачные думы так захватили Даниеля, что он почти не заметил внезапной тишины, наступившей с появлением вычурного портшеза. Его (как и всех вокруг) удостоила своим присутствием королева! Исторический момент! Или по крайней мере такой, который войдёт в анналы. И всё же Даниеля охватила досадная неспособность прочувствовать величие мига. Собственные мысли были ему куда интереснее — знак того, что он слишком много о себе мнит?

Другие (полагал Даниель) способны жить настоящим мгновением и переживать его непосредственно, как животные. Какой предстаёт им торжественная церемония тронной речи? Яркой, впечатляющей, завораживающей? Ему никогда этого не узнать. Даниель видел только больную старуху в зале, полном взбудораженных, давно не мытых мужчин.

Клуб «Кит-Кэт»
час спустя

Исаак должен был думать, что во всех помещениях царит молчание, поскольку любое помещение стихало, стоило ему войти. Даже это!

Даниель очнулся от странной рассеянности, накатившей на него во время обращения королевы к парламенту. Сейчас он был полностью собран. Возможно, перемена объяснялась тем, что здесь он мог пить шоколад, более того, двигаться и участвовать в интересных ему разговорах. До появления Ньютона в клубе безраздельно царил Роджер: восседая за любимым столиком, он принимал поздравления (в форме дурных стихов и дорогих подарков) от благодарной Великобритании. По обычаю клуба «Кит-Кэт» все чествования были стихотворные: от ёмких эпиграмм (в лучшем случае) до бессвязных героических куплетов (в худшем). Поэтическая школа «Кит-Кэта» требовала не называть имён, заменяя их классическими аллюзиями. Роджер почти всегда был Вулканом.

Вот стихи какого-то виконта:

Владыке[11] в дымной кузнице[12] ковал
Златые молнии[13] Вулкан[14] суровый,
И чтоб Титан мятежный не восстал,
Замки и цепи, узы и оковы.
С огнём игравший дерзко Прометей[15]
К скале уединённой пригвождён.
Юноне[16] хитрость мстительных затей
Готовит западню — коварный трон[17].

Этот конкретный виконт, как все понимали, не смог бы зарифмовать двух строк. Несколько молодых поэтов постоянно торчали в клубе и строчили эпиграммы за пироги и выпивку; один из них был сейчас в свите виконта.

---

[11] Примечания: 11
Юпитер, которому Вулкан ковал молнии; возможно также дерзкий намёк на Георга-Людвига Ганноверского, для которого, как надеялись виги, вскорости предстояло чеканить гинеи Монетному двору.

[12] Примечания: 12
Клуб «Кит-Кэт».

[13] Примечания: 13
Возможно, гинеи, которые чеканил Монетный двор; после победы Оксфорда и Болингброка он был не подвластен Роджеру, но оставался под началом его товарищей по партии, таких как Ньютон.

[14] Примечания: 14
Роджер Комсток, маркиз Равенскар.

[15] Примечания: 15
Болингброк.

[16] Примечания: 16
Королева Анна.

[17] Примечания: 17
Аллюзия на миф, согласно которому разгневанный Вулкан изготовил трон-ловушку и подарил своей матери, Юноне; сев на него, та оказалась в оковах, снять которые мог только Вулкан.

Сэр Исаак вошёл бодрой походкой двадцатилетнего студента, шагающего вдоль реки Кем, словно и не пролежал две недели кряду после кровавого избиения в Звёздной палате. Он прервал трогательную сцену поздравления и заговорил с Роджером, не подозревая, что влез впереди длинной очереди людей куда более знатных. Даниель протискивался гораздо медленнее, поскольку в отличие от Ньютона вежливо обращался к каждому, кого оттирал плечом. Соответственно, он не слышал начала разговора. Впрочем, несложно было угадать, что Исаака привели сюда новости, а значит, он поздравляет Роджера с выдающейся победой: это ж надо было так припереть Болингброка к стене, что тому пришлось звать на помощь мамочку! Именитые господа, один за другим, говорили Роджеру подобные вещи несколько часов кряду, и тот благодарил их наклоном головы столь машинально, что это уже превратилось в кивательный тик. Однако те же слова от сэра Исаака Ньютона он принял с совершенным вниманием, как будто все остальные поздравляют наобум, и только Ньютон высказывает своё подлинное мнение. Возможно, делу отчасти помогало то, что Ньютон говорил прозой.

На взгляд Даниеля, Роджер выглядел немного рассеянным и выслушивал стихотворную лесть вигов чуть ли не с тоской. Оно и понятно: Роджер — боец. Весь прошлый месяц он готовил контратаку, теперь она позади. Роджер оказался в положении дуэлянта, который сделал выстрел и стоит, безоружный, не зная, что с противником: убит тот, просто оглушён или длит миг торжества, прежде чем выстрелом размозжить ему голову. Он должен готовиться к ответному выпаду Болингброка; вместо этого сидит в клубе и выслушивает скверные вирши.

Роджер дружески взял Исаака под руку и повёл к Даниелю, но прежде, повернувшись к оставляемым поклонникам, провозгласил:

— Господа! Минуточку внимания! Я слышал, что сегодня королева всемилостивейше одобрила билль об объявлении награды за отыскание долготы!

Он сделал вид, будто изумлён таким исходом событий.

— И, по слухам, сэру Исааку Ньютону кое-что на сей счёт известно. Коль долготу желаешь ты обресть, Ньютона отыщи и дай ему поесть!

Импровизация была встречена жидкими аплодисментами и обильными возлияниями.

— Мистер Кэт! Пирогов с бараниной, пожалуйста!

К тому времени, как Роджер с Исааком пробились к Даниелю, они говорили уже совсем о другом.

— Вы отлично выглядите — я очень рад. Значит ли это, что я скоро получу Катерину обратно? Мой дом в полном запустении с тех пор, как хозяйка бросила его, чтобы ухаживать за дядюшкой!

— Да, милорд, она уже выехала, чтобы возвратиться к своим обязанностям, — отвечал Ньютон устало — ему явно неприятно было говорить на щекотливую тему.

— Дом скоро засияет, если она будет радеть о нём так же, как о вас!

— Она и впрямь была очень заботлива, — признал Ньютон, — хотя, по правде сказать, настоящим лекарством для меня стали новости из Вестминстера — надежда на то, что Болингброк будет посрамлён, а испытание ковчега — отсрочено.

— Что ж, тогда вам с доктором Уотерхаузом стоит обратить ваши новообретённые силы на подготовку наступления, — сказал Роджер, — ибо заседания парламента отложены только до десятого августа. У Болингброка более чем достаточно

времени, чтобы подвести контр-контрмину и взорвать нас всех на воздух!

— Нам с доктором Уотерхаузом к взрывам не привыкать. — Непонятно было, иронизирует Ньютон или сухо констатирует факт. Тут он поглядел Даниелю прямо в глаза, так что тот даже вздрогнул. — Хорошо, что вы здесь. Я хотел с вами поговорить.

— Тогда, с вашего позволения, я откланяюсь, — сказал Роджер, — чтобы вы могли спокойно побеседовать. Прошу вас, обсуждайте важное и не отвлекайтесь от насущного — ибо нет у якобитов оружия действеннее, нежели лживые измышления, будто виги — а значит, и Ганноверы — портят британскую монету ради своей корысти!

Крайне неделикатно было бросить такие слова директору Монетного двора, но Роджер явно злил Ньютона намеренно. Он помедлил ещё минуту, убеждаясь, что сэр Исаак не рухнет на пол в конвульсиях, однако тот лишь яростно сверкнул глазами. Даниель незаметно подмигнул Роджеру; он по опыту знал, что теперь Исаак не будет ни спать, ни есть, пока не разрешит поставленную задачу. Роджер поклонился и исчез — сгрузив свои заботы на Даниеля, который уже чувство-

вал, как тяжело давит на его плечи новое бремя.

— Надо отыскать Джека-Монетчика, заковать в кандалы и вытянуть из него признание, что пока он не запустил в ковчег свои грязные руки, там лежали полновесные монеты, — сказал сэр Исаак Ньютон. — Ещё лучше, если мы заставим его вернуть монеты, похищенные из ковчега. Это сокрушит все обвинения иезуитов!

— В таком случае, Исаак, я рад вас уведомить, что розыск Джека идёт уже несколько месяцев, и занимается им…

— Ваш клуб. Да, я про него знаю, — сказал Исаак. — Я попрошу членства.

— По уставу клуба решение принимается общим голосованием, — пошутил Даниель.

Однако Исаак в нынешнем своём состоянии не воспринимал шуток.

— Я не предвижу здесь никаких затруднений, — сказал он. — Собственно, я предлагаю объединить розыск монетчиков, проводимый Монетным двором, с усилиями вашего клуба найти виновных во взрыве адских машин, поскольку есть основания полагать, что речь об одних и тех же людях. Выгода очевидна.

— Тогда будем считать, что исход голосования известен и вы уже полноправный член клуба. —

Даниель упёрся ладонями в стол и с усилием оторвал себя от стула. Исаак тоже встал. К ним несли пироги на серебряном блюде; Даниель жестом направил слугу к выходу и продолжил: — Вы удачно выбрали время. Мне как раз сообщили о ценном свидетеле, который желает со мною поговорить.

Исаак уже шёл к двери.

— Я нанял карету на весь день, — бросил он через плечо. — Что сказать кучеру?

— Скажите ему, — отвечал Даниель, — что мы едем в Бедлам.

Карета
несколько минут спустя

— …и таким образом мы условились с мистером Партри, но, конечно, пока ничего ему не заплатили и не должны платить до конца месяца, — закончил Даниель. Он пересказывал недавние действия клуба, безжалостно сокращая подробности из-за аромата пирогов, ждущих на блюде у него на коленях. Блюдо — двадцатифунтовый серебряный диск — являло собой образчик барочной пышности и было покрыто милями витиеватых строк, воспевавших прелести Ньютоновой племянницы. Здесь её именовали Афродитой — шифр, для Исаака скорее всего непостижимый.

Фривольное блюдо и пышущие жаром пироги не смещались относительно Даниеля, а потому, в полном соответствии с принципом Галилея, теоретически оставались также съедобны, как если бы лежали перед ним на столе, пребывающем в состоянии покоя по отношению к неподвижным звёздам. Сказанное оставалось верным, несмотря на то, что карета с Даниелем, Исааком Ньютоном

и пирогами катила по Лондону. Даниель предполагал, что сейчас они огибают северный выступ кладбища святого Павла, но точно сказать не мог: он опустил шторы, поскольку дорога к Бедламу проходила аккурат через алчную пасть Граб-стрит, а ему не хотелось прочесть о сегодняшней поездке во всех завтрашних газетах.

Исаак, который лучше любого смертного должен был бы понимать относительность, не выказывал интереса к своему пирогу — как если бы тот, смещаясь относительно Земли, перестал быть пирогом. Для Даниеля же пирог в движущейся системе отсчета в полной мере оставался пирогом; положение и скорость, будучи сами по себе занятными физическими свойствами, никак не влияли на пироговость. Значение имела лишь динамика относительных перемещений Даниеля и пирога. Если скорость и положение Даниеля близки к скорости и положению пирога, то поедание пирога возможно и заманчиво. Если пирог далеко от Даниеля или движется с большой относительной скоростью (например, брошен ему в лицо), он утрачивает часть своей пироговости (во всяком случае, с точки зрения Даниеля). На данный момент, впрочем, это были чисто схоластические рассуждения. Пирог лежал

у него на коленях и был очень даже себе пирогом, что бы ни думал по сему поводу Исаак.

Мистер Кэт одолжил им серебряные столовые приборы, и Даниель, говоря, заткнул себе за ворот салфетку — флаг безоговорочной капитуляции перед чарами пирога. Однако вместо того, чтобы сложить оружие, он вооружился — ножом и вилкой — и уже занёс их над румяной корочкой, когда его остановил вопрос Исаака:

— Клуб намерен оставаться в бездействии весь июль?

— Каждый из членов продолжает свою линию расследования, — отвечал Даниель. — Как мы с вами сейчас.

И он взрезал пирог.

— А прочие?

— Им почти нечего рассказать. Хотя на последнем заседании мистер Тредер сообщил, что Джек-Монетчик связан с мистером Нокмилдауном и частенько наведывается в притоны так называемой Ист-Лондонской компании.

Исаак, по крайней мере, задумался, так что Даниель успел отправить в истосковавшийся рот порцию горячей баранины. Исаак по-прежнему смотрел на него, но как будто сквозь, что было и к лучшему, потому что по физиономии Даниеля

разлился гастрономический экстаз.

— Вам известно моё мнение о мистере Тредере, — сказал Исаак.

Даниель кивнул.

— Он в сговоре с Джеком, тут сомневаться нечего, — продолжал Исаак.

Для Даниеля это прозвучало примерно как утверждение, что его жена тайно шпионит в пользу Чёрной Бороды. Однако во рту у него был пирог, в желудке — умиротворение, поэтому он не поднял голос. Только бровь.

— Мистер Тредер боится, что расследование, начатое Болингброком, выявит его связи с Джеком. На Тайберне четвертуют за меньшее.

Здесь Исаак, как истый математик, остановился, предоставляя читателю самому проделать очевидные выкладки. Даниель очень выразительно пожимал плечами, вздыхал и выгибал брови, однако Исаак о нём словно позабыл. Ничего не оставалось, кроме как сглотнуть и выговорить:

— Зачем мистер Тредер сообщает о привычках Джека, если так боится его поимки?

— Это тонкий намёк, — отвечал Исаак.

— На что?

— На то, что мистер Тредер готов сдать своих:

если у воров нет чести, то уж тем более нет её у весовщиков. Он готов способствовать поимке Джека в обмен на смягчение приговора.

— Смягчение приговора… со стороны прочих членов клуба?!

— Со стороны директора Монетного двора, — сказал Исаак. — Ему хорошо известно, что мы с вами знакомы.

— Спасибо, что ознакомили меня со своей гипотезой. Сам бы я никогда до такого не додумался — уж больно замысловато, — угрюмо выговорил Даниель и ушёл от дальнейшей дискуссии в общение с пирогом.

Словно меланхолик в углу людного салона, Бедлам повернулся широкой спиной к Сити. Северным фасадом он смотрел на Мур-филдс — самое большое зелёное пространство в городе. Те безумцы, чьи камеры выходили на север, видели из окон деревья и траву, тянущиеся на полмили до ближайшего крупного строения: уксусного завода мистера Уитанунта на Уоршип-стрит у подножия Холлиуллского холма. Самая большая часть Мур-филдс, прямо перед Бедламом, была ограничена с четырёх сторон широкими аллеями; такие же аллеи разрезали её георгиевским крестом. Деревья вдоль дорожек шли через рав-

ные промежутки; их высадили сорок лет назад по указанию Гука.

Аллея, образующая южную границу Мур-филдс, была с одной стороны ограничена таким рядом деревьев, с другой — исключительно мощной оградой. Небольшую железорудную залежь истощили, чтобы изготовить железные прутья в руку толщиной; целая каменоломня ушла на их каменное основание. Как только в правом окне кареты показалось это устрашающее средство сдерживания безумцев, Даниель отложил блюдо и начал утираться салфеткой, одновременно читая стишок, по давней традиции «Кит-Кэта» оттиснутый на нижней корочке:

Пирог на r^2 умножь –
Получишь сковородку:
Довольно, чтоб начать делёж,
Не всё засунуть в глотку!

Гук выстроил треклятое здание невероятно длинным — семьсот футов, столько же, сколько весь Тауэр; такую роскошь мог позволить себе только архитектор, работавший сразу после Пожара. Даниель, как ни сдерживался, то и дело поглядывал за ограду — не прохаживаются ли там безумцы, но видел лишь компании гуляющих

лондонцев да одиноких проституток. Не велика потеря: по-настоящему интересных безумцев во двор всё равно не выпускали.

Наконец ограда отвернула вправо, а ряд деревьев, наоборот, влево, и карета въехала в овальный двор перед центральным куполом Бедлама. Экипажи и портшезы стояли концентрическими кругами, дожидаясь, пока их владельцы вдоволь насмотрятся на сумасшедших. Исаак и Даниель вылезли из кареты, и Даниель заплатил кучеру, чтобы тот отвёз серебро обратно в «Кит-Кэт».

Ни возраст, ни научные заслуги не избавили от необходимости стоять в общей очереди. Ворота, в которых с каждого посетителя взимали пенни за вход, размером соответствовали ограде. Над ними высился карниз: на двух плавно изогнутых скатах, как на кушетках, возлежали две каменные фигуры. Слева от Даниеля, словно упавшее с шеста чучело, поникло Тихое Умопомешательство, оно же Меланхолия; его невидящий взор был устремлён в пространство над Мур-филдс. Справа, стиснув кулаки и закатив глаза, рвалось из цепей Умопомешательство Буйное или Мания; оно едва касалось постамента локтем, бедром и щиколотками, каменные мускулы вздулись от напряжения. Для Даниеля оба изваяния были ста-

рыми знакомцами; он видел их ещё в набросках, когда навещал Гука в мастерской под куполом Бедлама, и даже сделал по ходу кое-какие замечания, которые Гук, разумеется, пропустил мимо ушей. После того, как статуи установили над входом, Даниель много раз проходил под ними, когда заглядывал к Гуку или участвовал в сумасбродных опытах Королевского общества над умалишенными. Однако сегодня он впервые ощутил своё с ними родство. Ибо сейчас Даниель, так долго олицетворявший собой Меланхолию, стоял полевую руку от сэра Исаака Ньютона — воплощённой Мании. Не отваживаясь высказать своё наблюдение вслух, он несколько раз перевёл взгляд с каменного безумца на Исаака. Наконец тот вздохнул, закатил глаза и бросил: «Очень смешно».

Наконец дошёл их черёд подняться по лестнице и заплатить за вход, что позволяло преодолеть ещё несколько ступеней и вручить дополнительные взятки толпящимся у дверей служителям. Это было не строго обязательно, но гарантировало быстрый доступ к самым интересным безумцам обоего пола. Даниель лишь оглядел служителей и, не найдя того, которого искал, повёл Исаака в здание.

— Простите? — спросил Исаак, услышав бормотание Даниеля. — Вы что-то сказали?

Голос у них за спиной пробасил:

— Не обращайте внимания, сэр Исаак. Доктор Уотерхауз, переступая этот порог, всегда возносит молитву, чтобы ему дозволили выйти обратно.

Исаак сделал вид, будто не слышит, полагая, что говорит кто-то из пациентов, подкарауливающих у дверей в надежде получить монетку за свои остроумные замечания. Догадка была здравая, но неверная. Даниель обернулся на голос, и Ньютон последовал его примеру.

Говорящий был не безумец, поскольку пациентов в Бедламе брили, а его тёмные волосы доходили до плеч. Исаак напрягся и попятился в тот самый миг, как Даниель шагнул к темноволосому, чтобы обменяться рукопожатиями. Ибо Исаак узнал в Сатурне человека, которого видел при крайне сомнительных обстоятельствах в Брайдуэллском кабаке. Однако через несколько мгновений, узрев вокруг себя бритых, закованных в цепи безумцев и меланхоликов, сэр Исаак рассудил, что общество Сатурна не так уж ему отвратительно.

Тут вперёд выступил субъект, стоящий рядом с Сатурном.

— Мистер Тимоти Стаббс, — представил тот. — Как вы можете заключить по его рыжим кудрям, он здесь не живёт. Однако по тёмно-синему платью вы можете догадаться, что он здесь работает. Выньте руку из кармана, доктор Уотерхауз; ему уже заплачено.

— Мы лечим Имярека согласно вашим предписаниям, доктор, — объявил Тимоти Стаббс после того, как из Сатурна удалось вытянуть более формальное представление. — Все лекарства, все методы, известные современной медицине, испробованы, но он по-прежнему упорствует в своих заблуждениях.

— Надо же! — воскликнул Даниель. — В таком случае вам, наверное, приходится держать его под замком.

— Да, доктор, иначе он уже понаделал бы дыр во всех стенах. Его поместили наверх.

— На последний этаж, где держат самых опасных безумцев, — перевёл Сатурн.

— И где он сейчас?

— В аппарате для усмирения буйнопомешанных, сэр, — отвечал Стаббс, слегка удивлённый вопросом. — Как вы и прописали — на четыре часа в день.

— Действует ли аппарат?

— Аппарат-то действует, и очень сильно, сэр. А если вы о том, удалось ли излечить Имярека от безумия, то, увы, нет, поэтому мы снова удвоили дозу.

— Превосходно! — вскричал Даниель. — Как пройти к аппарату?

— Он в дальнем конце мужского крыла; идти, боюсь, довольно долго, — сказал Стаббс, обходя бритого мужчину, который лежал ничком, бормоча что-то на военном жаргоне и поминутно судорожно вжимаясь в пол от воображаемого разрыва гранат.

— Ничего страшного, — отвечал Даниель. — Бедлам не зря считается лучшим местом для прогулок в дождливую погоду.

— В солнечный день это мало утешает, сэр, — сказал Стаббс, огибая троих молодых людей с индейскими причёсками, которые, стоя плечом к плечу, обсуждали выступление безумца: тот одновременно играл на скрипке и отплясывал джигу.

— Если сыграешь ещё, получишь пенни, и два — если прекратишь!

— Чего ради мы стоим и смотрим на этого несчастного, если в нескольких шагах отсюда можно взглянуть на всклокоченных безумиц?

— Когда ты увидишь настоящих всклокоченных безумиц, ты больше не будешь спрашивать.

Они миновали центральный зал и вошли в галерею, уходящую вперёд на несколько сотен ярдов. Справа тянулись окна, впускающие свет с Мур-филдс, слева — близко расположенные двери с зарешёченными оконцами на высоте человеческой головы. Представители всех лондонских сословий, за исключением высшей знати и нищих — мужчины и женщины, дворяне и простонародье, взрослые и дети, шумные банды подмастерьев и стайки хорошо одетых молодых дам, одинокие особы женского пола, одетые ещё лучше (то были куртизанки), бодрые старики и старухи, совершающие дневной моцион, лихие ватаги мальчишек, самодовольные могавки, охорашивающиеся франты и весельчаки-кокни, — прохаживались от двери к двери, заглядывая в каждое окошко. Торговцы продавали с тележек еду и пиво. Кое-где надсмотрщики в тёмно-синем сообща усмиряли отбившегося от рук подопечного, но в целом узники разгуливали свободно — насколько свободно можно разгуливать в ручных и ножных кандалах, соединённых изрядной длины цепью. Некоторые — меланхолики — сидели, сгорбившись, на полу или бродили,

волоча ноги, по коридору; они не обращали внимания на зевак, даже когда те тыкали им в рёбра тростью. Другие — буйнопомешанные — вели яростные споры с невидимыми оппонентами или вещали о том, что мучило их воспалённый мозг. Наиболее занятные экземпляры собирали вокруг себя толпу. Зрители смеялись над теми, чьи речи были непристойны или касались политики, и поддразнивали несчастных, стараясь вызвать у них новую вспышку. Один из безумцев уверял, будто Людовик XIV управляет Лондоном из тайной комнаты под куполом собора святого Павла и ему служит целая армия иезуитов, способных посредством чар обращаться серыми голубями. Молодой человек из числа зрителей сообщил ему, что целая стая таких голубей только что влетела через разбитое окно под купол Бедлама. Безумец смертельно перепугался и убежал в камеру так быстро, как только мог. Грохот его цепей, а также смех и аплодисменты зрителей на время заглушили все разговоры в галерее.

Когда шум утих, Стаббс обратился к Даниелю:

— Нам приходится менять солому в камере Имярека по пять раз на дню, — сказал он на случай, если доктор Уотерхауз всё ещё сомневается в действенности аппарата. — Другие пациенты

научились держаться от него подальше — за исключением копрофилов, которых приходится отгонять палками. — Он кивнул на дверь чуть дальше впереди. Случайно или нет, из её окошка как раз вылетело что-то бурое и упало на парик проходящего щёголя, взметнув облачко пудры. — Надо было платить провожатому, — заметил Стаббс, направляя Исаака, Даниеля и Сатурна ближе к окну, дальше от летящих экскрементов. — Мне вот думается, что Имяреку могло бы помочь битьё. Я помню ваш запрет, доктор, но если бы вы всё-таки позволили мне пустить в ход палку…

— Нет, — сказал Даниель. — Вчера вы прислали записку, что он просит разрешения со мною поговорить…

— Да, сэр. И даже слёзно молит.

— Давайте воздержимся от применения палки до разговора, а там будет видно.

Они уже приблизились к дальнему концу галереи и теперь отчётливо слышали скрежет, сопровождаемый глухими ударами. Стаббс распахнул дверь в торце коридора и впустил спутников в просторное помещение — своего рода бастион, завершающий западное крыло лечебницы. Странных предметов здесь было не

меньше, чем в Клеркенуэллском дворе технологических искусств, а скопление исступлённых безумцев отчасти напоминало заседание Тайного совета её величества. Однако самым большим предметом в зале, а равно и главным источником шума, служил деревянный барабан, установленный на оси между двумя массивными опорами высотой чуть больше Даниеля. Барабан имел форму толстой монеты, примерно в ярд толщиной. Его обод почти касался пола и потолка, что позволяло оценить диаметр примерно в двенадцать ярдов. Боковые поверхности — орёл и решка монеты — были изготовлены по образу простейших тележных колёс, то есть из широких досок, соединённых железными полосами. Обод тоже состоял из досок, прибитых к обоим дискам.

На одном конце оси располагался рычаг размером с весло. Небольшая лесенка вела на платформу, стоя на которой два или три человека могли посредством рычага вращать барабан. Одна смена сейчас этим и занималась, вторая отдыхала рядом, восполняя пивом вышедшую с потом жидкость.

По мере вращения исполинского барабана изнутри доносились звуки: быстрый перестук, как от бегущих ног, переходящий в серию глухих

ударов, словно кто-то катится по лестнице.

— Лечение завершено! — объявил Стаббс.

Работники с облегчением расправили усталые спины, не забывая, впрочем, о рукояти — она продолжала вращаться по инерции, так что вполне могла сломать зазевавшемуся челюсть. Когда движение барабана замедлилось, они вновь схватили рукоять и повернули его примерно на четверть оборота. Теперь стало видно, что в ближайшем торце барабана имеется узкая дверца, высотой почти от ступицы до обода. Работники установили её строго вертикально, как часовую стрелку, указывающую на шесть часов, после чего с грохотом сбежали по ступеням к бочонку с пивом.

Стаббс втиснулся в пространство между барабаном и опорой и отпер щеколду. Дверца распахнулась, со стуком ударившись о доски. Стало видно, что вся внутренняя поверхность аппарата обита лоснящимися от грязи тюфяками из соломы или конского волоса. Пространство за дверцей было почти пусто, только с самого его низа на пол, словно тающая восковая фигурка, сползало нечто человекоподобное.

— Видите? — провозгласил Стаббс. — Аппарат действует!

Человек, выбравшийся из аппарата, явно спешил с ним расстаться, однако благоразумно не пытался встать или даже сесть. Он приподнялся, упираясь лбом и коленями, и пополз, как гусеница-землемерка, то и дело останавливаемый безуспешными позывами к рвоте. Примерно за минуту ему удалось добраться до параши, вслепую откинуть крышку и, обнимая бадью, оторвать себя от пола. Наконец, с помощью надсмотрщика в тёмно-синем платье он взгромоздился на сосуд и немедленно начал генерировать звуки гидравлического и пневматического характера.

— Пытался ли он ломать другие стены? — спросил Даниель.

— Только одну, сэр. Это часть его мании: он думает, что точно знает, где спрятано сокровище.

— Что за сокровище? — спросил Исаак.

— Ну как же, сэр! Его все безумцы ищут, — отвечал Стаббс. — Золото Соломона.

Имярек всё ещё был не в состоянии разговаривать. Пока служители вновь заковывали его в цепи, чтобы отвести в камеру, Даниель, Исаак и Питер Хокстон поднялись на этаж и пошли к центру Бедлама мимо ряда камер, таких же, как этажом ниже. Посетители здесь встречались

реже — всё больше развесёлые ватаги подмастерьев или кучки особо вульгарных щёголей, а также одинокие господа, которым, судя по виду, самим не помешало бы провести несколько часов в аппарате для усмирения буйнопомешанных. Узников здесь держали под замком, и не безосновательно. Даниель старался идти как можно дальше от камер и не вслушиваться в бормотание безумцев, припавших к крохотным окошкам в дверях. Шагал он быстро; спутники со всех ног поспевали за ним. Наконец они оставили позади мужское крыло и оказались в центральной части здания, над главным входом, прямо под куполом. Отсюда ещё одна лестница вывела их в сводчатое помещение: по сути своей чердак, однако тщательно отделанный, просторный и хорошо освещённый.

Из окон уксусного завода мистера Уитанунта средняя часть Бедлама должна была выглядеть так, будто на неё поставили перевёрнутую воронку квадратного сечения со скруглёнными углами. Широкая часть воронки образовывала сводчатый потолок, под которым стояли сейчас Исаак, Даниель и Сатурн. В сужении располагались окна, впускавшие свет и (если были открыты) выпускавшие наружу спёртый воздух лечебницы.

— Здесь была мастерская Гука, его любимое убежище, — сказал Даниель, — хотя тогда оно выглядело совсем иначе. — Он подошёл к перилам и заглянул в центральный колодец, через который свет от купола попадал в вестибюль. — Вот тут были уложены доски, так что получался сплошной пол.

— Я был здесь однажды, на ваших проводах, — заметил Исаак.

Его слова заинтересовали Сатурна, который, стоя у перил, делал знаки компании двумя этажами ниже. Компания из четырёх человек как раз начала подниматься по лестнице; служитель в тёмно-синем платье спускался, чтобы преградить ей путь. Сатурн, продолжая смотреть вниз, спросил Даниеля:

— Это было перед вашим отъездом в Массачусетс?

— Задолго до того. Я уехал в 1695-м. Проводы, о которых говорит сэр Исаак, состоялись в 1689-м.

— Непонятно. — Сатурн перегнулся через перила и перенёс внимание на то, что происходило внизу. Надсмотрщик не пропускал наверх посетителей, которых Сатурн недавно поманил рукой. Все четверо были дюжие ребята и легко могли бы отодвинуть надсмотрщика с дороги;

тем не менее они остановились и взглядами спрашивали Сатурна, что делать.

— Всё в порядке, сэр! — крикнул Сатурн. — Они с нами!

— А вы-то кто такие?

Даниель положил руку Сатурну на плечо и ответил сам:

— Сэр Исаак Ньютон, директор Монетного двора её величества, расследует государственную измену. Вы не пропускаете его помощников. Будьте добры отойти в сторону.

Исаак, удивлённый не меньше надсмотрщика, шагнул к перилам: не для того, чтобы произвести впечатление, а просто чтобы разобраться в происходящем. Однако явление седовласого рыцаря-чародея смело надсмотрщика с дороги, словно порыв ветра из раскрытой двери.

— Виноват, сэр! — крикнул он уже совершенно другим тоном, когда Сатурновы молодчики поднялись мимо него. — Чем могу служить?

— Не пускайте сюда любопытствующих, — отвечал Даниель и, повернувшись, принялся изучать стены. Начальство Бедлама не так ценило верхний этаж, как некогда Гук: вместо того чтобы устроить наверху роскошные кабинеты, оно натолкало сюда столов и сундуков, превра-

тив помещение под куполом в голубятню для писарей и свалку ненужных документов.

— Когда мы были здесь на моих проводах, — сказал Даниель Исааку, — всё выглядело примерно так же. Я имею в виду, что стены, наклонённые внутрь, то есть внутренняя сторона крыши, были оштукатурены.

— Да.

— Однако я частенько навещал Гука раньше, в семидесятых. Эту часть Бедлама выстроили первой. Как вы помните, флигеля возводили ещё много лет.

— Да.

— Я пытаюсь вспомнить, как выглядело помещение до того, как появилась дранка и штукатурка. Мне кажется, что на этих местах имелись большие полости, особенно, если память меня не подводит, здесь, между трубой и углом. Труб четыре, значит, и полости четыре. — Говоря, Даниель вёл рукой по штукатурке, иногда простукивая стену костяшками пальцев. Наконец, он добрался до места, где стук получался особо гулким, не отнимая ладони от стены, повернулся и оглядел комнату. Взгляд его просветлел, наткнувшись на пятно свежей штукатурки в одном из углов. И тут, совершенно случайно, Даниель заметил, что

их нагнал Тимоти Стаббс.

То, что Стаббс испытал, поднявшись по лестнице, вполне можно было назвать приятным недоумением; сейчас его состояние вернее всего описывалось словом «ужас».

— В моих речах вам слышится что-то знакомое, мистер Стаббс? — спросил Даниель с улыбкой.

— Истинная правда, доктор. То же самое говорил своим сообщникам Имярек, когда я их тут застал.

— Вы проявили похвальную храбрость, мистер Стаббс, выследив шайку безумцев.

Похвала немного успокоила Стаббса.

— Жаль только, что я их не всех поймал, сэр.

— Вы совершенно правильно поступили, схватив вожака. Значит, они проломили стену вон там? — спросил Даниель, указывая на свежую штукатурку.

— Да, сэр.

— Полоумные, — задумчиво проговорил Даниель. — Впрочем, предположим, что в одном из этих углов и впрямь спрятано сокровище. Тогда Имярек — не безумец, а вор или даже хуже; все прописанные мною средства бесполезны, если не вредны. Коли так, место ему не в Бедламе, а в Ньюгейте, и заслуживает он не лечения, а суда.

Есть лишь один способ проверить. Как я понимаю, в той стене Имярек ничего не нашёл?

— Только осиные гнёзда и помёт летучих мышей, — отвечал Стаббс несколько неуверенно.

— Естественно. Мистер Гук разместил бы тайник в углу, наиболее защищённом от преобладающих ветров — здесь.

Даниель указал на соседнюю стену. Сатурн взглянул на него. Даниель кивнул. Сатурн, повернувшись спиной ко всем, резво шагнул к указанному углу. На ходу он тряхнул правой рукой, так что из рукава выскочил инструмент наподобие молотка с шаровидной головкой. Сатурн сжал пальцы на рукояти, когда железный шар уже почти касался пола, и, размахнувшись со всей силы, наотмашь ударил по стене. Шар пробил штукатурку и дранку, как пуля — дыню. Сатурн переложил орудие в левую руку, а правую по плечо засунул в дыру.

Мистер Стаббс явно не одобрял происходящее. Судя по лицу, добавить Сатурна к прочим обитателям Бедлама ему мешало лишь присутствие Сатурновых молодцов. Однако Питер Хокстон быстро положил конец сомнениям, провозгласив:

— Вердикт вынесен. Имярек не безумец, а

обычный вор. — Он вытащил руку из дыры и продемонстрировал свёрнутую в трубу стопку пыльных листов. — А может быть, необычный.

— Насколько я понимаю, вы поручили мистеру Стаббсу ждать безумцев, которые примутся ломать стены, — сказал Исаак. — Но как вы предугадали?

Они с Даниелем отошли к противоположной стене помещения, подальше от шума и пыли. Сатурновы молодчики разворотили несколько ярдов стены пронесёнными под одеждой ломиками, крюками и тому подобным, обнажив призму чёрного пространства, в которой можно было спрятать два или три трупа, имей Гук подобные наклонности. Однако вместо трупов он спрятал там два деревянных сундука и несколько кожаных бюваров, а промежутки забил мятой или свёрнутой бумагой. Сейчас пыль уже осела настолько, что Исаак с Даниелем могли приблизиться к дыре. Однако прежде Исаак потребовал объяснений.

— Я знаю далеко не всё, — сказал Даниель. — За последнее время ограблению подверглись несколько зданий, выстроенных Гуком, в том числе Королевская коллегия врачей и дом милорда Равенскара.

— Катерина мне рассказывала, как это было у них, — вспомнил Исаак. — Странные попались воры — понаделали дыр в стенах и ничего не нашли, но не взяли ценные вещи, стоявшие прямо на виду.

— Простая экстраполяция подсказывала, что следующим будет Бедлам. Я заплатил мистеру Стаббсу, чтобы тот проявил особую бдительность. Имярека поймали неделю назад. Он всячески выдавал себя за сумасшедшего. Теперь, узнав, как лечат безумцев в Бедламе, он, возможно, предпочтёт сознаться в обычной краже. — Даниель поймал взгляд Стаббса, что было нелегко, поскольку служитель стоял, как в столбняке. — Пожалуйста, сходите к Имяреку в камеру. Не говорите, что случилось на самом деле. Скажите, что доктор Уотерхауз пробил дыры во всех четырёх стенах и ничего не нашёл, а значит, Имярек — сумасшедший и останется здесь до конца дней.

Питер Хокстон уже снял с вынутого из дыры сливки, то есть выбрал всё, что его заинтересовало, и сложил остальное во вторую, большую кучу. Отсортированного ему бы хватило, чтобы упиваться несколько недель, ибо сундуки были наполнены деревянными ящичками с преци-

зионными инструментами из меди и даже из золота. Среди них определённо имелись часовые механизмы. Страшась пыли, Сатурн быстро проверил ящички и составил их подальше, накрыв большим чертежом. Однако теперь его заворожил сам чертёж — фантастическое изображение птичьего скелета.

— Я сперва думал, это птица, — сказал Сатурн, — пока не увидел его…

Он указал на несколько штрихов, которыми Гук небрежно и в то же время с удивительной точностью изобразил человеческую фигурку в панталонах, камзоле и парике. Человечек, подняв руку над головой, поддерживал один из суставов крыла. Будь это птица, размах её крыльев был бы в несколько раз больше, чем у альбатроса. Однако то было крыло наоборот; там, где у птицы крепились бы мышцы, чтобы тянуть кости, здесь располагались цилиндры и поршни, чтобы их толкать.

Даниель увидел большой кожаный бювар, погрызенный с углов мышами, но в основном целый, и, развязав ленту, раскрыл его на крышке сундука. Внутри лежала стопка писчей бумаги в три пальца толщиной. Хотя листы помялись и спрессовались от времени, текст по-прежнему

оставался разборчив. То были записки, сделанные рукою Гука и снабжённые превосходными рисунками, на самые разные темы:

Разоблачение «Книги духов» Джона Ди

Критика гипотезы тяготения, предложенной доктором Фоссиусом

Кислота фруктов

Плагиат в Парижской академии

Криптография Тритемия

Обшивка кораблей свинцом, китайцами практикуемая

Обоснование полезности использования телескопических визиров в астрономических инструментах

Немыслимое расстояние до звёзд

Парижские философы избегают экспериментальных доказательств, когда опасаются последствий

272 колебания струны в секунду производят звук соль-ре-до в ключе соль

Пифон, объяснение

О гребле на старинных галерах

Разъяснение устройства мышцы

Железо и Sp. Salis[18] образуют гремучую смесь

Мазь от ожогов, рецепт

Мысли материальны; объяснение и возможное число их в человеческой жизни

Различие обезьяны и человека

Как разлагающееся вещество производит свет

Микрометр новейшего устройства

Возможная причина либрации Луны

Кремни: об их происхождении и первоначальной текучести

Французская академия опубликовала открытия, прежде сделанные здесь

Почему вода при замерзании расширяется

Воздействие землетрясений на состав воздуха

Горы, создаваемые землетрясениями

Критика гипотезы тяготения Гоба

Летучие рыбы и о полете вообще

Центр Земли не является её центром тяжести

Наблюдения за разложением челове-

---

[18] Примечания: 18
Спиритус салис (соляная кислота) (*лат.*).

ческих тел

Опровержение Антельмовых взглядов на природу света

Подлинный рецепт орвиетано

Почему в лунных лучах не ощущается тепла

Тяготение и свет, два величайших закона природы, суть разные проявления одной причины

Годометрический метод нахождения долготы

Опыты по применению на себе растения, кое португальцы именуют «бханг», а мавры — «ганджа»

Механический способ вычерчивания конических сечений

Зажигательные стёкла древних

Гук спрятал свой архив в стенах Бедлама, потому что не доверял Королевскому обществу, конкретно — Ньютону. Даниель стал читать заголовки вслух, чтобы попрекнуть Исаака, однако, начав литанию, не смог остановиться. Это была словно квинтэссенция того ртутного духа, который на заре Даниелевых дней породил золотую пору Королевского общества. Он как будто при-

пал к источнику вечной молодости.

Остановила его страница, написанная не по-английски, как почти все, и не по-латыни, как некоторые, а совершенно иным алфавитом. Буквы не напоминали латинские, греческие или еврейские, они не были ни кириллическими, ни арабскими и в то же время не несли сходства ни с одной восточной системой письменности. То была исключительно простая, чёткая и ясная форма записи — для тех, кто может её прочесть. Даниель почти мог. В первое мгновение он застыл, как будто налетел с разбега на каменную стену, и только-только начал разбирать заголовок, как услышал голос Сатурна:

— Я уже видел несколько таких, док. Что это за язык?

Исаак, смотревший на лист у Даниеля в руках с расстояния в три фута, ответил:

— Истинный алфавит — язык, созданный покойным Джоном Уилкинсом по философическим принципам. Предполагалось, что он вытеснит латынь. Гук и Рен некоторое время им пользовались. Вы ещё можете его читать, Даниель?

— А вы? — спросил Даниель. Это могло оказаться важным.

— Без книги Уилкинса — нет.

— Это рецепт, — сказал Даниель, поднося листок чуть ближе к глазам. — Рецепт восстановительного лекарства из золота.

— Тогда не трудитесь переводить, — бросил Исаак. — Мы все знаем, что покойный мистер Гук был падок до шарлатанства.

— Гук не придумал рецепт, только записал, — возразил Даниель. — Он ссылается на человека, который научил Королевское общество получать фосфор.

Для Исаака это было равнозначно имени «Енох Роот», для Сатурна и остальных не значило ничего.

— Продолжайте, Даниель, — сказал Исаак. Теперь он был весь внимание.

— Гук начинает с рассказа о событии, происшедшем где-то… — Долгая пауза, затем внезапное озарение: — Нет, здесь! Прямо здесь, где мы сейчас стоим. Дата… если я правильно сосчитал… лето Господне тысяча шестьсот восемьдесят девятое.

— Год и место ваших странно заблаговременных проводов, — заметил Сатурн.

Даниель аж поперхнулся, дивясь, как сам не заметил такой простой вещи. Однако Исаак глядел на него нетерпеливо, и Даниель продолжил:

— Описывается медицинская… нет, хирургиче-

ская манипуляция над объектом… человеком… мужского пола… сорока трёх лет.

— Вашим сверстником, господа! — вставил Сатурн. — Возможно, вы его знали.

— Объект страдал тяжёлой мочекаменной болезнью. Гук удалил камень.

— Как, здесь?! — Сатурн в изумлении огляделся.

— Я видел, как камень удаляли на улице, — сказал Даниель.

— И Гук проделывал здесь вещи куда более странные, — заверил Сатурна Исаак.

— Чем больше мы читаем его бумаги, тем больше я в этом убеждаюсь, — пробормотал Сатурн.

— Читайте дальше, Даниель!

— Операция прошла успешно. Однако больной… больной умер, — перевёл Даниель. Он почувствовал головокружение и вынужден был сесть на пыльный сундук, чтобы не рухнуть через балюстраду в здешний «колодец душ». — Прошу прощения. Больной умер, как это часто случается, от шока. Пульс отсутствовал. Тогда упомянутый мною учёный собрат покинул укрытие, из которого наблюдал за операцией…

— Как кстати! — фыркнул Сатурн. — Мы должны поверить, что алхимики прячутся по

тёмным углам Бедлама, ожидая, когда кто-нибудь испустит дух во время импровизированной литотомии?

— На самом деле всё гораздо проще. Алхимик присутствовал раньше, на дружеской пирушке, и остался посмотреть операцию, — пояснил Даниель. Он не читал по бумаге, а вспоминал то, что происходило с ним.

— Пирушка… быть может, те самые заблаговременные проводы, которые здесь столько раз поминали! — воскликнул Сатурн. Исаак с Даниелем не рассмеялись.

— У Гука была отражательная печь, уже разогретая для другого эксперимента. Алхимик спешно взялся за работу, позаимствовав некоторые химикалии из Гуковой лаборатории — прекрасно оснащённой, я сам свидетель. В частности, он взял нечто, называемое здесь кость-куб-чаша…

— Гук мог иметь в виду пробирную купель.

— Блестяще, Исаак. Купель и что-то, бывшее у него при себе в деревянном ящичке. Рецепт не так легко перевести — мне тоже придётся заглянуть в книгу Уилкинса. — Даниель пропустил страницу, затем другую. — Итог: небольшое количество светящегося вещества. Будучи помещено в рот умершего, оно вызвало сердцебиение и вывело

больного из шока. Через несколько мгновений тот пришёл в себя и сообщил, что не помнит ничего из происшедшего. Алхимик удалился, забрав остатки вещества с собой. Гук записал рецепт по памяти.

— Это многое объясняет, — проговорил сэр Исаак Ньютон, очень странно глядя на Даниеля. Тому было всё равно: он обессиленно привалился к стене, отрешенно глядя в серебряное око света посреди купола и чувствуя себя не живее каменной Меланхолии.

— О да! — подхватил Сатурн. — Теперь мы знаем, что искал Имярек!

Тут он прикусил язык и тяжело сглотнул, почувствовав странное, безмолвное напряжение между Исааком и Даниелем.

— Или вы о чём-то другом?

В Бостоне было немало рабов, родившихся на Барбадосе от негров, завезённых поколение назад Королевской Африканской компанией герцога Йоркского. Никого суевернее Даниель в жизни не встречал. Создавалось впечатление, что путешествие через океан выдержали самые эфемерные элементы африканской культуры, в то время как весь багаж истории и мудрости остался за бортом. Они сходили на берег Массачусетско-

го залива, бренча вудуистскими амулетами и бормоча несусветные слова и фразы, как будто жили в постоянном бреду. Когда они попадали в дома мнительных пуритан, склонных повсюду видеть чертей и бесов, возникала гремучая смесь, в чём пришлось убедиться некоторым жителям Салема.

Особенно часто эти рабы поминали «ходячих мертвецов» — эндемичное карибское поверье, будто колдуны умеют оживлять трупы, превращая их в бездумные орудия.

Даниелю некоторое время не удавалось отогнать мысль о живых покойниках. Он был беспомощен, как человек, помещенный в аппарат для усмирения буйнопомешанных, — если не ходячий мертвец, то мертвец, просидевший кулём по меньшей мере четверть часа, пока Сатурн и его помощники упаковывали наследие Гука.

Затем область рассудка, в которой обитают добродетели Просвещения, взяла верх над тёмными углами, в которых затаились дикие суеверия, ожидая случая выпрыгнуть с криком: «Бу!»

Кто на самом деле Енох Роот, Даниель не знал, но вудуистским колдуном тот явно не был. Если после операции он каким-то образом вытащил Даниеля с того света, то, очевидно, не при по-

мощи некромантии. Скорее всего Даниель не умер, а впал в кому, из которой Роот и вывел его сильнодействующим средством. Ничего особенного — примерно как дать нюхательную соль. Гук же, и впрямь падкий до шарлатанства, навоображал невесть чего.

Впрочем, забавно: всего лишь третьего дня Даниель в письме Рооту выражал сомнение, что проживет следующие несколько недель.

Из задумчивости его вывел голос Исаака, уже не в первый раз повторивший слова «Крейн-корт». Покуда Даниель пребывал в прострации, Исаак принялся командовать. Он распорядился ввезти сокровища Гука в штаб-квартиру Королевского общества — то есть именно туда, куда Гук не хотел их отдавать.

— Как человек, *живущий* на чердаке Королевского общества, — сказал Даниель, — могу засвидетельствовать, что места там нет. Нисколько.

— Место всегда можно освободить, выбросив часть жуков, — заметил Исаак.

— Но в данном случае не нужно, — твёрдо проговорил Даниель.

— Куда же вы намерены их отвезти? — спросил Исаак — и как пристален был его взгляд, устрем-

лённый на листы в руках Даниеля!

Тот, чтобы не забыть, сложил их пополам и убрал в нагрудный карман.

— Предлагаю спрятать их в доме маркиза Равенскара, — сказал он. — Я нередко бываю у него по поводу долготы и по другим делам, а вы можете навещать свою племянницу так часто, как захотите.

— Тогда я не вижу разницы с Крейн-кортом.

— Сделайте милость, Исаак, идёмте со мной к Имяреку, я всё по пути объясню.

Даниель поднялся на ноги и обнаружил, что по-прежнему жив-живёхонек. Ходячий живчик.

— Я прежде не говорил, — сказал Даниель, пока они шли по галерее, — но я подозреваю, что в истории с первой адской машиной замешан Анри Арланк.

— Привратник?!

— Он самый.

— Он ведь член клуба, не так ли?

— Так. Я настоял, чтобы его приняли в клуб, под тем предлогом, что он чуть не погиб при взрыве, а значит, может считаться потерпевшим наравне с нами. Однако истинная причина в том, что я его подозревал.

— На каком основании?

— Во-первых, по приезде в Лондон я начал наводить справки о вещах Гука. Арланка я спросил первым. Довольно скоро мне стало известно, что весть о моих разысканиях с поразительной быстротой достигла воровского подполья. Я сразу подумал, что Арланк кому-то сболтнул. Во-вторых, допустим, что первый взрыв был покушением на вас, Исаак, — что Джек-Монетчик стремился уничтожить в вашем лице своего злейшего противника. От кого он узнал, что вы имеете обыкновение работать воскресными вечерами в Крейн-корте? Вы тщательно это скрывали, в частности, чтобы вас не осаждали просители. Кроме Арланка знать было почти некому.

— Коли так, у вас достаточно свидетельств, чтобы привлечь Арланка к суду.

— Я предпочёл бы использовать его в качестве наживки для Джека, — отвечал Даниель. — Не следует показывать Арланку, что мы его подозреваем. Однако чистое безумие — помещать найденное сегодня в дом, где живёт Арланк!

— Хорошо. Пусть вещи отправляются в храм Вулкана, а я напишу Катерине записку, чтобы она убрала их под замок. В подвале есть надёжное место…

— Прекрасно, — сказал Даниель.

— Надеюсь, теперь вы поняли, что мистер Тредер — негодяй, — продолжал Исаак. — Каковы бы ни были ваши догадки касательно Арланка, нет сомнений, что адская машина ехала в телеге мистера Тредера.

— Тогда внесите и меня в список подозреваемых, поскольку она лежала в моём сундуке, — сказал Даниель. — Впрочем, если серьёзно, Исаак, я согласен, что адскую машину нельзя было положить без пособничества — возможно, необдуманного или неумышленного, со стороны кого-то из слуг мистера Тредера.

— А среди них точно есть преступники. Джек хитёр и наверняка потрудился внедрить своих людей в окружение сообщников.

Они остановились перед дверью в камеру Имярека. Даниель сказал:

— Сообщников, да, но и врагов тоже. Потому что, как ни странно звучит, именно это он сделал, внедрив Арланка в Королевское общество.

Исаак выслушал внимательно. Следующие несколько минут он с бесстрастием учёного изучал лицо Даниеля — возможно, искал на нём признаки воскрешения, — прежде чем проговорить:

— Согласен, и впрямь странно. В другой день,

Даниель, я бы удивился.

Баркас «Благоразумие» понедельник, 12 июля 1714

Мистер Орни сказал лишь, что «Благоразумие» — судно простое и порядочное. Остальным членам клуба хватило и такого предупреждения. На следующее утро они явились нагруженные подушками, плащами, зонтиками, сменной одеждой, едой, горячительными напитками, табаком и противорвотными средствами. Всё это пошло в ход, едва «Благоразумие» медленно двинулось вверх по вздувшейся от дождя Темзе к Лондонскому мосту, который жестоко дразнил пассажиров видениями кофеен и пабов.

Сам Орни дождя не боялся, однако, предвидя жалобы соклубников, натянул посреди палубы навес. Парусина (если только не задевать её головой) почти не пропускала воду, кроме как по швам, по краю заплат, по всем созвездиям проеденных молью дыр и в прочих местах, где образовались протечки.

В сущности, «Благоразумие» состояло из одного широкого грузового трюма, отделённого от прочей вселенной панцирем из досок с редки-

ми намёками на необходимость движителей: уключинами и кургузой мачтой. Ветра сегодня не было: дождь сеял ровно, а не бил в лицо. Поэтому Орни нанял в Ротерхите молодцов, чтобы те, стоя на коленях, взбивали Темзу взмахами вёсел. На гребцов навеса не хватило; укрытые лишь широкополыми парусиновыми шляпами, они выглядели не лучше средиземноморских галерников. Даниель, Орни, Кикин и Тредер сидели в трюме, где Орни соорудил скамью, уложив доску на пару козел. Сверху добавили подушек. Четверо членов клуба восседали в ряд, как в церкви, глядя в узкую щель между истрепанным краем навеса и побитым планширем. Мистер Орни отметил, что так их не увидят ни с берега, ни с моста, и повторял своё утверждение, пока большинство клуба не согласилось или не предложило ему заткнуться. «Благоразумие» обычно доставляло на верфь пеньку, смолу, дёготь и прочая; всем перечисленным воняло в трюме. По всей Лондонской гавани сновали похожие судёнышки.

— Согласен, — сказал мистер Тредер. — Как средство обозреть владения печально известного мистера Нокмилдауна это предпочтительнее, чем в погожий день нанять лодку и нагрузить её джентльменами в париках, с зонтиками от

солнца и подзорными трубами.

— Вон там! — воскликнул Даниель. Он держал, развернув к свету из щели, нарисованную от руки карту и (не без риска поджечь) разглядывал её в лупу размером с десертную тарелку. Сей предмет, заключенный в роскошную белую с золотом оправу и снабжённый столь же роскошной ручкой, был подарен Королевскому обществу кем-то из представителей Тосканской ветви династии Габсбургов. Великолепие лупы только подчёркивало жалкий вид карты, составленной, как объяснил Даниель, по воспоминаниям и догадкам Имярека, Шона Партри, Питера Хокстона, отца Ханны Спейтс и тех их собутыльников, которые случились рядом во время разговора.

— Обратите внимание на вон тот кирпичный склад, — продолжал Даниель, указывая в сторону Бермондси.

— Последние два часа мы видели только кирпичные склады, — отозвался мистер Тредер тоном столь уничижительным, что мистер Орни не выдержал:

— Завсегдатаи Сити, кои, подобно мухам, облепившим круп честной ломовой лошади, сосут соки из английской торговли, бессильны оценить красоту Ротерхита и Бермондси. Им больше по

душе Саутуорк: Бенксайд и Клинк, выстроенные в век праздности на потребу одурманенных папизмом бездельников, череда театров, непотребных домов и медвежьих садков вдоль набережной, по которой вольготно прогуливаться щёголям, сутенёрам и мальчикам для любви. Воистину достойное зрелище — для некоторых. Ниже моста взгляду предстает то, что выстроено в наш век — век промышленности и торговли. Те, кому любезна Саутуоркская Ярмарка суеты, видят здесь лишь ряд однообразных складов. Однако честный и предприимчивый труженик узрит в них новое чудо света, не лишённое своеобразной красы.

— Сегодня я видел лишь одно чудо света: человека, способного десять минут кряду бахвалиться своей праведностью и ни разу не перевести дух, — отвечал мистер Тредер.

— Джентльмены! — почти выкрикнул Даниель. — Прошу вас обратить внимание на церковь святого Олафа, у южного края моста.

— Как, мистер Нокмилдаун и её прибрал к рукам? — удивился Кикин.

— Нет, хотя и ставит своих дозорных на её колокольне, — ответил Даниель. — Я указал на неё просто как на ориентир. Сразу под ней, у

реки, можно видеть две пристани, разделённые складом. Каждая из них соединена с городом лабиринтами кривых закоулков, которые на нашей карте только намечены. Подобным же образом склад, обращённый к нам простым и гладким фасадом, ветвится, уходя в Лондон, как…

— Опухоль, проникающая в здоровый орган? — подсказал господин Кикин.

— Скрытое пламя, что незаметно перекидывается на соседние дома и различимо лишь по дымку воришек, обесчещенных женщин и брошенного жилья? — подхватил мистер Тредер.

— Оспенные пузырьки, которые поначалу выглядят мелкой сыпью, а после, соединяясь, оставляют человека без кожи? — спросил мистер Орни.

(Все эти и многие другие сравнения Даниель приводил раньше, показывая различные здания Ист-Лондонской компании.)

Гребцы с любопытством поглядывали на пассажиров.

— Я хотел сравнить его с пнём в саду, — зловеще проговорил Даниель, — который на первый взгляд легко выкорчевать, однако через несколько часов работы мотыгой вам становится ясно, что корни его протянулись во все стороны.

— Это место чем-то отличается от тех, что вы нам показывали? — спросил мистер Тредер.

— Без сомнения. Оно ближе всего к Лондонскому мосту и к Сити, поэтому здесь мистер Нокмилдаун занимается куплей-продажей вещей определённого рода: достаточно маленьких, чтобы их можно было пронести в руке, и притом достаточно ценных, чтобы игра стоила свеч. Крупнообъёмный товар, как мы видели, принимают и продают ниже по реке.

— От склада и впрямь открывается отличный вид на мост, — заметил господин Кикин. Он полупривстал и, нагнувшись, вертел головой из стороны в сторону.

— А с моста — на склад, — произнес Даниель. — Это место зовётся Бимбар-яма, что значит «притон, в котором торгуют часами». В ближайшие дни мы узнаем о нём больше!

— Окончена ли рекогносцировка? — спросил Орни. — Мы приближаемся к мосту, и в дождливый день течение здесь опасно для нашего судна.

— По крайней мере для наших желудков, — вставил Тредер.

— Можем ли мы подойти к Большому причалу? — спросил Даниель, указывая на пирс,

отходящий от самого крупного из двадцати водорезов Лондонского моста, почти посередине реки. — Я хотел бы показать клубу нечто небезынтересное довольно близко отсюда.

— Я проголосую за, — объявил мистер Тредер, — при одном условии: если доктор Уотерхауз оставит свои экивоки и просто, честно, без обиняков скажет, что он имеет в виду.

Орни выразил самую горячую поддержку и, заручившись кивком господина Кикина, велел гребцам поворачивать на север и идти поперёк течения, одновременно позволяя ему снести судно чуть дальше от моста. Теперь предстояло развернуть «Благоразумие» и двигаться к причалу. Манёвр был выполнен точно напротив Бимбар-ямы, на которую Даниель смотрел так, словно должен срочно загнать целый мешок тыренных часов.

— Следующий пункт повестки дня, — провозгласил мистер Тредер, — вытянуть из доктора Уотерхауза объяснения, зачем мы здесь и почему казна клуба, прилежно собираемая и бережно хранимая на протяжении столько месяцев, внезапно оказалась истрачена.

— Наш новый сочлен, который выражает сожаление, что не смог сегодня к нам присоединиться,

пополнит её в ближайшее время, — заверил Даниель.

— *Если* это правда, то его взнос будет весьма кстати, поскольку за *другим* отсутствующим сочленом числится недоимка.

— Зато мы обязаны мсье Арланку бесценной информацией, — сказал Даниель.

— Почему же он не с нами и не обогатит нас ещё больше?

— Он не знает, насколько был полезен. Я намерен и дальше держать его в неведении.

— И сдаётся, нас тоже, — проворчал мистер Орни, за что — редкий случай — удостоился кивка со стороны мистера Тредера. Что до Кикина, тот принял позу многострадального русского, курил трубку и помалкивал.

— Имярек сознался, что он не безумец, — начал Даниель (за время поездки по реке он поведал соклубникам о своём с Исааком походе в Бедлам). — Однако он заявил, что мы никакими силами ничего из него не вытянем.

— Знакомое затруднение, — пробормотал Кикин, не вынимая изо рта трубку. — Они боятся Джека больше, чем вас. Я знаю некоторые пытки…

— Сэр! — возмутился мистер Тредер. — Здесь

Англия!

— Мы предпочитаем подкуп, — заметил Даниель. — Торг был долог, рассказывать о нём скучно. Довольно сообщить, что согласно записи в приходской книге Имярек умер и на кладбище Вифлеемской больницы ему выкопана могила.

— Как вы его убили? — вежливо полюбопытствовал Кикин.

— В яму положат труп из подвалов Королевского общества, где никто пропажи не заметит. Человек, внешне похожий на Имярека, но с другим именем, едет сейчас в Бристоль. На следующей неделе он отправится морем в Каролину, где должен будет десять лет отработать по контракту на ферме. В благодарность за перечисленные меры — очень сложные и *дорогостоящие* — он без утайки поведал, зачем делал дыры в стенах Бедлама.

— Услышим ли мы от вас то, что он рассказал? Или вы тоже потребуете, чтобы вас отправили в Каролину подневольным работником? — спросил Тредер.

— Спасибо, нет надобности, — вежливо отвечал Даниель. — Имярек сообщил, что он — лишь один из множества громил, скокарей и ливерщиков (всё это различные специальности,

объединяемые общим названием «взломщик»), откликнувшихся на призыв, распространённый через Бимбар-яму и другие подобные заведения неназванным лицом, предположительно самим Джеком-Монетчиком. Лицо это дало понять, что интересуется некими зданиями и особенно тем, что спрятано в их стенах. Всякий, кто проникнет в перечисленные здания и добудет что-либо из стен, может прийти в Бимбар-яму и предложить добычу указанному лицу. Приобретаться будет не весь товар, а лишь определённого рода, после тщательного осмотра.

— Видимо, Джеку и впрямь очень нужны эти вещи, если он готов ради них показаться на виду, — заметил Орни.

— И его, таким образом, можно заманить в ловушку! — подхватил Тредер.

— Увы, всё не так просто, — отвечал Даниель. — Продажа будет осуществляться посредством арабского аукциона.

Господина Кикина явно позабавили недоуменные лица Тредера и Орни.

— Позвольте мне? — обратился он к Даниелю. — Ибо так русские торгуют с турками, когда мы воюем.

— Сделайте милость.

— Когда араб хочет торговать в опасной обстановке — например, с негром посреди Сахары, — он ведёт свой караван к какому-нибудь оазису, отходит довольно далеко на открытое место и складывает товар в кучу. Затем удаляется на расстояние, с которого его нельзя поразить копьём, но так, чтобы видеть своё добро. Теперь негр может без опаски подойти к товару и положить рядом то, что предлагает в обмен. Он отходит, араб приближается, осматривает принесённое негром и добавляет что-либо в свою кучу либо отбавляет из неё. Так продолжается, пока кто-нибудь из них не решит, что сделка его устраивает. Тогда он забирает предложенный товар. Второй дожидается, когда первый уйдёт, и грузит на верблюдов остальное.

— Если обойтись без верблюдов, барханов и прочих экзотических атрибутов, всё то же происходит в пустой комнате Бимбар-ямы, — сказал Даниель. — Вору и клиенту не обязательно друг друга видеть. Довольно, чтобы оба верили мистеру Нокмилдауну, а они — обоснованно или нет, не знаю — ему верят.

— У меня нехорошее чувство, что я угадал ваши намерения, — сказал мистер Тредер, — поскольку у вас теперь на руках вещи из стены Бедлама.

Но не думаете ли вы, что член Королевского общества вызовет в доме мистера Нокмилдауна недолжное любопытство, и о странном визите немедля доложат Джеку?

— План предложил сам сэр Исаак Ньютон, — отвечал Даниель. — Он привел сравнение с охотничьей стратегией, при которой козу либо другое животное, какого не жалко, привязывают на поляне в лесу, чтобы выманить хищника туда, где его легче подстрелить. Мы не знаем, что нужно Джеку, но скорее всего это есть среди найденного в Бедламе. Мы можем начать аукцион. Мистер Тредер считает, что если мы будем участвовать в нём сами, то ничего не выйдет. Сэр Исаак предвосхитил это возражение. Он посоветовал, чтобы мы, следуя его примеру, являлись на воровскую квартиру, переодетые преступниками.

Долгое зловещее молчание. Не дожидаясь, пока соклубники придут в себя и вышвырнут его за борт, Даниель продолжил:

— По счастью, мы уже сговорились с мистером Партри, для которого такие места — всё равно что церковь для мистера Орни. Он согласен выступить нашим представителем на аукционе.

— Это ещё хуже! — вскричал Кикин. — Партри зарабатывает на жизнь тем, что ловит воров!

— Нет, нет, нет! Вы так ничего и не поняли, — сказал мистер Тредер, явно досадуя на тугодумие Кикина. — Вся суть поимщиков в том, что они сами преступники — иначе как бы они ловили других преступников?

— Вы дадите ценности вору и поручите ему отнести их на самый большой воровской рынок христианского мира с тем, чтобы продать на аукционе другому вору?

— Он вор с превосходной репутацией, — отвечал мистер Тредер. — Я и впрямь не понимаю вас, сударь, вы же сами его наняли!

На это господин Кикин мог только закатить глаза, как всякий иностранец, столкнувшийся с англосаксонской логикой. Он вздохнул и отодвинулся к краю скамьи.

— Аукцион начнётся сегодня, — объявил Даниель, похлопывая по шкатулке у себя на коленях. — Мы встретимся с Партри в нашей квартире на Лондонском мосту.

— Это следующий вопрос. Как я вижу, вы взяли на себя смелость арендовать недвижимость от имени клуба! — воскликнул мистер Тредер.

Теперь пришёл черёд Даниеля закатить глаза.

— Мистер Партри и мистер Хокстон выселили из каморки над трактиром шлюху и двадцать

миллионов клопов. Если это называется «арендовать недвижимость», то «Благоразумие» — Испанская армада!

— На те деньги, что вы издержали, вполне можно было снарядить Испанскую армаду, — проворчал Орни. — Впрочем, доброе старое «Благоразумие» с меньшей вероятностью навлечёт на себя огонь из Тауэра.

Люди, сидящие под зонтами и навесами на Большом причале, не оценили красот и достоинств «Благоразумия», а некоторые даже вылезли под дождь и замахали руками — не надо, мол, сюда приставать. По большей части это были лодочники, которые опасались, что громоздкий баркас загородит половину причала и создаст им помехи на неопределённое время. Они успели высказать всё, что думают, словами и жестами, пока гребцы мистера Орни преодолевали течение со скоростью неторопливого пешехода. Однако тут на причале появился человек, который превосходил лодочников и ростом, и шириной плеч; он несколько раз прошёл по краю пирса, останавливаясь поговорить с каждым из недовольных. Все беседы были коротки и заканчивались одинаково: возмущённые лодочники поворачивали и уходили под мост. К тому времени как «Бла-

горазумие» подошло настолько, что Орни смог бросить швартов, только этот рослый малый и остался на пристани. Он поймал трос, трижды обмотал вокруг швартовой тумбы и потянул, так что «Благоразумие», разом сократив оставшиеся футы, ударилось о причал.

— Осторожно, зазор, — предупредил Сатурн.

Пассажиры вняли его словам и, шагнув через щель между бортом и пристанью, благополучно оказались на берегу. Орни отправил «Благоразумие» в Ротерхит, и Сатурн повёл членов клуба по каменному козырьку к лестнице, то ли недостроенной, то ли бестолково ремонтируемой. Они поднялись на полусогнутых, балансируя руками, как пьяные на льду. Лестница вывела их в верхний мир моста: обычную лондонскую улицу, только висящую в воздухе на каменных сваях. Слева улица ныряла под арку старинной церкви, перегораживающей мост, справа начинался противопожарный разрыв, именуемый Площадью. Вслед за Сатурном пассажиры «Благоразумия» повернули спиной к ней и Лондону и двинулись на юг, как будто хотели осмотреть Бимбар-яму с улицы. Однако гораздо раньше — менее чем в сотне шагов за церковью — Сатурн боком втиснулся в средневековый дверной проём, такой

узкий, что прямо бы он туда не прошёл. Над входом красовалась деревянная платформа размером с кухонную доску, насаженная на мачту; от неё отходили миниатюрные ванты из пеньки, изрядно подгнившие от непогоды и частично растащенные птицами на строительство гнёзд. На платформе стояла фигурка матроса с чаркой грога в руке; ниже для грамотных посетителей было намалёвано название трактира: «Грот-салинг».

Следом за Сатурном члены клуба вошли в помещение, пол которого был усыпан плетями хмеля для придания воздуху свежести (мера, надо сказать, не помогла). Немногочисленные посетители (человек шесть) сидели вдоль стен, как будто в центре трактира разорвалась граната, и их разметало по сторонам. Это были не матросы (потому что обутые) и не капитаны (потому что без париков). Видимо, в «Грот-салинге» собирался средний класс обитателей моста: шкипера, лодочники, извозчики и тому подобный люд. Все разговоры сразу умолкли, все взгляды устремились на вошедших. Трактирщик кивнул им из-за своего бастиона в углу. Члены клуба, не зная, что наплёл хозяину Сатурн, отвечали кивками и невнятным мычанием. Дверь в дальнем конце помещения вела на крутую тёмную лестницу,

не нуждавшуюся в перилах: чтобы не упасть, довольно было расправить плечи, упереться ими в стены и глубоко вдохнуть. Сатурн как-то сумел её преодолеть и через ещё одну узкую дверь протиснулся в комнату.

Впрочем, члены клуба, вошедшие за ним, увидели сперва не комнату, а то, на что смотрели её окна: Лондонскую гавань, которая выглядела запруженной древесным сором, так много здесь было судов всех размеров и форм. На «Благоразумии» они почти полдня лавировали среди этого скопления, иными словами, были его частью и могли бы привыкнуть. Однако сверху, через частый оконный переплёт, картина представала совершенно иной: множество судов, каждое из которых по-своему загружалось, разгружалось, конопатилось, смолилось, красилось, ремонтировалось, драилось, покачивалось на воде под проливным дождём — казались выставленными на обозрение клубу, словно некий деспот, одержимый страстью к морской живописи, приказал вырубить все леса в государстве и забрать всех подданных в матросы, дабы написать с натуры эпическое полотно.

Пол в комнате был просто изнанкой трактирного потолка; в широкие щели между досками

проникали полосы света и фумаролы табачного дыма.

Сильно удивила членов клуба соломенная кровля — в послепожарном Лондоне таких уже не осталось. Все некоторое время смотрели, разинув рот и словно говоря: «Да, я слыхал, что когда-то мы строили убежища из травы».

Здания на Лондонском мосту возводили методом проб и ошибок. Хозяева расширяли свои дома, надёжные в том смысле, что они до сих пор не рухнули, достраивая помещения над водой на карнизах, удерживаемых наклонными опорами. То была стадия проб. На стадии ошибок пристройки падали в Темзу: недели через две их выбрасывало волнами на побережье Фландрии, иногда вместе с мебелью и утопленниками. Те, что не падали, заселялись; со временем к ним лепили следующие. В итоге этих бесчисленных итераций мост за столетие разросся вширь, насколько позволяли Божьи законы и людская изобретательность.

Даниель, пройдя по шатким доскам в восточную часть комнаты, оказался с трёх сторон зажат окнами. Когда-то здесь был экспериментальный балкон; после того, как он простоял нескольких лет, его застеклили. Словно творог на сите, Да-

ниель висел над Темзой, удерживаемый лишь редкими досками примерно в палец толщиной. Сквозь щели он видел, как бурлит у опоры вода. На миг накатило головокружение — вечный бич Гука. Переборов слабость, Даниель посмотрел в сторону Саутуорка и довольно быстро нашёл Бимбар-яму: до её почерневшего кирпичного фасада было не больше двухсот ярдов. Для удобства наблюдений кто-то оставил на подоконнике подзорную трубу и вынул один стеклянный ромбик переплёта.

— Любуйтесь, — произнёс новый голос. — Труба не хуже, чем у вас в Королевском обществе.

Даниель обернулся и увидел Шона Партри: тот сидел в дальнем углу комнаты, по-турецки скрестив ноги, обложенный железяками, и набивал трубку.

Даниель взял трубу, раздвинул на всю длину и примостил широким концом в нижний угол вынутого ромба, куда всё тот же заботливый человек заранее положил тряпицу. Таким образом, труба фиксировалась плотно, а у Даниеля оставалась возможность немного поворачивать узкий конец. Он приложил глаз к окуляру и, наведя на резкость, увидел увеличенные окна верхнего этажа Бимбар-ямы. Некоторые были заколочены

или завешены обрывками парусины, одно стояло выбитое. За ним виднелись половицы нежилой комнаты, испещрённые белыми звёздами птичьего помёта.

— Смотреть особенно не на что, — признал Партри. — Мистер Нокмилдаун не любит соглядатаев.

— Отлично! — вынес вердикт Даниель. — Охотник, который приманивает дичь, должен устроить засидку, чтоб наблюдать за зверем — близко, но не слишком, дабы тот не увидел его и не насторожился. Эта комната удовлетворяет всем требованиям. Насчёт трубы, мистер Партри, вы правы. Линзы шлифовал мастер.

По комьям пыли и перьям от подушек можно было определить, где у прежней обитательницы стояла кровать, средство извлечения дохода. Ложе греховных наслаждений выбросили в реку и заменили мебелью из досок и бочонков. Тредер и Кикин тут же уселись, Орни двинулся было к окну, чтобы посмотреть на «Благоразумие», однако замер на месте, почувствовав, как балкон проседает под его весом.

— Что вы сказали хозяину о нас и о наших целях? — спросил мистер Тредер Сатурна.

— Что вы из Королевского общества и будете

наблюдать за течением реки.

— Он ведь так не думает?

— Вы не спросили меня, что он *думает*. Вы спросили, что я *сказал*. Думает он, что вы дельцы и расследуете случай мошенничества со страховкой, для чего вам надо следить за неким кораблем в гавани.

— Отлично — пока он будет рассказывать всем такое, никто не заподозрит, чем мы на самом деле заняты.

— О нет, он не станет этого рассказывать. *Рассказывать* он будет, что вы — диссентеры, вынужденные собираться тайно из-за последних законов, принятых по настоянию Болингброка.

— Я просто хочу сказать: пусть посетители трактира считают, что мы диссентеры.

— Нет, они так не считают. *Считают* они, что вы содомиты, — отвечал Партри, чем на время заткнул Тредеру рот.

— Неудивительно, что с нас дерут такую плату, — задумчиво проговорил Кикин, — учитывая, сколько всего творится в одной каморке.

Партри сидел на куске парусины в позе портного, только работал он с орудиями поимщицкого ремесла: наручниками, кандалами, цепями, ошейниками и замками, которые поочередно

осматривал и смазывал. Вряд ли это улучшало репутацию клуба у завсегдатаев питейного заведения внизу.

— Что предложим сегодня на аукцион? — спросил Партри.

Даниель отошёл от окна, передал трубу мистеру Орни и взял шкатулку, которую, войдя, поставил на бочку.

— Раз уж вы знаток оптики, мистер Партри, это вас заинтересует. Здесь собрание линз, иные не больше мышиного глаза, но все отшлифованы безупречно.

Партри сощурился.

— Думаете, Джек-Монетчик затеял такую кутерьму ради коробки линз?

— Думаю, ему нужно что-то из вещей Гука. Что и зачем, я не знаю. Предлагая линзы, мы показываем, что у нас и впрямь есть на продажу вещи Гука, поскольку никто больше таких не делал. Купит Джек или нет, внимание его нам сегодня обеспечено.

— Сегодня, завтра или через неделю, — поправил Партри. — Трудно сказать, сколько они пролежат в Бимбар-яме, прежде чем Джек или его представитель удосужится на них взглянуть.

С этими словами Партри забрал у Даниеля шка-

тулку, спрятал её под матросскую куртку и начал спускаться по лестнице. Сатурн пошёл следом. Сквозь щели в полу члены клуба слышали, как он просит хозяина отправить наверх четыре кружки горячего флипа.

«Охота» началась. Даниель перетащил на балкон пустой ящик и сел лицом к Бимбар-яме. Он не рассчитывал увидеть что-нибудь стоящее, но чувствовал, что так диктуют приличия. Служанка с расширенными от жадного интереса глазами внесла четыре кружки дымящегося флипа. Этот напиток из горячего пива с бренди, яйцом и пряностями обычно готовили зимой, но для нынешней погоды он подходил как нельзя лучше. Орни вытащил из кармана Библию и погрузился в чтение, не обращая внимания на ядовитые взгляды мистера Тредера. Кикин надел очки и принялся изучать внушительного вида кириллический документ. Тредер выудил из одежды карандаш и начал строчить заметки, используя бочку вместо стола. Даниель не захватил с собой ничего, чтобы скоротать время. Цепи и кандалы Партри его не привлекали. По счастью, Питер Хокстон, ярый книгочей, успел разбросать по комнате немало печатной продукции, например, английский перевод Спинозы. Даниелю хотелось

чего-нибудь полегче, и он взял памфлет.

Дипломатические предложения королевы Бонни Её Британскому Величеству, переведённые с африканского Даппой, послом в Клинкской слободе.

АПОЛОГИЯ

Вследствие умственного помрачения, охватившего мистера Уайта и внушившего ему мысль, будто он мой владелец, я некоторое время назад сменил суровую жизнь мореплавателя на отдохновение в Клинке, где нахожусь за кражу самого себя. Обвинение сие опровергнуть в высшей степени затруднительно, ибо, когда магистрат строго осведомился, обладаю ли я своей особой, я, всегда почитавший самообладание одним из своих достоинств, ответствовал утвердительно, на что магистрат ударил молотком и велел, заковав в кандалы, бросить меня в тюрьму как укрывателя краденого.

Такая перемена в моих привычках оказалась на руку некоторым обитателям этого и других государств. Мои друзья и

сородичи, давно отчаявшиеся поразить столь подвижную цель метко направленным письмом, наконец осуществили своё желание. Не проходит и дня, чтобы мне не приходили источенные червями и размокшие от морской воды послания с далёкой родины. Сегодняшнее доставил корабль, который прибыл в Лондон прямиком с Невольничьего берега, везя сундук, полный испанских пиастров — часть дохода, причитающегося, согласно условиям последнего мирного договора, правительству Её Величества за торговлю между Африкой (крупнейшим поставщиком негров) и Карибскими островами (жадным потребителем оных). Сундук передали мистеру Уайту, который прибыл на корабль в сопровождении нескольких господ, украшенных странными значками с изображением серебряной борзой; позже все они были замечены на Голден-сквер перед великолепным особняком виконта Болингброка. Увы, где-то по пути сундук прохудился, и пиастры выпали. К тому времени, как мистер Уайт вошёл в дом виконта, сундук

практически опустел. Курьеров спешно отправили назад собирать потерянное, но обычные лондонцы уже подобрали все монеты до единой. Поскольку большинство простых англичан в глаза не видели серебряной монеты — фунт стерлингов в Англии такая же редкость, как правдивый тори, — никто не понял, что это такое. Однако, узрев профиль Бурбона, патриотично настроенные англичане преисполнились гнева и зашвырнули возмутительные медальоны во Флитскую канаву, на дно которой те немедля и ушли. Итак, доходы от асиенто исчезли, хотя флитские золотари рассказывают, что безлунными ночами на берегу означенной клоаки часто видят человека, похожего на виконта Болингброка: он стоит, держа в руках плащ и дорогой костюм, сплошь расшитый серебряными борзыми, в то время как некий голый господин плещется во Флитской канаве, словно ныряльщик в тропической лагуне, и время от времени выныривает с блестящим новеньким пиастром в зубах. В награду человек на берегу бросает ему

ухо, подобно охотнику, который мясо забирает себе, а кости швыряет собакам; те же в простоте души полагают себя облагодетельствованными.

Такова судьба последних денег асиенто. Зато я счастлив сообщить, что мешок с почтой, доставленный тем же кораблём, избежал столь печальной участи, ибо его снёс на берег честный человек, позаботившийся, чтобы каждое послание достигло места назначения, даже такого смиренного, как Клинкская тюрьма.

Так у меня в руках оказалось письмо Её Африканского Величества королевы Бонни. Оно адресовано Её Британскому Величеству. Однако поскольку ни королева Анна, ни её министры не владеют языком многочисленных британских подданных на Карибских островах, Её Африканское Величество направили письмо мне с тем, чтобы я перевёл его на английский. Сие я исполнил, однако веемой попытки отправить письмо Её Британскому Величеству закончились безуспешно. Сколько я посылал его, столько оно возвращалось с пометкой:

«Получатель отказывается платить». Я заключаю, что пропажа денег, вызвавшая такую шумиху в Вестминстере, затронула и Сент-Джеймский дворец. Посему, стремясь оказать Её Британскому Величеству услугу, я принял решение опубликовать послание Её Африканского Величества в надежде, что порыв ветра занесёт какой-нибудь из листков в Сент-Джеймский дворец, избавив правительство Её Британского Величества от непосильных почтовых расходов.

Письмо начинается так:

Досточтимая сестра, Лучи Просвещения, исходящие от Вашей особы, столь сильны, что мои подданные, прежде бледные, как сироты в ирландском работном доме, загорели до черноты…

[Примеч. переводчика: здесь я опущу различные извинения, комплименты и прочая и перейду непосредственно к основной части письма Её Африканского Величества.]

Дошло до меня известие, что некие деньги, причитающиеся Вашему Величеству как законная прибыль от рабо-

торгового промысла, не попали в Вашу казну, и никакими силами сыскать их не удаётся. Новость сия воистину примечательна, ибо сходные недостачи отмечены на двух других сторонах торгового треугольника. Как то: предполагается, что на Карибские острова доставят определённое количество моих подданных. В невольничьих фортах на побережье Гвинеи капитаны принимают их по строгому счёту и вносят в списки. Тем не менее несколькими неделями позже те же корабли прибывают на Ямайку, Барбадос и прочая наполовину пустыми; немногие выжившие невольники, выгружаемые из зловонных трюмов, находятся в столь жалком состоянии, что значительную часть бросают на берегу, ибо ни один плантатор не хочет их покупать. Подобные же упущения я могу наблюдать из своего королевского двора в Бонни. Нам внушили, что торговля принесёт Африке цивилизацию, христианство, просвещение и прочие блага. Вместо цивилизации мы каждодневно получаем целые корабли белых дикарей, которые свирепствуют

в наших краях, словно орды викингов в женском монастыре; вместо христианства нам экспортируют языческий взгляд, оправдывающий рабовладение тем, что оно было у римлян. Вместо света просвещения нас окутывает тьма бесчинств и пороков.

В рассуждение того, что ни одна из сторон торгового треугольника не действует, как положено: цивилизация не попадает в Африку, рабы — в Америку, а деньги — в казну Вашего Величества, предлагаю списать затею как неудачную и немедленно положить ей конец.

Честь имею оставаться Вашего Британского Величества смиренная слуга, но (пока ещё) не покорная раба,

БОННИ

Даниель с улыбкой поднял глаза и уже хотел зачитать листок вслух, но был парализован змеиным взглядом мистера Тредера.

— Завтра же я принесу сюда Библию короля Якова, — объявил тот, — чтобы доктор Уотерхауз мог последовать достойному примеру своего единоверца, — (быстрый взгляд в сторону мистера

Орни), — и перейти от пасквилей к Писанию!

Даниель отложил листок и некоторое время смотрел в окно. Минут пять спустя он различил еле заметное движение на фасаде Бимбар-ямы. Что-то изменилось в одном из окон верхнего этажа. Даниель медленно встал, не решаясь отвести взгляд; так огромна была панорама Лондона, гавани и Саутуорка, открывавшаяся с балкона, что эту йоту потерять было легче, чем пузырик в штормовом море. На то, чтобы раздвинуть, навести и сфокусировать подзорную трубу, ушла целая вечность. Тем не менее в итоге Даниелю удалось чётко увидеть окно, почти целиком завешенное парусиной, но с человеческой рукой, по виду существующей отдельно от тела; она держала занавесь и принадлежала, как это свойственно рукам, человеку; он стоял спиной к к окну и придерживал парусину, надо думать, с целью впустить в комнату свет. Затем рука исчезла, занавесь вновь закрыла всё окно. Тут многие повернулись бы, чтобы бросить какое-нибудь замечание товарищам, и потеряли бы окно, на которое смотрели. Однако Даниель из умственной дисциплины, выработанной пятьдесят лет назад, не шелохнулся, пока не запомнил некоторые особенности искомого окна: шов на

парусине в верхнем правом углу и два более светлых кирпича в подоконнике. Только после этого он повернул трубу вбок, заставив изображение двигаться со скоростью, казавшейся значительно больше из-за увеличения, и сосчитал окна до края здания (три); затем повёл её назад и убедился, что сможет вновь отыскать нужное окно. Лишь теперь он оторвал глаз от окуляра и сообщил остальным о том, что увидел.

Партри вернулся через полчаса, а Сатурн — на десять минут позже. Они заранее условились, что Партри пойдёт один, а Сатурн — на некотором отдалении, чтобы проверить, не увяжется ли за ним кто-нибудь на обратном пути. Итак, Сатурн отыскал трактир напротив Бимбар-ямы и дождался, пока выйдет Партри. Посидев ещё несколько минут, он увидел, что за Партри и впрямь идут двое мальчишек; однако на профессиональный взгляд Сатурна то были не шпионы Джека или мистера Нокмилдауна, а всего лишь предприимчивые карманники, которые, совершив одну сделку в Бимбар-яме, присмотрели Шона Партри как следующую перспективную жертву. Сатурн знал обоих по прошлым делам, о которых не стал перед клубом распространяться. Как бы случайно подойдя к ним на мосту, он мимоходом обронил,

что сейчас в «Грот-салинг» вошёл сам знаменитый поимщик Шон Партри, так-то одетый. Мальчишки, услышав его, немедля отправились на поиски менее опасной добычи.

Партри рассказал о своём визите в Бимбар-яму — быстро, потому что ничего особенного не произошло. Внизу есть своего рода «приёмная», где подают напитки; Партри высказал догадку, что пока посетители ждут там, их разглядывают через дырки в стенах. Он изложил цель своего визита; спустя какое-то время его провели к некоему Роджеру Роджерсу, помощнику мистера Нокмилдауна. Тот объяснил, что хозяин сейчас в одной из своих факторий ниже по реке, но оставил распоряжения на случай нынешней ситуации, каковые распоряжения Роджерс и выполнил. По ходу дела Партри пришёл к выводу, что до сих пор ещё ни один взломщик не откликнулся на объявление, сделанное Джеком много недель назад. Итогом стала череда комических недоразумений. Роджерс водил Партри по Бимбар-яме, ища место для арабского аукциона и натыкаясь то на несметную сокровищницу краденых часов, то на шлюху, ублажающую разом трёх накачанных джином одиннадцатилетних карманников. Партри принялся рассуждать вслух: комната

должна быть светлой, чтобы покупатель смог рассмотреть предложенный товар. Хорошо бы окнами на реку, чтобы туда не заглядывали с улицы. Лучше на верхнем этаже, чтобы не вводить во искушение воров. Предлагая такие советы всякий раз, как Роджерс оказывался в растерянности, Партри незаметно добился того, чтобы его привели в комнату верхнего этажа, окнами на реку, и даже чтоб Роджерс отодвинул занавеску. Партри рассчитывал, что это увидят из засидки в «Грот-салинге», и не ошибся.

Итак, первая заявка на арабском аукционе была сделана. Дальше беседа стала очень скучной, что обнадеживало, поскольку именно в такого сорта скучных делах люди вроде Тредера или Уотерхауза особенно сильны. Слежку за Бимбар-ямой предстояло вести круглосуточно. Сатурн вызвался ночевать в засидке, что заметно ускорило обсуждение и дало Сатурну возможность откланяться. Составили расписание, по которому Орни, Кикин, Тредер и Уотерхауз разделили между собой дневные часы. Остались дыры; члены клуба надеялись, что их заткнёт Ньютон или даже Арланк. Партри следовало заглядывать в Бимбар-яму раз или два на дню, смотреть, не оставил ли что-нибудь покупатель, затем, покружив

по улицам и убедившись, что нет слежки, идти в «Грот-салинг» и отчитываться перед дежурным. Тот должен был внести запись в журнал, дабы остальные члены клуба знали, что происходит.

Таким образом весь ход «охоты», сколько б она ни продолжалась, можно было за несколько минут проследить по журналу. Первая запись от 12 июля просто излагала предшествующие события. Её сделал Даниель, взявший на себя первое дежурство от ухода остальных до появления на лестнице Сатурна, толкавшего впереди себя свёрнутый матрас.

13 июля, утро

Ночь провёл приятнее, нежели ожидал. Дабы скоротать время, закрепил подзорную трубу мистера Партри так, чтобы она была постоянно направлена на искомое окно. Увы, даже отблеск свечи не вознаградил моё неусыпное бдение. Будем молить Небо, чтобы всё закончилось до зимы, ибо по ночам здесь холодно даже в теперешнее время года, чем дополнительно объясняется манера бывшей постоялицы проводить в постели круглые сутки. С наступлением темноты летучие мыши выбираются из убежищ под кровлей и летают между половицами. Однако вас, ведущих дневной образ жизни, сказанное смущать не должно.

Питер Хокстон, эсквайр

13 июля, день

Ничего.

Кикин

13 июля, вечер

В четыре часа пришёл Партри с места аукциона. Доложил, что рядом с линзами оставлен медный жетон наилегчайшего веса. Я отправил записку доктору Уотерхаузу. Следующий ход наш. Господа?

Тредер

13—14 июля, ночные раздумья

Он мог бы не предложить нам ничего, а предложил что-то. Мне затруднительно постичь истинный смысл смиренной медяшки. Однако, считая летучих мышей ночь напролёт, я пришёл к следующему умозаключению: Джеку (либо его представителю) не нужны линзы. Посему он предложил оскорбительно малую плату. Тем не менее он желает продолжить аукцион. Теперь нам следует добавить к куче что-нибудь ещё.

Питер Хокстон, эсквайр

14 июля, день

Согласен с гипотезой Сатурна (см. выше). Принёс чертёж летательного аппарата, найденный в стене Бедлама. Кто следующий увидит мистера Партри, попросите его отнести чертёж в Бимбар-яму и забрать линзы.

Др. Уотерхауз

14 июля, вечер

Воистину дикарский способ заключать сделки. Разобрал инструкции, оставленные братом Даниелем, и зачитал их неграмотному мистеру Партри. Он отбыл с чертежом и, Бог даст, вернётся с линзами. N. B. Вечерние дежурства весьма тягостны ввиду того, что посетители «Грот-салинга» поют и курят табак. Готов обменять моё вечернее дежурство 17-го числа на утреннее в любой день, кроме завтрашнего.

Орни

15 июля, утро

Вчера наш Меркурий[19] возвратил линзы в целости и сохранности. Около полуночи я наблюдал свет из интересующего нас окна. В подзорную трубу удалось различить увеличенную и сильно искажённую человеческую тень на холщовой занавеси. Разумно предположить, что в помещении горел фонарь либо свеча. Сожалею, что не могу подробно описать того, кто отбрасывал тень. Через несколько минут свет погас.

В два часа постучал некто, рассчитывавший найти содомита. Вынужден был его разочаровать.

Питер Хокстон, эсквайр

15 июля, день

Ни пения, ни содомитов, ни Меркурия.

Кикин

15 июля, вечер

Повторяю просьбу избавить меня от

---

[19] Примечания: 19
Партри.

гнусных пороков, свободно практикуемых внизу. Готов обменять вечерние часы на утренние по выгодному курсу.

Партри доложил, что за чертёж нам предложили серебряный пенни в хорошем состоянии. Я отправил записку брату Даниелю.

Орни

16 июля, утро

Вчера в пять минут десятого уже привычное мне одиночество было скрашено нежданным, тем не менее весьма приятным появлением доктора Уотерхауза. Он получил записку мистера Орни и видит в сегодняшних новостях подтверждение тому, что Джека либо его представителя более интересуют Гуковы писания, нежели изделия его рук. Он привёз бювар с химическими рецептами, записками и прочая, найденными в стенах Бедлама, и предложил положить их на место чертежа летательного аппарата. Результат покажет (заимствуя выражение из детской игры), теплее это или холоднее.

Питер Хокстон, эсквайр

16 июля, вечер

Готов взять на себя завтрашнее вечернее дежурство мистера Орни, если взамен он отдежурит за меня 18-го и 19-го днём.

Тредер

P. S. Ничего не произошло.

P. P. S. Нашёл пение и прочая вполне невинным и даже подпевал.

17 июля, ночь

Около семи часов вечера мы с мистером Орни и мистером Партри случайно оказались здесь в одно время. Мистер Партри забрал химические записки и отбыл по направлению к Бимбар-яме в 19.04, сказав, что скоро вернётся. Однако когда колокола св. Олафа и св. Магнуса-мученика вновь заспорили о времени, его ещё не было. Ведя наблюдения, я отметил, что занавеска на интересующем нас окне полностью отдёрнута, впуская остатки вечернего света, и в подзорную трубу различил рыжеволосого человека, который расхаживал по комнате. Полагаю, что это был мистер Нокмилдаун. За столом сидел человек в тёмном платье и методично перебирал содержимое бювара, из чего я заключил, что мистер Партри доставил бумаги по назначению. Движимый отчасти тревогой за нашего поимщика, отчасти надеждою лучше рассмотреть человека в чёрном (ибо через окно мало

что увидишь), я в 20.10 вышел из «Гротсалинга», оставив на посту мистера Орни, и двинулся на юг по Лондонскому мосту. До парадной двери Бимбар-ямы, ведущей в приёмную, я добрался примерно к 20.13. Опасаясь любопытных глаз, я не стал входить, а некоторое время прогуливался по соседним улочкам (опыт, который я никому из членов клуба не рекомендовал бы повторять, ибо проулки вблизи факторий мистера Нокмилдауна кишат грабителями и прочая, как скотобойня — мухами), пока в 20.24 из тупика, образуемого тремя строениями Бимбар-ямы, не показался экипаж (наёмный, без каких-либо примет). Я следовал за ним до Больших каменных ворот, каковые он миновал в 20.26.30. Отсюда я смотрел, как экипаж едет через мост. Он оставил позади церковь св. Магнуса-мученика (другими словами, исчез в Лондоне) в 20.29.55: довольно быстро, поскольку движение по мосту было свободным. Примечательно, что от Лондонского Сити до штаб-квартиры мистера Нокмилдауна всего двести секунд: материал для

проповеди, который я охотно уступаю всем желающим гомилетикам. По пути к Бимбар-яме я встретил на Тули-стрит мистера Партри с чертежом летательного аппарата под мышкой и, следуя нашему обыкновению, сделал вид, будто мы незнакомы. Дав крюк по соседним проулкам, я последовал за ним, на некотором отдалении, в «Грот-салинг».

Мистер Партри объяснил, что наш аукцион подобен колесу: сперва его заедало, теперь оно разогрелось и крутится как следует. Раньше покупатель приходил осматривать товар лишь через день-два. Однако сегодня, когда мистер Партри менял чертёж летательного аппарата на химические записки, он встретил самого мистера Нокмилдауна, и тот шепнул, что если мистер Партри посидит и пропустит стаканчик-другой, он сможет недолгое время спустя зайти в аукционное помещение и увидеть ответ. Мистер Партри отправился ждать, но не в приёмную, а в уютный маленький бар, предназначенный для личных гостей злочестного руководства, и в 20.23 (ибо я научил его

определять время и снабдил часами, сверенными с моими), получив знак одного из служащих, вернулся в аукционную комнату. Там он увидел, что содержимое бювара просмотрено и рядом оставлен золотой луидор. Партри его не взял, давая понять, что в ближайшие день-два добавит к нашей куче что-то ещё.

Мистер Орни отправился к доктору Уотерхаузу, чтобы лично сообщить новость. Перед уходом он поделился со мною следующим щекотливым делом: мистер Орни считает, что предложение мистера Тредера обменять вечерние часы на утренние по курсу один к двум не заслуживают даже презрения, а уж тем более вежливого ответа. Он не знает, как довести это до сведения мистера Тредера. Поскольку я человек исключительно невежливый, никто лучше меня не справится с такой задачей, что настоящим и выполняю.

Питер Хокстон, эсквайр

18 июля, утро

Попрошу членов клуба не засорять журнал дрязгами по поводу времени дежурств. Расписание всё равно нарушено вчерашними событиями. Я посоветовался с сэром Исааком. Он полагает, что угадал желания покупателя, и я с ним согласен. Однако мы не хотим продавать оригинал документа этому человеку, кто бы он ни был, посему заняты сейчас изготовлением копии, с некоторыми изменениями, так что она будет совершенно бесполезной (документ представляет собой химический рецепт, написанный на своего рода философском языке, то есть практически шифром; я достаточно знаю этот язык, а сэр Исаак — алхимию, чтобы вместе мы могли создать вполне убедительную подделку). Тем временем мистеру Хокстону поручено изготовить две неотличимых с виду шкатулки, посему ближайшие дни, а буде понадобится, и ночи он проведёт в Клеркенуэлл-корте.

Остальных членов клуба я бы попросил договориться между собой, кто какие часы возьмёт, не прибегая для этого к журналу.

Др. Уотерхауз

18 июля, вечер

Провёл здесь почти сутки в одиночестве. На царской службе приходилось терпеть и не такое.

Кикин

18 июля, полночь

(Писано без подготовки.) Наброски следует вверять черновым тетрадям, где их не увидит чужой глаз. Я взял себе за твёрдое правило многократно переписывать документы, которые намерен представить вниманию других лиц либо коллег. Однако обстоятельства, приведшие к возникновению клуба, членом коего я с недавних пор имею честь состоять, столь необычны, что извиняют неотшлифованность моих торопливых строк.

Доктор Уотерхауз (который, пока я пишу, спит на полу возле) и я извлекли из долгого бдения господина Кикина неоспоримую пользу: мы изготовили документ в несколько страниц, с виду неотличимый от оригинала, составленного в 1689 году покойным мистером Гуком, сиречь написанный на такой же бумаге, сходными чернилами и сходным почерком, в тех же величавых, но туманных каденциях философского языка и теми же скупыми знаками истинного алфавита. Подобно исходному тексту мистера Гука, который документ по большей части воспроизводит, это якобы рецепт лекарственного эликсира столь сильного, что он способен воскрешать мёртвых, включенный в рассказ о странных событиях под куполом Бедлама. На самом деле рецепт бесполезен по двум нижеизложенным причинам:

Во-первых, для него, как и для исходного рецепта, записанного мистером Гуком, потребна в качестве одного из ингредиентов таинственная субстанция; поскольку природа её не разъясняется,

ни один другой исследователь не сможет воспроизвести полученный мистером Гуком результат (изъян, свойственный многим другим трудам упомянутого автора, а также возможная причина, по которой он замуровал рецепт в стене).

Во-вторых, некоторые инструкции сознательно искажены, по моему указанию, и тот, кто в точности их исполнит, получит зловонный и безобразный осадок, называемый у алхимиков фекалиями.

Покуда мы в храме Вулкана корпели над химическим умопостроениями, мистер Хокстон и несколько его подручных во Дворе технологических искусств (пользуясь термином моего сонливого коллеги) смастерили две великолепные шкатулки из чёрного дерева и слоновой кости. Они сделаны совершенно неотличимыми посредством следующего метода: каждая деталь изготавливалась в двойном количестве и сами шкатулки собирались рядом на одном верстаке. Всякий документ, помещённый в такое хранилище, приобретает большую значимость, по крайней мере в глазах человека, падкого

до внешних обольщений.

Одна из парных шкатулок сейчас в Клеркенуэлле, где мистер Хокстон трудится над дальнейшим её усовершенствованием. Вторую, вложив в неё поддельный документ, мы с доктором Уотерхаузом доставили в «Грот-салинг». Здесь мы сменили на посту стойкого господина Кикина и остались дожидаться мистера Партри.

Поскольку Партри не способен прочесть написанного на этих страницах, я позволю себе отозваться о нём свободнее, чем ежели бы подозревал, что он может в будущем ознакомиться с моими заметками. Прошу у клуба прощения за то, что предлагаю непрошеные советы. Хотя все его члены суть мужи зрелые и многоопытные, сам клуб пребывает в том возрасте, в каком, будь он младенцем, не обрёл бы ещё способности ползать и даже ворочаться в колыбели. Я вступил в его ряды последним, однако преследованием монетчиков занимаюсь уже более двух десятилетий, посему имею основание полагать, что мои суждения, тщатель-

но взвешенные и разумно изложенные, будут небесполезны для членов клуба и заслуживают тех нескольких минут, что потребуются для их прочтения.

Я не стал бы нанимать Партри. Легко понять джентльменов, прибегающих к услугам поимщика, дабы проникнуть в гнусные притоны, где обретаются монетчики, ибо нахождение в подобных притонах равно отвратительно и опасно. И всё же Диас не открыл бы Мыс Доброй Надежды, если бы не отправился в трудное плавание, из которого мог не вернуться; анналы Королевского общества хранят многочисленные свидетельства об учёных, не щадивших здоровья и даже жизни, ибо того требовало отыскание истины. Вот почему я давно взял в обычай наносить на лицо сгущённый сок бразильской гевеи, дабы придать ему вид изъязвленного болезнью, и прочая, и прочая; преобразив, таким образом, свою внешность, я инкогнито посещаю тюрьмы, кабаки и другие подобные заведения с намерением видеть и слышать собственными органами чувств то, что

презренный поимщик бессилен ясно воспринять и связно изложить.

Когда клуб удостоил меня своим членством, Партри был уже нанят, и я не предлагаю уволить его сейчас. Отказаться от услуг Партри на данной стадии аукциона значило бы заронить у покупателя серьёзнейшие сомнения. Однако, читая журнал, я не мог не отметить, что все сведения о Бимбар-яме получены со слов мистера Партри, за исключением мимолётных и нечётких образов в окне. Желая убедиться, что он, подобно Гамлетову дяде, не льёт яд в ваши сонные уши, я вознамерился самолично посетить Бимбар-яму вместе с мистером Партри. Доктор Уотерхауз, в тревоге за моё благополучие, высказался против, однако, хорошо меня зная, прекратил свои увещевания прежде, нежели они сделались назойливыми. Мистер Партри воспротивился с горячностью, поначалу усилившей мои нехорошие догадки, однако, немного оправившись от изумления, нехотя согласился. Впрочем, увидев, как я в мгновение ока преобразил свою

внешность посредством латекса и театрального клея, а также сменой одежды, осанки и поступи, он заметно успокоился и не возразил больше ни словом. Мы двинулись к Бимбар-яме с интервалом в десять минут. Я шёл первым, изображая торговца часами, который, движимый нуждой, восхотел приобрести товар по ценам, каких честный человек предложить не может. После того как я устроился в «приемной», вошёл мистер Партри, неся шкатулку, завёрнутую в чёрную тряпицу. Внутри неё содержалась первая из страниц рецепта, составленного мною и доктором Уотерхаузом.

Было бы лишним излагать дальнейшие подробности, ибо я увидел более или менее то, что рассказал вам Партри. Мои подозрения, по крайней мере в части Бимбар-ямы и аукциона, оказались безосновательны. Шкатулка сейчас в аукционной комнате, дожидается покупателя. Партри ушёл туда, где уж он ночует. За время моего отсутствия доктор Уотерхауз заснул на часах; в армии за такое подвергают телесным наказаниям, как в клубе, не знаю. Я отстою первую ночную стражу, а его разбужу, как только пробьёт два.

Сэр Исаак Ньютон

19 июля, утро

Сэр Исаак не преминул разбудить меня в указанное время. С тех пор я не набл. ничего. Однако я покривил бы душой, утверждая, будто мои глаза постоянно были открыты.

Др. Уотерхауз

19 июля, полдень

Если бы брат Даниель переборол искушение закрыть глаза, он приметил бы свет в интересующем нас окне. Ибо в десять утра мистер Партри пришёл с известием, что подле шкатулки оставлена монета в пять гиней (sic). Кто-то посмотрел первую часть рецепта и остался доволен увиденным; я готов побиться об заклад на собственные пять гиней, что за следующую странницу нам предложат такую же сумму.

Орни

19 июля, вечер

Отправил Партри в Бимбар-яму со второй страницей, однако мне не нравится оборот, который принимают наши дела. Что мешает покупателю переписать рецепт и оставить нас ни с чем?

Тредер

20 июля, раннее утро

Свет горел за грубой завесой на инте-

ресующем нас окне в течение более чем часа, подтверждая опасения мистера Тредера.

Я могу развеять их, сообщив некоторые подробности касательно шкатулки. Как убедится всякий, кто возьмёт на себя труд внимательно её осмотреть, она с двойным дном. Нижнее отделение заперто; открыть его можно только ключом, который мы пока оставили у себя. Если покупатель доберётся до четвёртой страницы, он обнаружит пассаж, согласно которому необходимый для рецепта ингредиент спрятан в нижнем отделении шкатулки. Просто переписав четыре страницы, он не получит ничего, кроме боли в пальцах. Ему нужны шкатулка и ключ, которого он не получит, пока не заплатит.

Также напоминаю мистеру Тредеру, что наша цель — не получить плату, а приманить покупателя.

Питер Хокстон, эсквайр

20 июля, полдень

Ничего.

Орни

20 июля, вечер

Мистер Орни выиграл бы пари, если бы кто-нибудь опрометчиво согласился с ним спорить; Партри сообщил, что на первую монету положена вторая такая же. Я взял на себя смелость отправить страницу номер 3.

Кикин

21 июля, ранние часы

Набл. дальнейшая деятельность. Подозреваю, что покупатель копирует или расшифровывает рецепт.

Питер Хокстон, эсквайр

21 июля, полдень

Согласен, что наше предприятие — ловушка, а не законная коммерческая транзакция. Однако, по мере того, как стопа пятигинеевых монет устремляется к небесам, во мне растёт искушение заняться продажей философических бумаг. Партри сообщил, что нам предлагают уже пятнадцать (sic) гиней. Я отправил с ним четвёртую и последнюю страницу.

Тредер

21 июля, полночь

Рано вечером занавесь была полностью отдёрнута, и я вновь наблюдал нашего тёмного философа за работой. Он носит капюшон, вот почему я не мог разглядеть его лица. Возможно, оно обезображено оспой или обожжено в ходе алхимических опытов. Во тьме рядом с его плечом подрагивало серое гусиное перо, покуда он прилежно марал чернилами страницу за страницей. Затем холстина вновь опустилась, и до 23.12.30 в окне мерцал слабый свет.

Питер Хокстон, эсквайр

22 июля, полдень

Катастрофа. Партри доложил, что все пятигинеевые монеты исчезли, а на их месте лежит серебряный пенни.

Орни

22 июля, вечер

Позволю себе не согласиться с братом Норманом. Это не катастрофа, а явный знак со стороны покупателя, что он верно расшифровал рецепт и понял, что всё написанное бесполезно без ингредиента, который якобы находится в нижнем отделении шкатулки. Я отправил Партри в Бимбар-яму с ключом и буду оставаться в «Грот-салинге» вплоть до завершения охоты.

Др. Уотерхауз

23 июля, полдень

Мистер Партри ушёл в Бимбар-яму на рассвете. Он уговорил мистера Нокмилдауна пустить его в кладовую непосредственно под аукционной комнатой. Половицы в здании таковы, что даже кошка не пройдёт от двери к столу, не вызвав канонады скрипов и тресков. Как только мистер Партри услышит подобные звуки, он…

— Ваша пинта, сударь.

— Весьма любезно с вашей стороны, Сатурн, —

сказал Даниель, опуская перо в чернильницу и вновь бросая взгляд на далёкое окно, за которым попыхивал трубкой Партри. — Как вы догадались, что мне пришло желание выпить?

— Меня самого посетило такое желание, — сказал Сатурн.

— Тогда почему вы не принесли две кружки?

— Вы забываете, что я — образец трезвости. Я буду получать удовольствие вприглядку.

— Рад служить. — Даниель отпил глоток. — Сигнала от мистера Партри пока не было, — добавил он, заметив, что карие глаза Сатурна изучают страницу, ещё влажную от чернил. — Я всего лишь освежал записи.

— Дозвольте спросить, почему вы не пишете их истинным алфавитом, коли он так хорош? — поддразнил Сатурн.

— Он очень хорош. Гораздо более удобен для изложения знаний, чем английский или латынь. Вот почему я посвятил несколько лет его усовершенствованию и переводу в числа.

— А, — сказал Сатурн, — значит, шифр, который женщины в Брайдуэлле набивают на карты, — потомок истинного алфавита?

К тому времени он успел обменяться с Даниелем местами и занять позицию на балконе, так

надоевшем им за последние одиннадцать дней.

Даниель переложил журнал на ящик и начал посыпать запись песком.

— Не столько потомок, сколько брат. Их общий отец — философский язык, способ классификации идей. Как только идея внесена в таблицы философского языка, она получает соответствие в виде числа или набора чисел.

— Что-то вроде декартовых координат, — задумчиво произнёс Сатурн, — которыми можно отмечать блуждания наших мыслей.

— Сходство лишь частичное, — предупредил Даниель. — Чтобы избежать неоднозначности, в философском языке — по крайней мере, в Лейбницевой его версии — используются только простые числа. В этом он принципиально отличен от числовых осей Декарта. Так или иначе, философский язык, поскольку он состоит из идей и чисел, можно записать каким угодно способом. Двоичный шифр нашей логической машины — один из них. Когда я был молод, Джон Уилкинс изобрёл другой — истинный алфавит, — который некоторое время был очень популярен в Королевском обществе. Гук и Рен широко им пользовались.

— Кто пользуется им теперь?

— Никто.

— Тогда как тёмный философ может его читать?

— Тот же вопрос мучает и меня.

— Ваш Уилкинс, верно, опубликовал словарь или ключ…

— Да. Я помогал его составлять в Чумной год. Корректура сгорела при Пожаре. Однако книга была напечатана, и её можно найти во многих библиотеках. Тем не менее, чтобы пойти в библиотеку и заглянуть в нужную книгу, наш загадочный покупатель должен был опознать в чудных значках на странице буквы истинного алфавита. Задумайтесь: если бы я показал вам, Питер, страницу на малабарском, догадались бы вы обратиться к малабарскому словарю?

— Нет, ибо мои глаза, многое изведавшие, никогда не видели малабарских письмен и не отличили бы их от японских или эфиопских.

— Вот именно. А наш покупатель, судя по всему, узнал истинный алфавит с первого взгляда.

— Так ли это удивительно, принимая в рассуждение, что он знал, где можно найти спрятанные вещи Гука? Можно заключить, что ему многое известно о Королевском обществе.

— Я полагал, что сведения о том, где искать

вещи Гука, получены им от Анри Арланка — привратника в Королевском обществе.

— Я знаю, кто это.

— Надо же! Откуда?

— Он работал у гугенота-часовщика, с которым я вёл дела до того, как начал пить и покатился под гору. Некоторые члены Королевского общества были клиентами этого часовщика. Там они познакомились с Арланком, и так Арланк стал привратником в Крейн-корте.

— До недавнего времени, — сказал Даниель, — я думал, что Арланк передаёт сведения Джеку-Монетчику или кому-то в его организации, то есть лицу, несведущему в натурфилософии.

— В вашей гипотезе есть один изъян, док. Зачем такому субъекту изъеденные мышами вещи покойного естествоиспытателя?

— Невежественные люди воображают об учёных невесть что. Алхимики часто работают с золотом. Возможно…

— И всё же гипотеза не выдерживает пристального рассмотрения.

— Да! — нетерпеливо воскликнул Даниель. — Я её отбросил.

— Могли бы сказать чуть раньше, — проворчал Сатурн. — И какова же новая гипотеза?

— Покупатель — член Королевского общества либо внимательно изучал его ранние годы. Он много знает про Гука, про истинный алфавит и…

Даниель замолчал.

— И?

— Про яды. Недавно было совершено покушение на принцессу Каролину. Её пытались убить кинжалом, смоченным в никотине.

— Чертовски странно, — пробормотал Питер Хокстон. — При том, что в нашем падшем мире не счесть куда более простых способов умерщвления.

— В шестидесятых — золотую пору Гука, эпоху истинного алфавита — некоторые члены общества увлеклись экспериментами с никотином.

— Тогда всё очевидно? — спросил Сатурн.

— Что очевидно?

— Злоумышленник — сэр Кристофер Рен!

Сатурн всего лишь хотел дерзко пошутить и пришёл в ужас, когда Даниель всерьёз задумался над его словами.

— Вы хотите сказать, потому что он — один из немногих доживших до сегодняшнего дня представителей того времени? — проговорил наконец Даниель. — Мысль хорошая. Но нет. Это сделал не Рен, не Галлей, не Роджер Комсток и не

кто-либо ещё из тогдашних членов Королевского общества. Предположим, я решил кого-то убить. Стал бы я готовить никотин? Нет. Нет, Питер, это сделал кто-то из более молодого поколения. Он одержим болезненной страстью к Королевскому обществу тысяча шестьсот шестидесятых годов и потратил неимоверное количество времени на чтение наших анналов.

— Зачем?

— Зачем? Когда юноша влюбляется в определённую девушку и преследует её, не страшась разгневанной родни, спрашиваете ли вы, зачем?

— Это другое дело.

— Возможно.

— Ручаюсь, другое. Покупателю что-то нужно, и, сдаётся мне, вы знаете что. Откроете ли вы секрет?

— Я скрывал его не потому, что таюсь от вас, — вздохнул Даниель, — а потому, что самая тема мне глубоко неприятна. Покупатель ищет философский камень.

Сатурн театрально хлопнул себя по лбу.

— Можно было и не спрашивать!

— Он слышал по крайней мере часть истории о человеке, умершем в Бедламе при удалении камня и якобы воскрешённом эликсиром Еноха

Роота.

— А, значит, так звали…

— …фигурировавшего в рассказе алхимика. Если вы верите в алхимию, то для вас история подразумевает, что эликсир был изготовлен с применением чего-то вроде философского камня. Согласно учению алхимиков, камень этот получают соединением философской ртути с философской серой. Откуда, спросите вы, их взять? Разные алхимики дают разный ответ. Однако многие считают, что царь Соломон был алхимиком и знал, как добыть философскую ртуть. С её помощью он обращал свинец в золото.

— Тогда понятно, откуда его богатства!

— В точку. Так вот, считается, что если заполучить кусочек Соломонова золота и поместить в пробирную купель, из него можно извлечь следы философской ртути. Думаю, наш покупатель где-то прослышал об алхимическом воскрешении в Бедламе двадцать пять лет назад и решил, что самый простой способ заполучить образчик философской ртути…

— …обшарить Лондон в поисках Гуковых вещей и записок.

— Да. Теперь судите сами. Я приехал в Лондон и начал искать наследие Гука. Арланк был первым,

к кому я обратился. Он сказал об этом кому-то в организации Джека, и вскоре известие достигло нашего покупателя.

— Который и прежде склонен был полагать, что Гук где-то спрятал бесценное сокровище.

— Да. Вообразите его чувства!

— Он должен был всполошиться, что вы ищете то же самое и найдёте быстрее.

— Да. Как мы теперь знаем, итогом стала серия взломов. Я довольно смутно представлял их цель, пока мы не нашли документы в стене Бедлама. Тогда всё стало ясно. И тогда же мы поняли, что покупатель ничего не найдёт, поскольку Гук упомянул некий ингредиент, но не объяснил, как его добыть. Потому-то документ и не годился в качестве приманки.

— И вы с сэром Исааком изготовили фальшивку.

— А также шкатулку для неё, — сказал Даниель. — Покупатель убеждён, что в нижнем отделении шкатулки хранится кусочек Соломонова золота.

— Что ж, недолго ему так думать, — заметил Сатурн, пристально глядя в окно.

— Почему?

— Потому что Шон Партри машет мне из окна

под аукционной комнатой.

Даниель вздрогнул и пролил чернила. Они чёрной параболой выплеснулись на страницу журнала и закапали на пол.

Сатурн вскочил и, не сводя глаз с Бимбар-ямы, махнул рукой.

— Куда указал Партри? — спросил Даниель, отступая от черной лужи. Чернила уже отыскали щель между досками. Из комнаты внизу доносились крики и шум.

— В сторону моста. — Сатурн наконец оторвал взгляд от окна, чтобы посмотреть на часы.

— Значит, покупатель должен проехать мимо нас…

— Меньше чем через две минуты, — подтвердил Сатурн. — Правда, движение сегодня оживлённее, чем когда я засекал время. Я на своих двоих скорее всего успею его обогнать, а вы постарайтесь взять портшез или извозчика.

И Сатурн устремился вниз по ступеням впереди Даниеля, к счастью последнего, потому что несколько забрызганных чернилами посетителей «Грот-салинга» уже собрались у основания лестницы. При виде Сатурна они несколько умерили боевой пыл и расступились; Даниель успел проскочить за ним в образовавшийся просвет.

— Наша работа закончена, — бросил Сатурн через плечо. — Весь ущерб будет возмещён скоро, но не сейчас.

С этими словами он протиснулся в дверь и выбежал в людской поток на мосту.

Сатурн поглядел влево — на Саутуорк и Бимбар-яму, однако повернул вправо, рассчитывая, что экипаж покупателя его нагонит. К тому времени, как Даниель выбежал на улицу, Сатурн уже продвинулся на несколько широких шагов в направлении Лондона. Даниель тоже поглядел влево, но без всякого результата. Он не обладал ни ростом Питера Хокстона, чтобы видеть поверх голов, ни его молодостью; после тёмного помещения старческие глаза медленнее приспосабливались к яркому свету на улице.

Ему велели взять портшез или экипаж. Ни один здравомыслящий извозчик не станет ждать пассажиров у «Грот-салинга». Даниель подумал, что карету или портшез можно нанять на Площади, чуть севернее. Поэтому он повернул вправо и начал пробиваться через толчею.

Как шкипер утлого судёнышка, затёртого ледяными торосами, Даниель не мог сам выбирать путь, но следовал общему течению, ныряя в каждый открывшийся просвет, пока тот не схлоп-

нулся и не раздавил ему рёбра. По сравнению с Сатурном Даниель двигался очень медленно и потерял из виду чёрную кудлатую голову раньше, чем добрался до церковной арки.

Каждый судоходный пролёт моста носил своё название. Даниель, ничего не видевший кроме голов и плеч, мог прикинуть по шагам, что находится над пролётом Длинного входа, самым узким и, следовательно, самым опасным для лодок, поскольку Большой причал с северной его стороны за столетия так раздался вширь, что почти перекрыл фарватер. В следующую минуту, подняв глаза и увидев над собой каменный свод, Даниель понял, что проходит под церковью. Он мысленно перебирал пролёты и опоры, как папист — чётки: дальше Церковный пролёт, тоже узкий, а за ним — пролёт святой Марии, один из самых широких и потому особо любимый лодочниками. Прямо над пролётом святой Марии — противопожарный разрыв, именуемый Площадью.

Здесь-то, рассуждал Даниель, кучера и носильщики должны ждать прибывающих на лодках пассажиров.

Таков был его план. Увы, как часто случается с натурфилософами, составляющими сложные,

хорошо продуманные планы, он не предусмотрел одной простой вещи. Толпа, втиснутая под свод церковной арки, внезапно сдавила его со всех сторон. Наверное, так чувствовал себя атом газа в машине Бойля, когда поршень под неумолимым гнётом шёл вниз. Сквозь арку пробивалась карета — причём успешно. Толпа, чувствуя опасность не столько от экипажа, сколько от волны паники, которую тот гнал перед собой, хлынула из-под арки, увлекая Даниеля, как течение в пролёте Длинного входа — винную пробку.

Теперь он был на открытом пространстве и опасливо озирался, боясь, как бы неожиданное завихрение толпы не швырнуло его о стену лавки, поэтому увидел, как из-под арки вылетел экипаж, ставший причиной переполоха.

Даниель не сомневался, что это экипаж покупателя. Шторы на окнах были задёрнуты, а кучер явно получил приказ гнать к другому концу моста, не заботясь о жизни, здоровье и судебной ответственности.

Они были над Церковным пролётом. До Площади оставалось каких-то десять ярдов, но карета уже пронеслась мимо Даниеля и на такой скорости должна была вот-вот миновать Сатурна. Даниель ещё мог вскочить на Площади в порт-

шез или извозчичий экипаж, но попробуй убеди незнакомого кучера пуститься с места в карьер за таким лихачом. А за покупателем надо было следить сколь возможно долго: никто не мог угадать, когда он вставит только что приобретённый ключ в замочную скважину шкатулки и повернёт.

Толпа ещё не успела сомкнуться, и Даниель сделал то единственное, что оставалось: бросился за каретой. Она была так близко, что он мог бы вскочить на запятки, если бы ему достало проворства. Поэтому он услышал (или вообразил, что услышал) приглушённый хлопок, как от ружейной осечки. Сквозь занавески блеснул свет, и из кареты донёсся возглас: *«Sacre bleu!»*[20]

Не сознавая, как быстро движется (поскольку сам первый возразил бы, что бежать не может в силу преклонного возраста), Даниель вслед за каретой очутился на Площади. Здесь улица немного расширялась. Справа Даниель увидел Сатурна; тот говорил с носильщиком портшеза, но при появлении кареты повернулся к ней.

Впрочем, многие смотрели на неё, потому что она дымилась. И громыхала: пассажир молотил

---

[20] Примечания: 20
Проклятие! (*фр.*)

в потолок, требуя остановить экипаж. Дверца справа распахнулась, и наружу выплыл клуб бурого дыма, такой большой и плотный, что в нём с трудом можно было различить человека. Тот неверным шагом двинулся к парапету, которым оградили площадь, чтобы меньше пешеходов падало в пролёт святой Марии. Пассажир напоминал фигуру из «Метаморфоз» Овидия: облако, превращающееся в человека. Ибо дым забрался под длинный плащ с капюшоном и по-прежнему выходил наружу. Кучер подбежал к открытой дверце, пошарил внутри кнутовищем и выбросил на мостовую обугленную шкатулку; она всё ещё пыхала и выпускала из себя струйку густого жёлтого дыма. Крышка отвалилась, явив взглядам исписанные листки, прогоревшие до золы, но всё ещё читаемые. Они упали в сажени от Даниеля, и тот узнал угловатые значки истинного алфавита. Однако он глянул на них лишь мельком и тут же вновь перенёс внимание на покупателя, который уже не дымился, а расставив ноги и упершись руками в парапет, блевал в Темзу. Плащ и капюшон придавали ему сходство со средневековым монахом или чародеем. Тут другой человек, гораздо выше ростом, шагнул к покупателю и взял его за левое плечо.

Тот отреагировал молниеносно; Даниель, внезапно понявший, что сейчас произойдёт, даже не успел крикнуть: «Берегитесь!» Человек в капюшоне развернулся к Сатурну; дым и плащ мешали видеть, но по движению плеча было понятно, что правая рука метит Сатурну в живот.

Однако Питер Хокстон, видимо, тоже угадал нечто нарочитое в позе человека, пока тот стоял у парапета, и, как Даниель, заподозрил неладное. Он загородился левым плечом. И тут же отпрыгнул. Потому что, как видели теперь все на площади, человек в плаще сжимал правой рукой стилет. А Даниель с Сатурном видели и другое: стилет чем-то смочен.

От резкого движения капюшон упал. Лицо у покупателя было не обожжённое и не изъеденное оспой, а, напротив, благородное, с правильным чертами. В чёрных волосах и эспаньолке пробивалась седина. Всё это видела толпа, собравшаяся близко, но не слишком — дальше, чем на расстоянии вытянутой руки с кинжалом. Даниель (хоть и не в первую минуту) узнал Эдуарда де Жекса.

Де Жекс метнулся к парапету. Сатурн, забыв про опасность, схватил его за одежду. Де Жекс был пойман; по крайней мере так Даниель думал, пока не шагнул через дымовую завесу и не увидел,

что де Жекс спрыгнул в пролёт святой Марии, а Сатурн стоит один, держа его плащ.

Королевское общество, Крейнкорт
24 июля 1714

— Когда я ребёнком путешествовал по дорогам Франции вместе с отцом, упокой Господи его душу, и братом Кальвином, мы время от времени обгоняли бродячих точильщиков, исходящих потом под весом своих станков. Мой отец, светлая ему память, был купцом. Всё, потребное для дела, он возил в голове или в кошельке. Мы с Кальвином считали, что так и должно быть, и дивились на точильщиков, которым, дабы заработать на хлеб, надо всюду таскать тяжеленный камень! Раз отец услышал, как мы промеж себя высмеиваем одного из этих бедных тружеников. Он пристыдил нас и прочёл нам такой урок: точильщик сперва раскручивает камень, затем лишь изредка подталкивает рукой. Лёгкий камень останавливался бы слишком быстро; тяжёлый вращается по инерции. Отец уподобил его банку, который сохраняет в себе усилия человека и выдаёт их равномерно. Свойство это так существенно для точильщика, что тот готов всю жизнь, подобно

Сизифу, толкать в гору и с горы тяжёлый камень.

Когда Джек Шафто вернулся в Лондон, у него были при себе деньги от французского короля на финансирование неких планов, которые Джек должен был здесь исполнить. И были обещаны ещё деньги, если король останется доволен результатами. То золото, которое Джек привёз с собой, стало первым толчком для исполинского точильного камня; следующие суммы поддерживали бы вращение. Однако Джеку хватило ума понять, что ему нужен банк, хранилище богатства и власти, чтобы его дела шли без перебоев, даже если деньги будут поступать от случая к случаю. Он свёл знакомство с мистером Нокмилдауном — тогда просто успешным барыгой в Лаймхауз, приобретавшим у жохов стянутое с кораблей добро, — и сделал ему следующее предложение: он, Джек Шафто, используя «французское золото и английскую смётку», превратит мистера Нокмилдауна в колосса меж скупщиками краденого, расширит его владения и масштаб операций. Мистер Нокмилдаун сделается богачом, а Ист-Лондонская компания станет для Джека точилом, сберегающим в себе плоды его усилий.

Первые несколько лет после возвращения в

Лондон Джек почти ничем другим не занимался. И, как стало ясно со временем, поступил правильно. Франция терпела поражение в Войне за Испанское наследство; герцог Мальборо и принц Евгений одерживали победу за победой. Будьте покойны, в те дни Людовик слал Джеку очень мало золота. Тот превратился бы в обычного бродягу и утратил свою ценность в глазах французского короля, если бы не доходы Ист-Лондонской компании. А так Джек процветал даже в худшую для Людовика пору. К тому времени, как Мальборо разбил французов при Рамийе и все ждали, что теперь он нанесёт удар в самое сердце Франции, Джек сделал мистера Нокмилдауна величайшим скупщиком краденого в христианском мире, королём пиратов, способным принять в свои склады содержимое целого захваченного корабля и ещё до отлива загрузить его по фальшборты воровской добычей. Ист-Лондонская компания стала фундаментом, на котором Джек принялся возводить своё чёрное здание. Лишь в последние годы оно выросло настолько, чтобы привлечь внимание таких людей, как вы, но не сомневайтесь — строительство началось много раньше.

Тут Анри Арланк замолчал, чтобы обвести взглядом собравшихся за столом. Он поочерёдно

заглянул в глаза каждому из членов Клуба, прежде чем остановиться на Шоне Партри, сидевшем ближе всех, после чего прикрыл веки и потупился, выказывая поимщику больше почтения, нежели кому-либо ещё, включая сэра Исаака. Возможно, это объяснялось тем простым фактом, что Партри держал ключи от наручников на руках Арланка и кандалов на его ногах. Арланк поднял руки от колен, на что потребовалось некоторое усилие, поскольку их соединяла двадцатифунтовая цепь, и обнял ладонями кружку с горячим шоколадом, принесённую его женой.

Миссис Арланк пришла в ужас, однако ничуть не удивилась, когда на только что начавшееся заседание клуба ворвался Шон Партри и в качестве первого пункта повестки дня заковал её мужа в цепи. Пленник, напротив, выказал крайнее изумление, но, когда оно схлынуло, больше не проявлял сильных чувств и, судя по всему, воспринял крах своей жизни с истинно гугенотским фатализмом. Казалось, он даже испытывает некоторое облегчение.

— Объясните клубу, как вы стали приспешником Джека Шафто, — потребовал сэр Исаак. — Говорите медленно и чётко, чтобы каждое слово могло быть записано.

Вместо Арланка, который раньше исполнял обязанности секретаря, они пригласили писаря из Темпла, и тот, бешено строча пером, стенографировал всё сказанное.

— Хорошо. Вы наверняка наслышаны о жестоких гонениях на французских кальвинистов после отмены Нантского эдикта в 1685 году, так что не буду вас утомлять. Скажу лишь, что мой отец попал под драгонаду, затем на галеры, но ещё раньше успел вывезти меня и Кальвина на другую сторону Ла-Манша — в бочках, как селёдку. Позже галера, на которой мой отец был гребцом, погибла в бою с голландцами.

— Но это наверняка случилось не раньше, через несколько лет после отмены эдикта, — вставил господин Кикин, большой любитель истории.

— Да, сэр, — отвечал Арланк. — Считается, что война началась в 1688-м, когда Людовик вторгся в Пфальц, а Вильгельм заполучил Англию.

— Мы предпочитаем говорить, что это Англия заполучила Вильгельма, — поправил Орни.

— Как вам угодно, сударь. Бой, в котором потопили галеру моего отца, произошёл во время той самой войны летом 1690-го неподалёку от Крита.

— И ваш отец пропал в море? — спросил мистер Тредер с несвойственной ему трогательной

деликатностью.

— Отнюдь, сэр. Его спасла пиратская галера под командованием Джека Шафто.

Господин Кикин закатил глаза, а мистер Орни фыркнул. Сэр Исаак, не разделяя их веселья, лишь пристальнее вгляделся в Арланка, на которого и так смотрел, не отрываясь.

— Даты сходятся, — объявил он. — Джек перешёл на сторону басурман в конце 1680-х. Его корсары напали на Бонанцу летом 1690-го и оттуда меж Геркулесовых столпов устремились в Средиземное море. Как теперь всем известно, к концу лета они были в Каире. История мсье Арланка правдоподобна.

— Спасибо, сэр, — отвечал Анри Арланк. — Джек и его корсары спасли моего отца и нескольких его товарищей с тонущей галеры. Всё это мы с Кальвином узнали из писем, которые приходили нам в Лимерик. Больше…

— Погодите. Как вы с братом попали в Лимерик? — спросил Орни.

— Я к этому подбираюсь, сэр. Когда нас привезли на английскую землю и выпустили из бочек — двух совсем молодых ребят, не достигших ещё полноты возраста, — у нас, стыдно сказать, не возникло желания пойти по стопам отца и стать

торговцами. Мы жаждали мести — кровавой и, по возможности, славной. Мы записались в гугенотский кавалерийский полк, который формировался в Голландской республике. К тому времени, как Вильгельм и Мария переехали в Англию, мы несколько продвинулись в чинах: Кальвин стал помощником капеллана, а я — унтер-офицером. В первые годы войны наш полк отправили в Ирландию, чтобы дать отпор Претенденту. Зимой 90—91-го мы участвовали в осаде Лимерика. Там-то и разыскало нас известие, что наш отец, которого мы почитали умершим, спасён Королем бродяг.

— Приходило ли от него что-нибудь после этого? — спросил сэр Исаак.

— Долгое время нет, сэр, поскольку мы постоянно были в походах.

— Если ваш отец оставался с Джеком Шафто, он должен был в 1691-м посетить Мокко и Бандар-Конго и с муссоном попасть в Сурат на следующий год, — сказал Ньютон. — Перемещения Джека в следующие несколько лет восстановить сложно. Общеизвестно, что он участвовал в сражении, имевшем место на дороге между Суратом и Шах-джаханабадом в конце 1693-го, и в 1695-м начал строить корабль.

— В феврале 1698-го отец отправил нам письмо из Батавии, куда этот корабль заходил за пряностями, — сказал Арланк. — До нас оно добралось только к концу года, когда война уже закончилась.

Орни снова фыркнул.

— По крайней мере о ту пору все так думали, — поспешил добавить Арланк. — Задним числом понятно, что это было лишь короткое затишье в войне, растянувшейся на двадцать пять лет. Но тогда полагали, что ей конец, поэтому на следующий год, когда Вильгельм и Людовик подписали договор о разделе Испании, наш полк, как и многие другие, распустили.

В Лондоне тогда трудно было сыскать работу из-за множества уволенных в отставку солдат и опасно жить по той же самой причине. Нам с Кальвином повезло больше, чем другим. С отменны Нантского эдикта прошло уже порядочно времени, и гугеноты, бежавшие в Англию, успели достигнуть прежнего благосостояния. Кальвин получил место в гугенотской церкви неподалёку от Лондона, где подвизается по сию пору. Я нанимался слугой в дома торговцев-гугенотов.

Последнее письмо отец послал нам из Манилы в августе лета Господня 1700-го, и в нём говори-

лось…

— Что корабль Джека отправляется в Америку, и ваш отец с ним, — сказал сэр Исаак.

— Да, сэр. Поразительно, сколько вы знаете о путешествиях Джека. Отец обещал написать нам из Акапулько. Однако он скончался в плавании от цинги. Упокой, Господи, его душу.

В комнате воцарилось почтительное молчание. Даже Партри как будто был тронут. Первым заговорил сэр Исаак:

— И каким образом вы получили это горестное известие?

— Мне сказал Джек, — ответил Арланк.

Теперь Исаак замолчал надолго. Было слышно, как в кухне Королевского общества миссис Арланк тихо рыдает на плече у судомойки. Наконец Исаак поднял голову:

— Это должно было произойти по его возвращении в Лондон, то есть в ноябре—декабре 1702-го.

— Вы снова правы, сэр.

— И вы полагаете, что Джек Шафто разыскал вас с единственной целью сообщить о кончине вашего отца?

Тут Анри Арланк смешался — впервые с начала разговора, что было довольно странно для человека, которого полчаса назад заковали в це-

пи, чтобы отправить в Ньюгейт. Он неуверенно взглянул на Шона Партри, потом на сэра Исаака и, наконец, ответил:

— Конечно, нет, сэр. Однако вам следует понять: Джек Шафто не совершенно бессердечен. Был ли у него корыстный мотив для того, чтобы меня разыскать? Разумеется, был, и я скоро к этому перейду. Однако он искренне любил моего отца и, рассказывая о его смерти и погребении уже почти в виду Калифорнии, не мог сдержать слёз. Я уверен, что эта привязанность была взаимной, ибо, по словам Джека, мой отец перед смертью обратился к нему с предостережением, к которому Джеку стоило бы прислушаться.

— Очень трогательно, — пробормотал сэр Исаак, желая как можно скорее покончить с этой частью разговора. Однако в Даниеле взыграло любопытство, и он спросил:

— В чём оно состояло?

Поймав на себе гневный взгляд Исаака, Даниель продолжил:

— Простите, но очевидно, что наши с вами отцы, мсье Арланк, были очень похожи. Я бессилен угадать, какое предостережение человек вроде моего отца мог сделать кому-то вроде Джека, разве что напомнить, что тот обречён геенне

огненной!

Орни хлопнул ладонью по столу и негромко хохотнул.

— Мой отец посоветовал Джеку опасаться некоего пассажира, которого они подобрали в Тихом океане после гибели Манильского галеона. То был иезуит, агент Инквизиции по имени отец Эдуард де Жекс.

Исаак, который минуту назад закатывал глаза и с трудом сдерживался, чтобы не фыркнуть, совершенно опешил. Немного придя в себя, он попросил Шона Партри вывести Арланка из комнаты (что тот исполнил довольно грубо) и проследить, чтобы гугенот не слышал дальнейшего разговора (это обеспечила миссис Арланк, с рыданиями бросившаяся к мужу на шею).

— Он не знает о вчерашних событиях на мосту, — настаивал Даниель.

— В газетах напечатать ещё не успели, — заметил господин Кикин, прилежно читавший всё, что исходило с Граб-стрит.

— Может, Партри что-нибудь сболтнул ненароком?

— Исключено, — отвечал Орни. — Мы с ним весь день и весь вечер обшаривали берега Темзы, искали следы де Жекса.

— А мы с Сатурном были здесь специально, чтобы следить за Арланком, — добавил Даниель. — К нему никто не приходил.

— Что ж, если услышанное нами правда, то мы узнали нечто очень важное, — сказал Исаак. — При дворе многие уверены, что де Жекс, который часто бывает в Лондоне, — агент французского короля. До меня не раз доходили слухи, будто он как-то связан с Джеком-Монетчиком. Я считал, что де Жекс и Шафто действуют сообща. — Он кивнул на место, где только что сидел Арланк. — Однако слова о предостережении, которому Джек не внял, подразумевают застарелый конфликт.

— Они подразумевают ещё одно, — вставил Орни. — Если этот де Жекс и впрямь пережил гибель корабля в открытом море и продержался на воде, пока его не спасли, значит, он умеет плавать. Стало быть, мы не можем успокоиться на мысли, что он утонул в Темзе.

— Давайте продолжим допрос, — сказал Исаак.

— Когда Джек приехал в Лондон, война уже возобновилась, теперь под именем Войны за Испанское наследство. Однако набор в войска только шёл, и Лондон по-прежнему кишел отставными матросами и солдатами, которым был обязан своей дурной репутацией. Джек сообра-

зил, что скоро их вновь возьмут на службу, и завербовал столько, сколько смог. Меня он разыскал отчасти с целью залучить к себе на работу.

— Чего он от вас хотел? И добился ли своего? — спросил Исаак.

— Всякий, кто просматривает газеты и хоть немного следит за происходящим в парламенте, знает, что война плодит казнокрадство, как тухлое мясо — мух. Крупные перемещения людей и припасов дали Джеку возможность сказочно обогатиться. Ибо на каждый случай воровства, о котором говорили в Лондоне, приходилась по меньшей мере сотня оставшихся незамеченными — и примерно в пятидесяти из них был замешан Джек. Действовал он просто: вербовал солдат и матросов раньше короны и обходился с ними лучше.

— Вы ответили на мой первый вопрос, а именно, чего Джек от вас хотел, но не ответили на второй, — сказал Исаак.

— Только потому, что ответ очевиден. — Арланк поднял руки, показывая цепь. — О, я не делал ничего ужасного. Я должен со стыдом признать, что закрывал глаза на недостачу в порохе или других припасах, доставляемых в мой полк. Я поступал так не столько из корысти, сколько из

страха перед неким маркитантом, который в противном случае без колебаний перерезал бы мне горло или поручил кому-нибудь выстрелить мне в спину. Господь в своей милости избавил меня от этой беды: в пятом году я получил сильную рану и вынужден был уйти из армии. Я вернулся в Лондон и, вылечившись, поступил привратником к мсье Неверу, часовщику…

— Где познакомились с членами Королевского общества, заказывавшими у мсье Невера инструменты, — вставил Даниель.

— Да, сэр, так я стал работать здесь.

— И при этом работали на Джека, — напомнил Исаак.

— Да, сэр, в некотором смысле, — признал Арланк. — Хотя это трудно было назвать работой. Время от времени — раз или два в год — меня просили зайти в определённый трактир и побеседовать с неким господином.

— Если работа состояла в таких пустяках, почему вы от неё не отказались? — спросил Исаак.

— Джек обладал властью надо мной из-за того, что я делал для него прежде, — сказал Арланк. — Одно его слово могло разрушить мой брак или бросить тень на моего брата Кальвина. Вопросы казались мне безобидными, и я отвечал:

— О чём вы говорили с тем человеком в пабе? — спросил Орни.

— Это был образованный француз. Он утверждал, что увлечён натурфилософией и хочет больше узнать про Королевское общество. Он расспрашивал, что происходит на заседаниях, интересовался членами общества: Кристофером Реном, Эдмундом Галлеем и особенно сэром Исааком Ньютоном.

— Не случалось ли вам упомянуть, что сэр Исаак имеет обыкновение приезжать сюда воскресными вечерами и работать допоздна? — спросил Даниель.

— Точно не помню, сэр, но вполне возможно. Именно такого рода сведения его особенно занимали, сэр.

Арланк замолчал, потому что все в комнате дружно выдохнули, и те, кто последние несколько минут изучал его лицо, теперь разглядывали свои ногти или смотрели в окно.

— Я поступил дурно, сэр? — спросил Анри Арланк, адресуясь к Даниелю. — Глупый вопрос! Я прекрасно знаю, что да. Но преступление ли это? Могут ли за такое привлечь к суду?

Даниель, движимый состраданием, посмотрел гугеноту в глаза и уже приготовился сказать:

«Конечно, нет!», однако Исаак его опередил:

— Вы виновны в пособничестве, и доказать это перед судом не составит труда. Мистер Партри, доставьте его в Ньюгейтскую тюрьму

Партри без всяких церемоний навис над Арланком, сгрёб того за шкирку и рывком поднял. Потом ногой отпихнул стул, на котором сидел Арланк, и спиной вперёд потащил гугенота из комнаты. Цепь гремела по доскам пола. У выхода Партри остановился, чтобы свободной рукой открыть дверь. Арланк, воспользовавшись передышкой, сказал:

— Простите, господа, нельзя ли мне добавить словечко-другое о человеке, которого вы разыскиваете?

— Говорите. — Сэр Исаак кивнул Партри. Тот остался стоять в дверях, глядя через плечо Арланку и по-прежнему держа его за шиворот. Даниелю подумалось, что они похожи на ярмарочного чревовещателя и марионетку.

— Я, можно так выразиться, не один год изучал Джека, как мистер Галлей наблюдает движение комет и познаёт их природу, хотя бессилен изменить их ход. И я скажу, что если вы считаете Джека рабом Людовика, мечтающем об одном: угодить французскому королю, то вы его недооце-

ниваете. Такая гипотеза — если мне позволено воспользоваться лексиконом Королевского общества — не отдаёт ему должного и не объясняет его действий.

— И какова же ваша гипотеза, мсье Арланк? — спросил Даниель.

— Он обогнул земной шар. Добыл кучу золота, потерял его, отвоевал обратно и вновь потерял. Он был бродягой, королём и кем угодно между этими двумя состояниями. У него больше денег, чем можно потратить за одну жизнь. Спросите себя: что движет таким человеком? Когда Джек просыпается по утрам, о чём он думает? К чему он стремится?

— Вам позволили сообщить нам ответы, а не засыпать нас вопросами, — напомнил сэр Исаак.

— Хорошо, сэр, вы услышите ответ. Джеком движет любовь. Любовь к женщине. К одной-единственной женщине, которую он когда-то любил и любит по-прежнему. — Арланк посмотрел Даниелю в глаза. — Некоторые из вас с нею знакомы. Её имя…

— Я знаю её имя, — сказал Даниель, оборвав Арланка, пока тот не опорочил какую-то ни в чём не повинную даму. Однако опасение было излишним, потому что в тот же самый миг Партри

дернул Арланка с такой силой, будто хотел его придушить, и выволок в дверь.

— Спасибо, мистер Партри! — крикнул сэр Исаак вслед, пока Арланка тащили под бешеную какофонию: лязг цепей, кашель и хрип пленника и — звучавшие громче всего — рыдания миссис Арланк. По всему коридору распахивались двери: учёные в удивлении выглядывали, пытаясь понять, что происходит. Кикин встал и закрыл дверь. Звуки не стихли совсем, но превратились в обычный раздражающий шум. Несколько мгновений члены клуба приходили в себя, потом мистер Орни, который вёл сегодняшнее заседание, спросил:

— Есть ещё предложения по повестке дня?

— Есть, — сказал господин Кикин. — Лечь, чёрт побери, и хоть немного поспать.

Как бы ни поступили остальные, Исаак спать не отправился, и Даниель тоже, потому что Исаак хотел с ним побеседовать. Они сидели в кабинете рядом с библиотекой, отведённом Исааку как председателю Королевского общества.

— В рассказе Арланка отсутствует одна важная деталь, — начал Исаак.

— Вы об этой чепухе про женщину? — спросил Даниель.

Исаак брезгливо скривился, показывая, что Даниель соображает непростительно медленно.

— Чтобы подложить адскую машину туда, где она оказалась, Джеку мало было знать, что я воскресными вечерами задерживаюсь тут допоздна. Ему надо было знать ещё, что вы приедете с мистером Тредером, причём именно вечером воскресенья.

— Я не единожды уведомлял Королевское общество о своём приезде письмами, которые Арланк мог видеть…

— О своём приезде — да. Но то, что Джек знал точное время вашего прибытия, и адскую машину подложили в сундук на телеге мистера Тредера, указывает на участие мистера Тредера.

— Мы это уже обсуждали. Я готов поверить, что у Джека был шпион среди слуг мистера Тредера. Но утверждать, будто сам Тредер наёмный убийца — чистейшая нелепость!

— Вы заметили, как тихо он сегодня себя вёл?

— Вы говорите, тихо. Я бы сказал — сонно. Мы все провели без сна полтора суток!

— Вы слышали от Арланка, как Джек забирает власть над человеком: добивается небольшой услуги, затем приходит вновь и вымогает другую, уже более крупную, пока жертва не окажется

связанной по рукам и ногам. Неужто трудно поверить, что такое произошло с закоренелым весовщиком вроде мистера Тредера?

— Я обдумаю вашу гипотезу, — сказал Даниель, — при условии, что вы обдумаете другую, столь же неприятную: у Джека-Монетчика есть в Королевском обществе сообщник помимо Анри Арланка, несравненно более высокопоставленный.

Клеркенуэлл-корт
27 июля 1714

— Я приехал, как только смог.

Даниель подумал, насколько это похоже на Исаака: с порога начать оправдываться в том, в чём никто его не обвинял. Поскольку в комнате (Сатурновой часовой лавке на Коппис-роу) никого больше не было, предосторожность могла показаться излишней, но Исааковыми глазами всё виделось иначе.

— Я сказал бы, что вы, получив мою записку, приехали с поразительной быстротой, — заверил Даниель. — Я не ждал вас раньше, чем ещё через час, и полагаю, что остальные члены клуба не явятся вовсе.

На случай, если Даниель иронизирует, Исаак решил подкрепить свои контрдоводы:

— Сегодня в Сент-Джеймском дворце разразилась какая-то буря. Вся знать на улице, словно каждый придворный и политик внезапно решил, что ему надо быть в другом месте.

— Неплохое описание того, что произошло.

— Я был в Королевском обществе, просматривал

некоторые документы, связанные с Лейбницем. Когда принесли вашу записку, оказалось, что на Флит-стрит выехать почти невозможно. Сперва я испугался, что умерла королева, однако колокола не звонили.

— Я немного слышал о том, что случилось сегодня в Сент-Джеймском дворце, — сказал Даниель, — но, поскольку вы поехали сюда, а не туда, полагаю, вас больше заботит происшедшее в Ньюгейте.

— Когда он бежал? — спросил Исаак.

— Ночью. Мистер Партри сейчас там, опрашивает тюремщиков.

— Если мистер Партри не смог удержать Арланка в тюрьме, я не вижу причин доверять ему впредь.

— Его задачей было не удержать Арланка в тюрьме, а лишь доставить туда, что он исполнил. Там цепи, которые надел на Арланка Партри, заменили другими, более тяжёлыми, как всегда делают тюремщики.

— Они же обычно за деньги меняют тяжёлые цепи на более лёгкие.

— Вы совершенно правы. Ночь Арланк провёл в каменном мешке, а утром его заковали в другие цепи, столь лёгкие, что их можно назвать чисто

символическими, и перевели…

— В замок?! — Исаак замотал головой и, отвернувшись, стал смотреть на Коппис-роу. — Кто-то — Джек или его агент — подкупил тюремщиков. Арланка поместили в уютную камеру и отвели взгляд, когда тот спускался по водосточной трубе. Я должен был это предвидеть.

— Может быть, вы не предвидели его побег потому, что это не очень важно?

— Я служу короне, Даниель, и правосудие всегда для меня важно.

— Тогда позвольте выразиться иначе. Арланка оставалось лишь покарать; ничего нового мы бы от него не услышали. Вы это понимали, потому и не стали забивать себе голову скучными мыслями о том, чтобы удержать его в тюрьме и представить перед судом. Как и я.

Через окно они видели Питера Хокстона и Шона Партри, идущих со стороны Ньюгейта. Сатурн шагал первым, прокладывая дорогу в толпе, которая двигалась навстречу.

Был вторник. В пятницу предстояло повешение на Тайберне. Это означало, что уже в четверг пробиться по улицам будет невозможно. Мясо, которое пригонят сегодня или завтра своим ходом, заметно подорожает. Соответственно

каждые несколько минут в сторону Смитфилда проходил гуртовщик, гоня перед собой овец или коров; возы с сеном, навозные телеги и гуляки, возвращающиеся из северных пригородов, должны были втискиваться в интервалы между скотом. Тем, кто, как Сатурн и Шон Партри, шел на север, приходилось худо. Они ввалились злые, пропахшие коровьим навозом. Однако по сравнению с Ньюгейтом то было благоухание садов Шалимара.

— Все в Ньюгейте божатся, что исчезновение Арланка — неразрешимая загадка, — без предисловий объявил Партри. — Из чего вы можете заключить — как, наверное, уже заключили, — что побег устроил недоброй славы преступник Джек Шафто.

— Для этого не стоило отправляться в Ньюгейт и опрашивать тюремщиков, — сказал Ньютон, готовый обвинить Партри в том, что тот набивает себе цену.

Однако Партри его опередил:

— Занимаясь Арланком, Джек позабыл про другого узника, которого должны выпотрошить и четвертовать в пятницу. Узника, чьи свидетельства могут быть полезнее для клуба и губительнее для Джека, чем признания Арланка.

— А, вы о монетчике, которого осудили несколько недель назад и с которым вы намеревались поговорить на этой неделе!.. Я совершенно о нём забыл, — сказал Даниель.

— Не корите себя, док, потому что Джек тоже о нём забыл, и тут для нас есть лазейка.

— Я ничего о нём не слышал, — возмутился Исаак.

— Если я назову фамилию, вы вспомните, — заверил Партри. — Его задержали в ходе одного из ваших расследований и должным образом осудили. Но он взял с меня клятву, что я не выдам его настоящего имени. Так что вы узнаете, кто он, только вечером четверга в таверне «Чёрный пёс», что в подвале Ньюгейтской тюрьмы.

— И тогда он будет готов говорить с нами о Джеке?

— Да, сэр. При условии, что вы принесёте с собой гинеи.

— Плата Джеку Кетчу за то, чтобы следующим утром монетчик умер на Тайберне быстро и без мучений. Мне не впервой обогащать мистера Кетча подобным образом в погоне за более крупной дичью, — проговорил Исаак тоном усталой обречённости.

Партри кивнул, довольный, но тут Даниель

мотнул головой.

— Нет, — сказал он, — сделка в том виде, какой вы предлагаете, не пойдёт.

— Что значит «не пойдёт»?

— Располагайтесь поудобнее, мистер Партри, — предложил Даниель, направляясь к задней двери и одновременно ловя взгляд Исаака. — Здесь или в пабе по соседству, если предпочитаете. Нам с сэром Исааком надо пройтись и обсудить некоторые частности.

Партри несколько мгновений жевал губами, потом объявил:

— Я найду в себе силы ещё раз сходить в Ньюгейт и обратно. Желаю вам приятно погулять и вернуться живыми.

— О последнем позабочусь я, — сказал Сатурн, выходя вслед за Исааком и Даниелем во двор Технологических искусств.

— Что вы хотели мне здесь показать?

Вопрос Исаака был обусловлен тем, что двор, как всегда, бурлил изобретениями. Помощник мистера Ньюкомена привёз из Девона части машины, которые затем собрали посреди двора, получив исходящее дымом и паром, лязгающее и шипящее страшилище, окружённое чёрными от копоти обожателями. В дальнем углу мистер

Хоксби испытывал новое, ещё более опасное устройство для получения искр, и те, кто не смотрел на машину, толпились вокруг него.

Даниель рассчитывал, что Исаак придёт в восторг, но обманулся в своих ожиданиях. Тон голоса, подчёркнуто прямая осанка, раздутые ноздри — всё будто нарочно было рассчитано на то, чтобы выказать неудовольствие. Хорошо ещё, что Исаак не задал более строгого вопроса. Ибо, оглядывая двор, Даниель приметил, что строительство логической машины продвинулось очень мало. Рачительный хозяин на его месте сурово одёрнул бы инженеров, занятых невесть чем. Однако Даниелю не хотелось их трогать. Он свёл этих людей вместе и дал им то, о чём они мечтали: свободу заниматься любимым делом. Пока самой интересной была логическая машина, все дружно трудились над ней без всякого принуждения. Теперь инженеров увлекли новые проекты. Первое время Даниеля сердило их непостоянство. Потом он подумал, что сейчас, в июле 1714 года, в мире внезапно возникло множество проектов, интересных для таких людей — довольно, чтобы занять их на сотни лет. Если они охладели к логической машине, Даниелю ли указывать, чтоб они забыли об искрах и паре? А если Исааку так

скучна машина для подъёма воды посредством огня, Даниелю ли его переубеждать? В конце концов это всего лишь газовая машина Бойля-Гука пятидесятилетней давности, только больше.

— Ничего, — отвечал наконец Даниель. — Просто здесь мы можем выйти на улицу, где нас не затопчет скот.

Он повёл Исаака к боковому выходу из двора. Сатурн задержался, чтобы поднять с места двух молодчиков, игравших в кости на бочке, затем подбежал и отодвинул тяжёлую щеколду. Игроки пристроились за Исааком и Даниелем. Каждый из них опирался на увесистую дорожную палку, хотя с виду ни один не страдал от ревматизма.

Охраняемые Сатурном впереди и молодчиками сзади, Исаак и Даниель двинулись на прогулку по местности, которую разве что в издёвку можно было назвать идиллической. Они шли по лабиринту дорожек между колышками, размечавшими участки земли: на одних ещё паслись овцы или росла брюква, на других уже возводились дома. Дорожки — будущие улицы — были сейчас так узки, извилисты и неутоптаны, что помимо двух гуляющих стариков с их арьергардом и авангардом никто ими не прельстился.

— Отсюда мы сможем пройти на север без лиш-

них неудобств.

— Что к северу отсюда стоит прогулки? — спросил Исаак и, не получив ответа, после недолгих колебаний двинулся рядом с Даниелем.

— То, что предложил мистер Партри, не годится, — повторил Даниель. — Сведения нужны завтра — и даже сегодня ночью, если он убедит узника заговорить.

— Это имеет какое-то отношение к тому, что произошло сегодня в Сент-Джеймском дворце? — осведомился Исаак. — Я не помню, чтобы вы раньше были в такой спешке.

— События нас опережают, и нам следует поднажать, — сказал Даниель. — У Болингброка есть план. В чём он состоит, не знаю. План может быть блистательным или глупейшим. Как ни странно, это не важно. Главное, что у Болингброка есть план, он действует, а все остальные вынуждены за ним наблюдать и делать ответные ходы. Он — в центре внимания, что, подозреваю, для него важнее, чем какая-либо конкретная цель. У кого нет плана, так это у милорда Оксфорда, до недавнего времени — лорда-казначея Британии.

— Что значит «до недавнего времени»? Должен ли я понимать, что в стране новый лорд-казначей?

— Этого я не говорил, я сказал только, что Оксфорд в отставке. Сегодня на совете он вернул королеве белый жезл.

— По собственной воле?

— По её требованию. Трудно вообразить, что столь хилая особа способна чего-то потребовать, но так говорят.

— И жезл по-прежнему у неё?

— Согласно моим источникам, она никому его ещё не передала.

— Что у вас за источники, Даниель? Они, сдаётся, лучше моих. Во всяком случае, оперативнее.

— Это другой разговор. Суть в том, что Оксфорд, а значит, и умеренные тори, больше не у власти. Сегодня королева показала всему миру, что благоволит Болингброку и якобитам. Она запустила цепочку событий, которая должна привести к отмене Акта о Престолонаследии и утверждении на английском престоле католика.

— В мечтах королевы, быть может, — поправил Исаак. — В яви Британия скорее согласится на новую гражданскую войну, чем на короля-паписта.

— Конечно. Теперь рассмотрите положение Болингброка. Он завоевал королеву и в тот же миг получил безраздельное главенство над тори, а стало быть, и в парламенте. Его следующим ша-

гом будут переговоры с вигами — единственной оставшейся оппозицией.

— Зачем? — спросил Исаак. — Я бы сказал, что теперь он может диктовать условия.

— Взгляните на поместье сэра Джона Олдкастла, — отвечал Даниель.

С этого участка дороги открывался вид через луг на владение по другую её сторону: несколько величественных старых зданий на южном крае и маленький охотничий парк, тянущийся примерно на двести ярдов к северу. Даниель привлёк внимание Исаака к холму в северной части поместья. Во многих английских графствах такой пригорок остался бы безвестным и безымянным, здесь же, в болотистой пойме Флит, казался даже внушительным. Ещё бы, с него можно было видеть на сотни ярдов! Три человека как раз стояли на вершине, обозревая местность.

— Что вы скажете о них, Исаак? Чем не дозорные на высоте средь поля боя?

— Весьма романтичное сравнение, — отвечал Исаак, — но на самом деле это друзья или родичи Олдкастлов, вышедшие прогуляться в рощицу.

— Как? Вы хотите сказать, среди палаток? — отвечал Даниель, указывая на рощу. Почти всё скрывала густая зелень, однако зоркий и

внимательный наблюдатель — например, сэр Исаак — мог различить в просветах между ветвями то кусок натянутого полотна, то кол или верёвку.

— Да, я вижу небольшой лагерь, — кивнул Исаак. — Вероятно, его разбили бродяги, которые намерены в пятницу смотреть повешение.

— Вы полагаете, что хозяин поместья пустил бы к себе бродяг?

— Каково ваше объяснение, если вам не нравится моё?

— Это военный лагерь. Лагерь ополчения.

— Вигов или тори?

— Вспомните, что сэр Джон Олдкастл был одним из первых протестантов. Сегодняшние Олдкастлы не такие пламенные, но взглядов не изменили.

— Стало быть, это солдаты Ассоциации вигов, — сказал Исаак. — Я о них слышал. Впрочем, признаю, что увидеть их на краю Лондона — совершенно иное дело.

— Давайте пройдём дальше и посмотрим, что там за Пещерой Мерлина, — предложил Даниель, указывая через поле на ещё одну россыпь домов в четверти мили к северу. Они были меньше, новее и скромнее, чем здания на земле сэра Джо-

на Олдкастла: купальни, выстроенные недавно рядом с природной пещерой в основании холма, за которым начинался Ислингтон.

Сейчас рядом с ними гарцевали несколько всадников. С такого расстояния деталей было не разобрать, но не оставалось сомнений, что все они молоды, искусны в верховой езде и бесшабашны. Казалось, они красуются перед дамами, но даже за четверть мили видно было, что женщин там нет. Наездники красовались друг перед другом. Через минуту-две, подойдя ближе, Исаак и Даниель разглядели у них могавские гребни. Наездники, вернее, их слуги, собирали хворост для костра.

— Вы видели таких раньше. Это молодые виги. — Даниель остановился. — Если мы пойдём дальше, то увидим ещё подобные отряды в рощах, деревнях и на возвышенностях, где можно развести сигнальный костёр.

Он повернулся спиной к лагерю могавков у Пещеры Мерлина и пошёл в сторону Клеркенуэлла. Исаак ещё мгновение разглядывал наездников, затем догнал Даниеля.

Тот продолжил:

— То, что мы видели — передовые отряды. По сигналу милорда Равенскара они первые пройдут

через Ньюгейт, чтобы захватить Лондон. Если бы мы выбрали другой пригород, то увидели бы там, в некоторых больших поместьях, такие же отряды ополченцев-тори, присягнувших на верность Претенденту.

Исаак молчал почти всю дорогу назад и лишь под конец спросил:

— Что произойдёт завтра?

— Званый обед, — отвечал Даниель, — на Голден-сквер.

— Простите?

— Болингброк пригласил Роджера и других вигов отобедать завтра в его особняке на Голден-сквер. Все эти великие мужи, столько лет игравшие по огромным ставкам, завтра вечером наконец выложат карты на стол. Болингброк как нельзя более умно выбрал время и место. Королева и впрямь очень слаба. Сегодня после совета она лишилась чувств от усталости и волнений, которым подверг её Болингброк, быть может, с жестоким умыслом, а скорее — потому что не осознаёт творимого им зла. Так или иначе, долго она не проживёт. И потому у Болингброка есть краткое время — может, день, может, целая неделя, — когда всё для него идеально. Заседания парламента отложены, и он может пока не

думать о деньгах асиенто. О, деньги эти у Болингброка, или влияние, на них купленное, но пока его не могут привлечь к ответу за казнокрадство. Тори объединились под его началом, королева ему благоволит; у неё уже нет сил на собственные решения, однако она ещё не настолько ослабела, чтобы испустить дух; мы, диссиденты и нонконформисты, раздавлены Актом о расколе; ковчег в руках Болингброка. Вот такие карты он выложит на стол завтра вечером. Что в руке у Равенскара? Несколько козырей, будьте покойны.

— Но мы неизмеримо усилим его позицию, — сказал Исаак, — и в то же время ослабим Болингброка, если арестуем Джека-Монетчика и снимем подозрения с ковчега. Теперь мне это ясно. Спасибо за прогулку, Даниель.

— Торг будет непростым, — сказал Шон Партри, хорошенько обдумав услышанное. — Осуждённому монетчику в Ньюгейте нет дела до ставок в политической игре. Гражданская война? Ему-то что, если его отрубленная голова будет наблюдать за боем с Тройного древа.

— У него есть близкие? — спросил Даниель.

— Перемёрли от оспы. Сейчас его занимает одно: сколько мук предстоит ему в пятницу?

— Тогда надо всего лишь подкупить Джека

Кетча, — сказал Даниель. — Не понимаю, в чем сложность…

— Сложность в том, — отвечал Партри, — чтобы заплатить больше и позже Джека, чьи люди, как мы убедились, кишат в Ньюгейте. Вот почему я хотел отложить разговор до вечера четверга. Тогда у Джека будет меньше времени на контрвзятку. Сделать это во вторник вечером… — Партри помотал головой.

— Ладно, давайте забудем про сегодняшний день и попытаемся в среду, — предложил Даниель.

— Это чуть лучше.

— Но не позже середины дня — мы не можем ждать вечера.

Партри задумался и наконец пожал плечами.

— Попытка не пытка, — сказал он. — Не забудьте принести с собой фунты стерлингов и будьте готовы к тому, что за каждое слово придётся платить отдельно.

— Если всё дело в фунтах стерлингов, — промолвил Исаак, — то я знаю, где их раздобыть.

Голден-сквер
ранний вечер 28 июля 1714

— Какой вред могут причинить крепкие напитки, в наши-то лета? — спросил Роджер Комсток, маркиз Равенскар. — Мы с вами и так ходячий укор актуариям; в таблицах продолжительности жизни, составленных Королевским обществом, и графы такой нет!

— Не лучше ли вам пойти туда трезвым? — спросил Даниель. Он стоял лицом, а Роджер — спиною к лучшему зданию на площади. Даниелю она напомнила театральную сцену: не современную оперную, где актёры находятся за просцениумом, а деревянный круг В. Шекспира, в котором утоптанная площадка (в данном случае Голден-сквер), галереи (дома вокруг) и величественный дом, господствующий надо всем (дворец Болингброка), соединены множеством переходов, желобов, лестниц, перемежаемых балконами и окнами, и в любом из этих мест может произойти разговор, свидание или поединок между главными героями — нечто, движущее действие пьесы. Арсенал возможностей. Стоячие зрители на дешёвых ме-

стах в партере не могли отвести глаз. Все, кроме Роджера. Впрочем, Роджер и не был зрителем. Он играл главную роль — Монтекки или Капулетти, как вам больше угодно, — и площадь служила ему своего рода гримёрной. Он готовился выйти на сцену и начать представление, однако слова для него ещё не были написаны.

Неудивительно, что он пил.

— Вы поднимали кружку в «Чёрном псе». Всё по справедливости.

От одной мысли о том, чтобы поднести ко рту что-нибудь в «Чёрном псе», у Даниеля прошли судороги по всему пищеварительному тракту.

— Я там сесть-то побрезговал, не то что пить.

— Здесь вы тоже не сидите, — заметил Роджер, — но меня это не останавливает.

Один из его наименее грозного вида слуг подошёл, неся поднос с двумя янтарными напёрстками. Роджер опрокинул один в свою, отделанную слоновой костью, пасть. Даниель схватил второй, просто чтобы Роджер не выпил оба.

— Ваш отказ честно изложить, как идут переговоры, для меня пытка, — пояснил Роджер и повернулся к слуге: — Ещё две порции, чтобы заглушить боль, которую причиняет мне скрытность друга.

— Погодите, — сказал Даниель, — мы пока не говорили с узником.

Роджер зашёлся в оргазме кашля.

— И это хорошая новость! — заверил его Даниель.

От такой наглой лжи Роджер перестал кашлять и выпрямился.

— Вы надо мной издеваетесь, сударь!

— Ни в коем разе! Почему наш узник так напуган, что не смеет показаться в «Чёрном псе»?

— Потому что он жалкий трус?

— Даже трусу незачем бояться Джека, если он не знает чего-то, крайне для Джека опасного.

— У меня к вам вопрос, Даниель.

— Я слушаю, Роджер.

— Вы когда-нибудь участвовали в переговорах? Ибо люди, имеющие хоть какой-нибудь опыт, обычно способны распознать, когда их водят за нос.

— Роджер…

— Как Клудсли Шауэл, когда тот увидел в тумане скалы Силли, но уже не мог отвратить флот с рокового курса, так и я, на самом пороге Болингброкова логова, вижу, что ошибся, позволив вам и другому натурфилософу вести переговоры с коварным преступником.

— Всё не так безнадёжно, Роджер.

— Тогда скажите хоть что-нибудь, что не было бы абсолютно и беспросветно чудовищно дурной новостью.

— Мы начали в середине дня и прошли все предварительные этапы переговоров, используя Шона Партри в качестве посредника. Весь блеф и вся чепуха позади. Осталась последняя стадия. Узник пока отказывается говорить. Мы взяли передышку, чтобы он посидел и подумал о муках, ожидающих его в пятницу. Тем временем я приехал к вам со следующим вопросом: что наибольшее мы можем ему обещать, ежели он сегодня представит сведения, которые позволят изловить Джека-Монетчика или хотя бы доказать, что тот подбросил в ковчег фальшивые деньги?

— Если потребуется… Даниель, посмотрите мне в глаза, — сказал Роджер. — Вы можете предложить это лишь в качестве последнего, крайнего средства, и то лишь если будете уверены, что оно обеспечит победу.

— Я понял.

— Если ваш малый поможет мне сокрушить Болингброка, я освобожу его из Ньюгейта и дам ему ферму в Каролине.

— Прекрасно, Роджер.

— Не усадьбу, а клочок земли, острую палку и курицу.

— Это больше, чем он заслужил; я и на такое не рассчитывал.

— Теперь вы трое отправляйтесь в Ньюгейт. Я не могу оттягивать вечернюю игру бесконечно. — Роджер наконец позволил себе взглянуть на дворец Болингброка. По меньшей мере три виконта смотрели на них из окон. Это кое о чём Даниелю напомнило.

— Встретимся здесь через час, — сказал он, глядя на часы.

— Через час?!

— Дальше всё должно произойти быстро. Я употреблю этот час нам на пользу. Желаю вкусно покушать, Роджер, и не пить слишком много.

— Мне вполне достаточно пить не больше противника, что легко.

— Я бы советовал вам быть трезвее, чтоб сполна насладиться победой.

— А я бы советовал вам быть пьянее, чтобы действовать чуть менее осмотрительно.

Однако Даниель уже взбирался по складной лесенке в фаэтон, одолженный ему Роджером.

— На Лестер-филдс! — крикнул он кучеру.

Лестер-хауз
полчаса спустя

— В этой стране, да будет вам известно, есть негласное правило, которое соблюдают и виги, и тори: не привлекать к политике толпу.

— Я не знала, — ответила принцесса Каролина. — Наверное, потому, что правило негласное.

За недели, проведённые в Лондоне, её английский заметно улучшился.

— Без сомнения, когда ваше королевское высочество будет повелевать мирной и счастливой Британией, правило будет соблюдаться неукоснительно, — продолжал Даниель, — как соблюдалось по меньшей четверть столетия.

— За исключением времени парламентских выборов, — вставила герцогиня Аркашон-Йглмская.

— Естественно, — сказал Даниель, — а также церковных поджогов и убийств. Однако я не убежден, что оно будет соблюдаться сегодня. По обе стороны раздела виги-тори я наблюдаю пугающий недостаток осмотрительности. Положение Болингброка сейчас и невероятно высоко,

и крайне шатко. Он подобен человеку, который почти влез на стену, цепляясь за неё ногтями, и уже видит место, где сможет встать — но и опасность рухнуть на камни внизу для него велика, как никогда. Он будет хвататься за что угодно, лишь бы не упасть. Что мешает ему нарушить правило касательно толпы?

Они сидели в помещении Лестер-хауз, которое, эпохи назад, на чертежах архитектора, возможно, звалось Гранд-салоном. К тому времени, как штукатурка высохла и въехали Стюарты, оно стало просто салоном. По современным меркам это был скорее чулан. Никакой ажурной лепнины в стиле рококо. Потрескивающие деревянные панели того оттенка коричневого, который темнее чёрного. Окна, выходящие на Лестер-сквер, забили ставнями — их нельзя было отличить от панелей, если не простукать. Тем не менее Элиза, судя по всему, любила эту тёмную каморку, и Даниель вынужден был признать, что тревожными вечерами такие помещения по-своему уютны.

— О толпе часто говорят, но никто её не видел, — заметила принцесса.

Иоганн фон Хакльгебер и Даниель Уотерхауз разом набрали в грудь воздуха и открыли рот, чтобы объяснить её неправоту. Впрочем, оба

помедлили, уступая другому право говорить, так что следующим вновь раздался голос Каролины.

— Вы готовы поведать мне ужасы, от которых кровь застынет в моих жилах, — сказала она. — Однако я нахожу само понятие противным философии. Доктор Лейбниц много размышлял о коллективных сущностях, как, например, стадо овец, и пришёл к выводу, что их следует рассматривать в качестве совокупности монад. Все они — индивидуальные души. Толпу измыслили умы, ленящиеся воспринимать их в таком качестве.

— И всё же я видел толпу, — возразил Даниель. — Можно сказать, я ею был.

— Тем не менее вы — один из умнейший людей, созданных Богом, — отвечала Каролина. — Это доказывает, что концепция толпы ошибочна.

— Я познакомился с толпой в тот день, когда за голову Даппы объявили награду, — сказал Иоганн фон Хакльгебер. — Состоящая из индивидуальных душ, она меж тем обладала коллективной волей.

— Пфуй!

— Вы сможете обсудить это с доктором в Ганновере, — вмешалась Элиза. — У нас есть более насущные дела. Иоганн, в тот день, когда аре-

стовали Даппу, толпу распалили объявления о поимке, напечатанные Чарльзом Уайтом. Чем Болингброк может подстрекнуть толпу сейчас?

— Поймите, ваша светлость, в толпе девяносто человек из ста — обычные преступники, которым довольно малейшего повода для бесчинств, — сказал Даниель. — Они как грубый порох в ружейном дуле. Он воспламеняется от тонкого пороха на полке. Другими словами, один провокатор, движимый партийной ненавистью, может заразить остервенением десять или сто подонков. Болингброк поставит застрельщиков на улицах и площадях. Чтобы науськать их — поджечь порох на полке, — достанет любого мелкого скандала или происшествия. Например, можно объявить, что в Лондоне есть ганноверские шпионы.

— Я поняла, — сказала принцесса, — как глупо мне было сюда приезжать.

— Ничуть, потому что, приехав сюда, вы, возможно, спаслись от убийц, подосланных де Жексом, — отвечал Даниель.

— *Было бы* глупо приезжать, — подхватил Иоганн, — не приготовившись к сегодняшнему вечеру.

Говоря, он посмотрел матери в глаза. Элиза встала.

— Мать и сын мудро всё устроили, — сообразила Каролина, — покуда глупая принцесса тешилась своим озорным приключением.

— Так было и будет, пока есть монархи, — отвечала Элиза. — Вы сможете отплатить нам за труд, свершив то, что не в нашей власти.

— Легко сказать, — проговорила принцесса. — Сейчас, что я могу…

— Вы можете спастись бегством, — сказала Элиза, — согласно давней и почтенной традиции. Елизавета, Карл II, Людовик XIV, Зимняя королева — все когда-то бежали, спасая свою жизнь, и все — успешно.

— У Якова II вышло худо, — задумчиво произнёс Даниель. Потом, чтобы не портить людям настроение, добавил: — Но вы сделаны из другого теста.

— К тому же в отличие от него у принцессы есть друзья и план действий, — сказал Иоганн, — хотя она об этом не знает. Чтобы его запустить, мне достаточно одного слова. Таков ваш совет, доктор Уотерхауз?

На Даниеля возлагали трудный выбор. В молодости сознание ответственности его бы парализовало. Однако решения стали даваться ему куда легче с тех пор, как он привык к мысли, что давно должен был умереть.

— О, вам всенепременно надо бежать, — сказал он. — Но прежде мне хотелось бы перемолвиться словом с её светлостью, если план это дозволяет.

Элиза улыбнулась.

— План требует, чтобы первым делом Иоганн и Каролина сменили платье, — сказала она, движением век разрешая им выйти из комнаты. Иоганн повернулся и, не глядя, отвёл руку назад. Ладонь Каролины скользнула в неё, как сокол, падающий на дичь. Так они и вышли: он — устремлённый вперёд, она — плывя величаво, как приличествует её сану. В прилегающей комнате Иоганн начал по-немецки отдавать распоряжения людям, тихо ожидавшим там четверть часа с прихода Даниеля. Один заглянул в «салон», почтительно кивнул Элизе, сверкнул на Даниеля глазами и захлопнул дверь так резко, что все панели в доме отозвались потрескиванием.

— Вы со мной наедине, — заметила Элиза. — Сценарий, часто воспеваемый поэтами в клубе «Кит-Кэт».

Даниель улыбнулся.

— Если бы они воспевали нашу встречу, то уподобили бы меня Титону, который получил вечную жизнь, но не вечную молодость, и от старости, усохнув, превратился в сверчка.

— В качестве уловки ваша скромность хороша, — сказала Элиза. — Я вижу, как она должна действовать на молодых, тщеславных и плохо вас знающих. Мне, знающей вас хорошо, она неприятна. Прошу вас говорить прямо, не льстя мне и не уничижая себя; у нас мало времени.

Даниель глубоко вдохнул, как человек, которого только что окатили ледяной водой. Потом сказал:

— У меня к вам новость касательно Джека Шафто.

Теперь пришёл Элизин черёд ахнуть. Она так быстро повернулась к Даниелю спиной, что хлестнула его юбкой по ногам, затем отошла и села на скамью между двумя забитыми окнами. Даниель остался стоять к ней боком, чтобы не видеть её вспыхнувшее лицо.

— Я полагала, что вы его преследуете. Как…

— Преследую и поймаю, — отвечал Даниель, — что не помешало Джеку, при его уме, подстроить так, чтобы я услышал некие слова, предназначенные для вас.

— И что это за слова, сэр?

— Что всё, сделанное им за последнее время, сделано из любви к вам.

— Очень странный способ выказать любовь, —

возмутилась Элиза. — Чеканить фальшивые деньги по указке французского короля и взрывать людей!

— На деле он никого не взорвал, — заметил Даниель. — Что до французского короля, некоторые напомнили бы, что он также сеньор Аркашонов.

— Спасибо за напоминание, — проговорила Элиза. — Это все его слова?

— Что он любит вас? Да, кажется, так.

— Что ж, если поймаете его, передайте ему мой ответ, — сказала Элиза, вставая. — Решение, которое он принял на амстердамской пристани, необратимо; чтобы в этом убедиться, довольно взглянуть на то, чем стал Джек через тридцать лет — всё можно было предсказать по его тогдашнему выбору.

— У меня есть основания полагать, что сейчас Джек хочет измениться, — произнёс Даниель, — так, как даже вы не могли предвидеть.

— Так поступил бы молодой Джек, который, должна признать, был мечтателем, — сказала Элиза. — Жалкая мразь, в какую он превратился, на это не способна.

— Никогда ещё стальная, утыканная шипами перчатка не бывала брошена с такой резкостью. Я еду в таверну «Чёрный пёс», — Даниель отвесил

учтивый поклон, — и, если судьба сведёт нас с Джеком, передам ему ваш вызов.

Ньюгейтская тюрьма полчаса спустя

Как бы Иоганн фон Хакльгебер ни собирался вывозить принцессу Каролину из Лондона, план явно не предполагал, что это будет сделано тихо. Столпотворение было невероятное: Даниель наполовину испугался, что конюшни Лестер-хауз уже захватила пресловутая толпа. Но тревожиться не стоило: то были верные слуги герцогини. Даниель отыскал свой фаэтон и велел кучеру ехать на другую сторону Лестер-филдс, чтобы забрать сэра Исаака Ньютона. Всё произошло крайне быстрым и до нелепого подозрительным манером. Соглядатаи, расставленные на Лестер-филдс политиками, иностранными правительствами, биржевыми воротилами и газетчиками, должны были сообщить своим нанимателям, что усохший, как сверчок, пожилой джентльмен выскочил из лондонского дома герцогини Аркашон-Йглмской, запрыгнул в неподобающе роскошный и модный экипаж, промчался через площадь, подхватил величайшего в мире натурфилософа и умчался в направлении…

Ньюгейтской тюрьмы. Что те подумали, остается гадать. Даниелю было уже всё равно.

Они встретились с Партри в «базарне», то есть яме под Ньюгейтскими воротами, где свободные люди могли разговаривать с узниками через решётку. Партри использовал её вместо приёмной.

— Какие новости от Равенскара? — раздался его голос из-за прутьев.

— Прежде ответьте, когда мы увидим другую договаривающуюся сторону? — сказал Даниель. — Трудно торговаться с фантомом.

— Поскольку и вы для него — только фантом, он скорее всего думает так же.

— Так сведите нас наконец в одном помещении!

— Всё устроено, — заверил Партри. — Я снял «Чёрный пёс» на вечер. Там мы с ним и встретимся — в пустой таверне, без посторонних, у него скорее развяжется язык. Но и вы приготовьтесь развязать кошельки.

— Здесь тоже всё устроено, — кивнул Даниель. — При необходимости мы можем предложить узнику свободу и ферму в Каролине. При необходимости.

— Уж это слишком! — воскликнул Исаак. — Вполне достаточно обещать, что его повесят

быстрее обычного.

— Возможно, — отвечал Даниель. — Но если этого не хватит, у нас будет запас для торга.

— Отлично! — сказал Партри. — В «Чёрный пёс»! Будьте осторожнее на лестнице, там скользко от раздавленных вшей.

— Больше обычного?

— Да, — отвечал Партри. — Я говорил, что очистил «Чёрный пёс» на сегодняшний вечер; многие, просидевшие там весь день, только что прошли по лестнице. Трудно сказать, что насыпалось из их лохмотьев.

— Да, весь Лондон сегодня в движении, — заметил Даниель.

— Только не то, что лежит на этих ступенях, — настаивал Партри. — Позвольте мне идти первым и светить фонарём.

Спускаясь следом за Партри, впереди Исаака, Даниель сказал:

— Как удивительно! На взгляд эта лестница ничем не отличается от любой другой.

— Что тут удивительного? — спросил Исаак.

— Мы всегда говорим о Ньюгейте с ужасом, — пояснил Даниель. — Но без узников это просто здание — разве что чуть зловоннее остальных.

— То же самое можно сказать о здешней та-

верне, — объявил Партри, распахивая дверь. Оттуда хлынул неожиданный свет и волна помоечного смрада.

— Вы хотите сказать, что на самом деле ужас внушают нам люди, заточённые в Ньюгейт, — произнёс Исаак.

— Бывал ли «Чёрный пёс» так освещён за всю свою историю? — спросил Даниель, входя в дверь. Ибо свечей здесь было не меньше, чем вшей на лестнице — и не из ситового тростника, а настоящих, восковых. Даже обеденная зала виконта Болингброка сияла сегодня не так ярко. Таверна не изобиловала мебелью — здесь либо стояли, либо лежали на полу. Имелась, правда, стойка — бруствер между узниками и джином; на ней-то и выстроился частокол свеч. Шон Партри направился к стойке. Даниель помедлил на середине помещения, чтобы оглядеться. Его глаза ещё не совсем привыкли к свету, но он уже видел, что больше никого здесь нет.

— Где?.. — начал он.

— Сколько, ради всего святого, вы издержали на свечи? — вопросил Исаак. — Состояние! Вы обезумели?

— Дни моих безумств давно миновали. — Партри повернулся к стойке, превратившись в тень,

рассекшую сноп света. — Не тревожьтесь, я заплатил за свечи из своего кармана. Когда мы покончим с делом, я раздам их узникам, которые по бедности не могут купить даже огарков и забыли, что такое свет.

— Вы слишком в себе уверены, — сказал Исаак. Теперь они с Даниелем стояли плечом к плечу, лицом к Партри; жар свечей обдавал их, как летнее солнце. — Мы ничего вам не заплатим, пока не получим искомого. Где узник?

— Узника нет, — отвечал Партри, — и не было. Я с самого начала вам лгал. Всё, что вы услышите сегодня о местопребывании Джека Шафто, вы услышите не от несуществующего узника, а от меня.

— Зачем вы нам лгали? — спросил Исаак.

— Чтобы добиться встречи на нейтральной территории. — Партри топнул ногой по каменному полу. — Здесь я могу изложить свои сведения без опаски.

— И что за сведения наконец? — потребовал Исаак.

— Что я — Джек Шафто, — сказал Джек Шафто. — Он же Джек-Монетчик, он же Ртуть, а равно обладатель множества других прозвищ и титулов. И что я готов окончить свою карьеру сегодня,

если только мы сойдёмся в условиях.

Голден-сквер
тогда же

Если цель званого вечера — свести интересных людей и поставить перед ними превосходные еду и вино, то приём у виконта Болингброка был событием года. Некоторые посетовали бы, что среди гостей слишком много вигов; что ж, Болингброк со вчерашнего дня олицетворял всю партию тори и не нуждался в свите. С другой стороны, если цель светского раута — увлекательная застольная беседа, то Эпоха Просвещения ещё не видела такого провала. Роберт Уолпол даже мурлыкал себе под нос, чтобы заполнить тишину. За столом сидели двенадцать человек; лишь двое из них — Болингброк и Равенскар — были облечены властью вести переговоры. Однако обоим, судя по всему, нравилось есть и пить в гробовом молчании. Время от времени кто-нибудь из вигов помоложе обращался к соседям с репликой; разговор несколько мгновений тлел и дымился, как искра, упавшая в мох, пока Болингброк или Равенскар не заливали его словами: «Передайте соль». Перемены следовали одна за другой, по-

скольку у гостей не было других занятий, кроме как жевать и глотать. Лишь после пудинга Болингброк удосужился начать гамбит.

— Милорд, — обратился он к Роджеру. — Я уже сто лет не был на заседаниях доброго старого Королевского общества. Есть ли здесь другие его члены?

Он оглядел сидящих. У него были близкопосаженные глаза и острый длинный нос: внешность скорее хищного зверя, нежели человека. Однако дурнота его вызывала не насмешку, а страх. Рот маленький, поджатый — так ведь и ружейное дуло не очень велико. Болингброк однажды совершил вылазку в мир моды, явившись к королеве в чрезмерно простом и маленьком парике, за что был спрошен ею, не собирается ли он для следующего визита к государыне надеть ночной колпак. Сегодняшний его парик не вызвал бы таких нареканий; белые локоны, ниспадавшие с плеч, доходили до середины туловища. Белый галстук, много раз обмотанный вокруг шеи, напоминал бандаж. Галстук и парик придавали голове сходство с тщательно упакованным страусиным яйцом. Сейчас она повернулось влево, затем вправо, к маркизу Равенскару, сидевшему по правую руку от хозяина.

— О нет, милорд, — отвечал Равенскар. — Только мы с вами.

— Вигов нового поколения не влечёт натурфилософия, — заметил Болингброк.

— Их не влечёт Королевское общество, — поправил Роджер. — Что они изучают помимо политики и красоток, мне неизвестно.

Осторожный смех, более всего от облегчения, что разговор наконец завязывается.

— Милорд Равенскар пытается воскресить сплетню, будто я знаю о красотках столько же, сколько сэр Исаак о гравитации.

— Воистину, подобно гравитации прекрасный пол вечно притягивает нас всех.

— Однако вы переводите разговор на другую, пусть и увлекательнейшую тему, — сказал Болингброк. — Разве Королевское общество — не самый выдающийся салон для бесед о натурфилософии? Как можно уверять, будто жаждешь познаний, и не стремиться в него вступить? Или оно угасает? Мне неоткуда узнать — я уже сто лет не был на заседаниях. Такая жалость.

— Сейчас мы отодвинули стулья, отбросили салфетки и поглаживаем живот, — заметил Роджер. — Значит ли это, что ваш званый вечер угасает?

Болингброк поднял голубые глаза к потолку, изображая глубокую задумчивость, затем проговорил:

— Понимаю. Вы хотите сказать, что в первые десятилетия Королевское общество жадно поглощало знания и теперь отдыхает, чтобы их переварить.

— Примерно так.

— А разве добытое не следует оберегать?

— В ваших словах слышится двойной смысл, милорд.

— О, не усложняйте. Я говорю о сэре Исааке и лживых притязаниях бесславного *ганноверского* плагиатора, барона фон как его там…

— Все ганноверцы, каких я встречал, были безупречно честны, — флегматично обронил Роджер.

— Очевидно, вы не знакомы с супругой Георга-Людвига!

— Никто не может свести с ней знакомство, покуда она заточена в замке, милорд.

— Ах да. Скажите, это тот же замок, в котором принцесса Каролина якобы вынуждена была укрыться после того, как вообразила, что её преследуют гашишины?

— Мне такого не рассказывали, милорд, а если

рассказывали, я не стал слушать.

— Мне рассказали, и я выслушал, но не поверил. Я подозреваю, что принцесса где-то ещё.

— Я представления не имею, где она, милорд. Однако возвращаясь к Королевскому обществу…

— Да. Вернёмся к нему. И впрямь, кто упрекнёт сэра Исаака?

— Упрекнёт за что, милорд?

— За то, что он отложил натурфилософские штудии, дабы оборонять своё наследие от посягательств немца.

— Вы ставите меня в неловкое положение, милорд: мне кажется, будто мы снова в палате лордов, обсуждаем билль. Однако я отвечу на вопрос, который вы не задали, и скажу, что если нынешние молодые люди не вступают в Королевское общество, то объяснить это можно так: слушать тирады Ньютона против Лейбница, читать документы, уличающие Лейбница, заседать в комитетах, трибуналах и звёздных палатах, ставящих своей целью заочно осудить Лейбница, им скучно.

— Фон Лейбниц. Спасибо, что напомнили. Как бы мы разбирались со всеми этим ужасными немецкими фамилиями, если бы не виги, которые так хорошо их знают?

— Трудно освоить немецкий язык, когда со всех сторон слышишь французский, — промолвил Равенскар. Шутка была встречена тишиной, в которой мешались ужас и восхищение.

Болингброк побагровел, затем от души хохотнул.

— Милорд, — выпалил он, — взгляните на наших сотрапезников. Случалось ли вам видеть более деревянные фигуры?

— Только на шахматной доске.

— А всё потому, что мы заговорили о натурфилософии — верный способ убить любую беседу.

— Напротив, милорд, мы с вами беседуем замечательно.

— Тем не менее другие гости скучают. Для того-то и есть гостиные, курительные и прочие комнаты, где можно предаваться учёным беседам, не вгоняя в тоску остальных.

— Если это тактический ход с целью угостить меня портвейном, то надо ли идти на столь сложные ухищрения?

— Но где мы будем его пить? — спросил Болингброк.

— Не смею советовать, милорд, поскольку это ваш дом.

— Воистину. И я предлагаю: пусть те, кому

безразлична натурфилософия, угостятся портвейном в моей гостиной, мы же с вами, как рьяные ценители наук, поднимемся в обсерваторию тремя этажами выше, дабы не терзать остальных гостей философскими умствованиями.

— Хозяин дома изрёк своё слово; нам должно повиноваться, — объявил Роджер Комсток, маркиз Равенскар, отодвигая стул; так они с Болингброком и оказались под крышей особняка, перед новейшим отражательным телескопом Ньютона. Однако ещё не совсем стемнело, звёзды не показались, и статс-секретарь её величества вынужден был направить телескоп на земные цели. Лёгкость, с которой он это сделал, навела Роджера на мысль, что ему не впервой подглядывать таким образом за соседями.

— Видимость сегодня превосходная, — заметил Болингброк, — поскольку день тёплый, и мало где топили камины.

— Портвейн отличнейший, — отозвался Роджер. Виконт собственноручно принёс в обсерваторию бутылку — самый тяжёлый труд, какой слуги позволили бы ему выполнить.

— Трофей политической войны, Роджер. Мы все алчем таких трофеев, не правда ли?

— Роль политика была бы слишком тягостна, —

согласился Роджер, — если бы не вознаграждалась сверх узких рамок дозволенного.

— Прекрасно сказано. — Болингброк, нагнувшись, водил телескопом вправо-влево, отыскивая некую цель. Роджеру подумалось, что виконт хочет разглядеть купол собора святого Павла, в двух милях отсюда; однако тот наклонил трубу, направляя прибор на что-то, расположенное много ближе. Самым большим объектом в этом направлении был Лестер-хауз. Огромная, стоящая углом усадьба вместе со службами и пристройками занимала почти такой же участок, как зелёный квадрат Лестер-филдс к югу от неё.

— Вскоре стемнеет, и засияет Венера — тогда мы сможем любоваться её красой. Сейчас же, покуда мы ожидаем богиню любви, нам остаётся лишь созерцать её земных служителей.

— Вот уж не думал что вам — особенно вам — нужен для этого телескоп, — сказал Роджер, — помимо того, которым наделил вас Господь.

Усадьба выходила на Лестер-филдс парадным фасадом с небольшим двором, где гости высаживались из карет. Такой она и представала с улицы. Однако вид сверху напомнил Роджеру, что за домом есть много всего, незримого большинству лондонцев. Примерно две трети этой скрытой

части со стороны Болингброкова особняка занимал регулярный сад, остальное — конюшни. Разделял их длинный узкий флигель — скорее даже галерея — основного дома.

— Жаль, сегодня они не вышли, — заметил Болингброк.

— О ком вы, Генри?

— О юных влюблённых. Он — белокурый, прекрасно одетый красавец, она — молодая дама с длинными каштановыми волосами и безупречной, я бы даже сказал, королевской, осанкой. Они встречаются в этом саду почти каждый вечер.

— Очень романтично.

— Скажите мне, Роджер. Вы, столько знающий о немцах, которые тщатся захватить нашу страну, видели ли вы принцессу Каролину?

— Имел такую честь однажды, в Ганновере.

— Говорят, что у неё дивной красоты каштановые волосы — так ли это?

— Описание вполне точное.

— А! Вот и она!

— Кто «она», милорд?

— Вот, поглядите и скажите мне.

Роджер неохотно шагнул к телескопу.

— Смотрите-смотрите! — подбодрил его Болингброк. — Можете не опасаться, половина

лондонских тори глядели в этот окуляр и видели её.

— Вряд ли такие слова можно счесть рекомендацией, но я вас уважу.

Роджер нагнулся к телескопу.

В окуляре возник пузырь зелёного света; он рос по мере того, как Роджер приближал глаз к линзе и, наконец, стал целым миром. Поворот верньера — и мир этот обрёл чёткость.

Галерею, отделяющую сад (передний план) от конюшен (дальнего), разрезала посередине высокая сводчатая арка с воротами; сейчас они были открыты. Соответственно Роджер не мог видеть конюшен, только участок жёлтого гравия в проёме арки. Впрочем, даже этого было довольно, чтобы понять: сегодня там царит оживление. Копыта, обутые ноги и колёса сновали туда-сюда, сплющенные оптикой в плоскую картинку — живую кулису. На её фоне в арке стояла, нагнувшись, женщина, одетая по-дорожному. Она переобувалась из домашних туфель в высокие ботинки. Рядом лежал открытый саквояж, переполненный нарядами. Подбежала служанка с платьем в руках, сунула его в саквояж и принялась уминать руками.

— Я бы назвал это спешным отъездом, — сказал

Болингброк в ухо Роджеру. — Похоже скорее на Меркурия, чем на Венеру.

Роджер, не обращая на него внимания, подкрутил верньер, старясь чётче разглядеть женщину, надевавшую дорожную обувь. У неё, несомненно, были длинные каштановые волосы, которые сейчас соскользнули с плеча и касались земли.

Нет, они лежали на земле. Грудой. Роджер заморгал.

— Что вы увидели?! — вопросил хозяин. — Это она?

— Погодите, я не уверен.

Локоны определённо лежали на земле. Дама спокойно закончила шнуровать ботинок, затем подняла их. У неё были белокурые, с проседью, волосы, уложенные плотно к голове. Она встряхнула каштановый парик, расправляя пряди, и надела поверх белокурых волос. Служанка, сумевшая таки закрыть саквояж, подошла, натянула парик сильнее и подколола его длинной шпилькой.

— Лопни мои глаза, — сказал Роджер. — Волосы её выдали. Если эта молодая дама — не принцесса Каролина Бранденбург-Ансбахская, то я — не виг.

— Дайте и мне посмотреть! Что она сейчас дела-

ет? — воскликнул Болингброк. Роджер шагнул в сторону. Болингброк припал к телескопу, поправил резкость, снова отыскал даму и сказал: — Я вижу только её спину. Ухажёр куда-то запропал. Думаю, она садится в карету.

— Я тоже так думаю, милорд.

«Чёрный пёс» в Ньюгейтской тюрьме
тогда же

Бывает, что человек, долго бившийся над трудным уравнением, внезапно находит способ кардинально его упростить. Два выражения, которые он переписывал вновь и вновь, так что они стали ему знакомей собственной подписи, в результате наития или каких-то дополнительных данных оказываются равными и полностью исчезают из формулы, оставив для раздумий совершенно новое математическое равенство. В первый миг он ликует: гордится собой, радуется, что дело пошло. Затем приходит отрезвление. Он смотрит на оставшуюся запись и видит, что получил совершенно новую задачу.

Нечто подобное произошло с Даниелем в «Чёрном псе». Например: Джек Шафто был при сабле. Покуда он оставался Шоном Партри, она Даниеля не смущала: многие ходят вооруженными. У Джека сабля сразу приобрела иной смысл. Он нарочно всё подстроил, чтобы убить Исаака и Даниеля, если до этого дойдёт. Или свечи: со сто-

роны Шона Партри — просто блажь, со стороны Джека — средство видеть лица противников, самому оставаясь в тени. И это лишь очевидное и поверхностное; о более глубоких последствиях можно было бы раздумывать неделями.

— Ньютон ошарашен; Уотерхауз кивает, как будто с самого начала обо всём догадывался. Похоже, Уотерхауз умнее, чем о нём думают, — сказал Джек.

— Я чувствовал какой-то подвох, поскольку не мог уяснить недавних событий, — произнес Даниель. — Но такого я не ждал.

— Теперь уяснили?

— Нет.

Даниель посмотрел на Исаака, который в кои-то веки соображал медленнее него. Тот как раз остановил взгляд на рукояти Джековой сабли, затем принялся озираться в поисках выхода.

— Вся работа последних месяцев: Бедлам, «Грот-салинг», аукцион — зачем? Какова цель? — выговорил Даниель.

— Спросите де Жекса, — отвечал Джек. — Я принимал в этом кукольном балагане куда меньшее участие, нежели вы думаете. По большей части был просто зрителем. Смотрел и посмеивался. Хотя и осерчал под конец, когда увидел его в реке

и понял, что он спасся.

— Так вы впрямь его ненавидите?

— И всегда ненавидел, — кивнул Джек. — Хотя, полагаю, он об этом не догадывался, пока у него в карете не взорвалась ваша штучка. Тут до него, наверное, дошло, что я ему не друг.

— Поскольку вы затеяли двойную игру…

— Все годы, что я имел несчастье его знать, он обращал минуты в часы, а часы — в дни трескотнёй про алхимию. В последнее время — с тех пор, как стало известно, что вас вызвали из Бостона — он сделался совершенно невыносим. И я подумал: раз он столько мучил меня алхимией, будет только справедливо с её помощью его и прикончить.

При упоминании алхимии Ньютон ожил. (Что показалось Даниелю исключительно характерным: и впрямь, когда Исаак бывал общителен, кроме как в среде алхимиков и в разговорах об алхимии? Не зря они зовут себя Эзотерическим братством. Только из этого круга он черпал новые знакомства за единственным исключением Даниеля; на алхимии строилось всё его взаимодействие с другими людьми, и в этом была своя магия.)

— Если где-нибудь и когда-нибудь было умест-

но задать крайнее неделикатный вопрос, то здесь и сейчас, — начал Исаак.

— Валяйте, Айк, — подбодрил Джек.

— Если вы так давно питали к де Жексу смертельную вражду, то почему не убили его раньше? Ибо, если я не ошибаюсь, вам такое не составило бы труда?

— Вы, прикончивший стольких на Тайберне, можете думать, что нет ничего проще, и воображать, будто я отправил на тот свет не меньше людей, чем Тамерлан, — отвечал Джек. — Однако убийство по закону — сущая безделица по сравнению с тем, что надо проделать в моём мире, чтобы убить духовника французской королевы.

— И в одержимости де Жекса алхимией вы увидели средство убрать его чужими руками, — сказал Даниель.

Джек вздохнул.

— У меня почти получилось. И может ещё получиться так или иначе. Однако сейчас время неспокойное, поэтому нам надо утрясти наши дела честь по чести.

— И вам хватает дерзости помыслить, будто после всего вами совершенного дела можно просто *утрясти*! — вскипел Исаак.

— А не поинтересоваться ли вам мнением мар-

киза Равенскара? — спросил Джек. — Если он обещал свободу и ферму в Каролине мошеннику, который всего лишь выведет на мой след, что он предложил бы мне, если б оказался сейчас с нами? Что дали бы *вы* за то, чтобы прежнее содержимое ковчега доставили вам сегодня домой?

Даниель на миг забыл, что заперт в Ньюгейте с опаснейшим преступником Лондона — так явственно представился ему гнев Роджера, когда тот узнает, что Даниель с треском провалил переговоры.

Покуда он воображал свою встречу с Роджером, Исаак, замешкавший было вначале, стремительно вырвался вперёд.

— Допустим, в вашем предложении что-то есть, — сказал он. — Как в таком случае оно согласуется с вашей ролью платного агента французского короля?

— Ах да, очень важно, — проговорил Джек. — Луй — дальновидный малый. Заслуживает всего, что о нём говорят. Между двумя войнами придумал, как ему выиграть следующую: обрушить английскую денежную систему. Отличный план. Нужен исполнитель. Тут подворачиваюсь я. Я знаю Лондон. Кумекаю насчёт металлов и чеканки монет. Есть организаторский опыт по Бонанце,

Каиру и всему такому. Вот только светского лоску нет, да и верить мне сложно. Как восполнить мои изъяны, чтобы использовать достоинства? Де Жекс. Родовитости — хоть отбавляй. Сумеет втереться в любую гостиную — а я тут как раз не силён. Видел, и не единожды, как я чудил из-за некой Элизы — да, доктор Уотерхауз, я называю её имя вслух, — и понимает, что это крюк, которым меня легко зацепить. Гадюка-судьба подстроила так, что Элиза вышла за молодого герцога д'Аркашона, рожала ему детей и половину времени проводила среди французской знати, имеющей привычку запросто убивать родителей, братьев и прочих родственников. Отравить её де Жексу было бы проще, чем волосок из носа вырвать. На том и сговорились: я еду в Лондон рушить хвалёный фунт стерлингов под приглядом несносного де Жекса, а Элизу оставляют в покое.

Как всё изменилось за двадцать лет! Война окончена, друзья мои, и Франция одержала верх. Хотя Англия получила кое-какие обглодки, не обольщайтесь — на испанском троне сидит Бурбон. Луй не прочь посадить на британский трон Джеми-скитальца, но ему это вовсе не так важно, как было в 1701-м заполучить Испанскую империю! То, над чем я трудился — подрыв

денежной системы, — приняло новую форму. Раньше целью было сгубить заморскую торговлю — единственное средство финансирования войны. Теперь цель помельче: разжечь скандал, настроить дельцов из Сити против вигов. Не надо кроить возмущённую мину, Айк, вы отлично знали, чем я занимаюсь. Сейчас я в силах это осуществить, или буду в силах, когда Болингброк назначит испытание ковчега. Стану ли? Предам ли я свою страну Франции? Возможно. Англия много сделала, чтобы заслужить мою ненависть. Есть ли у меня сильный мотив? Уже нет. Элиза овдовела. Её французские дети выросли и делят своё время между Парижем и Аркашоном. Её немецкий мальчик всегда при ней. Она уже два года не ступала на французскую землю. В итоге теперь де Жексу куда труднее её убить — и будет ещё труднее, если я с ним покончу.

— Всё это к тому, что вы о чём-то намерены нас попросить? — предположил Даниель.

— Я хочу одного — достойно удалиться от мирских дрязг, — сказал Джек. — Но раз уж вы упомянули ферму в Каролине, я не прочь отдать её своим сыновьям. Оставаясь в Лондоне, они будут только влипать в новые переделки.

— О да, — заметил Даниель. — И помыслить

нельзя, чтобы в Америке кто-нибудь впутался в неприятности.

— Для своих сыновей я ищу всего лишь других неприятностей, — отвечал Джек. — Здоровых неприятностей на свежем воздухе.

Монмаут-стрит
тогда же

Толпа приходит в возмущение всякий раз, как полагает, что у неё есть для этого основания.

«Беды, которых можно справедливо ожидать от правительства вигов», анон., приписывается Бернарду Мандевиллю, 1714.

В конюшне Лестер-хауз Иоганн и Каролина взяли двух серых коней: непримечательных, в простой сбруе. Бок о бок они выехали на Монмаут-стрит. Каролина сидела по-мужски; это облегчалось тем, что на ней были штаны. Волосы её скрывал белый мужской парик, а на боку даже висела шпага. Иоганн был одет так же, но вооружён длинной старой рапирой, которую носил с тех пор, как неизвестные стали покушаться на жизнь близких ему людей. Вместе они должны были выглядеть как два молодых джентльмена на прогулке.

Каролина часто оглядывалась на Лестер-филдс. Иоганн посоветовал ей этого не делать, но лица

королевской крови не любят следовать столь приземлённым рекомендациям. Она была совершенно уверена, что за ними едет человек на вороном коне. Однако Монмаут-стрит всё время изгибалась влево, поэтому принцесса то и дело теряла всадника из виду. По той же причине они видели лишь небольшой отрезок пути и постоянно натыкались на всё новые препятствия.

— Составляя план, я не знал, когда его придётся осуществлять, — сказал Иоганн, — и не принял в расчёт Висельный день.

— Он ведь только в пятницу? — спросила Каролина. Был вечер среды.

— Да, — отвечал Иоганн. — Я ждал толп к завтрашнему вечеру, никак не к сегодняшнему.

Он не договорил. Чуть впереди в Монмаут-стрит, как притоки в реку, впадали ещё две улочки, образуя короткий, но очень широкий проезд, ведущий к Брод-Сент-Джайлс — не площади и не улице, а своего рода отстойнику, в который втекали Хай-Холборн (справа) и Оксфорд-стрит (слева, в направлении Тайберн-кросс). От Иоганна и Каролины Брод-Сент-Джайлс закрывало длинное невысокое здание, воздвигнутое прямо посередь дороги, словно песчаная отмель поперёк устья реки. Оно было кирпичное снизу, дощатое на-

верху, под выщербленной черепичной крышей, и такое невзрачное, что издали многие приняли бы его за конюшню. Однако для конюшни у него было слишком много печных труб, и все они кренились, как престарелые плакальщики на ветру. Со стороны, обращённой к Иоганну и Каролине, вдоль всего фасада тянулся дворик, на который выходила веранда. Здесь на скамьях сиротливо жались несколько стариков с белыми волосами и серыми лицами. Это была богадельня, где никчемных прихожан, оставшихся под старость без средств и без семьи, временно складировали до переселения на ближайшее кладбище. По какой-то причине её выстроили на перекрёстке, так что людям и каретам приходилось огибать богадельню.

В обычное время за невозможность увидеть Брод-Сент-Джайлс следовало возблагодарить Бога. Как часть Большого Лондона она, безусловно, имела свою историю и законное право на существование, но как магистраль, соединяющая Тайберн с центральной частью города, не выдерживала никакой критики. Позже в трущобах к северу от неё взорвут несколько бочонков пороха, Хай-Холборн и Оксфорд-стрит свяжет прямая дорога, а Брод-Сент-Джайлс превратится в

заболоченную старицу; в то время, когда Иоганн с Каролиной к ней подъезжали, упомянутые благие перемены были ещё делом будущего.

Сейчас невозможность видеть, что творится впереди, грозила опасностью. Народа вокруг было гораздо больше обычного. Толпа — по большей части кочевые трибы молодых людей, — подпряженная богадельней, закручивалась в водовороты перед её оградой. Молодые люди никуда не направлялись и никакой явной цели не преследовали, если не считать целью поиск неприятностей на свою и на чужую голову. Некоторые уже смотрели на Иоганна и Каролину и указывали пальцами.

— Почему столько народа — из-за Висельного дня?

— Слишком рано. О, если бы мы спросили кого-нибудь, зачем он здесь, он бы ответил, что пришёл смотреть повешение.

— Но поверить ему было бы глупо, — сказала Каролина. — Ты думаешь, это то, о чём предупреждал нас доктор Уотерхауз?

— Да. И виги, и тори используют повешение как предлог, чтобы вывести сочувствующих, как их ни называй…

— Ополчение?

— Может быть, чуть хуже ополчения и чуть лучше толпы. Не знаю. Так или иначе, они на улицах и готовятся жечь костры.

— Уже жгут, — заметила Каролина.

Они подъехали к тому месту, где, перед самым двором богадельни, улица расширялась. Справа пылал костёр. Его только что зажгли, и пламя сразу взметнулось ввысь; в столбе дыма кружили тлеющие листья и веточки. Костёр горел посередине Брод-Сент-Джайлс, имевшей здесь ширину в добрых сто футов.

— Держу пари, что это место сбора той или иной партии. — Иоганн привстал на стременах и обвёл взглядом улицу. И впрямь, многие потянулись к костру; некоторые осознанно, другие — следуя некоему стадному инстинкту. — Нам это только на руку. Смотрите, там, справа, толпа редеет — мы легко проедем на Хай-Холборн.

Он резко поворотил коня вправо. Каролина последовала его примеру; однако она невольно обернулась на Монмаут-стрит. Всадник на вороном коне был теперь так близко, что принцесса могла бы его окликнуть. Он ничуть не таился и даже, напротив, размахивал руками над головой, словно хотел привлечь чьё-то внимание. Достигнув желаемого, он указал на Иоганна и Каролину,

затем чиркнул себя пальцем по горлу.

Каролина повернулась так резко, что непривычный парик съехал набок. Поправляя его рукой, принцесса взглянула через площадь — туда, куда смотрел всадник на вороном коне. На крыше богадельни, на самом коньке, держась за трубу, стоял человек. Он повернулся — настолько быстро, насколько это можно было сделать, не упав с крыши, и поглядел через Брод-Сент-Джайлс в одну из боковых улочек.

— Чарльз! Не отставай! — крикнул Иоганн. (Каролина должна была оставаться Чарльзом, покуда она в штанах.)

Он опередил её примерно на два корпуса, и «Чарльз» не мог откликнуться, не выдав всем на расстоянии слышимости свой пол. Она пропустила вереницу мальчишек и заторопилась за Иоганном в надежде поравняться с ним и рассказать, что видела. Однако, едва расстояние между ними сократилось вдвое, Иоганн пришпорил коня и поскакал в направлении Сити.

Каролина уже видела недостатки плана. Он казался беспроигрышно простым. Элиза надевает парик, в котором её издали можно будет принять за Каролину, садится в лучшую карету, какая у неё есть, и мчит на юг вдоль Лестер-филдс на

виду у всех соглядатаев. Она едет мимо дома сэра Исаака Ньютона и дальше на запад в направлении Сент-Джеймс-сквер, как если бы стремилась попасть во дворец герцога Мальборо. Именно этого тори с их подозрительным складом ума ждали бы от принцессы Каролины; Мальборо ещё не вернулся в Англию, но вовсю отделывал особняк, давая понять, что второе пришествие не за горами. С Ганноверами его связывали давние узы, и принцесса могла бы укрыться в герцогском особняке, зная, что ни толпа, ни ополчение, ни партия не посмеют её там тронуть.

Тем временем Иоганн и Каролина должны были проехать примерно три мили в противоположном направлении, до Биллинсгейтской пристани, и оттуда на лодке добраться до ганноверского шлюпа. Через несколько дней они были бы в Антверпене, а ещё через несколько — в Ганновере. Так предполагал план, но Каролина только сейчас поняла, что будет, если маскарад удастся, и враги поверят, будто она не принцесса Каролина, а безвестный Чарльз — велика ли важность, если безвестного Чарльза найдут во Флитской канаве с перерезанным горлом, обобранного до нитки?

Сбоку от Иоганна образовалось свободное ме-

сто. Каролина пришпорила коня и, наконец, догнала своего спутника. «Что там?» — спросила она, указывая туда (налево, то есть на север через Брод-Сент-Джайлс), куда смотрел человек на крыше богадельни.

В том направлении было несколько улочек. Из одной как раз появилась прыгающая цепочка грив, париков и конских хвостов: пять или шесть всадников. Лиц с такого расстояния было не разобрать, но все их озаряло пламя костра, поскольку всадники смотрели в сторону богадельни. Принцесса обернулась: человека на крыше почти полностью скрывала труба, однако видно было, что он машет рукой, указывая на Иоганна и Каролину.

— Улица, из которой выехали всадники — Дайот-стрит, — ведёт к Грейт-Рассел и…

— Дому Равенскара?

— Да.

— Коли так, думаю, мы ввели врагов в опасное заблуждение, — сказала Каролина. — Они считают, что мы — гонцы, отправленные Элизой с важными известиями к маркизу Равенскару или командирам вигского ополчения. Те всадники, боюсь…

— Были поставлены на Дайот-стрит, чтобы

перехватить подобных гонцов, — закончил Иоганн. — Поскачем чуть быстрее, но не галопом, чтобы не выказать страх, и повернём направо, на Друри-лейн. Так мы двинемся прочь от дома Равенскара и развеем заблуждение, будто мы — гонцы.

— Я кое-что слышала о Друри-лейн…

— Все решат, что мы едем к шлюшкам, — подтвердил Иоганн. — Не тревожьтесь. Друри-лейн — граница дурного района. Многие из живущих там вышли сегодня на Брод-Сент-Джайлс. Проехать по границе не так уж опасно. Соваться за неё не стоит — да мы и не будем. Поскачем по Друри-лейн до самого Стренда.

С этими словами он направил лошадь направо, на Друри-лейн. Конь принцессы рванулся за ним, и та вновь чуть не потеряла парик. Отсюда Друри-лейн казалась бесконечной и несуразной даже по лондонским меркам: она сужалась и расширялась, сужалась и расширялась, словно ни один землемер не провешивал тут прямой линии, и дома клонило то к улице, то от неё, как пьяных на трактирной скамье. Костров видно не было, и это вселяло надежду: возможно, Друри-лейн оставили шлюхам, сводникам и карманникам, даже когда другие улицы и площади превратились в

квадраты на шахматной доске вигов и тори.

— Я видела, как в нашу сторону указывают, — сказала Каролина. — Боюсь, на нас хотят напасть.

Она невольно покосилась на итальянскую рапиру Иоганна.

Тот попытался ободрить спутницу шуткой:

— В таком случае хорошо, что моя правая рука свободна. — Иоганн взмахнул кистью в доказательство своих слов. — И как раз с опасной стороны. — Он указал на тёмные дома справа. — И хорошо, что у вас тоже есть шпага.

— Короткая и лёгкая.

— Зато современная. Никто теперь не фехтует рапирою и кинжалом. Я вооружён, как старик.

— Я рада, — отвечала Каролина. Рапира Иоганна — реликт давних времён — выглядела куда внушительнее, чем усыпанная драгоценными камнями зубочистка на боку у неё самой.

Принцесса вновь невольно обернулась. На Друри-лейн в этот час было мало верховых, и она почти сразу увидела двух всадников, только что свернувших с Брод-Сент-Джайлс. Они натянули поводья, оглядели улицу и, отыскав взглядом Иоганна и Каролину, пустили коней рысью.

Каролина, не тратя слов, тоже пришпорила ко-

ня, вынуждая Иоганна последовать её примеру.

— Как видите, на ту сторону Друри-лейн выходят бесчисленные улочки, — сказал Иоганн громко тоном пресыщенного светского льва, показывающего город сельскому кузену, — но чуть дальше есть очень широкая улица, ведущая к Ковент-Гарденскому рынку, где много девиц, которых мы эвфемически называем цветочницами и торговками апельсинами. Оттуда уже несложно попасть на Стренд.

Каролине хотелось спросить: «Зачем ты мне это рассказываешь?», но она не решалась заговорить вслух из-за близости пешеходов. Тут её привлекло какое-то движение справа — не на Друри-лейн, а на боковых улочках, мимо которых они только что проехали. Копыта цокали по мостовой, властный голос кричал: «С дороги, чёрт побери!» Так мог крикнуть только человек благородного происхождения, имеющий право носить оружие. Каролина обернулась. Преследователи уже сократили разрыв вдвое; повернувшись, чтобы сообщить новость Иоганну, она увидела, что он исчез. Вместо прощания до неё донёсся стук копыт в улочке и возгласы всполошенных проституток.

Что он ей сказал? Не въезжать в проулки; ис-

кать широкую улицу справа. Так Каролина и сделала и едва не пропустила нужный поворот, потому что он оказался ближе, нежели она ожидала. Оттуда только что выехал шагом всадник на тяжело дышащем коне. В первый миг Каролина обрадовалась, что это Иоганн, но конь был неправильный масти (гнедой), и в седле сидел другой человек. Он смотрел принцессе прямо в лицо и, будь сейчас день, легко распознал бы в ней переодетую женщину.

Всадник, надо полагать, отделился от эскадрона, въехавшего с Дайот-стрит минуту назад, и промчался галопом по боковым улочкам, чтобы перерезать им путь. Однако Иоганн, заслышав стук копыт, понял, что происходит, и свернул в проулок, чтобы, в свою очередь, обойти его с фланга.

Человек на гнедом коне поднял раскрытую ладонь, видимо, приказывая остановиться тем двоим, что нагоняли Каролину. Стук копыт у неё за спиной замедлился, потом стих. Другой рукой всадник приподнял шляпу, приветствуя Каролину. Та за неимением шляпы ответила взмахом руки и кивком. Убедительно ли получилось, она так и не узнала, потому что верховой джентльмен уже смотрел в другую сторону, гадая, куда

подевался её спутник.

Джентльмен глядел на своих товарищей у Каролины за спинной. Она обернулась. Оба указывали в проулок, куда ускакал Иоганн, и что-то кричали. Каролину оставили в покое, она могла скакать, куда вздумает. Иоганнов гамбит удался.

По крайней мере, так она думала, пока у неё не стащили шпагу.

Каролина почувствовала резкий рывок и услышала свист вынимаемой из ножен шпаги. Всадник на гнедом коне повернулся на звук, что неудивительно: джентльмены, не замечающие свиста обнажаемых шпаг, редко доживали до двадцати. Каролина запоздало поглядела вниз и увидела парнишку лет шестнадцати, без двух передних зубов, который хищно ухмыльнулся в ответ. Он развернул шпагу, так что остриё теперь указывало на принцессу. Она не понимала смысл угрозы, покуда сообщник «хвостодёра» (как назывались воришки, специализирующиеся на краже шпаг) не потянул за куда более ценные ножны. Они висели на простой кожаной перевязи, идущей наискосок через плечо. Второй воришка — щуплый и проворный, возможно, младший брат первого — действовал грубее: он двумя руками схватился за ножны и потянул

так, что ноги его оторвались от земли. Каролина оказалась перед выбором: упасть с лошади или ждать, когда перевязь отрежет ей голову. Многолетние уроки верховой езды приучили её любой ценой удерживаться в седле: она что есть силы сжала его ногами и вцепилась в луку правой рукой, одновременно сильно накренясь влево. Воришка упёрся ногами в конский бок и повис почти горизонтально, держась только за перевязь. Каролина вынуждена была ещё сильнее наклониться влево и пригнуть голову, чтобы перевязь соскочила. Ремень едва не срезал ей правое ухо. Она схватилась за голову, проверяя, на месте ли ухо. Оно никуда не делось, но вот волосы вокруг были её собственные. Не парик. Парик тушкой дохлого зверя лежал посреди Друри-лейн — по крайней мере, пока его не подхватил третий воришка. «Хвостодёр» чертыхнулся и припустил за похитителем париков; его помощник, специализирующийся на краже ножен, встал, потирая ушибленный зад, и побрёл следом.

Рядом кто-то заорал: «Это принцесса! Это принцесса!» Каролина повернулась и увидела, что кричит всадник на гнедом жеребце.

К ним галопом мчался кто-то на сером коне; ноги у него были не в стременах, башмаки болта-

лись в воздухе — явный моветон. Миг — и серый без всадника поскакал по Друри-лейн. Гнедой вздыбился, потому что ему на круп запрыгнул второй седок. Тот ухватился за первого, чтобы не свалиться; в одной его руке что-то блеснуло серебром. Рука была у первого седока под подбородком, серебристый предмет двигался, но неспешно, перерезая одну жилу за другой. Всадник завалился на бок; кровь веером брызнула на стену соседней таверны. Тот, кто сидел сзади, пятками вышиб его ноги из стремян и сбросил тело на мостовую. Затем Иоганн фон Хакльгебер перебрался в седло. Он спрятал в ножны окровавленный кинжал, освободившейся рукой схватил узду, а правой вытащил рапиру и помчался по Друри-лейн, чудом избежав лобового столкновения с конём Каролины. Проносясь мимо, Иоганн плашмя ударил его рапирой по крупу. Конь в ответ рванул так, что Каролина чуть не полетела из седла кувырком. Не получая указаний от хозяйки, конь устремился на свободное пространство: в широкую улицу, ведущую к Ковент-Гардену.

Каролина доскакала почти до самой рыночной площади, прежде чем выровнялась в седле и поймала уздечку. Тут она сообразила, что едет на запад — совсем не туда, куда надо, а главное,

что ей не следует нестись через открытое место вот так, с волосами, развевающимися за спиной, словно ганноверский флаг.

Надо было вернуться и помочь Иоганну. Впрочем, стычка на Друри-лейн наверняка уже закончилась, а если нет, Каролина могла только отвлечь Иоганна с риском для его жизни. Так чем же ему помочь? Следовать его указаниям, чтобы Иоганн знал, где её искать. Он упомянул, что несколько улочек ведут от Ковент-Гардена к Стренду, по которому она доедет на восток до собора святого Павла. Каролина натянула поводья, остановив лошадь перед самой площадью, и свернула налево, в обнадёживающе широкую улицу, которая тем не менее вскоре закончилась пересечением с более узкой. Каролина наугад выбрала направление и почти сразу вновь оказалась перед Т-образной развилкой. Так и продолжалось, словно улочки были проложены с единственной целью: заманить путника в лабиринт. На третьем повороте она окончательно перестала понимать, в какую сторону едет. На пятом за ней увязалась небольшая толпа мальчишек. На шестом к ним примкнули два подозрительных субъекта. После седьмого улочка стала ещё уже. Более того, она закончилась тупиком.

Однако, бросив взгляд через плечо, Каролина с изумлением увидела, что преследователи отстали.

В тупике ждали несколько портшезов. Носильщики курили и разговаривали; они умолкали, когда Каролина проезжала мимо. В самом конце улочки виднелась дверь с вывеской, освещённой фонарями: кот, играющий на скрипке. Из-за двери доносились говор и смех. В её проеме стоял человек, одетый как привратник. Когда Каролина подъехала ближе, он поднял голову, вынул изо рта трубку и обратился к принцессе так, как ещё никто к ней в жизни не обращался:

— Привет, милочка, ну до чего же ты хороша в мужском платье! Вижу, кто-то из наших досточтимых членов задумал провести особенный вечер. Хлыст захватила?

Принцесса не сразу вспомнила, что означает это слово, потом неуверенно показала хлыст, болтавшийся у неё на запястье.

Привратник ухмыльнулся и кивнул.

— Бьюсь об заклад, ты к епископу ***.

— Что это за место? — спросила она.

— О, ты приехала по адресу, не беспокойся, — отвечал он, берясь за ручку двери.

— Но как оно зовётся?

— Не глупи, малышка, это клуб «Кит-Кэт»!

— А! — воскликнула Каролина. — Здесь ли доктор Уотерхауз? Я к нему!

Лестер-филдс
тогда же

Элиза принесла немало жертв ради этих ганноверских женщин и выполнила немало их поручений, как хороших, так и дурных, но сегодняшняя миссия — поездка в карете — была самой мучительной. Ибо карета, даже очень богато украшенная, по сути своей ящик, и вся Элизина натура противилась тому, чтобы при данных обстоятельствах запереть себя в ящике.

Она так и не смогла до конца выбросить из памяти воспоминания о том дне, когда её и нескольких других гаремных девушек (на всех были паранджи) загнали в туннель под Веной, чтобы зарубить саблями. Слышать крики женщин, чувствовать запах их крови, понимать, что происходит, но видеть лишь пятнышко света при полной невозможности что-нибудь делать руками, кроме как сжимать скользкую ткань — то были худшие мгновения её жизни.

В окошко удавалось рассмотреть немногим больше, чем в прорезь паранджи, а высунуть наружу руку и что-нибудь схватить было бы

даже труднее. Да, экипаж катился на колёсах за упряжкой коней. Однако собак и вооружённых лакеев пришлось оставить дома — они разрушили бы иллюзию, будто в карете едет переодетая принцесса Каролина. Кучер надёжный, но ему могут приставить к виску пистолет; его могут сбросить с козел и схватить вожжи, и тогда Элиза окажется ещё беспомощней, чем в тот страшный день под Веной.

Тем не менее она довольно высоко оценивала свои шансы добраться до Мальборо-хауз. Расстояние — не больше полумили по прямой; надо только миновать узкие улочки, а дальше пойдут широкие Хей-маркет и Пэлл-Мэлл. Чем бы ни завершилась поездка, она будет недолгой; мучиться в деревянной паранджи предстоит считанные минуты.

Всё началось неплохо: карета благополучно проехала по восточной стороне Лестер-филдс и двинулась на запад вдоль южного края площади. Отсюда была прямая дорога на Хей-маркет, но кучер повернул раньше; Элиза почувствовала, как экипаж круто сворачивает влево на Сент-Мартинс-стрит. В окошке паранджи мелькнул дом сэра Исаака Ньютона; напротив блеснуло пламя там, где ему быть не следовало, — кто-то

разложил костёр на юго-западном углу Лестерфилдс, загородив выезд на Хей-маркет. И зажгли его только что: прежде чем запереться в ящике, Элиза внимательно оглядела площадь и ничего не увидела.

Не важно: с Сент-Мартинс-стрит было два выезда на запад. До первого они домчали в несколько мгновений, и кучер придержал коней, чтобы посмотреть, свободна ли дорога. Выглянула в окошко и Элиза. Менее чем в пятидесяти ярдах впереди она увидела нечто вроде кавалерийского эскадрона, несущегося во весь опор, чтобы преградить им путь. Ни знамени, ни барабанов, ни горнов у кавалеристов не было, как не было и мундиров, если не считать модный фасон своего рода установленной формой. Однако двигались они согласованно и явно повиновались одному человеку, одетому в чёрный плащ и сидящему на вороном коне.

Не успела Элиза что-либо ещё разглядеть или выговорить хоть слово, как кучер принял решение ехать по второй и последней улочке. Взметнулся и щёлкнул кнут, вызвав к жизни целый залп звуков: восемь пар подкованных копыт и четыре обитых железом обода устремились вперёд по булыжной мостовой; ящик заскрипел

и запрыгал на рессорах. Теперь до кучера было не докричаться; Элиза могла стучать в потолок сколько влезет и вопить через решётку до хрипоты, а он бы ничего не услышал.

Да и что бы она сказала? Главная цель — поддерживать иллюзию. Добраться до особняка Мальборо — хорошо, поскольку иллюзию это укрепит, но несущественно. И уж точно не стоит ничьей жизни. Колесить бесцельно какое-то время — ничуть не хуже, а может, даже и лучше.

В конце улицы, там, где она уходила вправо, её ширина позволяла круто развернуть карету на всём скаку, что кучер и сделал. Карету занесло вбок, колёса ударились о бордюр. Ящик тряхнуло — два колеса на миг оторвались от мостовой, — затем постромки натянулись и повлекли его в новом направлении, на запад. Экипаж грохнулся на все четыре колеса. Элизу отбросило вправо, потом назад. В памяти осталось неприятное воспоминание о звуке, таком резком, что он достиг её слуха сквозь весь остальной шум. Это мог быть щелчок кнута или даже пистолетный выстрел. Однако Элизе помнилось, что он долетел из левого окна и больше походил на треск. Возможно, от удара сломалась спица. Возможно, надо было сказать кучеру, чтобы он

больше не поворачивал вправо на такой скорости. А возможно, он сам всё слышал и не нуждался в советах.

Ненависть к ящику и страстное желание знать, что происходит, толкали Элизу выглянуть в окошко и посмотреть вперёд. Благоразумие требовало сидеть смирно. Лошади летели галопом. Приближалась Т-образная развилка, на которой кучеру предстояло свернуть вправо или влево. Элиза упёрлась ногами в противоположную скамью, руками — в стенки кареты, всем сердцем желая, чтобы кучер повернул влево. Теперь не было сомнений, что похожий на сердцебиение стук, который она слышала слева и чувствовала через остов кареты, идёт от сломанной спицы.

Из ящика казалось, что мчать по улицам Лондона со скоростью боевого тарана — чистое безумие. Однако это было не так, поскольку (как припомнила теперь Элиза) у кареты имелось длинное дышло, к которому крепилась сбруя и которое (подобно тарану галеры) сильно выдавалось вперёд. Каждый день на улицах Лондона кому-нибудь пропарывало дышлом живот или вышибало мозги. Допустим, целый эскадрон якобитов и впрямь перегородил улицу, чтобы не пропустить карету на Хедж-лейн — каких

только глупостей не напридумываешь, сидя в ящике! — все они бросятся врассыпную от тарана, как только поймут, что его не остановить. Что они сделают потом, когда придут в себя, вопрос другой — но об этом покамест можно не думать.

По-видимому, тактика сработала, потому что, как раз когда Элиза напряглась всем телом в ожидании толчка, карета замедлилась и начала поворачивать — влево, благодарение Богу, и даже не очень быстро — на Хедж-лейн. Собственно, это был не поворот, а плавный изгиб дороги перед Литтл-Саффолк, откуда открывался прямой путь на Хей-маркет к трёхарочному фасаду Итальянской оперы, выстроенной Ванбругом и вигами.

Во время всего манёвра Элиза слышала топот копыт и крики, но слов не могла разобрать, пока упряжка не вывернула на Литтл-Саффолк и не понеслась ровным кентером, которым должна была домчать Элизу до Оперы значительно меньше, чем за минуту. Терять эти секунды представлялось неразумным. Всадники кричали всякие глупости вроде: «Стой!» или «Я приказываю остановить карету!» Элиза не хотела, чтобы кучер подчинился, как не хотела и другого: чтобы он гнал вперёд, если в него могут выстрелить. Главное — поддерживать иллюзию.

Она распахнула окошко с левой стороны и увидела в отверстие паранджи несколько всадников. Все они разом умолкли; это было так приятно, что Элиза распахнула и правое окошко. Потом рискнула высунуться и поглядеть вперёд. Ей предстал ряд домов, таких же, как на любой лондонской улице поновее. Но все их затмевало здание вдвое выше и втрое шире соседних.

Как и они, здание было сложено из кирпича, но сводчатые оконные и дверные проёмы, обрамленные фестончатой кладкой, русты над замковыми камнями и широкие фризы между этажами занимали такую часть фасада, что он казался сделанным из блоков светлого камня, узкие промежутки между которыми заложили кирпичом. Задумывалось, что здание снаружи будет впечатлять не меньше, чем происходящее внутри: ибо это была Итальянская опера, и стояла она на Хей-маркет. Элиза любила её и, как все добрые виги, участвовала в подписке, но сейчас видела в Опере только ориентир. Чтобы перегородить узкую улочку вроде Литтл-Саффолк, довольно поставить несколько человек и разжечь костёр. Иное дело Хей-маркет шириною почти сто футов — чтобы перегородить её, понадобится рота.

— Не обращай ни на кого внимания! — крикну-

ла Элиза. — Гони вперёд, не останавливайся!

Слова — незначительный обрывок либретто; главное, что Элиза выкрикнула их *по-немецки*. В салонах Версаля, Амстердама и других мест она нередко производила фурор умело брошенной фразой, однако нынешний успех затмил все прошлые. «Это она! Принцесса!» — заорал один из всадников и, пришпорив коня, вылетел на перекрёсток с Хей-маркет, до которого карете оставалось не более пятидесяти ярдов. Элиза так обрадовалась, что испугалась, как бы в ней не распознали самозванку; покуда всадники справа не успели хорошенько её разглядеть, она скользнула к левому окну.

Тут вся радость улетучилась. Впереди метеорами плясали факелы. Один стремительно пошёл к мостовой и превратился в тускло светящийся шар, из которого вырвалось ярко-жёлтое пламя. Кто-то сунул факел в основание тщательно сложенного костра. Лошади, увидев огонь, замедлили бег. Кучер, щёлкая кнутом, заставил их почти прижаться к правой стороне узкой Литтл-Саффолк. Надежда проскочить мимо костра, страх перед кнутом и орущими всадниками заставили лошадей рвануть. Как раз когда они вылетели на Хей-маркет, кто-то бросил в костёр

пригоршню шутих. Они взорвались так близко, что жар пощёчиной ударил Элизу по лицу. Она хотела сдвинуться вправо, но лошади испугались сильнее неё и понесли со своей силой нескольких тонн мускулов. Карета накренилась влево; правые колёса оторвались от мостовой. Элиза отлетела бы к левой дверце, если бы не вцепилась в край правого окошка. Мгновение она висела, видя в отверстие паранджи только трубы, гнёзда аистов и звёзды.

Тут левое колесо не выдержало. Карета ухнула вниз и всей тяжестью завалилась на левую ось. Элиза, не удержавшись, упала на дверцу, как куль с овсом. Задвижка отлетела, дверца открылась, но не сильно, потому что была совсем близко от мостовой. Над булыжниками Хей-маркет её удерживала только выступающая ось кареты. Элиза, лёжа спиной на сломанной дверце и силясь раздышаться, сумела повернуть голову и увидеть мостовую — та неслась прочь в нескольких дюймах от её носа, увлекая за собой каштановый парик.

Наконец мостовая замедлилась и встала. Лошади, которыми, очевидно, уже никто не управлял, решили, что место, куда они попали — двор перед Итальянской оперой, — безопаснее соседних и

надо переждать здесь. Элиза начала протискиваться в приоткрытую дверцу; ей казалось, что в щель между боком кареты и мостовой как раз пройдёт её тело. Как вскорости обнаружилось, оптимизм был излишним; она просунула голову и руку, а всё остальное не проходило: мешала дверца, державшаяся на петлях из воловьей кожи. Левой рукой Элиза нащупала одну из них, затем отыскала за корсажем дамасский кинжал, который по застарелой дурной привычке всегда носила при себе. Через мгновение она уже левой рукой пилила петлю.

Этим она и занималась, когда перед её лицом возникли два чёрных сапога для верховой езды. Край длинного тёмного плаща колыхался вокруг них, как облако. Каштановый парик упал на мостовую.

— Вы не та, кого я преследовал, — произнёс голос по-французски.

Элиза увидела высоко-высоко над собой лицо отца Эдуарда де Жекса. По нему ручьями бежал пот.

— Однако сгодитесь и вы, мадам.

Его руки в перчатках вертели кинжал; клинок маслянисто поблескивал в свете разгорающихся костров.

«Чёрный пёс» в Ньюгейтской тюрьме несколькими минутами раньше

— У меня есть тяжёлое золото. Вам это известно, — сказал Джек.

— Соломоново золото? — поправил Исаак.

— Забавно, отец Эд тоже его так называл. Как ни зовите, оно у меня есть, и я знаю, где взять ещё. Предположим, Болингброк назначил испытание ковчега. В Звёздной палате поставлена пробирная печь. Коллегия лондонских ювелиров вскрывает ковчег и достаёт образцы монет…

— Которые подложили вы, — сказал Исаак.

— Вы этого не докажете. И в любом случае вы лично отвечаете за каждую монету, — напомнил Джек. — Сначала их сосчитают и взвесят. Вы удивитесь, Айк, но монеты, которые я подбросил, пройдут первое испытание. Понимаете, я делал заготовки чуть толще — не настолько, чтобы это можно было заметить, держа монету в руках, однако вес у них полный, несмотря на примесь неблагородных металлов.

— А когда их станут пробировать?.. — спросил

Даниель.

— Когда их расплавят в пробирной купели и определят долю золота, она окажется слишком низкой. И вот здесь я могу помочь вам, Айк, и тому маркизу, который назначил вас заведовать Монетным двором.

— То есть можете снабдить меня тяжёлым золотом, как вы его называете.

— Да. Если подбросить кусочек в купель — трюк нехитрый, — то королёк получится тяжелее, и все цифры сойдутся.

У Исаака Ньютона, остававшегося странно безразличным к тому, что проникало сквозь его ноздри и прилипало к подошвам башмаков в Ньюгейте, на лице проступили признаки дурноты. Джек Шафто увидел их и правильно истолковал.

— Я противен вам, Айк, тем же, чем был противен отцу Эду: для меня тяжёлое золото не значит ничего больше. Когда я предлагаю его вам в нынешней сделке, я предлагаю не таинственную субстанцию для вашего священного чародейства, а лишний вес, чтобы спасти ваши яйца при испытании ковчега. Наш разговор был бы куда возвышеннее, не правда ли, если бы мы говорили *о том*, а не *об этом*. Будь речь о том, вы вообра-

жали бы себя в новейшем продолжении Библии; Ньюгейтская тюрьма, при всей своей вони, была бы как те дома прокаженных, в которые входил Иисус — часть величественной истории, потому не такая гадкая. Но поскольку речь про то, как Айку Ньютону сберечь муде, вы оглядываетесь вокруг и морщите нос: «Фу! Я в „Чёрном псе“ Ньюгейтской тюрьмы, и здесь смердит!» В точности отец Эд, для которого весь Лондон, по сравнению с Версалем, был Ньюгейтской тюрьмой. Но я утешу вас словами, которые говорил отцу Эду, когда он вот так же зеленел.

— Я дивлюсь, что у вас вообще остались слова, — произнёс Исаак. — Впрочем, я выслушал уже столько, что могу потерпеть ещё.

— Очень просто: когда всё закончится, и вы останетесь с куском Соломонова золота в руках, можете думать о нём, что хотите, и делать с ним, что угодно.

— Вопрос, — вмешался Даниель. — Вам было известно, что сэр Исаак стремится его заполучить и знает, что оно у вас есть. Зачем такая сложная комбинация с ковчегом? Почему было не обратиться прямо к сэру Исааку давным-давно?

— Потому что есть и другие участники. С моей стороны — де Жекс, за которым было решающее

слово, пока я недели две назад не затеял его убить. С вашей — Равенскар, который верит в алхимию не больше меня. Чтобы что-нибудь вытащить из него, нужна наживка посущественней бредней о царе Соломоне.

— Коли вы настолько презираете мои взгляды, нынешний разговор вам приятен не более, чем мне. Давайте перейдём непосредственно к делу, — сказал Исаак. — Вы предлагаете средство разрешить мои затруднения в случае, ежели Болингброк назначит испытание ковчега. Однако оно бесполезно, если испытания не будет. Как всем известно, Болингброк в последнее время собирает гинеи, чтобы проверить монеты, находящиеся в обращении. Среди них будет много фальшивых. В любую минуту Болингброк может объявить: «Ковчег скомпрометирован Джеком-Монетчиком, его содержимое больше не являет собой надёжный образец продукции Монетного двора, давайте пробировать монеты, находящиеся в обращении». При такой проверке обнаружится недостача и в весе, и в чистоте металла, поскольку среди гиней будет много поддельных.

Вместо ответа Джек сунул руку в карман штанов, вытащил мешочек и бросил через комнату.

Исаак поймал его и прижал к груди. Даниелю не надо было смотреть, что это такое.

— Одна из синфий, украденных вами в апреле.

— Остальные я спрятал в надёжном месте, — сказал Джек, — и могу доставить куда и когда потребуется в доказательство, что вы клали в ковчег только добрую монету. Так что, видите, я в состоянии вас выручить в любом случае: если Болингброк назначит испытание ковчега — тяжёлым золотом, если нет — вот ими.

Джек кивнул на синфию, которую Исаак любовно разглядывал в свете свечи.

— А за это, полагаю, вы потребуете, чтобы вас не преследовали по закону, а ваши сыновья получили ферму в Каролине.

— Мои сыновья и Томба, — сказал Джек. — Это африканец, который был со мной с тех самых пор, как я встретил его на берегу неподалёку от Акапулько. Отличный малый.

— У нас была причина настаивать на разговоре именно сегодня вечером, — напомнил Даниель.

— Болингброк припёр Равенскара к стене, — сказал Джек, — и Равенскару нужно какое-то оружие.

— Да.

— Тогда покажите Болингброку это. — Джек

снова кивнул на синфию. — Вы его здорово огорошите. Он уже много месяцев их у меня клянчит.

Исаак и Даниель надолго замолчали. Они некоторое время переглядывались, прежде чем снова посмотреть на Джека.

— Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, статс-секретарь её величества, клянчит у *вас*?

— Назовите его хоть десятком титулов, ответ будет «да».

— Тогда едем к вашему доброму другу Болингброку, — сказал Даниель и, не особо скрываясь, посмотрел на часы.

— Мне он не друг, а заноза в заднице, — отвечал Джек, — и я не войду к нему в дом, даже если он меня пригласит. Но вы можете забрать этот пакет в доказательство моих намерений, а я поеду с вами на Голден-сквер и погуляю рядом, пока вы будете говорить с Болингброком. Когда закончите, расскажете, к чему пришли. Мне охота знать, будет следующим королём Англии немец или француз.

— В вашем плане есть изъян крайне прозаического толка, — сказал Даниель. — Мы приехали в фаэтоне.

— Ну и повеса вы, доктор Уотерхауз! Держитесь подальше от моих сыновей!

— Двое могут в него втиснуться, хоть и не без труда.

— Тогда втискивайтесь сами. — Джек подошёл к двери, открыл её и сделал жест, означающий «после вас». — Я поеду на запятках, как лакей, сообразно моему общественному статусу, и если какой-нибудь грабитель или якобит за нами увяжется, проткну его клинком.

Фаэтон ждал во дворе рядом с тюрьмой. Можно было проехать под аркой городских ворот — готического «з*а*мка», где помещались богатые арестанты — на западную часть Ньюгейт-стрит, которая вывела бы на Холборн. Однако Даниель знал, что сейчас по всему северному пути к Голден-сквер пылают костры; туда, к этой границе, стягиваются боевые порядки вигов и тори. Поэтому он выбрал южную дорогу. Они проехали через Олд-Бейли и дальше на юг до Ладгейт-хилл, которая, продолжаясь на запад, становилась последним мостом через Флитскую канаву, потом — Флит-стрит и, наконец, Стрендом.

Мысль поставить Джека на запятки оказалась удачной, ибо фаэтон был снабжён решёткой, расположенной на высоте лакейского лица, чтобы слуга и хозяин могли общаться так же свободно и к такому же взаимному неудовольствию, что

и дома. Даниель открыл окошко, и теперь Джек мог болтать с пассажирами, почти как если бы сидел с ними в фаэтоне. Он был весел — куда веселее Исаака — и отпускал саркастические замечания по поводу Олд-Бейли, запахов Флитской канавы, штаб-квартиры Королевского общества, Друри-лейн, клуба «Кит-Кэт» и прочих достопримечательностей, мимо которых проезжал фаэтон. Даниель слушал по большей части благодушно, а вот Исаак, подозревавший, что Джек его дразнит, тихо кипел, как вынутый из печи тигель. На Чаринг-кросс были костры, драки и собачьи свадьбы. Джек ненадолго умолк, потому что насторожился. Однако опытный кучер Роджера благополучно миновал перекрёсток и выехал на короткую улицу под названием Кокспер, которая разветвлялась на Хей-маркет и Пэлл-Мэлл сразу перед Итальянской оперой.

— Наверное, сегодня дают спектакль, — заметил Джек через решётку.

— Не может быть, — отвечал Даниель. — Сезон ещё не открылся. Думаю, ставят декорации и репетируют возрождённого «Алхимика» Бена Джонсона.

— Я его мальчишкой сто раз видел, — сказал Джек. — Зачем его возрождать?

— Потому что герр Гендель написал к нему новую музыку.

— Что?! Это же не опера.

— Вкусы меняются, — объяснил Даниель. — Театр, построенный мистером Ванбругом, не похож на театры вашего детства; он крытый, неописуемо богато украшен, а всё действие происходит за аркой просцениума.

— Погодите, я в таких был, — сказал Джек. — Ни слова не разобрал. По малолетству слишком много баловался с огнестрельным оружием — совсем себе слух испортил.

— Не грешите на свой слух. *Никто* не слышит, что говорят актёры в таких театрах. А тот, что на Хей-маркет, — из худших.

— Когда Ванбруг его строил, — вмешался Исаак, внезапно оттаивая, — это называлось «Королевский театр». Когда он открылся, девять лет назад, и публика решила, что присутствует на пантомиме, пришлось срочно переименовать его в Оперу, чтобы актёры могли драть глотку, как принято в оперном искусстве.

— Больно слышать, что добрый старый «Алхимик» испортили, — вздохнул Джек. — Так бы и съездил вашему Генделю по сусалам.

— Всё не так плохо, — успокоил его Дани-

ель. — Когда у Оперы начались финансовые затруднения (что произошло довольно скоро), маркиз Равенскар пришёл на помощь и перестроил здание внутри: уменьшил зрительный зал, опустил потолок, и прочая.

— Стало слышно?

— Разумеется, нет. Ему пришлось всё разобрать и перестроить ещё раз; однако он покрыл расходы, организовав подписку по полгинеи.

— Так дешево! Я бы взял один подписной лист, если бы знал.

— Я попрошу маркиза Равенскара добавить вам его в качестве маленького презента.

— Тогда заодно сообщите ему, что Оперу осадила толпа, — сказал Джек. — То, что я сперва принял за фейерверк в честь премьеры, вблизи больше походит на уличные беспорядки. Я вижу несколько конных, а с фланга на них из-за Оперы движется пехота.

— Пехота?!

— Кое-кто сказал бы просто «толпа», но, на мой взгляд, они движутся слишком слаженно и выстроены повзводно. Это ополчение. Да, я вижу перед входом ещё что-то: похоже, опрокинутый экипаж.

Тут фаэтон свернул на Хей-маркет, и в левых

окнах показалось здание Оперы. Всё было, как описал Джек, кроме пехоты. Впрочем, Даниель знал, что за Оперой расположен постоянный строительный лагерь: в бесконечных попытках добиться, чтобы публика слышала актёров, Равенскар продолжал перестраивать театр; здесь же сооружали декорации. В таком месте вполне могло встать на бивуак ополчение вигов. Если Джек и впрямь видел пехоту, то именно там.

Фаэтон тряхнуло, как если бы он проехал через бугор. Джек спрыгнул. Глянув через решётку, Даниель увидел, что он уменьшается. Джек стоял на середине Хей-маркет, прямо перед Оперой.

— Я только что узнал опрокинутый экипаж! — крикнул он. — Мне кое-что предстоит тут совершить.

— Наша сделка не доведена до конца! — завопил сэр Исаак.

— Ничего не могу поделать. Постараюсь отыскать вас на Голден-сквер позже.

— Если не отыщете, считайте её разорванной, — слабым голосом проговорил Исаак, не уверенный, что его ещё слушают. Джек Шафто растворился в толпе.

Являют вновь отстроенные
стены

И в зодчестве, и в жизни перемены.

Театр — венец проектов и усилий,

А пьески-то остались, что и были.

Такой поток щедрот — чего же ради?

Невинность в страхе, и порок внакладе.

Когда и где так торопились к сроку?

Так много вложено, так мало проку.

Из нападок Даниеля Дефо на здание Оперы, «Ревю», № 26, 3 мая 1705

Клуб «Кит-Кэт» сделался знаменит по всему королевству. И ныне члены его возвели храм своему Ваалу, новый театр на Хей-маркет. Камень в его основание заложила с большой помпой дщерь преславного полководца; под закладной камень либо на него поместили серебряную пластину, на одной стороне которой выгравировано «Кит-Кэт», на другой — «маленькая вигесса»[21]. Оное совершено ad futuram rei memoriam[22], дабы эпохи спустя люди знали, чьими достойными руками и ради какой благородной цели воздвигнуто сие величественное здание.

Якобитский журналист Чарльз Леслли,
«Репетиция наблюдателя», № 41 (5—12 мая 1705).

Та часть Оперы, которая выходила на Хей-маркет, хоть и превосходила шириною здания, стиснувшие её с обеих сторон, не могла бы вместить целый театр. Как обнаруживал всякий,

---

[21] Примечания: 21
В честь леди Анны Сандерленд, дочери герцога Мальборо.

[22] Примечания: 22
на будущую память о событии (*лат.*).

вошедший в какую-нибудь из её трёх массивных сводчатых дверей, это был только вестибюль. Сам зрительный зал, коробка сцены и пространство за ней располагались под исполинским куполом, который высился над соседними домами, словно горный кряж над альпийской деревушкой, грозя когда-нибудь похоронить их под лавиной черепицы. Сегодня купол скрывала ночь, и лишь редкие отблески костров на улице внизу выхватывали из тьмы расставленных на нём безмолвных часовых. Он возвышался над отрезком Хей-маркет протяжённостью футов двести, от улочки, в которой стояла таверна «Колокол» (где, по слухам, имелся тайный вход для кит-кэтократии), до ещё более узкого и тёмного Юникорн-корта на юге (откуда те, кому хватало смелости дойти до самого тупика, попадали на сцену). В целом это было не самое великолепное и не самое жалкое здание в Лондоне; многие прошли бы мимо, не удостоив его взглядом, но именно здесь сегодня тори-якобиты разложили костры. Эскадроны, патрулировавшие округу, чтобы не допустить сообщения между домом Мальборо и клубом «Кит-Кэт» или домом Мальборо и Лестер-хауз, стянулись сюда и теперь смотрели на костры, которые они разожгли, и карету, которую они

остановили. В карете, по слухам, находилась ганноверская принцесса, инкогнито прибывшая в Лондон для тайных переговоров с вигами. Никто из всадников не заметил расставленных на тёмной высокой крыше часовых, которые последние несколько минут кому-то сигналили флажками. Часовые смотрели не на Хей-маркет, а на запад, где в парках и на незастроенных пустырях не так давно появились на удивление чётко организованные бродяжьи становища.

— Деньги и всё с ними связанное мне отвратительны, — сказал отец Эдуард де Жекс, обращаясь к своим сапогам. Он упёр их в мостовую, стиснув щиколотками голову герцогини Аркашон-Йглмской и, таким образом, вынудив её смотреть ему в лицо. — Ещё живы люди, помнящие время, когда аристократам не приходилось думать о деньгах. Да, и среди знати были богатые и бедные, как были высокие и низкие, красивые и уродливые. Однако даже крестьянину не пришло бы в голову, что нищий герцог — в меньшей степени герцог, или что богатую шлюху надо сделать герцогиней. Дворяне не радели о деньгах и не говорили о них; а если и стремились к ним, то тщательно это скрывали, как всякий другой порок. Церковнослужители не марали деньгами рук, за

исключением тех несчастных, в чьи неприятные обязанности входило вынимать десятину из церковной кружки. Обычные честные крестьяне были счастливо избавлены от денег. Для дворян, клириков и крестьян — трёх сословий, нужных в порядочной христианской стране, — деньги оставались странной диковиной, непонятной, как индусу — церковная облатка. В них видели наследие языческих римских некромантов, талисманы подземного культа Митры, которые святой Константин после обращения в истинную веру почему-то не уничтожил вместе с капищами идолопоклонников. Те, кто чеканил или преумножал деньги, были тайной кликой, заразой, пережившей столетия — не лучше иудеев. Да многие из них и были иудеи. Они стягивались в такие города, как Венеция, Генуя, Антверпен и Севилья, и опутывали мир паутиной, сетью, по которой деньги сочились слабой прерывистой струйкой. Это было мерзко, но терпимо. Всё изменилось в последнее время, изменилось страшно. Культ денег распространился по христианскому миру быстрее, чем учение Магомета — по Аравии. Я не понимал всего ужаса происходящего, покуда вы — жалкая голландская потаскуха, марионетка недужных банкиров — не явились в Версаль и

не получили графский титул вместе со сфабрикованной родословной. И за что? За благородство? Нет, за то, что вы — верховная жрица денежного культа. Ваше умение обращаться с деньгами обворожило тех же развращённых царедворцев, что по ночам служили в заброшенных церквях чёрные мессы.

Поэтому я решил, что сожгу вас на костре, Элиза. Для меня это стало тем же, чем был для сэра Галахада святой Грааль — целью, поддерживающей в испытаниях и странствиях. О нет, я не просто хотел увидеть, как вас пожирает медленное пламя; не думайте, что я настолько потворствую своим прихотям. Ваша казнь, Элиза, стала бы кульминацией, катарсисом Великого делания очищения. Англия пала бы пред войсками христианнейшего короля и Голландская республика вслед за ней. Не только вы, но многие сгорели бы на аутодафе, которые запылали бы по всей Европе, как сейчас на Хей-маркет эти костры. То был бы конец ереси — ереси так называемых реформатов, евреев, а главное — культа денег. Микеланджело новой эпохи, работающие не для денег, а во славу Божью, запечатлели бы триумф веры на великих картинах и фресках. Там было бы много фигур, но в центре каждой картины, каждой фрески,

на самом почётном месте, красовались бы вы, Элиза, в пламени костра посреди Чаринг-кросс. В кругосветном плавании, страдая от морской болезни, холода и усталости, я порою начинал терять веру; тогда я думал о грядущем торжестве и вновь обретал силу. Оно звало меня вперёд; и в то же время страх перед ним гнал Джека, как щёлканье бича над ухом гонит вола.

Во время этой странной речи Элиза по-прежнему старалась перепилить ремень из воловьей кожи, на которой держалась дверца. Чтобы де Жекс не заметил движений её плеча, резать приходилось осторожно, а значит, медленно. Де Жекс явно не спешил со своим аутодафе, но Элиза боялась, что сейчас он выведет какую-то мораль, а затем подожжет карету или сделает что-нибудь ещё в таком роде. Поэтому она задала вопрос:

— Ваши слова мне удивительны; зная вашу страсть к алхимии, кто бы подумал, что вы так ненавидите деньги?

Де Жекс печально покачал головой и впервые за всё время отвёл взгляд от Элизиного лица. Отсвет костра сверкнул на маслянистой поверхности клинка; де Жекс заметил его и, рассеянно вертя кинжал, продолжил:

— Конечно, среди алхимиков есть шарлатаны,

стремящиеся к богатству; пародия на таких, как вы, столь же алчные, однако менее ловкие. Но разве вы не видите, что алхимия — ангел мщенья, который истребит вашу ересь? Ибо что будет с деньгами, когда золото станет дешевле соломы?

— Так вот ваша цель, — сказала Элиза. — Уничтожить новую систему, которая строилась у вас на глазах незримым движением денег.

— О да! Британия и Голландская республика не имеют права существовать. Господь не предназначал эти земли для людей, а если и предназначал, то не для того, чтобы они здесь процветали. Поглядите на здание Оперы! Выстроено на краю света обмороженными пастухами, а по своим размерам, по своему убранству — истинное чудище, мерзость, возможная лишь в мире, развращённом деньгами. Таков и весь Лондон! Я бы его сжёг! А вы стали бы искрой, от которой занялся бы город.

— Стала бы или стану? — Петля была почти перепилена; оставалось лишь резануть посильнее, чтобы дверца упала на мостовую. Однако Элиза всё равно не могла освободиться, пока де Жекс сжимает её голову. Она выгнула шею, задрав подбородок, и увидела в нескольких шагах от себя перевёрнутый костёр. Если б только де Жекс

отошёл за головнёй, Элиза успела бы вылезти из-под кареты.

— Великие и блистательные планы, — с горькой улыбкой промолвил де Жекс, — вроде того, что я сейчас изложил, часто порождаются не благочестием, а гордыней. Устроить сегодня аутодафе на Хей-маркет было бы приятно для моей гордости, но в нынешних обстоятельствах чересчур амбициозно. Мне следует проявить смирение и ограничиться никотином. Можете извлечь отсюда нравственный урок: вы жили пышно и расточительно, а умрёте жалкой смертью в канаве Хей-маркета.

— Как обидно, — произнёс английский голос, показавшийся Элизе странно знакомым, — что высокородный и благочестивый муж, ненавидящий деньги, вынужден халтурить и убивать абы как из-за того лишь, что они с Луём не наскребли нескольких луидоров.

При первом звуке этого голоса де Жекс отступил на полшага. Теперь Элиза смогла повернуть голову и взглянуть на говорящего: он стоял в центральной арке Оперы, как если бы вышел после спектакля. Поскольку сегодня представления не давали, логичнее было предположить, что это кто-то, хорошо знающий окрестные проулки.

Не сумев преодолеть кордон верховых якобитов и огненные баррикады, он незаметно проник в Оперу через двор таверны «Колокол», прошёл всё здание и появился с той стороны, с которой его никто не ждал — настолько не ждал, что всадники, патрулирующие огненный периметр, ещё не поняли, что к ним с тылу просочился чужой.

Элиза от изумления потеряла несколько секунд, в которые могла бы освободиться. Теперь она вновь заработала кинжалом.

Де Жекс шагнул к чужаку.

— Глупость несусветная даже для тебя! Смотри: ты окружён. Тебе осталось жить несколько минут.

— Вы озадачены, отец Эд, потому что всё время нашего знакомства я был так расчётлив и осмотрителен. Однако в юности я только и делал, что чудил, и чаще — к собственной пользе. Все мои умные действия в Лондоне имели одну цель — добиться случая сделать какую-нибудь глупость ради моей Элизы. И вот я здесь: момент настал.

— Как пожелаешь! — воскликнул де Жекс. — Мне будет приятно наказать тебя за безрассудство, Джек.

Услышав это имя, Элиза вздрогнула; рука её дёрнулась, и кинжал окончательно рассёк петлю.

Дверца с грохотом рухнула на мостовую. Де Жекс, шагнувший было к Джеку, замер и обернулся. Элизе некогда было вылезать из-под кареты. Она метнула в де Жекса кинжал. Лезвие вонзилось в ляжку чуть ниже ягодицы, но было таким лёгким, что вошло от силы на четверть дюйма. Тем не менее оно ужалило, как оса. Де Жекс вытащил его и с криком: «Шлюха поганая!» бросился к Элизе, занося для удара собственный кинжал.

Джек сбежал по ступеням Оперы и на ходу выбросил в сторону де Жекса левую руку, похожий не столько на дуэлянта, сколько на чародея, посылающего заклятие, поскольку клинка у него в руке не было, а ударить на таком расстоянии он не мог. Однако что-то в ладони у Джека всё-таки было: оно вылетело, вращаясь так быстро, что воздух наполнился гудением, как от крыльев маленькой птички. Вещица пролетела над занесённой рукой де Жекса и тут же, вопреки всем законам природы, повернула и принялась описывать вкруг его запястья сужающуюся спираль. Она двигалась всё быстрее по мере того, как убывал радиус орбиты, и, наконец, превратившись в размазанное пятно, ударила де Жекса по руке. Здесь она и осталась; ибо вещь, которую бросил Джек, была усажена сверкающими лезвиями.

Джек рывком отвёл левую руку назад, и де Жекса в тот же миг бросило к нему; их соединяла шёлковая нить, привязанная к таинственному метательному снаряду. Теперь взметнулась правая рука Джека. Она сжимала саблю. Остриё полоснуло де Жекса по руке, выбив из неё кинжал, и разрезало нить. Кинжал отлетел во тьму.

Теперь и де Жекс показал, что некогда учился фехтованию. Он отпрыгнул от Джека в тот же миг, когда Джек шагнул к Элизе. Левую, кинжальную руку Джек ему рассёк, но правая по-прежнему действовала. Де Жекс выхватил шпагу и повернулся к Джеку, сжимавшему в правой руке булатную турецкую саблю и ничего в левой. Таким образом, силы противников были бы практически равны, если бы их не окружали вооружённые люди на конях.

— Здравствуй, Элиза, — сказал Джек, — если это ты. Я вернулся в твою жизнь, к добру или к худу, и прощаю тебя за то, что ты метнула в меня гарпун. Когда-то ты предсказала, что я больше не увижу твоего лица. Покамест это так, потому что я должен смотреть на де Жекса, доколе мы не завершим нашу дуэль. Но потом…

Элиза, протискивавшаяся под каретой, не ответила.

— Я бы охотно сразился с тобой на дуэли, Джек, — говорил де Жекс, — однако военачальник на поле брани не может позволить себе такой роскоши.

Он поднял окровавленную руку, делая знак кому-то, кого Джек не видел. Рассечённая перчатка хлопала, как чёрное знамя, кровь капала на мостовую. Зацокали, приближаясь, подковы; один из верховых джентльменов де Жекса подъехал и остановился в арке света, из которой только что выбежал Джек. Путь к отступлению был отрезан. Элиза наконец-то встала на ноги. Джек, по-прежнему глядя де Жексу в лицо, шагнул между ним и Элизой, заслоняя её спиной.

— Капитан Шелби, — обратился де Жекс к всаднику, — у вас есть пистолет?

— Конечно, милорд.

— Он заряжен?

— Естественно, милорд.

— Не угодно ли вам будет подстрелить вон того малого, с турецкой саблей?

— Мне это не составит труда, милорд.

— Тогда сделайте милость. Прощай, Джек; и пусть тебя напутствует мысль, что вы с Элизой скоро встретитесь в геенне.

Грянул выстрел; но не со стороны капитана

Шелби, а с крыши соседнего дома. Со стороны капитана Шелби донёсся лишь неэстетичный хлопок брызнувших на мостовую мозгов, затем глухой удар падающего тела.

— То была одна английская пуля, — произнёс голос, странно похожий на Джеков, с парапета Оперы наверху. — У нас есть ещё.

— Назовитесь! — потребовал де Жекс, поднося окровавленную руку к глазам, чтобы заслониться от яркого света из дверей Оперы.

— Вы не можете мне приказывать. Однако в моих интересах известить вас, что вы окружены первой ротой первого драгунского полка ополчения вигов, который прежде звался и вскоре снова будет зваться Собственным его величества блекторрентским гвардейским полком. Мы стояли неподалёку, чтобы оборонять Мальборо-хауз, буде возникнет надобность, а сюда нас заставил выдвинуться поднятый вами шум.

— Так возвращайтесь на свой пост, капитан, — крикнул де Жекс.

— Увы, я простой сержант.

— Так ступай к Мальборо-хауз, сержант, потому что его очень скоро придётся оборонять. То, что здесь происходит, тебя не касается; ты самовольно оставил пост.

— По правде сказать, меня это очень даже касается, сэр, — отвечал сержант, — поскольку дело вроде как семейное. Если глаза меня не обманывают, мой братец, до сего дня бывший позором семьи, намерен загладить вину, искупить грехи и всё такое благородным и древним способом: в поединке за честь прекрасной дамы. Я клялся, и не раз, что убью брата при первом случае. Может, ещё и убью. Однако я не позволю пристрелить его сейчас, когда он впервые в жизни собрался сделать что-то достойное. Вас я не трону. Но если кто-нибудь из ваших всадников попробует вмешаться, он последует за капитаном Шелби. Мы драгуны; стирать в порошок расфуфыренную кавалерию — наша работа.

Так говорил Боб Шафто. Все верховые якобиты его слышали и вняли предупреждению, только отец Эдуард де Жекс пропустил заключительную часть речи, потому что юркнул в здание Оперы.

Джек припустил за ним.

Элиза, преодолев секундную растерянность, крикнула:

— Спасибо, Боб!..

— Не до того. Вы в колебаниях: часть вашей души зовёт бежать за Джеком, другая убеждает, что вам не нужен жалкий бродяга. Я говорю вам

войти, Элиза, если сержант может приказывать герцогине. Сброд по другую сторону костров менее дисциплинирован и ответственен, чем якобиты. В любую минуту здесь может начаться настоящая война. В дом! От входа не удаляйтесь! Если запахнет дымом, встаньте на четвереньки, выбирайтесь наружу и бегите, куда глаза глядят!

Дом Болингброка на Толден-сквер
тогда же

— Мы, политики, — изрёк Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, в одиннадцатый раз наливая себе портвейна, — подобны людям, живущим в холодном климате. Они, когда не заняты ничем другим, обыкновенно берут топор и принимаются рубить и складывать в поленницу дрова. Делают они это даже в августовскую жару, ибо их подгоняет память о том, как они мёрзли. И мне, и вам, Роджер, случалось промерзать до костей, поэтому мы, едва выдастся свободная минута, начинаем запасать *политические* дрова. У каждого из нас скопилась уже целая гора. Другие, сложив такую поленницу, давно бы остановились и перестали рубить. Однако мы с вами знаем, что дрова сгорят, стоит их поджечь, и сгорят быстро. Сейчас вся страна, которую мы зовём Соединённым Королевством, — одна большая поленница, вернее, две — виги и тори. Они так близко друг к другу, что нельзя поджечь одну, не запалив другую. Дело за искрой и трутом. Трута сегодня в Лондоне

предостаточно, моими усилиями и вашими: ополчение и толпа. Они собираются у костров на Хей-маркет, на Холборне, в Смитфилде и на Чаринг-кросс, покуда мы стоим тут и наблюдаем.

Называя места, Болингброк поочерёдно указывал на них рукой. Вопреки обыкновению он не лгал. На небе зажглись звезды. Минуту назад их не было, и вот они есть. Однако они не вспыхнули внезапно, а проступали постепенно, как мель в отлив. Лондон превращался в созвездие костров также постепенно; они не запылали в один миг, но всякий раз, как Роджер смотрел в окно, их становилось больше. Целые районы были темны, зато между ними пролегла дрожащая сетка огней, растянутая, как старая паутина. Роджер знал, что, как старую липкую паутину, её так просто не смахнёшь. На самом деле она существовала всегда, но невидимо, словно паучьи нити, на которые натыкаешься в темноте. Костры лишь высветили её, явив во всей протяжённости.

Он поглядел вдоль реки, за собор святого Павла и Монумент, на древнюю цитадель с четырёхбашенным донжоном посередине: Тауэр. Там было темно и тихо — Монетный двор не работал. На Тауэрском холме, полосе открытой земли вдоль рва, пылали костры. Роджер отвёл глаза от них и

отыскал чёрный силуэт Горки Легга, вдвинутой в беспокойное Сити, словно кулак. Следуя взглядом вдоль стен Тауэра против часовой стрелки, он отыскал Кровавую и Уэйкфилдскую башни в средней части южной стены, сросшиеся, как два близнеца, и смотрящие на Лондонскую гавань. На крыше каждой горело по сигнальному костру. Две искорки, легко различимые на таком расстоянии: сигнал, поданный кем-то, кому хорошо видно происходящее в гавани.

— Мне не нравится ваше сравнение с дровами, Генри, — проговорил Роджер, — ибо вы слишком явно пытаетесь меня застращать. И я знаю, что вы скажете дальше: ваша поленница больше моей. Так вот, меня не остановить сказочками о гражданской войне. Как бы ни была она ужасна, то, что предлагаете вы, ещё хуже: вы хотите вернуть нас во времена Марии Кровавой.

— О нет, Роджер! Конечно, его высочество католик, однако…

— И ещё. Я не страшусь вашей мощи. Принцессы Каролины, что бы вы ни воображали, в Лондоне нет.

Болингброк рассмеялся.

— Полно, Роджер! Полчаса назад вы сами сказали мне, что видите её в мой телескоп!

— Генри, я солгал. — Теперь уже Роджер взял графин и долил себе портвейна. При этом он обратил взгляд в сторону Хей-маркет. Язва костров уже распространилась по всей её длине, грозя слиться с более крупным очагом заразы на Чаринг-кросс. Особенно много их было у Итальянской оперы, что встревожило Роджера, который вложил в здание много денег и не хотел, чтобы театр спалили. Старческие глаза не различали так далеко отдельных фигур, но видели общий рисунок: кольца вокруг костров, тёмные потоки, которые прибывали и убывали, вихрились и расплёскивались: толпа, не обретшая ещё чёткой цели. В этом хаосе, как реки в море, выделялись более упорядоченные струи: дисциплинированные отряды, возможно, ополчение. От того, что всё происходит рядом с его любимой Оперой, Роджеру подурнело; ему подумалось, насколько проще сдаться, уступить Болингброку. Тут взгляд его выхватил чёрную корпускулу, которая решительно летела по Хей-маркет мимо костров, блестя, как капелька лака. На перекрёстке с Пиккадилли она свернула на Шаг-лейн, то есть к особняку Болингброка, из чего Роджер заключил, что это его фаэтон мчит через Лондон, как чёрная пантера через лесной пожар. Роджер не знал, чего

ждать, но отчаянная скорость рождала надежду, что вести добрые.

— Скоро мы узнаем, лгали вы тогда или сейчас, — произнёс Болингброк, которому потребовалось несколько мгновений, чтобы вернуть себе прежнюю вальяжность. — Однако я хотел поговорить с вами о другом — о принце.

— О Георге-Людвиге Ганноверском? Отличный малый.

— Нет, Роджер. О его королевском высочестве Джеймсе Стюарте, по праву, если не по закону, нашем будущем короле. — Он поднял руку. — Королева приняла решение. Она не может отречься от брата. Она сделает его своим наследником.

— Так пусть заберёт фарфор и столовое серебро, мне ничуть не жаль. Только не Британию. Это в прошлом.

— Истинное право никогда не будет в прошлом.

— Временами, когда я говорю с тори, мне кажется, будто передо мной — средневековый реликт, — сказал Роджер. — Что за чудесная квинтэссенция в крови, по-вашему, даёт Стюарту право повелевать страной, которая *его ненавидит* и которая *исповедует другую религию*?

— Вопрос в том, будут нами повелевать деньги

и толпа, которые для меня суть одно и то же, ибо они равно лишены разумного устремления, или тот, кто служит высшему благу? В этом смысл королевской власти.

— Мысль заманчивая, — помолчав, сказал Роджер. — И я вас понимаю, Генри. Мы на распутье. Одна дорога ведёт к совершенно новому способу управлять людскими делами. Это система, которую я в меру сил помогал строить: Королевское общество, Английский банк, перечеканка, Ганноверы на британском престоле — её элементы. Вторая дорога ведёт в Версаль, к тем порядкам, которые завёл у себя французский король. Я не слеп к величию Короля-Солнца. Я знаю, что во многих существенных отношениях Версаль лучше всего, что имеем мы. Однако каждый пункт, по которому мы уступаем Версалю, в чём-то восполнит строящаяся система.

— Эта система уже несостоятельна, — проронил Болингброк. — Здесь становится прохладно. Идёмте, у меня есть спешное дело в кабинете.

Он настоял, чтобы Роджер первым прошёл через дверь на лестницу. Вскоре они уже были в маленьком кабинете на третьем этаже. Днём отсюда открывался вид на всю площадь. Сейчас, напротив, вся Голден-сквер видела их, потому что

Болингброк оставил незадёрнутыми занавеси, а в кабинете горело много свечей. В обсерватории они были словно за сценой, где актёры болтают по-свойски, дожидаясь выхода.

Теперь выход состоялся. Спектакль смотрели все люди на Голден-сквер, включая двух опоздавших, которые только что выпрыгнули из фаэтона. Один из них препирался со слугой Болингброка; Роджер слышал голос, хотя не разбирал слов. Сцепив руки за спиной, он подошёл к окну и глянул вниз: сэр Исаак Ньютон что-то властно говорил дворецкому, тот часто кивал, разводил руками, но не двигался с места. Даниель расхаживал за спиной у Ньютона с видом разом взвинченным и скучающим.

Тем временем Болингброк направился прямиком к бюро, стоящему у соседнего окна. Там лежал пышно оформленный документ, которому недоставало лишь подписи.

— Джентльмены, как правило, не говорят о деньгах…

— Простите, Генри?

— Минуту назад я сказал, что ваша система несостоятельна. Прошу не считать меня вульгарным.

— И в мыслях не было. Однако здесь жарко. Вы

позволите мне открыть окно?

— Прошу, Роджер, чувствуйте себя совершенно свободно. Наслаждайтесь прохладой, по крайней мере, покуда вы у меня в гостях; как только вы отсюда выйдете, вас начнёт припекать. Это постановление, которое издаст завтра Тайный совет: в нём назначается испытание ковчега.

Роджер, стоя к статс-секретарю боком, толкал оконную раму. Она загремела, открываясь. Даниель поднял голову, на мгновение отвёл взгляд и тут же вновь посмотрел на Роджера.

— Мне больно опускаться до такого. Однако виги окончательно показали свою несостоятельность: интеллектуальную, моральную и *финансовую*. Их банкротство и порча денег угрожают королевству. Этому пора положить конец.

Роджер почти не слушал. Во-первых, Болингброк не столько вёл разговор, сколько произносил речь, во-вторых, заранее было понятно, что он скажет. Роджер соображал, как бы перекинуться словцом со стариной Даниелем; их разделяли каких-то десять футов по высоте и двадцать — по горизонтали. Даниель сосредоточенно выписывал на мостовой петли, ища место, где ветки деревьев не закрывали бы ему окно.

— Сейчас я ставлю свою подпись под докумен-

том, — объявил Болингброк, скрипя пером. — Вы будете моим свидетелем.

Роджер повернулся и стал смотреть, как Болингброк марает чернилами бумагу. Перо скользило и подпрыгивало, словно танцовщица на пуантах, перечёркивая t и ставя точки над i.

Что-то шмякнулось Роджеру в лицо и с глухим стуком упало на пол.

— Вы что-то сказали?

Роджер заморгал ушибленным глазом, прогоняя туман, и присел на корточки, чтобы подобрать влетевшую в окно вещицу. Подбрасывая её на ладони, он подошёл к столу, где Болингброк посыпал документ песком.

— Генри, коли уж вас так занимают монеты и монетное дело, я хотел бы вручить вам небольшой сувенир на память о сегодняшнем вечере. Можете прихватить его во Францию.

— Во Францию?

— Когда ударитесь в бега.

— О чём вы, Роджер? Не понимаю.

— О вашем будущем, Генри, и о моём.

Роджер бросил предмет — ещё хранящий тепло Даниелева кармана — на помпезное постановление. То был зашитый кожаный пакет с надписью чернилами, такой тяжёлый, каким может быть

лишь золото.

— Синфия из ковчега, — объявил Роджер. — Там ещё много, очень много. Джек-Монетчик у нас в руках. Он всё отдал и всё рассказал.

Итальянская опера
тогда же

Сержант Боб дал ей хороший совет: укрыться в Опере и не метаться туда-сюда из-за того, что там Джек. Теперь Элиза быстро шла через вестибюль, стараясь не смотреть на своё отражение в зеркалах. Шпильки, которые держали её причёску под каштановым париком, либо выпали, либо перекосились, так что кололи кожу и тянули волосы. Элиза на бегу выдернула их и бросила на пол, потом собрала волосы и завязала в узел. Музыка звала: странные звуки в такую ночь. Они означали порядок и красоту, два качества, которых Лондону недоставало всегда, а сегодня особенно. Элиза спешила на зов инструментов, оскальзываясь на тоненькой дорожке из капель крови, оставленной скорее всего де Жексом. Кое-где кровавый след был уже размазан подошвами башмаков: Джек преследовал де Жекса. Итак, если Элиза хотела посмотреть, как они рубятся, она знала, куда идти. Однако сильнее манила музыка: скрипки и виолончели, современные инструменты, способные заполнить звуками

целую оперу, какой бы плохой ни была акустика. Через огромную золочёную дверь Элиза попала в полутёмное фойе, пропахшее королевским эликсиром мистера Олкрофта для причёсок и париков, а оттуда — в зрительный зал.

Он имел в длину шестьдесят футов; пятьдесят футов отделяли Элизу от оркестровой ямы, в которой седовласый джентльмен, стоя спиной к ней, поднимал и опускал жезл в такт музыке. Концентрические дуги зрительных рядов тянулись от стены до стены. Это походило на греческий амфитеатр, только под крышей и без греков. Элиза двинулась по центральному проходу к человеку с жезлом. Боб посоветовал ей не удаляться от выхода на случай, если толпа подожжёт здание. Однако музыканты не подозревали об опасности; их следовало предупредить. Разумнее всего было бы заорать из дальнего конца зала, но театральный этикет почему-то взял верх над уличным инстинктом. Элиза не хотела шуметь. К тому времени, как она добралась до ограждения оркестровой ямы, зазвучала кода; дирижёр всё энергичнее двигал жезлом вверх-вниз и даже, стараясь призвать музыкантов к порядку, на каждом такте ударял им в пол.

— Герр Гендель, — начала Элиза, узнав дири-

жёра, — простите меня…

Её перебил голос со сцены, невероятно громкий. То был сэр Эпикур Маммон, разодётый по последней моде, и обращался он к своему жуликоватому приспешнику, Серли:

Прошу, входите, сэр! Итак, теперь
Ступили вы на берег Novi obris[23].
Здесь, сэр, богатства Перу, а внутри —

(указывая на фасад роскошного особняка)

Офир, златые копи Соломона[24].

Элиза на миг съёжилась — опять сказалась театральная привычка. Когда она вновь заглянула в оркестровую яму, то увидела, что Георг Фридрих Гендель смотрит на неё несколько оторопело. Уверившись наконец, что перед ним и впрямь герцогиня Аркашон-Йглмская, хоть и в состоянии растрёпанности, граничащим с неглиже, о котором большинство джентльменов могло только мечтать, он отвесил учтивый придворный поклон, используя дирижёрский жезл в качестве

---

[23] Примечания: 23
Нового мира (*лат.*).

[24] Примечания: 24
Здесь и далее строчки из «Алхимика» Бена Джонсона в переводе П. Мелковой.

противовеса.

— Простите, я не знала, что это репетиция с актёрами! — воскликнула она.

За спиной у сэра Эпикура Маммона и Серли плотник, стоя на коленях, прибивал к сцене какую-то деталь декораций, а сбоку художник малевал на заднике небо. Маммон, глядя на Элизу, сделал страшное лицо. Она виновато прикрыла рукой рот.

— Сударыня! — вскричал Гендель, от неожиданности переходя на немецкий. — Что привело вас сюда?

— Я весь металл здесь в доме превращу, — твёрдо продолжал Маммон, — сегодня ночью в золото, а завтра чуть свет за оловом и за свинцом к лудильщикам я слуг своих направлю и нарочного в Лотбери пошлю за медью.

— Медь вы тоже перельёте? — в притворном изумлении спросил Серли, исхитрившись одновременно подмигнуть Элизе. Маммон мог на неё досадовать, но Серли знал толк в хорошеньких женщинах.

— Да! — отвечал сэр Эпикур Маммон. — Девоншир и Корнуэлл скупив, я превращу их в Индии! Ну как? Потрясены?

— Нисколько! — парировал Серли, впрочем,

слегка скомкав реплику. Во-первых, его отвлекала Элиза; во-вторых, всё труднее было не замечать грубый шум справа от сцены: выкрики, сопение, звон стали о сталь. Даже музыканты, которых в первый миг зачаровало явление герцогини, начали оборачиваться.

Сцена Итальянской оперы была необычайно глубокой, на радость любителям пышных декораций, на горе тем, кто хочет слышать слова. Сзади огромный холст изображал идеализированную Голден-сквер, тающую в туманной дымке; в довершение иллюзии чуть ближе к зрителям установили фанерные силуэты домов. Тут из-за кулис выскочил израненный, окровавленный человек; казалось, великан тридцати футов ростом рыщет по Голден-сквер, вынюхивая человечий дух и заливая кровью траву. Мгновение спустя лопнула самая ткань мироздания: булатный клинок разрезал по дуге натянутое полотно задника. В прореху небес выпрыгнул Джек Шафто, и на Голден-сквер начался бой великанов.

Джеков клинок мог рассечь тело, как дыню, но был тяжёл и неповоротлив. Шпагой нельзя рубить, но можно проткнуть человека в пяти местах раньше, чем тот скажет: «Ой». Джек выписывал саблей восьмёрки в пространстве, отделяющем

его от де Жекса, не подпуская того на расстояние смертельного выпада. Де Жекс уходил из-под ударов, хотя, судя по многочисленным порезам на руках, от некоторых еле-еле. Он не сводил глаз с Джека, ожидая неверного движения, которое откроет брешь в защите.

Эпикур Маммон и Серли уступили середину сцены дуэлянтам, а сами стояли теперь по краям просцениума — позабытые актёры на эпизодические роли. Плотник и художник разрывались между страхом перед клинками и желанием отомстить за урон, нанесённый их работе Джеком и де Жексом соответственно. Сейчас уже было видно, что у обоих противников есть не только тактика, но и стратегия. Де Жекс ждал, когда Джек выдохнется, что должно было произойти скоро. Джек теснил де Жекса к краю сцены, где тот либо даст изрубить себя в куски, либо вынужден будет спрыгнуть в оркестровую яму. Музыканты, разгадав его намерения, пришли в движение: скрипки и деревянные духовые сбились в самом дальнем от де Жекса углу ямы и через дверь, рядом с которой стояла Элиза, струйкой просачивались в зрительный зал. Виолончелисты и контрабасисты не могли решить, спасаться самим или спасать инструменты. Гендель негодовал: «Назад!

Вам заплачено за пять актов, не за два!» Однако башмаки де Жекса были уже на краю сцены, его кровь капала на литавры со звуком далёкой канонады, оркестровая яма почти опустела. Гендель схватил было удирающего виолончелиста и оказался с виолончелью в руках. Элиза вбежала в яму, когда виолончелист оттуда выбегал. В страхе, что Гендель не осознаёт опасности, она метнулась к нему, забрала виолончель и поставила её на пол, держа за гриф.

— Давайте выбираться отсюда. — Элиза попыталась взять композитора за плечо, однако схватила лишь воздух: Гендель уже бежал к литаврам. — Предоставим этих двух крайне опасных людей…

И тут в одно мгновение всё изменилось. Джек загнал де Жекса на край сцены и уже занёс саблю для смертельного удара, но в тот же самый миг художник подскочил и выплеснул Джеку в лицо ведро белой краски.

Наступило короткое затишье. Затем де Жекс сменил позицию: он готовился спрыгнуть в секцию ударных, теперь же ему надо было сделать выпад Джеку в сердце. Он почти изготовился, когда Гендель, стоящий под ним в яме, выбросил жезл вверх, перехватил двумя руками и,

размахнувшись, как косарь, саданул иезуита по щиколотке. Удар был так силён, что скользкий от крови башмак сорвался в пустоту. За ним последовал и де Жекс. Он рухнул в литавру. Правые рука и нога пробили кожу огромного медного котла. Левые дёргались над ободом, как клешни омара, который не хочет, чтобы его сварили.

Гендель от удара едва не потерял равновесие. Де Жекс окровавленной рукой сгрёб его кружевной галстук и дёрнул, пытаясь выбраться из литавры. Элиза, не успев ничего подумать, схватила виолончель за подставку для струн, одновременно опуская гриф к полу, и метнула по высокой дуге. Виолончель пронеслась через апогей и пошла вниз, как боевое копьё, тяжёлым шпилем вперёд. Шпиль вонзился иезуиту в грудь. Виолончель замерла под углом, сопроводив нездешним аккордом последний вздох де Жекса. Тот выпустил галстук Генделя.

Композитор поднял с пола жезл и оправил парик.

— Пятая страница, со второго такта! — крикнул он, хотя музыканты не торопились возвращаться в яму.

Элиза огляделась и увидела на месте, где был Джек, расплесканную лужу краски. Белые следы

вели за сцену к Юникорн-корту.

Она думала о «предсказании», как выразился Джек; на Элизин взгляд, это было скорее твёрдое обещание, данное двенадцать лет назад в малом салоне парижского особняка Аркашонов в присутствии Людовика XIV. Как на грех, точная формулировка вылетела у неё из головы. Что-то в том смысле, что Джек не увидит её лица и не услышит её голоса до своего смертного дня. Элиза очень серьёзно относилась к своим обещаниям и сейчас, вспоминая события последних минут, с удовлетворением убедилась, что не нарушила слова. Джек её не видел, потому что всё время смотрел на де Жекса (по крайней мере, пока ему не выплеснули в лицо краску). А она не сказала ни слова, которое он мог бы услышать.

А теперь он сбежал и не может ни видеть её, ни слышать.

Она обернулась к зрительному залу. Музыканты и актёры смотрели на неё из углов, будто ожидая реплики.

— Можно выходить, — объявила Элиза. — Джек Шафто покинул здание.

Голден-сквер
тогда же

— *Что* вы ему сказали?! — переспросил Даниель.

— Вы меня слышали, — отвечал Роджер, потом, устав от взглядов и гримас Даниеля, добавил: — Да уж.

— Да уж?! Как прикажете это понимать?

— Вы иногда берёте совершенно проповеднический тон. Думаю, это неизжитое влияние Дрейка.

— Я просто благоразумен. Что, если Болингброк потребует доказательств? Я представления не имею, где Джек!

— Даниель, оглядитесь.

Даниель огляделся. Они с Роджером стояли на углу Голден-сквер, рядом с табором дорогих экипажей и хороших коней: полевой ставкой вигов. Исаак уже уехал домой в фаэтоне. Могавки проносились галопом, выкрикивая новости и потрясая шифрованными посланиями. В доме Болингброка ставни были закрыты, занавеси опущены, свечи почти не горели; никто не знал,

где хозяин. По слухам, он уехал в клуб.

— Смотрите, — сказал Роджер. — Мы победили.

— *Откуда вы знаете?!*

— Просто знаю.

— Откуда?

— Увидел по его лицу.

Роджер дал понять, что разговор окончен: не словом, не жестом, а какой-то переменой во взгляде. Он подошёл к отряду могавков, стоявших рядом с конями, и объявил: «Мы победили. Распространите весть. Зажгите маяки». Затем повернулся и зашагал к кучке сановников. Могавки у него за спиной закричали: «Виват!» Вскоре крик подхватила вся площадь.

Даниель не сразу присоединился к общему ликованию, но уж когда присоединился, то от всей души. Такова политика: гнусна, иррациональна и всё же лучше войны. Роджера чествуют, потому что он победил. Что такое победа? Это когда тебя чествуют. И Даниель горланил так, как только позволяли пересохшая глотка и старческие рёбра, дивясь, что люди сбегаются со всех сторон. Не только знать из особняков, но и сброд с освещённых кострами полей на севере, все теснились вокруг Роджера и кричали: «Виват!» Не потому, что соглашались с его позицией или

хотя бы знали, кто он такой, а потому что он явно был героем дня.

Биллинсгейтский док чуть позже

— Поразительно, — воскликнул Иоганн фон Хакльгебер, обнимая принцессу Каролину за талию и отрывая от пристани, — сколько людей готовы оказать услуги своей будущей королеве!

Он брёл по щиколотку в воде на Биллинсгейтской пристани; отрезанные рыбьи головы тыкались в его башмаки и таращились на Каролинин зад, пока Иоганн нёс её к лодке. Каролина крепко обнимала Иоганна за шею, словно хотела грудью заткнуть ему рот. Он не жаловался, только сильнее сжимал через штаны её выпуклости. Все эти взаимные тисканья оправдывались тем, что ночь была тёмная, пристань — скользкая, а принцессе негоже падать в холодное месиво из рыбьих кишок. Иоганн считал, что ведёт себя вполне пристойно. Однако люди (числом около тридцати), доставившие сюда принцессу в королевской процессии экипажей, портшезов и всадников, думали иначе. Они были пьяны как сапожники, хотя, судя по золочёным гербам на дверцах карет, сплошь принадлежали к знати.

Решительно всё в происходящей сцене наводило их на непристойные мысли.

— Хороша рыбка, так бы и съел! — выкрикнул один. Прочие шутки были ещё откровеннее.

— Джентльмены! — воскликнул Иоганн, когда принцесса уже благополучно сидела в шлюпке, а её бюст больше не затыкал ему рот. — Да, мы в Биллинсгейте, но это не значит, что вам надо перещеголять рыботорговок в мерзости. Сейчас их здесь нет. Если хотите за ними приударить, возвращайтесь днём.

— И кто же эти рыботорговки? — вопросил некто, перебравший настолько, что язык болтался у него во рту, словно половая тряпка в ведре. — Сдаётся, с ними неплохо бы свести знакомство. — Он потянул носом бодрящий воздух рыбного рынка. — И мне нравятся их духи!

Теперь попрёки сыпались на Иоганна с двух сторон.

— Ты просто несносен, милый, — говорила Каролина из шлюпки. — Вот видишь, я надула губки, как большая-большая рыба. Эти люди галантны, ничего больше! Они даже не верят, что я — принцесса! Они думают, что я — шлюха, приехавшая к доктору Уотерхаузу.

— Они прекрасно знают, кто вы, — заверил

Иоганн. Он иронически-подобострастно поклонился членам клуба «Кит-Кэт», которые стояли на набережной в шеренгу, как на картине, едва различимые в темноте — словно групповой портрет, почти черный от табачного дыма.

Ответных поклонов Иоганн не видел, потому что забирался в шлюпку. Каролина помахала рукой; почему-то даже этот жест вызвал у провожающих непристойные ассоциации, породив новый залп сальностей.

— Воистину, мы можем не страшиться разоблачения, — пробормотал Иоганн. — Когда они протрезвеют, то постыдятся рассказывать о том, что было. И в любом случае им никто не поверит.

Баркас казался чересчур большим для сегодняшней миссии: доставить на корабль в Лондонской гавани барона и принцессу. С каждой стороны у него было по пять вёсел; гребли десять плечистых матросов. Таким образом, в случае погони баркас мог уйти почти от любой лодки. Иоганн с Каролиной сели на носу, подальше от гребцов.

— Я рад, что вы догадались сразу ехать сюда, — сказал Иоганн.

— Не совсем сразу, потому что прежде в клубе

«Кит-Кэт» за меня выпили несколько тостов, — отвечала Каролина.

Тосты, впрочем, ещё не кончились. Как только стало известно, что Каролина отбывает по воде, кто-то из ручных кит-кэтовских пиитов взялся за дело; получилась следующая импровизация:

Афродита из прилива
Вышла к эллинам блудливым,
Чтил сын Рима с крепким х-ром
Пеннородную Венеру.
На реке пурпурно-винной
Зрят британцы Каролину.

— Очень мило, — заметил Иоганн. — Сдаётся мне, доктору Уотерхаузу предстоят кое-какие объяснения в клубе.

— И мне, — сказала Каролина, — с мужем.

Какой-то остряк затянул:

Её утроба
Папизму гроб.
Вот только б немец
Почаще…

На него тут же зашикали возмущённые, даже скандализованные кит-кэтовцы. Ну, знаете! У

некоторых вообще нет чувства приличий! Кто-то наполовину вытащил из ножен шпагу и, дождавшись, когда его с двух сторон схватят за руки, принялся картинно вырываться, не забывая поглядывать в сторону реки: видит ли Каролина его галантность. Однако баркас уже поглотила тьма. Кит-кэтовцы выпили по одной на посошок и двинулись к экипажам; последним, что видели Иоганн и Каролина, были отсветы хрустальных стопочек на серебряных подносах, слабые, как блеск рыбьей чешуи на тёмной воде, плещущей о Биллинсгейтскую пристань.

— Надеюсь, мы исчезнем с их горизонта так же скоро, как они с нашего, — проговорил Иоганн. — Нам надо проделать несколько миль по течению до шлюпа, который стоит на якоре у Гринвича. Если быстро подняться на борт и отплыть, возможно, никто не узнает, что ваше высочество на шлюпе.

— Один сплошной фарс, — был вердикт Каролины. В темноте она не видела, как поникли плечи Иоганна, но слышала, как из него вышел весь воздух. — Прости.

— Напротив. *La belle dame sans merci*[25] — роль,

---

[25] Примечания: 25
Прекрасная и безжалостная дама (*фр.*).

которая вам очень идёт и ещё пригодится, когда вы станете королевой, а Гринвич будет вашим загородным имением.

— Я безжалостна к себе, не только к тебе, — сказала Каролина. — Глупо было мне приезжать в Англию.

— Отнюдь. В Ганновере вам угрожал убийца.

— Убийца, который без труда последовал за мной в Лондон, — отвечала Каролина, — и, возможно, сейчас охотится на Элизу.

— Она — моя мать, так что напоминания излишни, — сказал Иоганн. — Но она знает вас с детства. Когда она не была с вами откровенна? Если бы она или я думали, что вам неразумно оставаться в Лондоне, мы бы не промолчали.

— Однако я имею право на собственное мнение. И я говорю, что слишком здесь задержалась.

— Разумеется, так представляется теперь, когда мы отбываем в спешке. Лучше бы вам было уехать неделю назад, спокойно. Мы не могли предвидеть, что дело обернётся таким образом.

— Сколько прошло с Софииных похорон? Шесть недель. К тому времени, как мы доберёмся до Ганновера, будет все семь или восемь.

— Не такой уж большой срок. Убитая горем принцесса вполне может пробыть столько вдали

от двора.

— От двора и от мужа.

— У мужей есть другие способы утешиться.

— Я всё думаю, — сказала Каролина, — оставил ли он Генриетту своей фавориткой после всего, что произошло? Или прогнал её и завёл новую? Или?..

— Или что?..

— Или ждёт, когда после долгой отлучки вернётся жена? Его письма в последнее время стали более интересны.

— Более интересны, чем что? Или чем кто? Молчите, не отвечайте, мы вторглись в ту область, куда ступить и ангелы боятся.

— В эту область ты вступаешь, сознательно и по своей воле, когда заводишь связь с замужней принцессой.

Иоганн молчал.

— Вот видишь. И снова я *la belle dame sans merci*. Надеюсь, она тебе нравится.

— Да, — отвечал Иоганн. — Такой уж я безнадёжно глупый странствующий рыцарь.

— Отважный и блистательный рыцарь, — сказала Каролина, — который должен держать забрало закрытым, даже когда поскуливает.

На этом их разговор временно затих. Путь по

Темзе оказался долгим. Каролина пересиливала дремоту и боролась с искушением прилечь Иоганну на плечо. Иногда манёвры меж судов на реке напоминали бег сквозь ночную чащу. Несколько раз вахтенные принимали их за жохов и осыпали бранью; на баркас направляли фонари и мушкетоны. После Собачьего острова кораблей стало меньше, а сами они — больше. Хотя гребцы устали, шлюпка двигалась быстрее, потому что шла теперь прямо по течению. Оставив позади шум и суету города, Иоганн и Каролина различали то, что прежде утонуло бы в других впечатлениях: костры на холмах, всадников, мчащих во весь опор по улицам вдоль обоих берегов реки. Невозможно было не вообразить, что костры и всадники несут странную информацию из города в предместья и дальше к морю. Сигнальные огни на прибрежных скалах передадут новость на континент. Однако что это за новость, ложная она или истинная, беглецам в лодке было неведомо.

На шлюп перебрались быстро, как и надеялся Иоганн. Подняли якоря, поставили паруса, и начался странный ночной вояж по реке, ставший для Каролины продолжением бегства в шлюпке, только в новом, увеличенном масштабе: цепочки

костров распространялись всё дальше от города, и каждую минуту до слуха долетали отзвуки далёких копыт на почтовом тракте. Под конец принцесса сумела заснуть, уговорив себя, что беззвучно скользящий по тёмной реке шлюп с загадочными пассажирами на борту так же смутно тревожит всадников на дорогах и дозорных на вершинах холмов, как они — её, и, возможно, не без оснований, ведь (как ей по-прежнему приходилось себе напоминать) она намерена когда-нибудь править этой страной.

«София», устье Темзы
утро четверга, 29 июля 1714

У Ганновера нет выходов к морю. Самое большое водное пространство в нём — трёхмильной ширины лужа. Богатеи вкладывают средства в корабли, а смельчаки даже пускаются на них в плавание, но для этого надо прежде попасть в Бремерхафен. Для большинства ганноверцев лучший способ пересечь воду — дождаться, когда она замёрзнет. «София» — шлюп, на который Иоганн и Каролина взошли под покровом тьмы, — формально принадлежал Ганноверу, что подтверждал внушительного вида документ. Однако команда по большей части состояла из фрисландцев, шкипер был антверпенский протестант по фамилии Урсель, а гребцов, доставивших вчера принцессу, наняли вместе с баркасом на датском китобойце, который чистился от ракушек в ротерхитском доке. Сейчас эти датчане просыпались в Восточном Лондоне, постанывая от ломоты в спине. Много воды, частью свежей пресной, частью застойной, протекло тем временем под килем «Софии».

Если бы Каролину спросили, она бы сказала, что они уже в открытом море на пути к Антверпену. В тумане было видно не дальше, чем на вержение камня, но «Софию» перекатывало с одной мощной волны на другую, словно ребёнка, которого передаёт над головами толпа, собравшаяся смотреть повешение. Температура упала (Каролина-натурфилософ знала, что оттого и туман), воздух пах по-другому. Впрочем, чтобы убедиться в наивности её сухопутных измышлений, довольно было взглянуть на Урселя: так выглядел бы ганноверец, который добрался до середины Штейнхудер-мера и обнаружил, что лёд у него под ногами трещит и встаёт торосами.

— Это то, почему никто не пытается сделать это, — сказал он Иоганну на смеси голландского и немецкого.

Второе «это» в контексте последних событий, вероятно, означало: «выбраться из Лондонской гавани под покровом тьмы, избежав таможенного досмотра в Грейвзенде, по замерам глубины пройти Хоуп и до зари миновать Ширнесский форт, не угодив под огонь береговых батарей и не попавшись военным кораблям, чья задача — ловить контрабандистов». На сухопутный взгляд Каролины, всё перечисленное им удалось.

Большой колокол пробил девять раз, и один из корабельных помощников, знающий Темзу, сказал, что звонят в Кентерберийском соборе. Каролина, изучавшая карты, пришла к выводу, что они выбрались из устья реки.

Менее понятно было, что Урсель разумеет под первым «это» — надо думать, нечто, очевидно, изобличающее безумие второго «это». Каролина покосилась на Иоганна. Тот устал гораздо сильнее (Каролина хотя бы поспала, а он — нет) и больше страдал от морской болезни. Судя по лицу, он точно так же не понимал, в чём состоит первое «это». Каролина перестала пытать его взглядом и перенесла внимание на фрисландцев. Они бросали лот и с правого борта, и с левого; глядя на них, недолго было вообразить, что к «Софии» со всех сторон подбираются вплавь пираты с ножами в зубах, и единственное оружие против нападающих — свинцовые гири на длинной верёвке. Каролина и прежде видела, как определяют глубину. Обычно замер требовал больше времени, поскольку лот не сразу касался дна, а выбирать лотлинь надо было в несколько приёмов, перехватывая руки. Сейчас матросы бросали лот по два-три раза в минуту и выкрикивали глубину, не выбирая линь. Цифры на фрисландском диалекте

звучали чудно, но то были маленькие цифры.

Каролина прошла вдоль ограждения юта к Иоганну.

— Все всполошились, когда прокукарекал петух.

— Я не слышал петуха, — отвечал Иоганн.

— Разумеется, не слышал! Ты блевал, перегнувшись через борт, — объяснила Каролина. — Однако петух прокукарекал, вполне отчётливо, вон там. — Она махнула рукой в направлении правого борта.

Иоганн выдавил уверенную улыбку.

— Не тревожьтесь. В тумане звуки распространяются на большие расстояния. До петуха могут быть мили. Или он на другом корабле.

Замычала корова.

— Петушиный крик может знаменовать и другое, не менее тревожное обстоятельство, — заметила Каролина. — Туман рассеивается.

Ей пришлось повысить голос и подойти ближе к Иоганну, потому что Урсель начал кричать. Как флейтист, освоивший технику кругового дыхания, способен выдувать длинные непрерывные ноты, так и Урсель обладал умением, общим для сержантов, школьных учителей, жён и других властных особ: мог орать несколько минут кряду,

не переводя дух.

— На него снизошло озарение, — сказала Каролина. — Мы заблудились в тумане. Теперь он понял, где мы.

— Да, — отвечал Иоганн. — Не там, где следует.

Наблюдение было столь очевидным, что лучше бы Иоганн оставил его при себе. Крики Урселя и усилия матросов привели к тому, что «София» повернула и, килем прочертив на илистом дне свои инициалы, двинулась новым курсом. Через несколько минут лотовые уже выкрикивали глубину в пять, даже шесть саженей. Звуки скотного двора стихли, запах теплокровных сменился запахом тварей, одетых в чешую. Серое небо сделалось серебристым, потом золотым, и Каролина уже ощущала губами его тепло, как чувствовала жар Иоганнова тела ночью в холодной спальне. Наконец шлюп вынырнул из тумана. Неясное пятно на левом траверзе обрело чёткость и превратилось в английский военный бриг, идущий параллельным курсом. В данную минуту он открывал пушечные порты.

— По ходу исполнения нынешнего плана у меня не раз возникал случай усомниться в его разумности, однако пока все затруднения разрешались, — сказал Иоганн. — Уповаю на

Провидение, что всё не так плохо, как кажется.

Лицо его было красным и в иных обстоятельствах выглядело бы премило, однако сейчас внушало тревогу.

— Бедненький Жан-Жак. Ты здесь так же не к месту, как петух.

— Если бы мы могли домчать до Ганновера верхом, я бы это устроил, — сказал Иоганн. — Но негоже вам беспокоиться обо мне.

— Если нас остановят, я надену чёрную ленту через плечо в знак, что я здесь инкогнито, — отвечала Каролина. — На бриге наверняка есть офицер, человек воспитанный, который поймёт, что это значит.

— Инкогнито годилось для Софии, когда та навещала Лизелотту в золотую пору Версаля, — задумчиво проговорил Иоганн. — Рассчитывать, что виги и тори будут соблюдать такие странные условности, всё равно что требовать от бойцовых петухов, чтобы те провозгласили здоровье королевы, прежде чем ринуться в драку. Нет, думаю, если до этого дойдёт, мне придётся взять ответственность на себя.

— Как? Объявишь, что похитил меня и силой увёз в Англию?

— Что-нибудь в таком роде.

— Глупости. Я буду просто отрицать, что я — это я…

Бесполезный разговор пошёл по второму кругу; тем временем шкипер Урсель почти так же томительно спорил с английским капитаном. Тот флажками требовал, чтобы «София» легла в дрейф, Урсель делал вид, будто не видит и не понимает. Капитан брига заговорил жестче: дал предупредительный выстрел поперёк курса «Софии». «София», которая вышла наконец на глубокую воду, прибавила парусов и сделала попытку оторваться, идя круче к ветру, чем позволяли бригу его прямые паруса. Таким образом они оказались на несколько миль ближе к открытому морю, поскольку ветер дул с востока, то есть примерно оттуда, куда они хотели попасть. «София» шла галсами, беря то несколькими румбами южнее, то несколькими румбами севернее восточного направления. Бриг делал то же самое, но под большим углом к ветру, что замедляло его продвижение. На первый взгляд «София» выигрывала. Однако Каролина (которая очень внимательно наблюдала за происходящим, поскольку собиралась унаследовать английский военный флот) видела, что это тот случай, когда дьявол скрывается в мелочах. Бриг двигался

быстрее «Софии»; чистый выигрыш в скорости получался не такой и большой. И на бриге был лоцман, который знал нынешнее положение мелей в устье Темзы, Урсель же смотрел на карту, отпечатанную десять лет назад и превратившуюся в палимпсест добавленных от руки штриховок и противоречивых надписей на разных европейских языках. Вместо того чтобы чертить на водном просторе величественный зигзаг, «София» виляла вбок всякий раз, как Урселю мерещилась впереди отмеченная на карте мель, или не нравился цвет воды, или выкрики лотовых рождали у него нехорошие предчувствия. Много времени терялось, и много инерции шло псу под хвост на частых сменах курса, тогда как бриг уверенно лавировал, прокладывая каждый галс в невидимых зазорах между Срединой, Верпом, Мышью, Щепкой, Испанцем и прочими навигационными опасностями, столь маленькими либо столь эфемерными, что на них пожалели тратить название. Такая азартная погоня должна была бы захватывать, но она растянулась на полдня и порой целый час проходил вообще без всяких событий. Таким бывает бдение у постели тяжелобольного: все чувства напряжены, каждый миг важен, но время тянется бесконечно, выматывая

последние силы.

Наконец Урселя подкосила усталость. Или просто англичанин его переиграл. Ближе к середине дня бриг заметно сократил расстояние и теперь поворачивал, чтобы дать бортовой залп. Поставленный перед выбором — орудийный огонь или мелкая вода, шкипер выбрал мелкую воду и почти сразу посадил «Софию» на илистый гребень, который (как стало ясно задним числом) подразумевался закорючкой на карте. Это произошло между мысами Форенесс и Фаулнесс, там, где устье достигает в ширину двадцати миль и рекой именуется чисто технически; всю восточную половину горизонта занимало море, полные сто восемьдесят градусов насмешки над бедным шкипером. Когда Каролина спросила Урселя, каковы их дальнейшие действия, тот ответил, что ничего не может сказать, поскольку его дело — водить корабли, «София» же больше не корабль, а обломки кораблекрушения, и принадлежит не Ганноверу, а тому, кто первый её подберёт. Сделав приведённое заявление, он удалился в каюту пить джин.

— Я не разбираюсь в морском праве, — сказала Каролина, — но, по-моему, это скорее океан, чем река. Я утверждаю, что мы в открытом море, идём

по своим делам.

— Мы на мели, — упорствовал Иоганн.

— Значит, мы были в открытом море, шли по своим делам, и тут откуда ни возьмись появился гадкий бриг и загнал нас на мель. Это пиратское нападение.

Иоганн закатил глаза.

— Нападение случилось, когда мы вышли из Антверпена на увеселительную морскую прогулку, — продолжала Каролина.

— И нечаянно пересекли Северное море?!

— Ночью нас сбил с курса нежданный восточный ветер. Обычная история. Не придирайся! Вчера в Лондоне ты сказал, что я должна вершить дела, которые не в твоей власти. Переписывать историю — прерогатива монархов, не так ли?

— Такое впечатление складывается, если читать много исторических книг.

— И кто более находчивая сочинительница: королева Анна или женщина перед тобой?

— Эти лавры принадлежат вам, любовь моя.

— Отлично. В трюме есть ганноверский флаг. Пусть его поднимут на мачте. И пусть все проходящие корабли видят, что королевский флот бессовестно напал на беззащитное ганноверское судно.

И она приняла вполне царственную позу, указуя рукой на море, испещрённое белыми парусами.

— Если так угодно вашему королевскому высочеству, — сказал Иоганн.

— Угодно. Исполняйте.

Когда «София» села на мель, бриг приступил к череде манёвров, растянувшихся примерно на полчаса: он повернул оверштаг, убрал часть парусов и медленно двинулся на более глубокую воду, чтобы лечь в дрейф и спустить шлюпку без риска повторить участь «Софии». К тому времени, как с этим было покончено, над мачтой «Софии» уже реял ганноверский флаг. Капитан брига призадумался. Герб Ганноверов так походил на герб правящего дома Великобритании, что с такого расстояния их было не отличить. Бриг мог угрожать «Софии» открытыми пушечными портами и выдвинутыми орудиями, но Каролина только что приставила ко лбу его капитана заряженный пистолет.

Легко представить, что вчера ночью гонец Болингброка прискакал в Ширнесский форт и вручил капитану приказ задержать такой-то шлюп с иностранными шпионами на борту. Тогда всё казалось предельно ясным. Печать

Болингброка на документе, взмыленная почтовая лошадь, заляпанный грязью, падающий от усталости гонец, срочный приказ среди ночи — предел мечтаний любого честолюбивого офицера. До сего момента он исправно выполнял свой долг. Теперь что-то нарушилось в отлаженном механизме: капитану представился случай подумать. Королевский герб, плещущий на мачте шлюпа, давал обильную пищу для размышлений и все основания не торопиться.

Шлюпку изготовили к спуску, но матросов в неё не посадили. Затем гребцы появились, но на шканцах, очевидно, спорили, кого из офицеров отправить. Что это будет? Абордаж? Спасательная операция? Дипломатическая миссия? Кто на шлюпе: иностранные шпионы, контрабандисты или будущие хозяева и адмиралы королевского флота? В таких случаях нельзя действовать сгоряча.

А ситуация тем временем ещё усложнилась. Как только «София» подняла флаг, один из кораблей, входящих в Темзу, сменил курс и с тех пор всё приближался: многоярусная крепость белых парусов росла на глазах. Если бриг был бульдогом, то этот корабль — медведем: три мачты против двух у брига, больше парусов на

каждой мачте, больше грузовых и орудийных палуб. Преимущественно орудийных, поскольку в корабле безошибочно угадывался вест-индиец. Водоизмещением он в три раза превосходил бриг. В Темзе такие размеры стали бы помехой, но здесь можно было маневрировать свободно, если, конечно, располагать точной картой и уметь ею пользоваться. Вест-индиец лавировал между мелями не хуже брига, хотя был не голландским и не английским, а, как стало видно, когда он наконец поднял свой флаг…

— Чудеса, — сказал Иоганн, двумя руками вдавливая подзорную трубу в глазницу. — Какова вероятность, что встретятся два ганноверских корабля?

— Какова вероятность, что в мире есть два ганноверских корабля? — Каролина вырвала у Иоганна трубу и с минуту одобрительно разглядывала фигуру на носу вест-индийца: гологрудую Афину, змееносной эгидой рассекающую океанский простор.

— Моя матушка как-то вложила средства в корабль, — сказал Иоганн. — Вернее, вложила София, а матушка вела счета.

— Позволь мне угадать название корабля. «Афина»? «Паллада»? «Минерва»?

— «Минерва». Впрочем, я думал, она в Бостоне.

— Может, она там и была, — сказала Каролина. — Но сейчас она здесь.

Корабельная верфь Орни в Ротерхите
31 июля 1714

— Очень приятная молодая дама, сдержанная и учтивая, даже когда её снимают с мели грубые филиппинские матросы. Однако я рад, что она больше не на моём корабле.

Морщинами и ворчливым характером Отто ван Крюйк напоминал человека, которому давно перевалило за сто лет, энергией — скорее тридцатилетнего. Вместо правой руки у него был стальной крюк, которым он, в задумчивости или когда нервничал, трогал окружающие предметы. В тавернах, комнатах и каютах, где побывал ван Крюйк, на стенах и на столах оставались длинные отметины, словно огромная кошка точила о них когти. Сейчас он царапал крышку ящика, недавно сгруженного с «Минервы». Ящик стоял на причале верфи мистера Орни в Ротерхите. Адрес гласил:

Д-ру Даниелю Уотерхаузу
Двор технологических искусств

Клеркенуэлл
Лондон

Крышка была уже исчерчена глубокими бороздами: утро для ван Крюйка выдалось долгим и беспокойным, а крюк он держал острым. «Минерва» стояла в сухом доке: рве, отделённом от Темзы воротами из цельных стволов. Они, хотя потрескивали угрожающее и сильно протекали, сдерживали напор речной воды. «Минерва» покоилась на сваях, вбитых в илистое, испещрённое лужами дно сухого дока. Её корпус напомнил Даниелю картофелину, которая слишком долго лежала в подвале и дала ростки; легко было вообразить, что корабль выпустил длинные тонкие ножки и, перебирая ими, выполз на сушу. Он думал, что поставить такую махину в сухой док — тяжёлая работа на много дней, и надеялся застать её первые стадии. Однако, когда он в одиннадцать утра приехал на верфь, всё уже закончилось, и единственным свидетельством операции были сотни параллельных царапин на крышке ящика.

— Я знаю, что есть… — Даниель чуть не сказал «суеверие», — традиция, согласно которой женщина на корабле приносит несчастье.

Ван Крюйк обдумал услышанное. Ван Крюйк

обдумывал всё, поэтому вести с ним лёгкую светскую беседу было несколько затруднительно.

— Из женщин первой значительное время на этом корабле провела Елизавета де Обрегон, которую мы спасли после гибели Манильского галеона вместе с человеком, его поджёгшим, Эдуардом де Жексом.

— Кстати, он убит.

— Опять? Рад слышать. Тот рейс и впрямь закончился для нас плачевно, однако лишь идиот обвинил бы госпожу де Обрегон в бедах, вызванных коварством де Жекса.

— Справедливо, — отвечал Даниель. — Так вы не верите, что женщина на борту приносит несчастье?

— Такую веру трудно согласовать с хорошо известными успехами королевы малабарских пиратов.

— И всё же присутствие Каролины на борту вас смущало. Впрочем, полагаю, причины были иные. Её преследовал королевский флот?

— Мы прятались в эссекских бухтах, известных контрабандистам…

— Я хорошо знаю эти бухты, — с улыбкой проговорил Даниель. — Там мой отец сделал своё состояние.

— Утром двадцать восьмого нам сообщили, что мы можем без опаски войти в Темзу: известие, что виги победили, передали из Лондона сигнальными кострами. Я был совершенно уверен в полученных сведениях, иначе ни за что не приблизился бы к Норскому бую. Когда я увидел военный бриг, преследующий «Софию», я понял, что его капитан просто не получил вестей о переменах в Лондоне. И впрямь, поднимаясь по Темзе с принцессой Каролиной на борту, мы встретили и другие военные корабли. Он несли герб лорда Беркли — вига.

— И тем не менее вы рады были избавиться от принцессы.

— От некоторых грузов хлопот больше, чем выгоды.

Ван Крюйк повернулся к «Минерве». Из её трюма при помощи кранов и лебёдок вытаскивали ящики с галькой и пушечными ядрами.

— Насколько я понимаю, вы имеете в виду не только принцессу, — сказал Даниель.

— Предполагалось, что оно просто служит запасом на чёрный день, — отвечал ван Крюйк. — Как купец держит дома серебро, которое можно при необходимости перечеканить на монеты, так и мы держали в трюме золото. Ни один тамо-

женный инспектор не заподозрил, что оно там. Даже наши матросы по большей части не знают. Время от времени мы превращали сколько-то в гинеи. У меня и мысли не было, что мы в такой опасности.

— Оно опасно лишь потому, что директор нашего Монетного двора питает особый интерес к такого рода золоту. Покуда оно в трюме, вам ничто не грозит. Но отчеканить хотя бы одну гинею и пустить её в обращение — всё равно что выстрелить в воздух посреди церкви.

— Перед арестом Даппа сказал, что вы придумали, как нам обратить золото в деньги, но подробностей не сообщил. Я надеялся услышать их по пути в Бостон, однако мы вынуждены были срочно отплыть без Даппы.

— Если совсем коротко, у нас есть покупатель в Московии, готовый приобрести золото после того, как мы проведём над ним некоторые манипуляции.

— Вы что-то из него изготовите?

— Да, и тогда покупатель приобретёт у нас это нечто, а расплатится обычными деньгами. Во всяком случае, таков был план на тот день, когда Даппу задержали, а вы отплыли в Бостон.

— Вы хотите сказать, что план изменился? —

Ван Крюйк прочертил на крышке ящика глубокую борозду.

— Возможно, — отвечал Даниель. — Ваш первоначальный партнёр…

— Джек?

— Джек. Он вроде бы достиг соглашения с директором Монетного двора. Если так, опасность, о которой я говорил, миновала, и золото… — Даниель кивнул в сторону «Минервы», — не придётся отправлять в Московию.

— Мне всё равно, купит его царь или директор, лишь бы скорее сбыть с рук эту докуку, — сказал ван Крюйк. — Только решайтесь быстрее.

Он посмотрел на реку. Даниель обернулся и, проследив его взгляд, увидел, что к верфи мистера Орни ползёт многовёсельное судно.

— Вот уж не ожидал увидеть такое на Темзе. Чей там флаг? — спросил Даниель, видя, что ван Крюйк раздвигает подзорную трубу.

— Двуглавый орёл. Боевая галера русского военного флота, — ответил ван Крюйк и, помедлив мгновение, рассмеялся над такой нелепостью.

— Она прибыла за кораблями, которые построил мистер Орни, — предположил Даниель. — Великий день для мистера Орни!

— А для доктора Уотерхауза?

— Всё хорошо. Этого я и ждал.

— Хотелось бы, чтобы ваш голос звучал более искренне.

— Это не отсутствие искренности, а просто задумчивость. За последние дни многое случилось. Всё стало много сложнее.

— Провалиться мне! Ну и рослый же народ эти русские!

— О чём вы?

— Вон тот малый на юте! Если те, кто рядом с ним, обычного роста, то он — самый высокий человек, какого я видел. Как он возвышается над тем бедолагой, которому задаёт трёпку!

— У вас передо мной преимущество. Вы позволите?

Ван Крюйк с неохотой протянул подзорную трубу. Даниель примостил её на штабель досок и направил так, чтобы видеть приближающуюся галеру. Она была уже на расстоянии полёта стрелы от верфи мистера Орни; вёсла двигались всё медленнее и медленнее. Даниель оглядел ют, необычно высокий, как всегда на военных кораблях, и сразу увидел человека, о котором говорил ван Крюйк. Оценить его рост было трудновато, поскольку рядом стояли несколько карликов. Однако тут были и люди вроде бы обычных разме-

ров: один, в адмиральской шляпе французского фасона, расхаживал вдоль фальшборта. Второй — лысый седобородый старик в маленькой чёрной шапочке — стоял на месте. У третьего видна была только лысина, поскольку высокий нагнул его вперёд и кулаком свободной руки утюжил ему затылок. Судя по широкой улыбке на лице исполина и весёлым физиономиям карликов, трёпка была вполне дружеской; впрочем, если судить по тому, как истязуемый переминался на цыпочках и взмахивал руками, сам он придерживался иного мнения. Тут высокий его отпустил, потому что галера приближалась к верфи и проходила между двумя новёхонькими фрегатами, которые, очевидно, заинтересовали великана. Истязуемый юркнул в сторону, подобрал парик, распрямился (медленно и осторожно, потому что был стар), после чего водрузил парик на голову. Только после этого Даниель смог толком увидеть его лицо.

Даниель вздохнул.

— В чём дело? — спросил ван Крюйк.

— Ситуация внезапно очень осложнилась.

— Мне казалось, вы совсем недавно назвали её сложной.

— Да, так я считал — покуда не появился его императорское величество Пётр Великий в со-

провождении барона фон Лейбница.

— Это царь?

— Насколько я могу догадываться.

— Что он здесь делает?

— Не знаю. Одет он как обычный дворянин, с чёрной лентой, следовательно, приехал инкогнито.

— Может быть, шведы выгнали его из России, и он бежал в Англию.

— Вряд ли. Побеждённые монархи не являются со свитой из карликов и натурфилософов.

— Так что его сюда привело?

— Надеюсь, каприз.

— Почему надеетесь?

— Потому что в противном случае его приезд, возможно, имеет какое-то отношение ко мне.

— Жаль, что я не мог приехать на похороны Софии, — сказал барон Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Он был на английской земле уже около часа. Лейбниц никогда не отличался красотой, но за годы, что они с Даниелем не виделись, у него появились глубокие складки на лице и тёмные мешки под глазами, которые (когда он надел парик и спрятал следы от царского кулака) по крайней мере придавали ему солидно-величавый вид.

Пётр осматривал военные корабли в сопровождении большей части своей свиты и слегка растерянного, но в целом довольно боевитого мистера Орни.

— Друзья поняли, что вас задержали какие-то важные обстоятельства, — сказал Даниель. — Враги укрепились в своём дурном мнении, если вообще заметили, что вас нет.

Лейбниц кивнул.

— В мае меня вызвали в Санкт-Петербург, создавать Российскую Академию наук, — объяснил он.

— Забавно, что меня никогда не приглашают по таким поводам.

— Удовольствие более чем сомнительное. Санкт-Петербург — болото в прямом и переносном смысле. Пётр всё хочет делать сам. — Лейбниц указал на один из кораблей, который ещё стоял на стапелях, готовый к спуску; царь лез по вантам, как трёхсотфунтовая муха по исполинской паутине; его свита на палубе могла только ёжиться от страха или аплодировать. — Покуда он сражается со шведами (то есть почти всё время), работа стоит. Когда он приезжает и видит, что его прожекты заглохли, он приходит в ярость и требует всё сделать немедленно. А в итоге я

никак не мог вырваться.

Лейбниц смолк и обернулся. Внимание его привлёк не внезапный звук, а внезапная тишина. Пётр Романов взобрался на бизань-марс и, приняв величавую позу, смотрел в подзорную трубу, как будто командовал баталией в Балтийском море. Кстати (как успел рассказать Даниелю Лейбниц), именно этим он и занимался всего несколько дней назад, о чём красноречиво свидетельствовали пробоины от ядер в бортах галеры и следы крови на палубе.

Однако сейчас подзорная труба была направлена не на далекие паруса шведского флота, а на двух престарелых натурфилософов, беседующих посреди верфи мистера Орни.

— Ох-хо, — сказал Лейбниц.

— Его царское величество распорядился вынести пластины, — сообщил Даниелю Кикин. Он примчался из Лондона, как только узнал, что к Ротерхиту подходит русская галера, и, к своей чести, лишь на несколько секунд потерял сознание, войдя на верфь и увидев царя всея Руси, обсуждающего с мистером Орни особенности конструкции фрегата. Теперь господин Кикин выступал в роли толмача.

— Какие пластины? — спросил Даниель.

— Те самые, которые мы отправили ему в конце июня, — отвечал Кикин.

Из трюма галеры поднималась торжественная и в то же время пёстрая процессия. Сперва появился парик, затем голова и торс молодого человека из свитских, которого временно определили в носильщики: в руках он держал по шесту из цельного слоновьего бивня, украшенному золотым навершием. Следом выплыл и груз: не портшез, а, как стало видно, ящик. Впрочем, сказать о нём «ящик» было всё равно что назвать Версаль охотничьим шалашом, ибо он состоял по большей части из янтаря, а где не из янтаря, там из золота или слоновой кости. Даниель предположил, что лучшие искусники христианского мира трудились над ним долгие годы; не потому, что мог издали разглядеть подробности, а потому что так у Петра делалось всё. За янтарным ящиком, держа задние концы бивней, выступил человек в причудливом, вероятно, казачьем платье. Замыкал процессию седобородый старик в ермолке, который раньше стоял на юте галеры рядом с Петром. Даниель понял, что это — еврей, главным образом из-за того, что старик шёл вслед за фантастическим ящиком на шестах, более всего походившим на Ковчег Завета, заново изобре-

тённый русскими и воссозданный из северных материалов по французской моде. Ковчег пронесли сквозь притихшую свиту и поставили на обычный дощатый ящик.

Лейбниц прочистил горло и заговорил громко, чтобы слышали все:

— Карты для логической машины, которые вы любезно прислали нам несколько недель назад, прибыли в Санкт-Петербургскую Академию наук десятого июля (по английскому календарю). Ваш покорный слуга и другой представитель его царского величества, — при этих словах Лейбниц чуть заметно глянул на старого еврея, — тщательно осмотрели их и сообщили его величеству, что они исправны.

Кикин пытался переводить всё сказанное на русский, но Пётр, видимо, более или менее знал, что говорит Лейбниц. Он шагнул к янтарному ящику, снял крышку и отбросил в сторону. Казак поймал её и с поклоном отступил на шаг. Пётр запустил руку в обитое бархатом нутро и вытащил несколько карт. Золото блеснуло под полуденным солнцем. Мистер Орни втянул голову в плечи и посмотрел на общественную дорогу, где уже выстроился ощутимый кордон портовых рабочих, жохов, поимщиков, карманников,

громил и побродяжек, облепивших верфь, как мухи — край стакана с сидром.

Даниелю сразу бросилось в глаза, что карты изменились: их явно хранили бережно, однако у каждой недоставало кусочка. Кто-то отщипнул у всех пластин по уголку размером с ноготь.

Царь перехватил взгляд Даниеля.

— Я поручил господину Когану определить пробу пластин, — объяснил он через Кикина и кивнул на старого еврея.

— Соломон Коган к вашим услугами, — начал гот по-английски, но дальше вынужден был перейти на латынь. — Поскольку ни у одной пластины не пробиты дырки в углах, я рассудил, что углы для работы логической машины несущественны. Поэтому я отделил у каждой по уголку, чтобы определить пробу согласно повелению кесаря.

Всё сказанное было на взгляд Даниеля вполне разумным, однако он не понял, при чём здесь кесарь, пока не вспомнил, что слово «царь» — просто русская форма древнего латинского титула.

— И что вы сообщили кесарю касательно чистоты золота?

— Истину, разумеется.

— Конечно. Однако разные люди считают ис-

тиной разное, и мне хотелось бы знать ваше мнение, сударь.

— Нет. Вся суть пробирного анализа в том, что он не зависит от вкусов, пристрастий и мнений. Он даёт то, что даёт.

— Вы прибегаете к тетраграмматону, но даже касательно его смысла идут споры. Что вы обнаружили?

— То же, что и вы, полагаю.

— Что золото это золото?

Тут вмешался Пётр, и Кикин, выслушав, перевёл:

— Царь постановил, что раз для первой партии, к его удовольствию, было использовано чистейшее золото в мире, остальные пластины должно изготовить из того же материала. Что, чёрт возьми, это может значить?

Лейбниц закатил глаза.

— Некоторые вбили себе в голову, что существует высшая форма золота.

Он явно не дружески покосился на Соломона Когана.

Тем временем Пётр продолжал говорить. Кикин переводил:

— Отныне каждая пластина, отправленная в Санкт-Петербург, будет так же пробироваться и

приниматься Соломоном Коганом.

— Ради вас и вашего друга, — сказал Соломон Даниелю, указывая глазами на Лейбница, — надеюсь, что у вас есть достаточный запас такого золота.

— Вполне достаточный. — Даниель кивнул на «Минерву» и сделал паузу, чтобы Кикин перевёл. К тому времени, как Даниель готов был заговорить вновь, все уже проследили его взгляд и заметили, что матросы вытаскивают из трюма «Минервы» что-то тяжёлое и плоское, завёрнутое в холстину.

— Это Вроом? — спросил Пётр по-голландски. — До чего хорош!

— О да! — вступил в разговор ван Крюйк, стоявший с краю толпы. — «Минерва» последнее творение великого Вроома, и, если ваше царское величество желает…

— Желаю, — объявил Пётр, и они с ван Крюком углубились в разговор на голландском морском жаргоне.

Даниелю пришлось долго прочищать горло и поднимать бровь, прежде чем ван Крюйк заметил его знаки и с явной неохотой вновь обратил внимание царя на престарелого англичанина.

— Месяцы назад, — объявил Даниель, — мы

начали дело, завершившееся третьего дня прибытием Вроомова творения, которым так восторгается его царское величество. «Минерва» доставила золото, потребное для завершения логической машины, и в эту самую минуту его сгружают на берег.

Даниель не договорил, потому что Пётр уже стремительно шагал по грязи наперерез матросу, тащившему плоский свёрток. Кикин бежал за царём, переводя на ходу. Остальные устремились следом. Даниель оказался в хвосте вместе с Соломоном Коганом.

— Занятно, — сказал Даниель, — что вы так живо интересуетесь этим делом.

— Занятно, — отвечал Соломон, — что вы использовали в своём устройстве такое золото и думали избежать внимания Мудрых.

Старик смотрел на Даниеля почти не мигающими глазами, такими светло-серыми, что они казались почти бесцветными, несмотря на тёмные крапинки и ободок вокруг радужки. Семитские черты лица наводили на мысль, что Соломон родился с чёрными глазами, как большинство его соплеменников, но со временем они выцвели и полиняли, как платье от солнца и многочисленных стирок. Даниель чувствовал,

что растворяется в их взгляде, как сахар в струе горячей воды. Он не знал, что ответить, поэтому молча трусил по грязному месиву, пока они с Соломоном не догнали остальных. Все собрались вокруг свёртка, который Пётр вырвал из рук у босоногого матроса, бросил на бочку и развернул. Свёрток имел примерно полтора фута в ширину, четыре в длину и дюйм в толщину. Внутри оказалась металлическая пластина, исцарапанная и помятая, но безусловно золотая. Соломон пробормотал что-то на древнееврейском. Царь не без любопытства разглядывал пластину. «Он говорит, на вид не отличается от обычного золота», — перевёл Кикин.

— А как же иначе! — воскликнул Лейбниц. — Ведь нет никакой разницы…

Договорить ему не дали. Мистер Орни, в обычной жизни менее кого бы то ни было склонный к внезапным выходкам, пробился к бочке, схватил болтающиеся края холстины и принялся укутывать золото, как будто вид его не менее возмутителен, чем нагое женское тело. Пётр, наблюдавший за лихорадочными усилиями нонконформиста с обычным своим жадным любопытством, задал Кикину вопрос. Кикин объяснил, указывая на зачарованных зрителей,

смотревших с дороги, с окрестных деревьев и крыш. Пётр всё понял и снова поглядел на Орни, видя его в совершенно новом свете и осознавая причину такой нервозности. Затем царь оглянулся на казаков, охранявших периметр верфи, и отдал какое-то приказание.

— Не-е-т! — завопил Кикин, но казаки уже бежали к дороге, выхватывая сабли.

— Что он сказал?

— «Убить всех», — перевёл Кикин и принялся втолковывать царю что-то сложное, во что царь явно не желал вникать. Так или иначе, половина слов утонула в шуме. Казаки вырвались на волю, охота началась, Ротерхит наполнился криками и воплями. Пётр недвусмысленно велел Кикину заткнуться. Тот огляделся с мольбой. Даниель на миг поймал взгляд царя и заговорил, обращаясь к пряжке царского пояса:

— Закон в этой стране так снисходителен к преступникам, и общественный порядок пребывает в таком упадке, что даже если бы ваше царское величество привезли целый полк казаков и велели перебить всех на милю вокруг, такая мера не смогла бы обеспечить безопасность верфи мистера Орни после захода солнца, коли уж о золоте стало известно толпе. Его следует перевезти в

надёжное место, вызвать фургоны или…

Он кивнул на русскую галеру.

— Предложение доктора принято, — сказал Кикин после того, как перевёл слова Даниеля и получил ответ. — На галере есть ещё золото — плата мистеру Орни за корабли, буде они пройдут инспекцию, а также Двору технологических искусств за следующую стадию работ. Всё следует доставить в различные надёжные места. Царь повелевает, чтобы особое золото с «Минервы» перенесли на галеру незамедлительно. Затем мы все вместе двинемся в Лондон.

Ван Крюйк передал услышанное своей команде. Орни тем временем сказал:

— Как ни желал бы я в душе, чтобы ротерхитские канавы заструились кровью бродяг, я почтительно прошу брата Петра вернуть косматых молодцов с саблями в границы моих владений.

— Быть по сему, — перевёл Кикин ответ царя, хотя Даниелю показалось, что тот несколько уязвлён. Но тут лицо Петра свела судорога — результат какого-то нервического сбоя, и разговор иссяк.

Биллинсгейтский док
тот же день, позже

Пётр увидел перед весами Биллинсгейтского дока вереницу угольных возов и решил, что удобнее везти золото на них, чем в хлипких пролётках и портшезах, которые сновали по набережной, как тараканы. Итак, рыбная и угольная торговля встала на час, пока галера втискивалась в Биллинсгейтский док. Для всякого, кроме заезжего русского царя, затея кончилась бы плохо. Походи он хоть немного на англичанина, рыботорговки растерзали бы его в клочья. Даниель, в котором англичанин безошибочно угадывался с первого взгляда, был ни жив ни мёртв от страха. Однако царь решительно перемахнул с галеры на пристань и через тридцать секунд уже сидел на козлах пустого угольного воза, сжимая в руках вожжи. Кучер, заметив приближающегося великана, просто швырнул их ему в лицо, а сам спрыгнул на мостовую. Позже он кинул царю кнут. Даже рыботорговки вели себя на удивление покладисто: они побросали свои лотки и выстроились вдоль пристани, чтобы

любоваться представлением. Как понял Даниель, спасло Петра не то, что он царь (об этом никто не знал), а зрелищность его появления. Торговок не смущали убытки — заработанное сегодня всё равно потратится завтра, зато о событии, которое они сегодня увидели, можно будет рассказывать до конца жизни. Более того, здесь был рынок, а не дворец, не парламент, не университет и не церковь. Всякая стезя притягивает людей определённого сорта. Рынок выбирают те, кто умеет быстро соображать и легко приноравливается к новому. У кучера было десять секунд на то, чтобы выбрать правильный образ действий. Однако он принял решение и скорее всего не прогадал: Даниель видел по крайней мере один кошель, переданный кучеру кем-то из свитских.

Они проехали по улицам Лондона на возу, предназначенном для угля, а сейчас скрипящем под тяжестью золота, казаков и натурфилософов. Груз немного полегчал на Треднидл-стрит, где золото, предназначенное для оплаты кораблей, положили в Английский банк на открытый мистером Кикиным счёт. Затем Даниелю пришлось сесть на козлы рядом с Петром, чтобы показывать дорогу к Клеркенуэлл-корту.

Кикина сослали в дальний конец воза, и тот

углубился в беседу на русском языке с Соломоном Коганом и каким-то придворным, очевидно, имеющим вес в вопросах финансовых. Пётр и Даниель, оставшись без переводчика, перебрасывались обрывками фраз на разных языках, пока не остановились на французском. Царь говорил на нём сносно, но беседа на чужом языке требовала несвойственного ему терпения. Чувствуя это, Даниель ограничивался короткими репликами вроде: «На следующем перекрёстке сверните вправо», «У нас не принято давить пешеходов» и так далее. Однако через некоторое время любопытство взяло верх. Была и вторая причина: они проезжали мимо Бедлама, и Даниель боялся, что Пётр Великий выразит желание пойти посмотреть безумцев.

— Кстати, — проговорил Даниель, — этот ваш Соломон Коган — занятный тип. Где вы его отыскали?

— При взятии Азова, — отвечал Пётр. — Он зачем-то приехал туда и гостил у паши, когда мы осадили город. А что?

— Э… точно не знаю. Считайте это любопытством обывателя, которому интересно, как император создаёт своё окружение.

— Здесь секрета нет. Найти лучших людей и не

отпускать их.

— А как вы узнали, что господин Коган — из лучших?

— Рекомендацией послужило количество золота, которое при нём обнаружили, — сказал Пётр.

Они выбрались из Лондона через Криплгейт, то есть проехали в квартале от Граб-стрит. Тем не менее их не заметили, что подтвердило давние сомнения Даниеля касательно газетчиков: ему и прежде казалось, что они интересуются одним и не интересуются другим весьма произвольно. Впрочем, продвигаясь на запад, он начал понимать, как исполинского роста царь мог проехать по городу с полным возом золота и донских казаков, не обратив на себя особого внимания. Они подъезжали к Смитфилду со всеми его сопутствующими скотобойнями, мясными рынками и дебоширами. Многие костры, разведённые в среду вечером, сегодня, в субботу, ещё горели; наиболее упорные тори продолжали сшибаться с вигами весь четверг, когда Равенскар уже закреплял свою победу на высших фронтах Вестминстера и Уайтхолла. Политические волнения нечувствительно перешли в обычные беспорядки Висельного дня, так что теперь весь Смитфилд и районы к западу от него являли собой дымяще-

еся место побоища. Пётр упомянул взятие Азова; Даниелю подумалось, что Лондон, возможно, выглядит так же. Лавочники и хозяева домов уже вешали обратно сорванные двери, выметали из дворов человеческие экскременты и тому подобное, но молодых бездельников на улицах ещё было хоть отбавляй. Даниель мысленно сортировал их по категориям: ополченцы, фанатики, бродяги, зеваки, приходившие смотреть повешение. Ни один человек делового склада, видя такое, не поверил бы, что в Англии возможна какая-нибудь экономически полезная деятельность. Тем не менее Пётр знал, что Англия процветает: как удавалось ему примирить абстрактное знание с тем, что видели его собственные глаза?

— Это место раньше лежало за чертой города, — объяснил Даниель, — и воинственные молодые люди приходили сюда биться на мечах. А поскольку в схватках они порой отрезали друг другу уши, а то и головы, молодых людей такого склада стали в просторечии называть…

— Ухорезами? Да, я слышал, — сказал Пётр. — Куда дальше?

— От развилки влево, ваше царское величество, — отвечал Даниель, — а там уже прямо до самого Клеркенуэлла.

Что касается сверхъестественного чувства, заключающегося в откровении и вдохновении, то универсальные законы не были даны этим путем, ибо в такой форме Бог говорит лишь отдельным людям, причем разным людям разное.

Гоббс, «Левиафан» [26]

Приехав в Клеркенуэлл-корт, Даниель обнаружил, что Роджер Комсток или кто-то, объявивший, будто действует от его имении, разместил во Дворе технологических искусств два эскадрона вигской кавалерии: один состоял из могавков, другой — из людей с обычными причёсками. Даниелю было всё равно: он уже утратил способность чувствовать досаду или чему-либо удивляться. Так оказалось даже лучше. Гробница тамплиеров, с её окованными железом дверями, выглядела вполне внушительно. Присутствие кавалеристов делало её, в глазах Петра, ещё более надёжным хранилищем для золота.

Даниель всю дорогу готовился к тому, что день или два будет мучительно объяснять все чудеса и диковины Двора технологических искусств — именно до такого рода курьёзов Пётр Великий

---

[26] Примечания: 26
Пер. А. Гутермана.

был особенно падок. Однако инженеры, освобождая место для кавалерии, по большей части либо заперли оборудование, либо забрали с собой. Смотреть оказалось особо не на что. Пётр спустился в гробницу, но потолок был слишком для него низок, а сам царь явно скучал, как любой монарх на любой церемониальной инспекции; Даниелю осталось предположить, что потайные склепы древних военно-религиозных сект встречаются в России на каждом шагу и не рассматриваются как нечто примечательное. Соломон Коган выказал больше интереса, чем его начальник. Так что покуда барон фон Лейбниц и Сатурн (на удивление быстро оправившийся после того, как вооружённый казак поднял его с постели остриём сабли) показывали царю различные механизмы, относящиеся к логической машине, Даниель и Соломон сидели возле саркофагов, наблюдая за тем, как золото с «Минервы» складывают в гробницу тамплиеров. Каждую пластину надо было взвесить и записать в амбарную книгу, а потом свести и сверить результаты; не слишком сложная задача для двух таких людей. В промежутках Соломон Коган развлекал Даниеля лёгкой светской беседой:

— Занятное место.

— Я рад, что вам интересно.

— Оно напомнило мне то, чем я некогда занимался в Иерусалиме.

— Кстати, тамплиеры полностью именовались «рыцари Храма Соломонова». Так что если вы тот Соломон…

— Не надо играть словами. Я не о могиле давно позабытых рыцарей, а о том, что над ней.

— Двор технологических искусств?

— Если вы так его называете.

— А как бы назвали его вы?

— Храмом.

— Нда? И какой же религии?

— Религии, которая исходит из предпосылки, что мы можем приблизиться к Богу через лучшее понимание созданного Им мира.

— Вы хотите сказать, потому что для нас это единственное указание на то, как Он мыслит.

— Для большинства из нас, да, — отвечал Соломон.

— Вот как? Есть меньшинство, для которого существуют иные способы познать Бога?

— Вообще-то есть, — сказал Соломон, — но говорить так опасно, поскольку почти все, причисляющие себя к упомянутому меньшинству, — шарлатаны.

— Что ж, очень лестно, что вы сочли возможным раскрыть эту тайну мне. Следует ли сделать вывод, что вы верите в мою способность отличить шарлатана от…

— Мудреца? Да.

— Значит ли это, что я — мудрец?

— Нет, вы — учёный. Член *Societas Eruditorum*.

— Лейбниц говорил об этом обществе, но я не знал, что к нему принадлежу.

— Оно не такое, как у них. — Соломон постучал костяшками пальцев по саркофагу храмовника. — В нём нет ни устава, ни посвящений.

— Вы к нему принадлежите?

— Нет.

— Вы мудрец?

— Да.

— То есть у вас есть способы познания, недоступные для нас, учёных. Мы должны пробавляться тем, что даёт нам наша религия.

— Вы напрасно говорите о ней так пренебрежительно. Лучше знать, как вы пришли к знанию, чем получать его извне.

— Енох Роот — мудрец?

— Да.

— Лейбниц?

— Учёный.

— Ньютон?

— Трудно сказать.

— Такое впечатление, что Ньютон просто знает. В голове у него рождается законченное знание, никому не понять как. И черта с два кто-нибудь сделает то, что делает он.

— Да.

— Это чёрно-белое различие, мудрецы и учёные, или есть оттенки серого? Когда меня осеняет удачная мысль, я — мудрец?

— Вы приобщаетесь к мудрости, или магии, или как вы это называете по-английски.

— Сколько сейчас магов? Вы и Енох — два. Возможно, Исаак.

— Представления не имею.

Тут Соломона отвлёк какой-то звук на лестнице. Они с Даниелем посмотрели в ту сторону, ожидая увидеть казака с золотом, но это оказался Сатурн. Он тихо шагнул к ним. Даниель не знал, сколько Сатурн пробыл в крипте и что из их разговора слышал.

— Вы закончили подсчёты? — робко спросил тот.

— Они были несложные, — отвечал Даниель. — Почему вы спрашиваете? Мы нужны?

— Господин Романов спешит.

— Вот как? Куда это он вдруг надумал?

— Мы услышали, что в Хокли собирается народ, — объяснил Питер Хокстон. — Царь спросил, что там. Я имел неосторожность ответить, что скорее всего будут травить собаками привязанного быка. Царь изъявил горячее желание увидеть потеху.

— И кто мы такие, чтобы его задерживать?

Хокли-в-яме, таверна позже

— Два светоча науки и еврей заходят в бар… — начал Сатурн.

— Простите?

— Не важно.

— Большинство назвало бы меня просто натурфилософом, а не светочем науки, — поправил его Даниель и кивком указал через стол на Лейбница. — Вот он — светоч.

— Да, — согласился Сатурн, — и он тоже.

И кивнул на дверь в таверну.

Даниель поднял голову и увидел, что к ним входит сэр Исаак Ньютон.

Когда закончилась бычья травля (бык проиграл), Пётр выразил желание угостить всех выпивкой и попросил Сатурна порекомендовать таверну. Туда все и прошествовали.

Даниель как-то давно заметил, что таверны делятся на две категории: одни внутри оказываются гораздо меньше, чем выглядели снаружи, другие — гораздо больше. Таверна, в которую они вошли, относилась ко второй категории,

что было хорошо по нескольким причинам. Во-первых, даже без казаков, карликов и прочего сопровождения свита Петра насчитывала двенадцать человек. Во-вторых, двое — сам Пётр и Сатурн — были огромного роста. В-третьих, за то время, пока Исаак шёл от двери к столу, Даниель успел хоть немного очухаться.

Они с Сатурном сидели рядом, лицом к окну и входной двери, Лейбниц и царь — напротив.

— С чего он вдруг сюда заявился? — спросил Даниель.

— Пока мы были в Клеркенуэлл-корте, царь за ним послал, — объяснил Сатурн. — В свой прошлый приезд, несколько лет назад, он был у сэра Исаака на Монетном дворе и остался очень доволен. Сегодня, увидев наши станки для обработки золота, он вспомнил про тот визит и захотел возобновить знакомство с занятным малым, который показывал ему Монетный двор.

Пётр встал и повернулся к двери, так что всем остальным тоже пришлось встать. Самый миг встречи между сэром Исааком Ньютоном и бароном фон Лейбницем прошёл для Даниеля незамечено: от расстройства кровь на какое-то время перестала поступать ему в мозг. Он не упал, и глаза его оставались открытыми, но в голове

на полминуты наступило полное умственное затмение.

Когда он пришёл в себя, Сатурн легонько тянул его за рукав. Даниель огляделся и увидел, что стоит он один. Царь пересел на их сторону, чтобы освободить место для Исаака. Даниель втиснулся худым задом между двумя тёзками: Питером Хокстоном и Петром Великим, самыми крупными людьми в помещении. Лейбниц и Ньютон сидели бок о бок — большую неловкость трудно было измыслить. Против света Даниель видел только силуэты их париков, но не различал лиц, что, вероятно, следовало считать подарком судьбы.

Пётр Великий через Кикина обратился к Ньютону:

— Я сегодня о вас думал.

— Весьма польщён, ваше царское величество. Позвольте спросить, в какой связи?

Силуэт Ньютоновой головы слегка наклонился к Лейбницу. Исаак предполагал, что встреча как-то связана с анализом бесконечно малых; вообразите же его изумление при ответе Петра:

— Золото! Я прекрасно помню день, когда вы провели меня по Монетному двору и объяснили, как золото со всех концов мира течёт в Тауэр, чтобы стать гинеями. Сегодня я принял в этом

участие: доставил *обычное* золото из России в ваш банк, а *тяжёлое* золото с «Минервы» — в казнохранилище доктора Уотерхауза неподалеку отсюда.

Долго молчал Ньютон. Даниель чувствовал (хотя и не мог видеть), как Исаак на него смотрит. Лицо горело, словно от жара Исаакова гнева, и Даниель гадал, способны ли ещё его старческие щёки зарумяниться от стыда.

Ну и наплевать! Ему глубоко безразлично Соломоново золото. Ради Лейбница, чьё имя Ньютон ежедневно смешивал с грязью, и ради того, чтобы продолжить работу над логической машиной, Даниель выступил посредником в сделке по обмену «Соломонова» золота на обычное — сделке, которая, негаданно, всё-таки осуществилась несколько часов назад. «Минерва» наконец избавлена от своего проклятого груза. Джек Шафто, видимо, избежит наказания за чеканку фальшивых монет. Золото в гробнице тамплиеров, формально под надзором Роджера, фактически в полном распоряжении Даниеля. Он шёл к этому много месяцев и сейчас с полным правом мог бы обмывать успех. Единственная загвоздка — Ньютоново отношение к алхимии, но Даниель с годами научился спокойнее воспринимать

странности и опасные причуды своих друзей, а то и просто закрывать на них глаза, поэтому не очень задумывался об этой стороне дела.

Все карты спутало появление господина Когана. Скорее всего он безумец, хотя нет сомнений, что он знает про Соломоново золото и твёрдо намерен перевезти его всё, до последней унции, к себе в Санкт-Петербург. Чушь алхимия или не чушь, некоторые в неё верят; среди них попадаются люди влиятельные и даже опасные. Верить в то, что тяжёлое золото пропитано божественной квинтэссенцией, Даниелю, возможно, и не следовало, однако если бы он действовал осмотрительней, некоторых осложнений не возникло бы.

— Это весьма знаменательно, ваше царское величество, — сказал Исаак, — и проясняет многое, до сей поры остававшееся для меня загадкой.

Дверь таверны распахнулась. На пороге стоял человек огромного роста.

Всё потемнело. Даниель, в его лета и в его теперешнем волнении, решил, что причина — острое нарушение мозгового кровообращения, которое через несколько минут или часов завершится отёком мозга и смертью.

Однако, как выяснилось, дело было не в нём. Сатурн стремительно вскочил на ноги и, схватив

стол за край, рывком оторвал от пола. Стол — двенадцать футов в длину, сто фунтов толстых еловых досок — образовал щит между сидящими по дальнюю сторону и входной дверью. Но только на мгновение — затем, как мог бы предсказать Ньютон, тяготение возобладало, и стол рухнул ребром вниз. Сколько пальцев на ногах было сломано, оценить трудно, поскольку стол упал между двумя рядами сидящих друг против друга людей. Даниель, опустив взгляд, увидел дрожащее восьмифутовое древко, засевшее в столешнице. Оно вонзилось с такой силой, что острый стальной наконечник (ибо это было что-то вроде копья или гарпуна) пробил доску насквозь и вышел с другой стороны, образовав вигвам из щепок, сквозь который просвечивал блестящий металл. Вскочив (потому что все вскакивали), Даниель перегнулся через столешницу и был потрясен ужасным зрелищем пригвождённой к столу человеческой головы. В следующий миг он узнал парик Лейбница. Гарпун (теперь уже не оставалось сомнений, что это гарпун) пролетел между двумя умнейшими головами мира, ближе к Лейбницевой, и, зацепив край огромного старомодного парика, увлёк его за собой. Он вонзился бы прямо в грудь царю, если бы Сатурн

не догадался опрокинуть стол.

Вновь наступило неловкое молчание. Гарпунщик стоял в дверях, опустив плечи. Борода у него была почти такая же длинная, как у Соломона Когана. Одной руки недоставало; её заменял тяжёлый с виду протез.

— Это он! — вскричал господин Кикин. — Евгений-раскольник! Где мой телохранитель, когда он наконец понадобился?!

— Он вам не нужен, сударь, — отвечал Сатурн, перегибаясь через стол и берясь за гарпун, — ибо, как старожил Хокли-в-яме, я лично оскорблён тем, что в наших краях так неуважительно обошлись с гостем. — Он выдернул древко из стального наконечника, которому предстояло ещё долго оставаться в столешнице. — Теперь я считаю своим долгом насадить на эту палку голову Евгения-раскольника.

Сатурн шагнул к двери, и Евгений попятился, чтобы было где развернуться для драки, но тут на древко легла вторая ручища, ещё больше, чем у Сатурна. Царь, вырвав у Питера Хокстона палку, бросился на раскольника.

— Его царское величество ценит ваше похвальное рвение, — торопливо объяснял Кикин, — но это сугубо внутрироссийский конфликт, рас-

толковывать слишком долго, и он должен быть разрешён без постороннего вмешательства. Просим всех сесть и продолжить беседу.

Кикин выбежал на улицу вдогонку за царём, и дальнейшее скрыла толпа, мигом возникавшая в этих краях везде, где сходились быки с собаками или цари с раскольниками. Только благодаря огромному росту противников иногда удавалось различить взмах древка, мелькание цепа или брызги крови на фоне неба. За ходом сражения можно было следить лишь по зрителям, двигавшимся в странном согласии с бойцами. Как игрок в кегли выгибается всем телом, провожая глазами шар, словно может изменить его траекторию, так и зрители подавались вперёд, видя возможность нанести удар, сжимались и вскрикивали, когда он достигал цели.

Сатурн, после того, как царь разоружил его и сам бросился в драку, совершенно сник. Минуту-другую он не мог прийти в себя, потом, зачарованный общим чувством толпы, расправил плечи и двинулся к выходу, говоря:

— Очень славно было принимать тут царя инкогнито, но я мог бы догадаться, что о нём станет известно и чего-нибудь такое произойдёт.

За опрокинутым столом остались только Да-

ниель, Исаак, Лейбниц и (в углу, в сторонке от остальных) Соломон Коган.

— Не услышь я об этом от самого царя, — сказал Исаак Даниелю, — я бы не поверил: после всего, что между нами произошло…

— Всё, что произошло между мной и вами, меркнет по сравнению с интригами и происками вокруг проклятого золота. Мне самому плевать, куда оно попадёт. Несколько часов назад, когда мне думалось, что оно никому, кроме вас, не нужно и неизвестно, я бы охотно отдал его вам.

— И что же так сильно изменилось за последние несколько часов? — спросил потрясённый Исаак.

— Теперь на сене не просто собака, а лев. — Даниель кивнул на входную дверь, за которой по-прежнему шла драка. — Причём лев, значительно превосходящий умом не только других львов, но и большинство людей. Он затребовал Соломоново золото себе. Мне очень жаль.

Даниель задумался, надо ли представлять Соломона, и если да, то как, однако Исаак уже встал и направился к выходу. В дверях он разминулся с входящим человеком — не самым знатным из всех, кто когда-либо переступал этот порог (такая честь принадлежала Петру или, кто знает, Соло-

мону), но, безусловно, лучше всех одетым; всякий за тысячу ярдов узнал бы в нём придворного. Даниель из-за стола замахал рукой, чтобы привлечь внимание новоприбывшего. Тот подошёл со слегка ошалелым видом.

— Это был?..

— Исаак Ньютон? Да. Даниель Уотерхауз к вашим услугам.

— Нижайше прошу прощения, что нарушил вашу беседу, — сказал придворный, — говорят, будто в Лондон прибыло инкогнито весьма значительное лицо.

— Так и есть.

— Утверждают, что из Московии.

— Верно утверждают.

— Хозяйка дома тяжело больна. Я прибыл, чтобы от её имени приветствовать упомянутое лицо и совершить требуемые формальности.

Даниель кивнул на окно, за которым происходила драка.

— Как говорят у нас Бостоне, занимайте очередь.

— Найдите человека в собольей шапке, — сказал Лейбниц по-французски. — Это гофмейстер, вы сможете обо всём договориться с ним.

Придворный поклонился и вышел.

— Думаю, нет надобности пояснять, — начал Лейбниц, — что мой приезд сюда вызван чрезвычайными обстоятельствами, а не сознательными усилиями с моей стороны. Но раз уж я здесь, я хотел бы задержаться ненадолго и уладить дела с Ньютоном.

— Вынужден вас огорчить: вы избрали самое неудачное время, — отвечал Даниель. — История с золотом осложнила всё куда сильнее, нежели вы думаете.

Он боялся, что сейчас начнётся разговор об алхимии, но Лейбниц кивнул и сказал:

— Я знал одного человека в Лейпциге, который тоже очень живо интересовался этим золотом.

— Тяжёлое золото приобрело здесь огромное политическое значение. От него зависит, выдержит ли Ньютон испытание ковчега или нет.

Даниелю пришлось довольно долго объяснять про Джека-Монетчика, Болингброка и клуб.

В целом Лейбниц счёл услышанное хорошей новостью.

— Мне сдаётся, что все трудности разрешимы. Ежели сделка, которую вы заключили с Джеком-Монетчиком, состоится, Ньютон получит всё потребное для испытания ковчега; если нет, неужто так трудно изловить шайку монетчиков, коль

скоро за поимку возьмутся Ньютон, Уотерхауз и Лейбниц, тем более что два архипреступника — Эдуард де Жекс и Евгений-раскольник — убиты в потасовках?

Ибо было очевидно, что драка за окнами окончена, и если бы царь проиграл, они бы наверняка уже об этом услышали.

— Мне трудно поверить, Готфрид, что вам, в ваши лета и с вашим положением, хочется рыскать по лондонским трущобам, преследуя шайку негодяев.

— Ладно, сознаюсь, что это только предлог.

— А какова истинная причина?

— Я бы в последний раз попытался примириться с Ньютоном и разрешить спор о приоритете достойным образом.

— Куда более здравый и благородный мотив, — сказал Даниель. — Теперь позвольте объяснить, почему ничего не выйдет и почему вам лучше просто отправиться домой.

И он, почти вопреки собственной воле, рассказал, что Ньютон хочет получить Соломоново золото не только из практической надобности выдержать испытание ковчега, но главным образом из стремления обрести философский камень и философскую ртуть.

Безуспешно. Лейбниц только укрепился в своём желании не уезжать из Лондона.

— Если верно то, что вы говорите, значит, корень проблемы в философском заблуждении Ньютона. И я могу не объяснять, что то же заблуждение лежит в основе других наших споров.

— Напротив, Готфрид, я думаю, что спор о приоритете — из разряда «кто, что, когда и кому сказал».

— Даниель, ведь правда, что Ньютон десятилетиями скрывал свои труды по анализу бесконечно малых?

Даниель нехотя кивнул. Он прекрасно помнил, что если в разговоре с Лейбницем принимаешь хоть одну логическую посылку, то через несколько мгновений на твоей ноге захлопывается сократический медвежий капкан.

— Кто основал *«Acta Eruditorum»*, Даниель?

— Вы и ваш знакомец. Послушайте, я признаю, что Ньютон склонен держать свои труды в тайне, а вы стремитесь свои публиковать.

— А кто скрывает свои труды, ограничивая их распространение узким кругом посвящённых?

— Эзотерическое братство.

— Иначе называемое?

— Алхимиками, — буркнул Даниель.

— То есть спор о приоритете не возник бы, если бы сэр Исаак Ньютон не был заражён алхимическим образом мыслей.

— Согласен, — вздохнул Даниель.

— Следовательно, это философский диспут. Даниель, я стар. Я не был в Лондоне с 1677 года. Какова вероятность, что я окажусь тут снова? А Ньютон, никогда не покидавший пределы Англии, ко мне не приедет. У меня не будет другого случая с ним встретиться. Я останусь в Лондоне инкогнито — никому нет надобности знать, что я здесь — и отыщу способ вовлечь Ньютона в философскую дискуссию. Я покажу ему выход из лабиринта, в котором он блуждает столько лет. Это лабиринт без крыши, из него ясно видны звёзды и Луна, которые Ньютон понимает лучше кого-либо на земле; но стоит ему опустить глаза к тому, что ближе, он теряется в тёмных змеящихся закоулках.

Даниель сдался.

— Коли так, считайте себя членом нашего клуба, — сказал он. — Я проголосую за вас. Кикин и Орни не посмеют отказать в приёме учёному, чьей головы недавно касался кулак Петра Великого. Ньютон голосовал бы против, но он некоторое время назад заключил сепаратный

мир с человеком, которого ловит клуб, так что вряд ли будет посещать заседания.

Евгений-раскольник лежал в ротерхитской пыли, как срубленное под корень дерево. Судя по всему, он дорого продал свою жизнь. Лицо его, обрамлённое сивыми волосами и бородой, было обращено к небу. Даниель предположил, что ему под шестьдесят. Будь он одних лет с царём (Пётр недавно шагнул в пятый десяток) и не однорукий, бой мог бы закончиться иначе, а так Даниелю оставалось трактовать поступок Евгения как эффектную форму самоубийства. Возможно, Евгений узнал, что золото покинуло «Минерву», и почему-то вбил себе в голову, что его срок на земле окончен.

— Странный был тип. Много лет верно служил Джеку, в последние годы действовал самостоятельно и пытался сжечь царские корабли в Ротерхите, хотя и помогал Джеку в нападении на Тауэр и захвате ковчега, — объяснил Лейбницу Даниель. — Великий был преступник, но всё равно горько видеть, что человек лежит вот так, брошенный.

Впрочем, тут он заметил приближающегося Сатурна с несколькими молодцами и пустой телегой.

Даниель, Лейбниц и Соломон Коган нагнали Петра и его свиту в Клеркенуэлл-корте, как раз когда те собирались обратно в Ротерхит. Даниель отправил с ними записку мистеру Орни, что поджигатель кораблей убит. Лейбниц поехал с царём. Соломон пообещал прибыть на верфь позже. В ближайшие несколько дней предполагалось закончить осмотр и набрать команду; дальше кораблям предстояло идти прямиком на войну со шведами в Балтийское море.

Царь и его свита уехали. Даниель, сам не зная почему, испытывал невероятный прилив энергии — такого с ним не было уже несколько недель. Может быть, это и делает царя царём: способность подтолкнуть окружающих, заставить их работать с полным напряжением сил. А может, вид мёртвого Евгения напомнил Даниелю (если тот ещё нуждался в напоминаниях), что дни его на земле не вечны. Или ему просто хотелось поскорее избавиться от Соломонова золота. Видимо, остальные работники Двора технологических искусств почувствовали что-то похожее; почти неделю они не казали туда носа из-за противостояния вигов и тори, а также безобразий, связанных с Висельным днём, а сегодня приходили один за другим, открывали заколоченные мастерские и

сдёргивали с механизмов чехлы от пыли. Вернулся Сатурн, отвезя тело Евгения в русскую церковь (где уж там он сумел её отыскать), и к заходу солнца работа уже кипела вовсю. Они прокатали, разрезали и взвесили больше золота, чем когда-либо за один день. Потом Даниель рекрутировал полдюжины ничем не занятых, но относительно трезвых могавков в качестве вооружённого сопровождения, и пластины повезли по берегу Флит в Брайдуэлл.

Когда в четверг прибыла «Минерва», с неё первым делом сгрузили бумажные карты, на которые Даниель в Институте технологических искусств Колонии Массачусетского залива более десяти лет наносил таблицы для логической машины. Их ещё раньше отправили в Брайдуэлл, где теперь имелось целых шесть картонабивочных органов.

— Ничего, ничего, — говорила разбуженная Ханна Спейтс, — наши девушки так и так привыкли работать по ночам.

И вот мастерская осветилась и ожила; Ханна и пять других девушек проворными пальчиками нажимали клавиши, а несколько пар рослых потаскух сменяли друг друга на мехах, поддерживая силы пивом из бочонка, за которым Сатурн

сходил в пивоварню на другую сторону Флитской канавы. Некоторые карты набили ещё до того, как прибыл живительный напиток, и много — после; впрочем, Даниель настоял, чтобы шесть набивщиц не пили. Всю партию пластин закончили к трём утра, и банкир Уильям Хам, вырванный из постели боевым отрядом могавков, взвесил карты и выбитые из них кружочки к вящему удовлетворению Соломона Когана. Еврей наблюдал за всем с пристальным любопытством, временами выказывая недовольство теми сторонами процесса, которые, на его взгляд, оставляли лазейку для воровства или мошенничества.

Теперь Даниель вручил ему мешочек из тончайшей лайковой кожи, размером не более грецкого ореха, но тяжёлый, как шарик ртути.

— Это крохотные диски, выбитые из карт органами, — объяснил Даниель.

Сатурн кивнул; он уже видел, как крупинки золота вынимают из машин и как Уильям Хам их взвешивает.

— Обычно мы отвозим их обратно и переливаем на материал для новых карт, — продолжил Даниель. — Сегодня я сделаю исключение и отдам их вам в память о вашем визите в Лондон и в знак моего уважения.

Соломон зажал мешочек ладонями и отвесил благодарственный поклон.

— Теперь, — сказал Даниель, — если вы готовы ещё некоторое время обойтись без сна, вы можете увидеть, как мы обеспечиваем сохранность карт до отправки в Санкт-Петербург.

Соломон ответил согласием. Сундучок с готовыми картами погрузили на телегу и покатили по улицам Лондона, совершенно пустым, если не считать золотарей. Ехали по Ладгейт, мимо собора святого Павла; Даниель рассказал, как в разгар Чумы проходил мимо старого собора, впоследствии уничтоженного Пожаром, и как обречённую церковь окружали валы недозахороненных тел. За кладбищем начался Чипсайд; дальше к востоку улица разделилась на три: Ломбард, Корнхилл и Треднидл, в начале которой и стояло здание Английского банка.

После короткого разговора с Уильямом Хамом ночной сторож пустил их внутрь и даже предложил Сатурну понести его ношу — сундучок с невероятно внушительными замками. Сатурн вежливо отказался. Уильям Хам отправил сторожа спать дальше. Все взяли по фонарю. Господа Коган, Уотерхауз, Хокстон и Хам, идя в собственном озерце света, быстро оставили поза-

ди часть здания, похожую на банк (отделанные помещения с мебелью и окнами), и спустились в подвалы.

Никакими усилиями мысли нельзя было себя убедить, что это обычный цокольный этаж. Земля под банком представляла собой пену из катакомб, частью новых, частью древних, но больше древних. Почти каждое помещение соединялось по меньшей мере с одним соседним, что позволяло двигаться сквозь пену без помощи лопат и пороха, если помнить общий план — самая задача для банкира. Мистер Хам постоянно менял направление, лишь изредка (что несколько успокаивало его спутников) замирал в нерешительности и всего один раз вынужден был повернуть назад. Всякий, хоть немного смыслящий в строительстве, с первого взгляда понял бы, что на протяжении веков тут возводили не одно здание, и не один архитектор просиживал ночи без сна, тревожась, выдержит ли пена их вес. Материальным следствием этих тревог стали различные своды, арки, балки, сваи, опоры и стены бутовой кладки, выраставшие в свете фонарей и заставлявшие мистера Хама круто поворачивать вбок, а то и в противоположную сторону. Укреплённые туннели и сводчатые ко-

ридоры, которыми вёл своих спутников Уильям, свидетельствовали, что другие архитекторы сочли древние фундаменты достаточно прочными, чтобы не упасть, если их тщательным образом не заминируют.

— Вот такие-то подземные ходы и снятся в страшным снах людям, положившим свои деньги в банк, — задумчиво произнёс Сатурн, когда они с Даниелем на несколько поворотов отстали от мистера Хама и господина Когана. Тем не менее, когда отряд вновь воссоединился, стало видно, что лицо у мистера Хама немного обиженное. Он показывал готическую арку, закрытую новой железной решёткой. Пирамидальные лучи света от фонарей, бьющие между прутьями, косо ложились на ящики, в щели которых проблескивало золото и серебро.

— Как видите, исходная сложность подвалов уступает место продуманному плану переустройства, — сказал мистер Хам. — Некоторые найденные помещения мы полностью засыпали, другие укрепили.

Дальше мистер Хам сделал большой крюк, чтобы зримыми или изустными примерами подтвердить это и прочие утверждения. Даниель уже давно потерял счёт поворотам; выйти

отсюда самостоятельно для него было так же невозможно, как на пальцах подвести баланс Английского банка. Однако он чувствовал, что в целом они спускаются. Стало сырее и прохладнее, архитектура изменилась. Дерева было меньше; подгнившие деревянные конструкции заменила свежая каменная кладка. Прошли через готический слой в романский, возможно даже римский; трудно было говорить о временных рубежах, поскольку ничто не менялось тут добрых полтысячи лет после ухода римлян. Сырость ощущалась повсюду, хотя собственно стоячей воды было мало. Очевидно, строители нашли способ отвести грунтовые воды — вероятно, в Уолбрук, местную речку, знаменитую тем, что на каком-то историческом этапе после падения Рима она исчезла с лица земли.

Наконец впереди показалась окованная дверь; Уильям Хам отпер её ключом, таким большим, что им при необходимости можно было бы отбиваться от грабителей. Для подземного казнохранилища помещение выглядело слишком просторным, для приходской церкви — тесноватым. Как в церкви, имелся центральный проход, служивший одновременно сточной канавой. Ручеек грунтовой воды в два пальца толщиной

змеился по трещинам между каменными плитами. По обе стороны от центрального прохода возвышались платформы, тоже вымощенные камнем; на них громоздились ящики, сундуки и мешки с деньгами. Уильям Хам провёл спутников в дальний конец, где платформы заканчивались и начиналось большое открытое пространство, а ручеек утекал через дырку в полу. По указанию банкира Сатурн поставил сундучок на край платформы, где как раз было свободное место. Соломон этого не видел, потому что осматривал помещение.

Он сдвинул мешок с деньгами, освобождая место на платформе, плюнул туда и растёр слюну большим пальцем. Под патиной въевшейся пыли в свете Даниелева фонаря проступило несколько кусочков цветного камня. Мозаика.

— Римская? — догадался Даниель.

Соломон кивнул.

— Надеюсь, я убедительно доказал, что здесь золото будет в полной сохранности, — обратился Уильям Хам к Соломону, когда тот подошёл к остальным. Однако Соломон смотрел в пол.

— Пожалуйста, дайте мне ваш ключ, — сказал он, протягивая руку.

Уильяму Хаму просьба не понравилась, но он

не видел причин в ней отказывать, поэтому вложил ключ в ладонь Соломона.

Еврей сел на корточки, ощупал пол кончиками пальцев и вставил головку ключа (похожую на богато украшенный мастерок) в дренажное отверстие. Он пошерудил в дыре, и в полу внезапно открылась полукруглая щель. Сатурн шагнул вперёд.

— Осторожно! Там колодец, — предупредил Соломон.

— Откуда вы знаете?

— Это храм Митры, выстроенный римскими воинами, — объяснил Соломон, — а в них всегда был колодец.

Сатурн запустил руку в щель и потянул. От пола отделился диск диаметром около двух футов, сколоченный из досок сравнительно недавно. Когда в дыру опустили фонарь, стало видно, что это колодец, облицованный камнем до уровня воды, которая стояла примерно в трёх саженях ниже пола.

— Ваши рабочие нашли колодец и закрыли его, — сказал Соломон, — но больше ради собственной безопасности, чем ради охраны банка. Я готов поспорить на все хранящиеся у вас ценности, что смогу покинуть здание и через полчаса

встретиться с вами на улице, не пройдя ни через одну из дверей вашего заведения.

— Я не принял бы пари, даже если был бы вправе спорить на деньги банка, — ответил Уильям Хам, — поскольку не хуже вашего чувствую, что из колодца сквозит.

— О да, там есть боковой ход! — крикнул Сатурн, который лежал на животе, свесив голову вниз. — Примерно на середине высоты! И меня подмывает взять у рабочих лестницу, чтобы узнать, куда он ведёт!

Предложение было рискованным, но никто не устоял. Лестниц вокруг было предостаточно. Одну из них спустили в колодец и упёрли в пол бокового туннеля, обнаруженного Сатурном. Тот слез первым и объявил, что каменщики храма Митры потрудились на совесть.

— Ещё бы! — отвечал Соломон, — ведь Митра был богом договоров.

— Договоров?! — изумлённо переспросил Уильям Хам.

— Да, — сказал Соломон. — Поэтому хорошо, что вы построили свой банк над его храмом.

— Ни в одном известном мне пантеоне Митра не фигурировал.

— Он не олимпийское божество. Греки заим-

ствовали его у персов, а те, в свою очередь, у индусов. От греков его культ перешёл к римлянам и стал особенно популярен к сотому году от Рождества Христова, как сказали бы вы, или, как сказал бы я, через несколько лет после разрушения Соломонова храма. Особенно среди воинов, например, тех, что стояли в Лондинии по берегам Уолбрука.

Говоря, Соломон спускался по лестнице.

— Неужели вы туда полезете?

— Мистер Хам, царь поручил мне проверить надёжность банка, и я её проверю, — отвечал Соломон.

Даниель спустился вслед за Соломоном. Теперь все трое сидели на корточках в сводчатом туннеле, который полого спускался к колодцу и, видимо, тоже служил для стока воды. Уильяма Хама оставили в храме Митры с наказом бежать за помощью, если исследователи не вернутся. Немного продвинувшись по туннелю, они обнаружили свободное пространство над головой и каменные ступени, ведущие вправо и вниз, к воде. Ручей футов восьми в ширину медленно тёк в темноте между рядами свай и фундаментов, на которых, как можно было только догадываться, стояли соседние дома. В дождливую погоду иссле-

дователям скорее всего пришлось бы повернуть назад, но сейчас, в третий день августа, вода, если держаться края речушки, едва доходила им до щиколоток. Все трое двинулись вниз по течению, освещая фонарём фундаменты и гадая, каким домам они принадлежат.

— Во время Чумы, — сказал Даниель, — мой дядя Томас Хам, отец Уильяма, расширял подвал своей златокузнечной лавки, находившейся отсюда не дальше, чем на вержение камня. Он нашёл римскую мозаику, а также несколько языческих монет и вещиц. Одной из них моя жена в Бостоне закалывает себе волосы.

— Что изображала мозаика? — спросил Соломон.

— Некоторые фигуры напоминали Меркурия. Мистер Хам назвал помещение храмом Меркурия и счёл находку добрым знаком. Впрочем, другие изображения скорее сулили недоброе…

— Вороны?

— Да! Откуда вы знаете?

— Коракс, ворон, был у персов вестником богов…

— Как Меркурий у римлян.

— Совершенно верно. Митраисты верили, что душа, спускаясь из сферы недвижных звёзд,

чтобы воплотиться на земле, пересекает все планетарные сферы, последовательно испытывая их влияние. Проходя через сферу Венеры, душа становится сладострастной и так далее. Последней была сфера Меркурия или Коракса. Считалось, что когда душа готовится к смерти и возвращению в сферу недвижных звёзд, она должна проделать обратный путь, последовательно сбрасывая путы Меркурия-Коракса, Венеры и других планет вплоть до…

— Сатурна? — спросил Сатурн.

— Да.

— Мне лестно, что я ближе всех к недвижным звёздам, и мой порок — наименее из всех приземлённый.

— Соответственно, у митраистов было семь рангов, и для каждого — отдельный зал, всегда подземный. Подвал вашего дяди — покой Меркурия-Коракса, куда вводили новоначальных. Позже им предстояло пройти через врата или туннель в следующий зал, украшенный изображениями Венеры, и так далее.

— И кому же посвящено большое помещение под Банком?

— Вам приятно будет узнать, что это зал Сатурна, для посвящённых самого высокого ранга, —

отвечал Соломон.

— То-то мне было там так уютно!

— Если мы и правда идём под златокузнечной лавкой Хама, — продолжал Соломон, — то проходим иерархию в обратном порядке, как души, покидающие небесную сферу, чтобы воплотиться на земле.

— Забавно, — сказал Даниель, — ибо я только что увидел имя старого друга, который порадовался бы, узнав, какое место в иерархии занимает его творение.

Они стояли перед относительно новой кладкой. Древний фундамент здесь заменили массивными каменными блоками, способными выдержать вес здания, так что получилась сплошная стена. Только в одном месте между блоками оставили небольшое квадратное отверстие для отвода воды из соседнего погреба. Перемычку над водостоком образовывала длинная плита, и на ней округлым классическим шрифтом было выбито:

КРИСТОФЕР РЕН A.D. 1672

— Это церковь святого Стефана Уолбрукского, — сказал Даниель.

— Лучшего места, чтобы родиться в мир, не сыскать, — задумчиво произнёс Сатурн.

Они с трудом протиснулись в водосток и оказались в церковном склепе. Сверху гудел колокол. «Мрачное рождение», — заметил Даниель. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться; затем он повёл Сатурна и Соломона по лестнице в помещение с задней стороны церкви. Они удивились, увидев за окнами дневной свет, но куда сильнее удивилась им жена викария. Глаза у женщины были красны от слёз, крики ужаса звучали приглушённо, а все её попытки выгнать из церкви перемазанных грязью пришельцев закончились ничем. Службы не было, однако на удивление много людей пришло в церковь просто посидеть и помолиться в тишине.

Даниель, Сатурн и Соломон выбрались в серый утренний полусвет. По Уолбрук-стрит в сторону Темзы брёл человек, звонил в колокольчик и кричал: «Королева умерла, да здравствует король!»